

Annotation

«Золотая лихорадка» – третья часть широкоизвестного романа Н. Задорнова «Амур-батюшка», в котором повествуется об освоении русскими переселенцами Приамурья. Во второй половине прошлого века с берегов Камы двинулись гонимые нуждой крестьяне через Сибирь, Забайкалье на Дальний Восток.

В борьбе с трудностями, лишениями выковывались сильные характеры. Читатель в этой книге снова встретится с любимыми героями, узнает об их судьбах и ясно представит картину преобразования сегодняшнего Приамурья.

- [Задорнов Николай Павлович](#)

- [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)

- [ГЛАВА 1](#)
    - [ГЛАВА 2](#)
    - [ГЛАВА 3](#)
    - [ГЛАВА 4](#)
    - [ГЛАВА 5](#)
    - [ГЛАВА 6](#)
    - [ГЛАВА 7](#)
    - [ГЛАВА 8](#)
    - [ГЛАВА 9](#)
    - [ГЛАВА 10](#)
    - [ГЛАВА 11](#)
    - [ГЛАВА 12](#)
    - [ГЛАВА 13](#)
    - [ГЛАВА 14](#)
    - [ГЛАВА 15](#)
    - [ГЛАВА 16](#)
    - [ГЛАВА 17](#)
    - [ГЛАВА 18](#)
    - [ГЛАВА 19](#)
    - [ГЛАВА 20](#)

- [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)

- [ГЛАВА 1](#)

- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ГЛАВА 15](#)
- [ГЛАВА 16](#)
- [ГЛАВА 17](#)
- [ГЛАВА 18](#)
- [ГЛАВА 19](#)
- [ГЛАВА 20](#)
- [ГЛАВА 21](#)
- [ГЛАВА 22](#)
- [ГЛАВА 23](#)
- [ГЛАВА 24](#)
- [ГЛАВА 25](#)
- [ГЛАВА 26](#)
- [ГЛАВА 27](#)

- [notes](#)

- [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
-

Задорнов Николай Павлович
Золотая лихорадка

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ВРЕМЯ ТЬМЫ

ГЛАВА 1

Егор проводил экспедицию ученого Максимова от деревни Уральской, с Амура, за хребты и теперь возвращался домой. Сегодня солнце большое и яркое, словно Егор подобрался к нему поближе. Лес вокруг холодный, еловый. Солнце жаркое, а прохладно.

Открылось озеро. Вокруг лес и горы, как шапки. А Егор знает, что горы тут должны быть высокие, он видел их издали. Глядя на них, брел по болотам и протокам на бате – долбленной лодке. А здесь они кажутся маленькими. Значит, это их вершины. Озеро не под облаками ли?

Подумалось, что в таких местах надо селиться сектантам, отшельникам. Покой и тишина. Крикнешь – как выстрел раздастся. Кажется, что вся природа здесь, как настороженная оленушка.

Егор поднял ружье и выстрелил дробью по стайке пролетавших уток. Все озеро, казалось, вздрогнуло, как испуганное. Утка свалилась вблизи. Через миг упала другая, немного пролетела подбитая.

Место чистое и глухое. Из озера вытекает широкая речка. У ее истока Егор разжег костер, ощипал уток и стал варить похлебку. Подумал, что это, наверно, и есть речка Ух. «Только Улугушка почему-то не сказал, что Ух вытекает из озера. Разве он в вершину никогда не добирался? Быть этого не может. Хитрый Улугушка! Моет золото. Нашел местечко!» – вспомнил Кузнецов своего приятеля из соседней деревни.

Улугушка не согласился проводничать. Пришлось идти Егору. Улугу советовал ему возвращаться по речке Ух, хвалил, что там безопасно, ночевать можно спокойно.

– Никто не застрелит с берега из-за лесины. Никого там нет, – говорил он, – некому грабить и воровать. Тебе будет хорошо. Возьми с собой лоток. Когда я там бывал, я еще не знал, какое золото, как его мыть, простого лотка сделать не умел. А ты попробуй, может быть, там есть...

У Егора с собой лоток.

Вчера с трудом тащил Егор свою лодку, купленную Максимовым для него у тунгусов. Волочил ее через низкую седловину там, где переволок через водораздел. Подложил под нее полозья и впрягся в

лямки. Перейдя перевал, почувствовал, что заблудился. Стал искать какой-нибудь ключ. Куда вода потечет – там и дорога. Вода обязательно выведет. Любого человека. Заблудился – ищи текущую воду.

И побрел Егор в рыжих, измытых ичихах, шлепая по воде и грязи, тянул лодку по мелководью.

Увидел, что из-под дернины выбегала слабая струйка, перебивая лужицу, глубокую и чистую. На дне ее, как чудо, – лежала галька, несколько кругляшей. Вокруг росли мелкие, но густые деревья, опутанные подлеском и кустарником, и было сумрачно, тесно и как-то грустно. Только в ключевой водиче светло, как в солнечном небе. Один камешек как золотой самородок, чуть щербатый, но изрядно обкатанный.

Егор давно хотел пить. Он нагнулся к ключу, встал на ладони, упершись ими в траву по обе стороны лужи. Слышно стало, как журчит вода. Как перышко, невидимое в воде, течение оставляло след на ее поверхности. Рождался родник. Вот она – вода и верная дорога. Не хотелось Егору запускать свою огромную лапищу в родник, из которого он только что испил. Бог с ним! Неизвестно, что за камень: пусть лежит, тут ему и место. Вода дороже.

Он вспомнил, какие страшные засухи бывали на старых местах. Из низовьев Волги люди приходили на Каму с мешками, говорили, что бросили дома и хозяйство и что соседи их умирают от голода. От недорода народ мер повально. Почему люди держатся за старые места? Надо уходить оттуда, пусть помещики спохватятся и не утесняют крестьянство.

Здесь не знают, что такое засуха. Само слово, наверно, скоро забудется.

Егор тащил вчера лодку по траве и по камням, откидывая ногой белые валегеги как раскиданные кости – сушняк мертвых кустарников и деревьев. На горном высоком и холодном лугу трава, как большие листья. Вспомнил дом, своих выросших детей, как тянет их город, как стреляют они зверей новыми ружьями, крыши кроют белым железом. А Егор тянет лямки, волочит лодку. Начальник экспедиции Максимов говорил, что памятник поставят человеку с лямкой, который открывал новые земли. Были бы дети счастливы! Если их американское железо и

ружья не разбалуют, то пусть живут, как им хочется, по-своему. А я как привык.

Магазинное ружье у Егора с собой. Он новинок не чурается. Сыновья прочли в газете, что собираются строить через Сибирь железную дорогу. Купцы станут закупать больше рыбы – кеты...

Ключ слился сразу с двумя другими, ушел под сваленный ветром кедр.

Егор притомился. Надо лодку перетаскивать через чащу, валега мешает, поперек ключа лежит. Не пробить бы долбленную легкую лодку обколотыми, острыми, как кинжалы, обломками сучьев. Такое острие скрыться может и в охапке больших ветвей, мохнатых и мягких. Мошка вьется тучей, вокруг сыро. Егор решил найти место посуше, зажечь костер, поставить накомарник и ночевать. Сначала перетащил лодку. Солнце светило низко, как зимой, и вскоре ушло в шапки кедров.

Утром ключ превратился в речушку. Егор спустил лодку и впервые уселся в нее. Открылась марь. Речка шла по ней петляя. Кругом ржавчина, мертвые маленькие деревья и живые деревья, как темные кресты. Речка становилась шире.

Пошел дождь. Закрылась марь. Даже думать ни о чем не хотелось. Нельзя пристать к мокрому берегу в кочажниках. Нет сухого места.

«Кто поверит потом, что мы по всему Амуру сеяли хлеб и собирали хорошие урожаи, если дети со временем бросят пашни?» – думал Егор еще сегодня утром.

Когда речка вынесла его лодку к озеру, показалось Егору, что течение не спустило ее, а подняло, как на водяной бугор, такой светлой, большой и веселой была озерная вода. Солнце взошло, края озера – в тени.

«Река мне путь укажет!» – сказал себе Егор.

Он не стал брать пробы песков. Радуюсь, что попал на большую дорогу, похлебал варево из рубленой утки, побродил немного по берегу. Сложил пожитки, шагнул в лодку и оттолкнулся большим шестом. Долбленный бат вместе с озерной водой ринулся в речку и понесся с ее водами. «Теперь уж скоро попаду домой!» – подумал Егор.

Начали подыматься голые ободранные деревья, толстые и высокие, как остатки разрушенных домов или соборов, словно их кто-

то нарочно расставил по мелколесью. Река зашумела на перекатах. Стоял тут когда-то другой, сильный лес и вымер.

Долго еще не исчезали мертвые великаны за ивняками. Наконец на крутом повороте реки потонули в тайге. Впереди появился черный палец с когтем. Коготь величиной с большое дерево. Лодка дошла до него, резко повернулась, понеслась под крутой каменной стеной. Вдруг лодку тряхнуло, а стена как треснула, открылась в ней расселина, и оттуда между двух каменных стен ворвался и хлынул в речку другой поток, весь в пене, наплывами расходилось его буйное течение по реке. Она взбудоражилась, а за поворотом, где кончился перебой, разведенный двумя сшибающимися течениями, понеслась еще стремительней. В лесу стал виден камень, кекур, как страшилище, похожее на бабу о двух головах. Дальше скалы, как каменные перья, мелкий и крупный лес подошел к ним и кое-где молодь завелась на их расселинах.

По левому берегу – пески, протоки, излучины, луга, острова, опять пески и нет никого – ни куликов, ни уток. И снова голые холмы песка, кое-где в ложбинах – ерничек. Баба с двумя головами угрожающе мчится навстречу и, как помело, под мышкой держит навалившуюся лиственницу, желтую, как метла, с иссохшими, поднятыми ветром корнями.

Егор повернул лодку, загнал ее между песчаных кос, выпрыгнул. «Тут перебу?тор, спор речек!» – сказал он себе.

Вытащил лоток и пошел по берегу, загребая песок и тут же подставляя лоток под струю.

Он оглянулся на бабу о двух головах со столетней лесиной вместо метлы. «Место заметное!»

Егор разулся, босой пошел по воде. Садился на корточки, вставал, греб песок из ложа реки, опять приседал, греб из намыва, из обрыва, с косы, копал лопаткой.

Попался самородочек размером в сустав пальца. Еще попался кусок породы, весь в мелких зернах золота. И другой – побольше. Как несколько колец мятых – словно тек плавленный металл и охватил камень. Видимо, где-то в горах, поблизости, была богатая руда.

Егор оставил лоток, ружье надел на плечо, огляделся: «Сухарей мало. Надо хорошую рыбину поймать, сварить уху. И ружья нельзя оставлять. Береженого бог бережет! – решил он. – А золото не уйдет.

Только что это за река? Если это речка Ух, то меня вынесет в заливное озеро. Сюда можно будет вернуться нынешней осенью.

Здесь еще в июне лежат снега на вершинах гор, только сейчас они растаяли, где ни ступишь на берег – вода хлюпает под ичигами. На песке, на отмелях сухо. Днем тут жарко. Наверно, сыро, мозгляво ночью.

Но разве Ух такая большая река? Или Улугушка сам толком не знает?

Стали попадаться плавучие лесины. Затопленные лесины торчат из воды. Кругом все несется, иногда река шумит в крутом падении на мелях и расширяется, по виду не поймешь, плывут лесины или, утопленные, стоймя стоят на месте, и течение водит их и трясет ветви.

Пришло Егору в голову, что отсюда еще и не выберешься, кости тут сгниют... Может, это та река, про которую толкуют шаманы? Они твердят, есть, мол, река, идет в горах мимо окаменевших людей, мимо хозяина тайги о двух головах и потом вся падает в трещину в земле и уходит в подземный мир.

Егора мороз подрал по коже. «Этого быть не может, сказка! Максимов бы знал... Хотя говорят, бывают такие реки, что уходят под землю. Но это не у нас!»

Раздался хлопок в чаще, и над ухом Егора словно хлестнули длинным кнутом по воздуху.

Егор пригнулся, налег несколько раз на весло, огибая ходившую вверх и вниз ветвистую лесину с нанесенной травой, похожей на огромную копну сена, которая время от времени подпрыгивала на воде.

Зайдя за нее, Егор ухватился рукой за ветвь, закрепил лодку и притих. Он спокоен, словно не пуля, а утка пролетела у него над головой. Он приготовил ружье. Тому, кто стрелял с берега, сейчас не должно быть видно лодку.

Егор, не задумываясь, сшиб бы сейчас этого охотника на горбачей. Он даже в душе как бы обрадовался, что имеет право стрелять в человека. «Хотя бы еще раз стрелил, я бы шибанул по дымку. Теперь меня достать трудно из старой кремневки, а я ему дошло пулю!»

Никто не стрелял.

Егор тщательно разглядывал дальний берег. Прикинул, где шла лодка, когда раздался выстрел, откуда бы удобней стрелять. «Вон

славное местечко: выдался мысок, заросший чащей, на нем старая ель, полулегла, ветвями коснулась земли. Удобно залечь и ждать, если лодка идет мимо! Как только он промахнулся!»

Егору показалось, что на еловом стволе что-то лежит. Он стал целиться и так напрягся, что и ель и человек на ней стали двоиться. Егор понял, что устал и волнуется. Он опустил ружье и тут же вскинул его и выстрелил по упавшей елке. Со ствола поднялся человек и ушел в чащу. Егор послал вдогонку еще одну пулю. С берега не отвечали.

Егор знал старый закон: одному по тайге ходить нельзя, да еще неизвестными местами. Но ведь это не тропа, а речка.

Про речку Ух Егор слышал не раз и прежде. Он надеялся, что в обратный путь с ним пойдут через перевал тунгусы и покажут исток. Но дожди закрыли перевал, и тунгусы почему-то идти наотрез отказались. Максимов поблагодарил Егора за труды и повел экспедицию свою дальше.

Егору приходилось либо ждать, когда соберутся тунгусы, либо идти одному. Егор не любил ждать или сидеть без дела. Он надеялся на себя. Случая не было, чтобы он не нашелся. Теперь, когда опасность миновала, стало страшно.

«А что-то не похоже на речку Ух!» – подумал он. – Про такие места никто никогда ему не говорил. Конечно, под сопку река не скатится, об этом не может быть и речи. Но чего уж хуже! Вот бы он влепил мне пулю! А говорят, мол, непроходимая тайга, безлюдный край! Нет, край не безлюдный! Только паспортов жителям не дают, и люди не записаны. Вот, примерно, кто он? С ружьем человек. Лодка где-то у него спрятана. Теперь он станет следить за мной!

Егор развязал платок с золотом. Ему хотелось увериться. Станный самородок! Слово текло горячее, расплавленное золото и залило крепкий камень.

Течение стало тише. «Может, Амур близко? К вечеру, может, доберусь? Тут не из тамбовских ли кто бродяжит?»

Вода спадала. После летней «коренной» прибыли сильно обнажились еще недавно скрытые под водой пески.

«Может, я уже на какой-нибудь из амурских протоков? Нет, вода черная, прозрачная – горная. Это не Амур. Вон опять подвигаются, выползают из-за леса горы. Может быть, это дальний берег Амура? Нет, слишком быстро подходят, подползают. Слишком близки! Обогну

эти сопки, и, наверное, там озеро... Никакого Амура здесь нет, будет озеро!»

Егор удивлялся, почему не видно птиц, нет на песках крестиков от их лапок и нет звериных следов.

От больших гор вперед побежали малые сопочки в горелом лесу, страшноватые своей щетинистой горелой чернью. Одна сопка остановилась у реки, оборвалась и навалила по обрыву груды обгорелых деревьев. Из-под завала белого наносника и горелого леса ушла вода, он стоял на мели. Егор обогнул завал по кривулине – протоке.

Он начинал уставать от напряжения и неизвестности. Егор знал за собой умение терпеть, был скроен крепко, рожден здоровой матерью и вырос в здоровом труде, не зная увечий, испугов, то выдерживал, что других тяготило, мучило, гневало. Без сетований и жалоб на судьбу проплыл три тысячи верст на плоту в памятное первое лето на Дальнем Востоке, как теперь стали называть здешние края. Плыл и не скулил. Люди замечали выносливость Егора и не завидовали, радуясь, что среди них был надежный человек.

Теперь приходили в голову неприятные мысли. «Все это может вмиг закончиться впустую, пропадешь ни за грош, ни за копейку. Почему конца реки нет? Говорили, что вниз по реке два дня пути! А тут уж на исходе третий день. Река несет быстрее, чем обычные таежные речки. Куда идет эта река?» Егор не робкого десятка, но и его брала оторопь. «Но еще посмотрим... Ко мне морок не подступит!»

За свою жизнь Егор ни разу не видел ничего сверхъестественного и никогда ему ничего не чудилось. Только раз, когда болел, казалось, что руки стали большие, как неколотые поленья – долготье. Эго он сейчас вспомнил хорошо, какими тяжелыми ему казались свои руки.

«Текучая вода не подведет, куда-то вынесет, где есть люди! – твердил он себе. Закон таежников помнил крепко. – Нечистой силы не бывает! А может, несет меня в другую сторону, на Зею? Сколько же тогда я проброжу?»

Вспомнился дом, семья. И такие мелкие подробности, которые прежде не приходили в голову. Он не наточил топоры, исцербатился самый большой колун. Хотел рубить им дерево, а оно как железо... Вдруг искры ударили из-под топора. Егор очнулся и понял, что задремал, сидя в лодке, но не выпустил весла. Река убаюкивала его. Он

вспомнил, что в гольдовских сказках черт усыпляет охотника в тайге и шепчет на ухо.

Пристал к берегу и передохнул. Дальше река пошла не к солнцу, где было озеро Ух, а к северу.

«Экая петля! – думал Егор и все ждал, когда оборотится течение. – Куда же я?»

На первой же косе Егор вылез. В лоток попали шлихи и маленький значок, с булавочную головку. Егор не спешил, словно хотел показать кому-то, что не боится.

«Пусть нападают!» – подумал он.

Ружья он теперь не оставлял ни на миг.

Ночью не спалось. Зажег лучины на носу лодки. Убил острогой тайменя. На костре обжарил красные ломти тайменьего мяса.

Утром вылез из-под накомарника и подумал: «Чем все это кончится? Как бы то ни было, но дальше Амура унести не могло. Чего бояться! Не надо спешить! – решил Егор. – Утро хорошее, надо поплескаться».

Он полез по кустарникам туда, где шумела быстрина. Вода забежала в деревянный лоток и смыла муть, что набутарил рукой Егор. Он поднял лоток, отцедил и увидел, что на дне, в осадке, сверкнули два крупных и чистых значка. Он захватил в другой и в третий раз, но попались крупницы, потом попался самородок с горошину. Еще раз смыл, опять попался крупный самородок, как боб.

«Надо удержаться, – подумал Егор, – а то затянет!»

Добытое золото завернул в платок, закрутил его и засунул под туго затянутый пояс. Надвинул картуз, разгладил бороду, взял шест, оттолкнулся. Немного жаль было уезжать. «Да надо ехать, а то сдохнешь тут на золоте голодный!»

Вскоре послышался грохот переката. Река вынесла лодку на покрытую пеной площадь среди низкого частогокола отдаленных лесов, за которыми голубели бугры. Кое-где торчали камни и каменные гребни среди реки, вода билась в них, вышибая целые столбы брызг, все вокруг шумело и кипело.

Егор привалил к берегу. Надо было осмотреться.

Вода бежала по выбоинам в каменистом дне, которое видно со всеми трещинами в мохнатых водорослях. Русло реки, как огромный

каменный лоток с углублениями. Егор выгреб песок из одной выбоины. В лотке оказалась целая горсть золота.

«Сколько же его! – подумал он. – Не это ли Золотая Долина?»

О такой долине всегда шли разговоры, но Егор полагал, что это вранье, вроде «молочных рек».

В соседней выбоине под камнем Егор нашел гнездо золотых бобов, десяток, как будто кто отсчитал. Камень тяжелый. Егор царапнул его ногтем. Завиделся блеск. «Самородок!»

Замутилась голова, как у пьяного. «К добру ли?» – мелькнула мысль, но Егор, не веря прежде ни в какие предсказания и суеверия, и теперь старался отогнать беспокойные мысли. «Все к лучшему! – вспомнил он слова матери. – Человек должен со всем обойтись... Все людское!»

Надо было подумать, как спускаться дальше через видимые завалы леса на реке. Егор решил не спешить, чтобы потом не жалеть, что не взял золота.

В кедровом лесу прыгали белки, река ушла вторым руслом в сторону и там грохотала. Егор удачно выбрал правое ложе, пошел кривуном, где течение спокойней...

ГЛАВА 2

С подмытого обрыва недавно упала лиственница в реку и пляшет на упершихся в дно полусогнутых ветвях со свежей, не успевшей еще пожелтеть листвой. Егор пронесся под ее стволом, как в ворота.

Много деревьев падает в воду, лес валится с разбитых течением обрывов. Кажется, по воде расставлены зеленые невода и деревянные петли, идет охота на мужика, норовят изловить его вместе с лодкой.

Бат ходит под Егором, как живой. Приходится глядеть в оба. Мигни не вовремя – разобьет лодку, погибнет оружие и последний сухарь. Да на глубине и ухватиться не за что, кроме как за свою бороду!

Порох спрятан в кожаных мешочках – на тело, на случай, если лодку разобьет, – чтобы не замок и не потерялся.

«Такое богатство на меня свалилось! И я его не упустил. По всей речке не зря прошел. Не зря томлюсь!»

Какая-то стояла мгла в воздухе, словно собирается непогода. «Или пахнет дымом? Не горит ли лес?»

Началась мрачная марь. На ней виден мелкий мертвый лес, редкие деревья на кочажнике. Человек бежит по мари. «Это не человек, а маленькая иссохшая береза!» – говорил себе Егор.

Лодка быстро идет, поэтому кажется, что деревья бегут навстречу. Был кедр, сгорел от морозного ветра. Похож на старика. И руку поднял и кричит: «Стой!» Услыхал Егор. Но он знает, что это показалось. Людей тут нет.

«Боже мой, какое богатство я намыл! Может ли это быть? Я сюда приведу людей. Я этого места не скрою, – думает Егор, – тогда посмотрим, что будет...»

«Сто-ой!» – кричит старик и скрипит зубами.

«Теперь я погиб, – думает Егор. – Это камни так скрежещут, течение гонит их по дну, здоровые галечники ворочает, и они стучат и скрипят, будто бы кто-то окликает или стонет».

А люди все бегут по мари. Появилась женщина голая, волосы копной, руку подняла, и видно, как рука у нее постепенно сгибается.

«Хотя бы берег стоял повыше, не видеть бы страшилищ, каких тут ветры засушили».

Другая девка стоит в рост, не стесняется наготы, крупная, с пупком в два кружка.

Пронеслась и эта. Старуха бежит с лохматой головой, тоже раздетая. «Это все бескорье, старые лесины», – утешает себя Егор.

Завалов тут нет, шивера из воды не торчат. Кузнецов стал сильно налегать на весло. Река огибает марь. Теперь опять появились чудища, но бежали обратно. Девка повернулась задом, и волосы у нее распущены по спине. Бегут вперегонки черные люди, низкие, со страшно растопыренными руками. У некоторых по три руки, даже по четыре. И кажется, что все хотят что-то выхватить из воздуха.

Лодка пойдет быстрее – черные люди побегут быстрее. Лодка тише – и они тише. Кричат.

«Теперь от них никуда не денешься... Остановлюсь. Одну старую лесину срублю», – подумал Егор.

Он вышел. На берегу мелкая трава и кочки в воде. Виднелись старые бескорые деревья. «По кочажнику доберусь, обрублю им лапы». Но дальше он не пошел. Удивился, как ему могло прийти в голову, что надо срубить лесину.

«Места много – людей нет! – думает Егор, садясь в лодку. – А все говорят, что нас, русских, много. А нас – горсть. Конечно, начальство не велит расселяться, велит жить кучно, чтобы им за нами легче присматривать. Кажется, что людей много, когда всех на одно место сгоняют. В большом селе удобней смотреть за человеком. На старых местах народ содержат в гуртах, так способней налог брать. А на новых местах – строгость по старой привычке. Сколько золота! Когда-то откроют еще его? Кому оно пойдет? Не тому ли банкиру с перстнями? Начальство о своем удобстве беспокоится. Но я тоже не без головы. А эти прииски открою людям. В тайге кто-то ходит, скрываются тут неведомые, несчитанные люди без паспортов».

Скалы побежали, как испуганные лоси с ветвистыми рогами. Умчались стадами вверх. Да где же конец? Открылась большая пойма, вся в молодых кустах. Зарастали волнистые пески. Холмы белого песка, как белое белье, настиранное бабами и развешанное вокруг.

«А что, если вынесет меня на Охотское море, к китам и белухам, – думал Егор. – Там есть, говорят, такие места, что не пристанешь к берегу, кругом скалы и бьет в них прибой!»

На привале запалил костер. Береста сгорела, а дрова оказались какие-то нехорошие. Улугушка говорил, что есть добрые дрова, а есть злые, шипят, скрипят и стреляют. Думалось о жене и детях, об отдыхе и отраде. «Баржу с хлебом можно купить, пароход, с машиной вместе, если тут постараться».

Егор потрогал голову руками, как ошалелый или с сильного похмелья.

Он и прежде мыл золото. Но самые большие самородки тянули на пять или на десять рублей. Много труда тратил Егор в жизни за самую малицу достатка. Теперь на него свалилось богатство. Настоящее, огромное, превосходившее во много раз все, что заработал Егор прежде.

«Ну и что будет? Не обступят ли меня вот такие черные люди и страшные девки с толстыми пупками? Не застрелят ли из-за лесины? Ну, выйду... И куда я с золотом?.. Не дает ли мне тайга остережение? Стоит ли все это хлеба, пашни, трудовой жизни? Без хлеба. Без пути. С ружьем и с золотом... Богатым станешь – пойдешь пахать, а люди засмеют, скажут, бога гневить вышел, прибудняешься. Но не брать золота нельзя. Взять все себе – грешно. Людям дашь – на погубу. Не дашь – еще хуже, достанется врагам людским. А пожадничаеть и нахватаешься – скормишь себя комарам и птицам... Домой надо... Хлеб убирать!»

«Если встречу людей, то придется таиться, такое богатство нельзя сразу показать! Не бывало еще в жизни случая, чтобы что-то прятал от людей. Так, мелочи, бывало, приходилось... Умолчишь о чем-нибудь. Зря нехорошо болтать. Что будет с моими детьми, если набредут они на многие тысячи золота?»

Мелькнуло в голове – выбросить все в воду. «Возвратиться каким был? Золото найдут другие... Нет, я должен побороться».

... На берегу горел костер. У бревенчатой юрты сидели два старика и курили трубки. На берегу играли дети. Поодаль старуха собирала сучья. За бугром торчали неотпиленные жерди на крыше амбарчика.

Егор стал грести к берегу. Он не помнил, какой сегодня день. Сегодня в обед будет ровно неделя, как он нашел текучую воду. «В роднике, наверное, самородок лежал!» – подумал он.

Молодая женщина и девочка резали на бересте мясо и бросали кусочки в котел.

Маленькие дети, завидя чужого, гурьбой убежали за дом. Подняли морды собаки. Они нарыли норы и прятали туда головы, чтобы мошка и слепни не заедали. Глядя на Егора, собаки, не лая, лениво поплелись навстречу. Их бока, казалось, были изодраны, и шерсть висела клочьями. Вокруг глаз шерсть истерта, словно на каждой собаке надеты большие розовые очки.

Старик поднялся и стал всматриваться. Он был в новой нерпичьей юбке, как из желтого бархата. Такие юбки носят гиляки.

Егор понял, что попал к гилякам, значит, вынесло его в низовья реки.

Сидя у костра на бревне, Егор почувствовал, как хочется ему есть. А мясо еще варилось.

– Где Амур? – спросил Кузнецов.

Мошка тучей накинута на собак, и они, в ужасе обивая лапами глаза, кинулись к своим порам и засунули в них головы.

Гиляки объяснили, что река неподалеку, ехать на лодке надо обратно, потом через озеро и еще по протоке. Там живет новосел. На острове знак для пароходов. А повыше, на другой стороне Амура, есть деревня Утес. Там пароходная пристань и стоят дрова.

– Много дров! – сказал другой гиляк.

Егор вспомнил, что в Утес переселился Котьяй Овчинников из Тамбовки. На Утесе жил торгош Никита Жеребцов.

Гиляк спросил у Егора, откуда он.

– А-а! Ты экспедиса ходил! Ты, однако, Кузнецов?

Старик что-то сказал женщине. Та пошла в свайный амбарчик, принесла бумажный кулек с мукой, замесила тесто.

Егор, протягивая ложку к котлу в очередь со стариками, заметил, что руки его худы, словно иссохли, по сравнению с крепкими смуглыми руками хозяев. Он заталкивал в рот горячую лепешку и поспешно жевал.

– Мой брат есть! – сказал с гордостью хозяин. – Ево полиция служит в городе Николаевском. Ну как, не слышал! Ево полицейский. Имя Ибалка. У-у!

– А тебя как зовут?

– Меня? Мргхт! Хорошее имя? Русское имя тоже есть... Петька!

Гиляк показал нательный крест.

ГЛАВА 3

Егор не стал ночевать у гиляков и после обеда отправился дальше. Ему хотелось поскорей добраться до пристани. Гиляки предупреждали, что засветло он не успеет. Но они не знали, как мог Егор работать и стараться, тем более когда сыт и на верной дороге.

Егор перевалил озеро и пошел в высоком тальниковом лесу протокой, похожей на просеку, ровно залитой водой.

Появился высокий бугор. Чуть проглянуло солнце. На росчисти стояла изба из свежих бревен, без забора и без пашни. Веревка протянута от угла дома к тальниковому дереву. На солнце сушится старое белье, издали похожее на белые пески. Висит матросская рубаха.

Егор вспомнил, гиляки говорили, что по дороге живут новоселы. Хотелось бы встретить сейчас переселенца, каким и сам был, потолковать, пособить новому человеку советом и чем понадобится. Виднелась единственная крыша, нигде не было деревни.

Из тальников вышла девка в белом. Показалось Егору, что она ростом с хорошего парня. Платок низко надвинут на лоб. Поверх кофты с замокшими рукавами в несколько рядов бусы. Юбка подоткнута, ноги в сапогах.

– Здравствуй, девица!

– Здравствуй, добрый человек! – ответила она и отвесила покорный поклон.

Умело схватившись руками за борт, подержала лодку, а потом помогла Егору вытащить ее на берег.

Рядом с Егором оказалась она небольшой и тоненькой.

– Мешок брать? – проворно схватилась она за лямки.

– А далеко ли до Утеса?

– А вы разве не здешний?

– Тут не бывал.

– До пристани еще далеко, – бойко вздернув свой маленький нос, ответила девушка.

Егор взял тяжелую сумку и оружие. Она одну лямку надела на плечо, взвалила тяжелый мешок и пошагала вперед.

– Весла я потом занесу. А лодку выше надо поднять!

У крыльца лежали какие-то шары. Девушка оглянулась, улыбаясь, словно радуясь гостю и чувствуя его любопытство.

– Отец мой бакенщик... Сейчас расставляют новые створы.

– Так тут Амур?

– Протока...

«Может быть, я и шел тут когда-нибудь! – подумал Егор. – Все протоки не упомнишь!»

Поднявшись на крыльцо, Егор увидел вершину створы за песками.

– Зайдите в избу! – пригласила девушка. – Я вам все занесу.

Она разулась у крыльца, тщательно вытерла травой сапоги и поставила их на доске.

Девушка внесла вещи Егора, достала из сундучка мятое, но свежее полотенце. Под платком волосы ее казались черными, и темны были ее глаза. Она полила гостю на руки, черпая теплую воду из котла. На столе появился хлеб, посуда и до половины черный горшок с рыбными щами. Сквозь открытую дверь виднелась лодка на песке и куча наносника, выловленного багром, блеклое солнце над лысой шкурой горелой сопки и заходящая туча.

Молодая хозяйка была приветлива и, как показалось Егору, походила на его сына Василия. Почудилось что-то свое, родное. Улыбка ее добрая и немного слабая, как у Васьки. И все смеется и смотрит на Егора с радостью, словно хочет что-то сказать или спросить, как будто знает Егора, но не решается напомнить.

– Когда высокая вода, пароходы и баржи с большой осадкой идут этой протокой, сокращают расстояние. Полому здесь тоже ставят знаки.

– Как же добраться до Утеса?

– Тут по дороге пережат. Отец покажет. Надо знать, как идти. День хода до пристани против течения. Если бы ветер!

Она принесла весла, положила их у крыльца и, входя, молвила:

– Нет ветра. Отец к ночи вернуться должен. Он ушел на паровом катере с рабочими. Говорят, скоро так обставят берег, что пароходы даже ночью пойдут. Может это быть? – быстро спросила она, вытягивая тонкую шею. – Много же бакенщиков понадобится!

«Несколько дней тому назад какой-то человек на речке стрелял в меня из-за лесины. А река идет сюда. Долго ли скатиться лихому

человеку? Что же она так доверчива?» – подумал Егор.

Он рассказал, как вел экспедицию из Уральского и запутался. Девушка вытянула тонкую шею и присела на лавку. Ее голова в платке походила на опенок или подберезовик. Егор слишком долго молчал и теперь охотно разговорился.

Стемнело. Девушка постелила Егору на кровати, а себе на лавке.

Кузнецов вытянулся и только сейчас почувствовал, как загудели его ноги и все кости. Нашлось наконец место, где можно отдохнуть. Он наговорился сегодня досыта... «А славная девушка!»

Ночью он услышал, как она, шлепая босыми ногами, вышла.

– Катерина, чья это лодка? – грубо спросил за окном хриплый голос.

– Из Уральского... Он экспедицию проводил... – доносились отрывки ее ответов.

Они еще о чем-то говорили.

В избу вошел человек с фонарем и поставил его на стол. Егор поднялся.

– Спи! – махнул ему рукой хозяин.

Он повесил куртку и картуз на гвоздь, разулся, задул фонарь. Слышно было, как он проворно вскочил на печь.

Егор поднялся на восходе, стал укладывать вещи. Хозяин ловил рыбу неподалеку от берега. Лодка его пошла к дому.

Через открытую дверь в избу засветило солнце. Катя принесла щепье. Сегодня глаза ее совсем светлые, платок сбился, видна русая коса. Без платка, узившего ее лицо, стало оно скуластей и добрей, а глаза – поменьше. Она еще больше походила сегодня на Ваську.

Разговаривая, Катя подымалась на носки, словно хотела взлететь, и вытягивала свою тонкую шею.

Отец ее пришел с карасями на пруте. Он хром, с обкуренными усами, с белокурым чубом в седине, морщинист и очень бледен, видимо, загар его не брал или он болел недавно, лицо без кровинки.

Шутливо откозырял Егору, как заправский вояка.

– Честь имею служить! Иван Федосеич Тихомиров, матрос первой статьи в отставке!.. Как спал? – хлопнул он Егора по плечу... – А как же платят вам в экспедиции? Откуда знаешь здешние места? Это все больше гильяки водят всех в тайгу.

Егор, наслушавшийся вчера рассказов Кати про отца, смотрел на него с большим уважением. Мужчины разговорились.

Катя подала зажаренных карасей.

– Надо бы sprыснуть наше знакомство! Я живо сходил бы, а? – бойко спросил Федосеич и глянул на дверь. – Тут как раз за островом баркас ночует. Он у гиляцкой деревушки остановился... У них всего там!..

Егору не хотелось задерживаться. Теперь он понял, почему бакенщик так бледен. Егор промолчал, делая вид, что ничего не понимает. Бакенщик на своем не стал настаивать и про «спрыски» более не вспоминал. Егору жаль стало пропойного пьяницу и дочь его, закинутых судьбой на край земли.

– Сколько же отсюда считается верст до Уральского? – спросил он.

– А не ты хозяин «штанов»? – вдруг спросил матрос.

– Я.

Катя опять вытянула шею и просияла и опять поднялась на пальцы, словно собиралась танцевать от радости.

– Ну, диво! – сказал Федосеич. – Тут ведь трещеба, а ты вышел невредимый! Поживи у нас хоть денек! Мы с тобой отдохнем. Тяжелая моя работа... Простужаешься... В шторм приходится ходить на шлюпке... Поди, Катерина, занеси-ка рангоут в пакгауз. Седне – в увольнение!

Пакгаузом он называл маленькую будку, стоявшую особняком на гребне холма.

– Хорошая, а бог счастья не дает! – сказал вдруг старик с неподдельной горечью вслед вышедшей дочери.

Она умело вынесла из шлюпки мачту, укладывала паруса.

– Ну, спасибо тебе, хозяин, – сказал Егор. – Дозволь поблагодарить и просим простить. А мне надобно спешно домой, хлеб убирать.

– На «Егоровы штаны» торопишься? – добродушно спросил Иван Федосеич. Он посмотрел на три рубля, которые Кузнецов положил на стол. – А что это?

– За ночлег в благодарность.

– Нет, я это не возьму. Как же можно брать за ночлег? Ты экспедицию вел за десять рублей, а я чуть не половину возьму себе...

Один я не пью, ты не думай, что матрос... Мне человека надо, а это что... Начальство приезжало, и все кричали на меня... Жаль, Егор Кондратьевич... Эх ты, Амур! Слышал про тебя... Ну, как хочешь. Я неволить не могу.

Матрос объяснил, как надо добраться до Утеса.

– Но если начнется ветер, то худо... Весла оставь, я пойду переметы погляжу! – крикнул старик дочери.

Видно было, что Федосеичу досадно, и он отпускает гостя скрепя сердце.

Егор подумал, что хозяин уступчив не по слабости и что, кажется, он – хороший товарищ. Откуда занесла его судьба с дочерью на этот песчаный мол после жарких-то стран, и чудо-птиц, и штормов в океанах... Туда-то и рвались дети Егора, теперь узнавшие, что океан рядом. Конечно, привык он на судне, в команде, к людям, мог выбрать себе товарищей. А здесь он одинок.

– Денег мне не надо. Лучше оставь дочери на счастье самородочек, – вдруг сказал Федосеич.

Егор спрятал деньги, развязал узелок и положил на стол золотой самородок.

– Когда-нибудь ей пригодится. На счастье тебе! – сказал отец, когда Катя вошла.

Она потупилась и, полуприкрывшись платком, с любопытством смотрела на стол. Потом она глянула на отца и на Егора быстро и с таким выражением, словно резанула их бритвой.

– Ты остерегайся, – сказал Егор, – меня на вашей речке стрелял какой-то человек. Кто – не знаю.

– Ну и что?

– А у тебя дочь остается одна!

– Так ведь стреляли-то в тайге! Так и должно быть. Не надо в тайгу ходить! То ли дело на корабле... Пушки такие стоят. Никаких пиратов не страшно. Мы видали пиратов разных: японских, малайских, китайских, невольничьи суда. Кого там только не видали.

Старик шутил, но, как показалось Егору, озаботился и поглядывал на дочь с недоумением.

– Ты уж побеспокойся! – сказал Егор.

– У меня же служба! Да и как не беспокоюсь! Я тут... Я тебя провожу! – вскочил матрос.

Он взял ружье и отнес в шлюпку.

– А то ты на бате не дойдешь. Да и зачем он тебе, этот бат. Брось его здесь.

Егор согласился.

За островом пристали к баркасу. Торговец, с грудью колесом, с кривыми ногами, белобрысый, с большими красными ушами, оказался старым знакомым Егора.

– А где же хозяин твой? Все в Благовещенске?

– Теперь я не у него, – отвечал ушастый, – теперь я сам хозяин!

– А Кешка у нас рыбу скупает!

– Да, у него свои пароходы. Слыхали, он мельницу какую поставил? Вальцовая у него своя! А начинал вот так же, на баркасе!

– Мы знаем, как он начинал!

На баркасе выпили вина. Матрос повеселел и всю дорогу потом рассказывал Егору разные морские истории. Женился он на Амуре, в Николаевске.

– А жена у меня померла! – сказал он. – А вот дочь... – Он вздохнул. – А я ловко у тебя про золото выведал? Ловко! Ловко! – сам себя похвалил матрос. – Видно же по штанам и по куртке, что весь в золотом песке. Катька и та догадалась. Ах, акулепок! Хоть отродясь золота не видала. Ты почистись перед деревней. Давай я тебе живо пошоркаю куртку, все счищу. А штаны надо с водой, успеет еще высохнуть. А то ведь у нас тут, кажись, разные люди живут... Я же вижу, я, брат, матрос кругосветного плавания. Теперь-то хромой!.. Человека с золотом всегда заметно... Оно насквозь светится у человека через глаза и даже через лапы!

– А открывать это золото людям или не надо? – спросил Егор.

Матрос почистил куртку Егора. Лодка шла под косым парусом вверх по течению. Егор держал в руке веревку.

– Если открывать, то может быть горе.

– А не открыть – грех! Зачем же тогда оно? Зачем я его нашел? Зачем-то оно лежит в земле?

– Надо открывать! Мы на службе всем делимся с товарищем. Но я мыть его не пойду. Я к службе привык... А сыновья твои пусть идут! Пусть! Мимо нас люди поедут! Гилякам и тем тоскливо живется, они радуются, что пришли поселенцы, говорят, с русскими стало веселей, только, мол, пусть не воруют и не обманывают. Пусть, мол, не

обижают нас! Да, это ты верно сказал, каких только людей не бывает!.. Я ей запрещу! Разве можно звать в избу незнакомого человека!

– Вот именно!

– Она знает, я объяснял, куда и как бить при случае... Да в крайности есть у нее и оружие... Да она умеет... Она бывалая, Катька! Ты степенный человек, а ей всегда хочется поговорить... В мать, покойницу... Надевай!

Старик отдал вычищенную куртку. Егору показалось, что он взгрустнул.

– Еще блестит в складках! – взором показал матрос Егору на ноги.

Егор намочил в воде серые остатки швабры и старательно помыл свои порыжевшие сморщенные ичиги.

– Ты как в золоте спал, в самой россыпи! – сказал Федосеич.

ГЛАВА 4

Крыши блестели на мохнатой сопочке с лысынами скал и с серым от дождя лесом.

Егор охотно не заезжал бы ни в какую деревню, отправился бы прямо домой. Но у него не было пригодной лодки, не было и денег, а выкладывать золото за лодку не следовало. Не было у него и хлеба, не было и желания тащиться столько дней против течения, тем более если судно на подходе, как сказал Федосеич.

Дождь стих. Серая тяжелая трава на берегу, обступившая вымокшие поленницы дров, кое-где поблескивала.

Мужик с черной бородой сидел на корточках на песке и что-то укладывал в воду. «Лыко он замачивает? – подивился Егор. – Зачем ему лапти? Вот еще какой народ есть!»

Матрос заложил пальцы в рот и оглушительно свистнул. «Так же и надо мной будут смеяться, если я пашню не брошу!» – мелькнуло в голове Егора.

Мужик поднялся. Видно стало, что он статный. Шлюпка прошла мимо него и пристала напротив последнего дома.

Мужик, мочивший лыко, повернул голову с орлиным носом, не спуская взора с приехавших.

... Где-то взвизгивала пила, потом стихла.

– Никак, Кондратьич? Ах ты свет! Вот гостенек! Милости прошу! – бежал сверху обрадованный Котяй. Он только что под навесом пилил бревно изогнутой японской пилой. Котяй ладонями сбил опилки с рубахи. – Неужели в экспедицию ходил? Ну что за удалой вы народ, уральские! Что ни поход – вы в тайгу ведете! А кто по речкам забирается в хребты с товаром? Опять же вы! Прежде был Иван Карпыч Бердышов, он у нас в Тамбовке из-под носа весь Горюн вырвал, пример все подавал, как тайги не бояться...

Котяй прежде жил в Тамбовке. Он рассорился там со старшим братом Санкой и переселился на Утес. Говорили, будто бы теперь братья примирились.

В избе Егор небрежно поставил мешок у двери. Матрос положил сверху сумку. Сидя за столом, Егор невольно косился на свои вещи. Котяй это заметил.

Рябая баба – жена Котья – стала собирать на стол. Овчинниковы торговали, и поэтому у них всегда был готов хороший обед и водка.

Егор почувствовал, что, войдя в деревню с добычей, он очутился как бы среди врагов. Теперь надо было лгать. Непривычно, и душа не мирится. А не лгать нельзя. Не добравшись до дому, хвалиться нечего. Не выкладывать же все в чужом доме напоказ...

– Дождись парохода, скоро будет, – сказал Котьяй.

– Завтра к вечеру, – заметил матрос.

– Завтрева? – удивился хозяин.

Федосеич хотел остаться, проводить нового знакомого на пароход.

– Езжай... У тебя дело! – ответил ему Кузнецов.

– Мое дело какое! Ночью не идут пароходы. Это не на маяке на море. Стемнело – зажигай... Услыхал рынду или пароходный гудок – реви, давай сирену! Не-ет! Тут огней не зажигаем. А знаки – они стоят...

Хотелось Котьяю прознать секреты гостя, а времени оставалось немного. Егор не пил, как назло. Котьяй слышал, что водится он с образованными из города, учит детей, лезет куда не надо...

Улучив миг, когда Егор после обеда вышел проводить Федосеича, торговец провел рукой по мешку. «Он образцы породы несет. Какие-то камешки. Не может быть, чтобы самородки такие здоровые!»

Жена Овчинникова, вылупив глаза, стояла перед багажом Егора.

– Иди, иди! – грубо сказал Котьяй.

Баба покрылась платком, фыркнула и отвернулась.

Егор вошел, принес свою лопату, оставленную в шлюпке.

Как ни мылся и ни чистился мужик перед деревней, но и на мешке его, и по штанам, и на картузе Котьяй замечал желтоватые пятна, по которым видно было, что шлялся человек в тайге не зря. За Егором шла слава дельного, крепкого мужика, который вытрудил пашню, заставляя пахать детей, тянул за собой соседей, зря ни за что не брался, и если что-нибудь делал, то с толком.

И вот он весь как на ладони. В пятнах золотистого песка с глиной, в изодранных об острые камни ичигах, с чуть приметной желтью под ногтями, с весело-тревожным горящим взглядом довольного человека, который хватил удачи. Казалось, он греб там песок ногтями. Вид у него напряженный. Видно, боится за что-то... «Эх, брат! А ведь я тебя

вижу насквозь, – глядя ему в лицо, думал Котяй. – Ты неспроста явился...»

Но где у Егора главное богатство – в голове, или в мешке, или за поясом, взял его Егор или только видел, или только слышал и нес он образцы руд или самородки – Котяй еще не знал...

Пришел Никита Жеребцов, тот самый горбоносый, курчавый мужик с черными глазами, который мочил лыко. Егор знал его когда-то.

– Экспедицию он водил, – сказал Котяй про гостя.

– А-а! Экспедицию! Хорошо, хорошо это! А говорят, в той стороне золото богатое. Ведь ты рудознатец, уральский... Я мальчишкой был, мы с отцом шли через Урал, видели прииски... А потом в Сибири сами мыли... Это хорошо, коли экспедиция! А что же дальше экспедицию не повел?

– Пошли с тунгусами.

– Где же у нас тунгусы?

– За хребтом.

– От купца Бердышова, поди, экспедиция?

Надо было бы соврать, ответить, что, мол, от купца Бердышова. Но Егор ответил, что вел казенную экспедицию.

Гостеприимные и приветливые хозяева не могли владеть собой, когда чуяли золото. Егор видел, как целились и стреляли их глаза.

– Ты, пожалуйста, передвинь мешок и сумку, положи их на лавку, – сказал Котяй, – а то девки заденут как-нибудь...

Егор переложил сумку, а мешок закатил под широкую лавку, чтобы вещи не мешали хозяевам.

Жеребцов и Овчинниковы еще более уверились, что в мешке что-то есть. «Неужели там золотишко? Набит ими-то мешок, как самовар углями, – думал Котяй. Он старался утешить себя: – Ведь это уж кузнецовское – не мое! Надо самому найти божий дар! Мы же с ним товарищи-приятели».

Егору казалось, на него глядят, как на вора, осмелившегося мыть вблизи чужой деревни. Никто, конечно, не верил, что он ходил далеко. Сами жители Утеса зря в тайгу не забирались. Они скупали меха у промысловиков у себя в домах.

– Сын Василий у тебя славный! – сказал Жеребцов. – Я видал его в городе.

Чернобородый торгаш поднялся и ушел. Котяй сказал про него:

– Дом обшил железом. Мало что крышу – сами стены обил железом, чтобы не сгореть. Деньги копит. Видел, он ходит лыко мочить. Подает пример людям, чтобы трудиться не разучились. А где же ты тунгусов нашел?

Рябая хозяйка, улыбаясь широко, подошла к Егору и с поклоном поднесла на подносе стакан вина.

– Выпей!

Она затрясла широкими бедрами, словно отбивалась от комаров.

«Как люди, так и Марья крива!» – решил Егор и выпил.

– Я думал, что с голоду сдохну. Четверо суток шел без хлеба... Выбирался через хребты.

«Неужели у него с голоду так глаза запали?» – подумал Котяй.

– Всю дорогу пробы брал! – вдруг сказал Егор и ухмыльнулся.

– Дичи там видимо-невидимо, – ответил Котяй и деланно зевнул. – Руда в скале... Э-э-эх... В баню пойдешь?

Егор достал чистое белье. «Мешка не тронут? – подумал он. – Нельзя от бани отказаться и нельзя мешок с собой взять».

Вечером пили вино. Ночью Егор спал на лавке. Ему показалось, что чья-то рука словно лезла к его сумке, а потом задела подушку и лицо. Егор очнулся. На полу храпел Котяй. Все тихо. Похоже, что была голая бабья рука. Не то искала что-то под подушкой, не то просто баловалась и как бы невзначай погладила Егора.

ГЛАВА 5

Пароход загудел и еще трижды рывкнул густо, чтобы рыбаки отошли с фарватера. Судя по местности, только что прошли устье Горюна и Тамбовку, где жила родня Егора, свояки. Мелькнула за островами деревня знакомых гольдов.

К вечеру должны добраться до «Егоровых штанов». Уж и пашня не походит больше на штаны, а название укоренилось. Молодые выросли и все повторяют, а сами даже не знают, почему местность так называлась.

Егор привык к пароходам. «Разбаловался!» – думает он про себя. Часто приходится ездить на пароходах и другим крестьянам. Теперь даже и не верится, что была езда по Амуру без пароходов. Только небогатые торговцы из Забайкалья и Сансина еще ходят на своих баркасах и маймах под парусами.

Палуба и крыша парохода раскалились, и от этого кажется, что день еще жарче. Как рай земной на Амуре в эту пору.

Мимо плывут острова с травой, издали по виду – бархатистые лужки. Они тянутся на многие версты – луга без конца и края посреди реки. Травы стоят некошены и глубоки, вдвое выше человеческого роста. Мелькнет густая синь узкой просеки в траве, расколются острова и желтые кручи глины, и опять, сомкнувшись, поплывет от борта до гор травянистое раздолье.

Иногда пароход идет близ крутых скатов станового берега со множеством цветов на изумрудной крутизне, мимо увалов в душистых липняках, в дубах, размохнатившихся от пышной листвы.

На Амуре лето в самом разгаре. Нравится тут Егору, особенно после того, как выбрался из таких мест, где кажется, что еще тянется весна, никак не уступит лету или уж осень наступила, либо стоит там вечная осень, близки снега, холодные озера, мари всюду, лес горелый, камни и скалы и холодные потоки. Там и дням счету нет, собьешься... Зато там золото, а тут только трата его и тяжкий труд.

Медленно ползет пароход вверх по течению, кажется, что едва движется или стоит на месте...

Опять рывкнула труба. Людные места, за утро уже вторая лодка встретила. Не то что в тайге!

На Амуре хорошо, и Егор отогревался. Но не все хорошо на душе. Сегодня утром, когда вышел на палубу и обдало лицо прохладным ветерком, Егор вспомнил все.

У мешка в каюте спал, этот же мешок видел во сне, из-за него корил себя, а мешок мешал ему и теснил его. Егор все хотел уйти, говорил жене Наталье: «Уйдем отсюда, тут неладно...» Сон врезался в память.

«Вот когда я перетрухал! Этак отродясь со мной не бывало. И рад, что убрался от людей...» – подумал Егор. Не бывал он трусом до сих пор, пока не получил богатства, ради которого бился всю жизнь.

Вспомнил Егор, как жалел все эти годы, что россыпь на речке Додьге, под самой деревней, истощилась, что все пески там перемыли и мыть негде. Небогатая россыпь, а подмога была всем. Мыли и дети и женщины, старики, кореец, бывшие каторжные, жившие в деревне в работниках, Сашка-китаец – приемный сын и крестник.

На пологом чистом холме зреют на солнце хлеба. Еще не налились, уборка не начиналась. Проблуждал Егор долго, но не опоздал. Однако, полагал он, на золото, которое лежит у него в каюте в перепачканном, грязном мешке и в сумке, можно в самом деле купить баржу с хлебом. Тогда зачем же сеять? Железную дорогу проведут скоро. Тихая жизнь, кажется, окончится. «Все нам привезут!» И сейчас доставляют за меха, рыбу и золото много товаров. И муку. Но хочется хлеба своего, вытруженного.

Глядя на отдалявшиеся нивы тамбовцев, похожие на разноцветные лоскутья, Егор задумался о доме и привычных делах.

Но мысли его опять, словно с порывом ветра, относило назад, за кормовое колесо, за горы, за Утес, где Котьяй с женой, как ни крутились, так и не узнали ничего... За хребты и озера, далеко на ту речку.

«Неужели я раб евангельский, что зарыл божий дар в землю? – оправдывался Егор. – Обидно уйти в медвежий угол и сосать лапу, когда можно развернуть большое дело и поднять народ. Пока тут все свои, глушь кругом недоступная. Железную дорогу на Амур еще не довели».

Егор чувствовал в себе разум и силу, годные не только себе, но и людям. Он смутно сознавал, что еще не все делает, на что способен.

Капитан наверху крикнул что-то в трубу. Прибежали с шестами двое матросов. Минуя Егора, они кланялись, снимая круглые шляпы.

«Мне уж мерещится, что и они про мое золото знают. Экое наваждение!» – подумал Егор.

Первый матрос – старик, низкий, смуглый. Второй – курчавый, с черными глазами.

Течение выносило откуда-то плавниковые деревья. Лесина с корнями быстро шла к колесу. Курчавый матрос привязался веревкой к шлюпбалке, перемахнул за борт и отвел плывущее дерево шестом, а комель оттолкнул ногой.

Капитан – косая сажень в плечах – подошел к Кузнецову.

– Как отдыhalось, Егор Кондратьевич?

– Благодарствую, Спиридон Лукич!

– От трудов своих отдыхайте, отдыхайте! – заискивающе сказал капитан.

– Матросы у вас молодцы, – не оставался в долгу Егор.

Егор был известным человеком на реке. Все знали «Егоровы штаны». У капитанов существовало поверье, что если едет Егор – это к счастью. Ему отводили каютное место.

– Что же их хвалить. Народ отпетый! Чуть что – я выброшу в постоплесье.

Курчавый матрос, стоя на кожухе колеса, отвязался и, не держась, оглядывал реку с таким видом, словно ему хотелось запеть. Широкая грудь его бугрилась под рубахой. Перескочив борт и проходя мимо, он опять сдернул шляпу. Заворачивая голову и семеня босыми ногами, он пристально глянул на Егора.

– Веселый и бегаёт быстро! – заметил Кузнецов.

– На каторге уж побывал. Глаза, как у цыгана, – сводя белесые, выцветшие брови, ответил капитан. – За этой кобылкой приходится смотреть.

Спиридон Лукич снял фуражку, повел рукой по черным волосам и ушел к себе.

Потом, сидя в каюте, Егор услышал, как подле окна кто-то посвистывал, потом говорили на каком-то непонятном языке. «На воровском», – решил Егор. Матросы забегали по палубе. Егор, выйдя, столкнулся лицом к лицу с кудрявым. Сразу оглянулся и на этот раз перехватил его усмешку.

... Опять Кузнецов стоит у борта с сумкой на плече и с мешком. В жгут скатана пустая половина мешка: там и куртка, и запасные штаны. В карманах золото уложено так, что не прощупаешь и не догадаешься, что у серого мужика в сером мешке.

Виден холм над «гитанами», как шапка. Малые сопочки разбежались по морю тайги. Лес прорублен, нивы видны. Здесь теплей. Они уж начали желтеть. Стоят бревенчатые избы. Деревня пустая, никого нет, никто не встречает Егора.

Кореец Николай появился у трапа. Он повел матросов к поленницам. Дома у Кузнецовых нет никого. Дверь в сени притворена, а дверь в избу приперта березовой жердью. Все уехали на заимку.

«Ждут, что отец прямо туда вернется по речке. А отца вашего, ребята, вон куда занесло! Знали бы!»

В доме тихо, солнечно, чисто, так чисто, как только одна Наталья умеет убирать, одна во всем свете.

Надо ехать на заимку, на речку Додьгу, к своим. Тут нечего задерживаться. Без хозяйки дом сирота... Деревня пустая.

Кони ходили за околицей, за пашней. «Куда теперь золото? Не с собой же брать! На замки запирать? Отродясь не запирали... Опять это золото лезет в душу и заботит, будь оно неладно!»

Егор положил все в сундук. Умылся, переоделся, вышел, подпер дверь колом и с ружьем на плече пошел.

Буланый поднял морду. Заржала Рыжуха, подхватили жеребята. Весь табун обрадовался.

Егор оглянулся. Кореец Николай в своем белом пальто стоял у дома и смотрел вслед Егору. Пароход пыхтел, выпуская мощную струю пара. По трапу матросы носили дрова вязанками.

Егор потрогал черные губы Буланого, погладил желтую шерсть, потом перелез через жерди. Кони окружили его. Егор вскочил на Буланого и поскакал без седла, как в детстве, когда гонял коней на водопой. Разогнал его и, опустив поводья, налег сапогами на бока и перемахнул низкую поскотину в том месте, где одной жерди не хватало.

Волнистая площадь хлебов шла вверх косо и кончалась, как казалось Егору, у самого неба. Сейчас он видел только хлеб со всех сторон, и сама релка под ясной и спокойной голубизной, как краюха со свежей коркой.

Буланый шел крупной рысью и вынес его на гребень.

Когда-то вот здесь, на вершине бугра, чуть не задрал медведь Ваську. А до того за несколько лег медведи подходили к поселью. Тут же дед однажды встретил лося, и считалось, что до гребня, вот до этого изгиба, далеко. А теперь лес вырубился, и оказалось, что все близко. Пашня Егора дотянулась до звериных заповедников.

Накатанная колесами дорога пошла в лес, настоящая дорога, и ездят на ней на телегах, а не на волокушах, как в первые годы. По этой дороге привозят с заимок хлеб, с лугов – сено, а из леса – дрова. Колесная дорога невелика, проложена до заимок, но все же есть она! Заведена настоящая езда на колесах! А через речку Додыгу и через ее рукава переправляются вброд.

За речкой, как американский фермер, своим хутором живет китаец Александр с женой, приемный сын Егора. Стала видна его далекая желтая соломенная крыша.

Все закрыл и поплыл над Егором густой лес, душистая листва, какой он давно не видал. Все тут устроено ладно, прочно, удобно, на коне ехать хорошо, привычно. Все свое, не то что в лодке по горной струе. А вот, наверное, потянет же туда...

Конь с лохматой гривой захлюпал мохнатыми ногами по зеленой грязи. На обочине дороги рослый белоголовник и медвежьи дудки хватили конному по плечи.

Из-за холма появилась подпрыгивающая девичья голова в платке, сбившемся на плечи. Послышался звонкий цокот подков о камни. Быстро взлетов на вершину, вниз к болоту помчалась верхом девушка.

– Тя-тя-я! – воскликнула она, налетая и осаживая коня, цепко держась за него ногами в башмаках и толстых чулках в красную и черную полосы. – Я услышала гудок...

– Мама как?

– Слава богу. Я гудок-то услышала...

– Василий где?

– Все на заимке. А бабушка с дедушкой уехали на лодке по ягоды.

А парни недавно из тайги.

– С кем Василий?

– Митя Овчинников с ним.

Конь ее захрапел, выбрасывая из-под копыт комья грязи, рванул с места. Она туго тянула повод, воротя его, и он пронесся по болоту

малым полукругом.

– Поедем обратно!

– Нет, маманя велела... – откидываясь, полуобернулась дочь.

Егор дальше не расслышал, что мать велела. Девушка отскакала, усмирила коня и, свесившись вполюборота, ждала, не крикнет ли что отец.

– Там, в сундуке, я мешок бросил...

Настя привстала, поглядывая вдаль.

– Пароход-то простоит? – кричала она.

– А что тебе?

Она не ответила.

Он тронул поводья. Раз-другой болото издало всасывающие звуки. Конь, грудастый, коренастый, с чуть кривыми, могучими ногами, старательно тряхнул гривой, вынес тяжелого всадника на гать и зачастил копытами по бревнам.

Егор сверху еще раз оглянулся. Дочь уж пролетела через лес и мчалась по дороге среди хлебов. Известно, зачем повадился ездить Митя. Свататься хочет. За семьей Овчинниковых недобрая слава. Но чем же парень виноват? Отец его Санка – родной брат Котья...

На заимке нет изгороди. Жена Наталья стоит у зимовья. Муж слез с коня.

– Как барин! – сказала Наталья. – Откуда такой? – Она подошла, вытерла руки о фартук. – Грязью-то не запачкать бы тебя...

Егор чует женин упрек. Да, долго он протаскался.

– Непутевый стал!

– Ладно уж...

– Знала бы ты!

– Руки-ноги целы?

В зимовье было пусто и варился корм скоту. Егор присел на лавку. Никогда Наталья не казалась ему такой пригожей. В знакомых, спокойных движениях ее угадывалась сила, здоровье.

Улыбка ее ласковая. Глаза бойки, и в них знакомый свет ее доброй души. Егору кажется, что сам он пьян и она нетрезва.

А Наталья исстрадалась, измучилась, не зная, что думать, случая не бывало, чтобы он к назначенной поре не вернулся.

«Но что с ним? Явился легкий, как парень, помолодевший, лицо почернело, морщин нет, сам жесткий, крепкий, силы, казалось,

прибыло, как крылья его несут». Это ощущение невольно передавалось ей. Она насторожилась, словно была у счастья, в которое боялась поверить. Егор не все рассказал. Он вышел.

За зимовьем расставлены два полога накомарника из редкой покупной бязи. Кто-то зашевелился под крайним.

Вдали за речкой верхом на кляче плелся Сашка. Он в шляпе и с мотыгой на плече.

– Кони у Сашки не живут! – сказала Наталья, вынося ведро.

– Он их бьет, – раздался из-под полога голос Василия. – А кто приехал?

– Они ночь зря прокараулили, – пояснила Наталья.

– Это ты, отец?

Из-под полога живо вылез Василий. Он без малого вымахал в сажень. За ним появился Митя.

– Ночь не спали! – сказал сын, как бы оправдываясь. – Лосей ждали...

Отец всегда заставлял его не вовремя, когда он ленился или читал.

– Они в табуны собираются, идут за хребет, на теплый ветер, – сказал Митя.

Егор знал, что паренек этот смирный, но за словом в карман не полезет, и если врет, то складно. По его словам выходило, что табуны скоро вернуться, надо обождать.

– А где же наши? – садясь в зимовье к столу, спросил Егор.

– По ягоды поехали. Дедушка и Федор. Взяли с собой собак... Петрован, уж он как старший, я ему не перечу, пошел, говорит, на миссионерский стан. Народ там к празднику наехал... А молодой-то поп Алексей не любит нашего рыжего попа. А ученик его... Характер все выказывает.

– Два зверя в одной берлоге! – ответил Егор.

Он вспомнил, каким лихим охотником когда-то был Алешка. Родился он в гольдской деревне. Мылки. Рыжий поп его дурачил и обирал, но выучил грамоте. Стал Айдамбо теперь отцом Алексеем, закончил духовное училище в Благовещенске. А Дельдика, которую когда-то отнял Егор у китайцев, вырвал из рабства, стала попадьей.

– А зачем Настя домой поехала?

– Сама захотела.

– В церковь ее не загонишь...

– Полюбоваться пароходом... Пусть ее... Новые чулки купила, башмаки на баркасе... Пусть погуляет! Ты на «Ермаке»?

– На «Ермаке».

– У нее на «Ермаке» знакомые.

«Кто бы?» – подумал Егор.

– А я нашел россыпь... Самородки...

Наталья стояла как зачарованная.

– Тебя это разожгло. Я не узнала. Думала, чужой едет.

Странно посмотрел на нее Егор. Взгляд его был угрюмый и далекий.

Ночью на широкой кровати долго не спали. Руки Натальи ласково перебирали его волосы.

– Страх брал за тебя. Не пропал бы...

Стали говорить, что хлеб почти созрел, что лето нынче знойное, не бывало такого. Егор сказал жене, что лучше бы это золото не мыть, жить как жили, не рушить старого.

– А тебя тянет туда?

Наталья спросила и замолкла. Егор, не видя ее в темноте, знал, что она нахмурилась, насторожилась, словно шла угроза.

– Не мыть? – спросил он.

– Как это не мыть! – ответила Наталья. Она, казалось, читала его мысли. – Что же мы за люди, если себе не поверим, – подтвердила она шепотом.

Егор разговорился, жарче, чем в избе у матроса.

Выступила белая печка и полотенца на бревенчатых стенах, стояли как белые тени. Блеснул оклад небольшой иконы, другая кровать, где спал младший сын Алексей.

– Боже ты мой! – приподнялась Наталья. – А если бы попал в тебя! Сердце мое не зря болело! Что же это за копна сена? Спасся за ней?

– Нет, это было не сено. А натрясло траву на лесину... в развилках-то...

Утром, когда семья уселась за уху, послышался стук копыт о гальку и воду. Сашка-китаец спрыгнул с кобылы и, сняв шляпу, поплелся к зимовью, присаживаясь, словно нес на себе куль.

ГЛАВА 6

Тимоха Силин, моргая, уставился на Улугушку, который, сидя у тычин с горохом, пытался приладить отпаявшуюся дужку чайника. Мужик сдвинул картуз на лоб и стал почесывать шею. Улугушке показалось, что гость подсмеивается. Он встал, размахнулся и швырнул чайник так, что тот загремел и покатился по траве.

Улугу сорвал немного стручков гороха, дал гостю горсть и сам стал жевать.

– Раньше в котле кипятили... Лучше было! – сказал он.

– Конечно, разве можно сравнить! Котел чугунный! А этих чайников ты можешь хоть нынче купить дюжину.

– Конечно! – ответил Улугу. – Такая дрянь.

– У нас на Урале кунганы чугунные делают, можешь заказать, и тебе выпишут по почте от фирмы и привезут... Поклонятся еще! Знаешь, за деньги все можно. Народ продажный... И теперь дель продают для неводов. Ох, крепкая!

– А у тебя табак есть? – спросил Улугу.

Мужик протянул приятелю толстый кисет.

– Табак можешь брать тюками.

– А водки?

– Про водку что говорить... Галдафу без ханьшина не оставит. Нальет тебя каждый день хоть до ушей.

– Конечно! – ответил Улугу. – Это бы сцятье!

– Лодку новую ты хотел купить?

– До рыбалки есть еще время, старую починю. А то попы заставят на них рыбачить: дырявая лодка лучше.

Вдали, под ровным еловым лесом, поблескивали маковки церкви, звонницы и железная крыша школьного пансиона.

– Зачем тебе старая лодка, купи себе самую лучшую!

– Черт не знает! – Улугу покарябал голову и посмотрел в глаза гостю.

Все эти разговоры начинали его занимать. Улугу смелый, удалой и предприимчивый человек.

– Поедем к Егору, если мне не веришь. Егор еще не врал и не обманывал никогда.

Улугу пошел к берестяному балагану. Вышла его жена, одетая в шелковый новенький халат с вышивкой и в желтые обутки с загнутыми носами.

Улугу зашел в летник, надел короткий халат, перепоясался, сунул за пазуху нужные вещи и трубку, надел шляпу и, не прощаясь с женой, пошел на берег. Потом он вернулся, через некоторое время что-то загремело. Улугу пришел запыхавшись, сел в лодку.

– Ты не в бабу ли чайником запустил? – спросил Тимоха.

– Куда держишь? – заорал Улугу на мужика. Гольд поднял со дна лодки кормовое весло и стал править. – Че, не умеешь грести, так не берись!

Вечером при свете керосиновой лампы мужик и Улугу ужинали в избе Силиных.

– Теперь веришь?

– Да. А когда ты хочешь идти?

– В воскресенье.

– Надолго?

– На все лето. До ледостава.

Улугу наморщил лоб. Он быстро спросил:

– А рыбалка? А тебе хлеб надо убирать?

– Какой хлеб? Какая рыбалка! У меня сын взрослый... А Фекла зачем? Я ее держу строже, чем ты свою...

– Ну, ну, не вянькай, – отозвалась откуда-то из полутьмы жена.

– Ты-ы, кляча! – отвечал муж. – Егор еще всего не скажет. Мы сами проверим. Он привез мешок, как картошка самородки. А есть как тыква. Этого он не покажет, хоть и честный... А есть как тыква. Ну, немного меньше... Слышал, Егор сам говорит – поезжайте, а то чужие туда все равно нагрянут.

– И не рыбачить?

– Ты же хозяин! Молодые парни наловят для тебя. Вернешься, водкой их угостишь, и они удовольствуются. Ты же их произвел, а они ленятся.

– А огород?

– Ну, на черта тебе огород? Это все Егор справедливостью хвалится, его выдумки. Да я бы на твоём месте вообще кинул бы его.

– Ладно... Завтра поедем! – сказал Улугу.

– У меня лоток есть и бутарка разборная есть, и мы все возьмем.

– Нет, слушай, завтра я не успею. А че-то не понял, на какой речке. Ты узнай еще раз.

– Я доведу тебя. Я там бывал, однако, и место знаю. Я еще не подводил товарищей.

Егор и сам не знал названья речки, и Тимоха не знал. Улугу немного подумал. Жаль, конечно, что сам Егор не идет. Он подобрел, чувствуя, что дело стоящее.

– Ладно! – сказал гольд.

– Ден пять, самое большее – шесть, и дойдем...

– А как название речки?

– Ну, поверь мне... Я уж сколько раз сам спрашивал. Егор мне рисовал, как пройти, он же экспедицию водил. Да зачем тебе название? Я сказал – не ошибусь.

– Завтра не успеем, – сказал Улугу, подумав. – Давай день собираться, а послезавтра поплывем...

Улугу решил, что открыватели не хотят говорить ему название речки, чтобы он не проболтался. Улуг это даже понравилось.

За день ни Улугу, ни Тимоха сборов не закончили.

На третий день Улугу остался ночевать у Силиных. На рассвете, укладывая мясо и хлеб в мешок, Фекла вдруг так разревелась, что в испуге вскочили все дети, и старший сын спрыгнул с полатей.

– Эх, уж... – перевел он дух. – Вы-и... – Ему показалось, что родители ссорятся.

– Хлеба?-то, – плакала Фекла.

– Ты помни, как я велел! – грозно сказал Тимоха.

– Будто я раньше без тебя не справлялась! Какой толк-то от тебя! – сквозь слезы говорила женщина. – Иди уж на свой прииск...

В предрассветном сумерке из серого дома вышли двое в серой одежде, с серыми лицами и с серыми мешками на плечах. Высокая женщина в платке долго провожала взглядом их лодку.

Ветер дул снизу, и волны шли злые и шумные и обламывали пласты глины на островах, когда на пятый день своего плаванья путники, натянув палатку, отогревались и сушились на берегу узкой протоки. На едва утоптанную и местами вырванную траву постелили сухие шкуры.

– Эта речка? – спрашивал Улугу.

– Наша?

- Да.
- Где?
- Во-он, где кедрач... Вон сопочка на устье.
- Нет, не эта...

Улугу удивлялся.

Не бывало случаев, чтобы кто-нибудь из мужиков показывал ему дорогу. Всегда Улугу сам всех водил. А на этот раз все получилось наоборот.

Два дня жили на острове среди мокрой, почти непроходимой травы. Ветер рвал листья с тальниковых деревьев, гнул мокрую чащу колосистых трав, бил по палатке дождем. Улугу и Тимошка не могли развести костра, не могли при такой буре наловить рыбы. Грязные волны гулко били в берег, и пена их закипала сплошь. Палатка очень маленькая, на острове березы нет, нельзя надрать бересты, чтобы сделать балаган и укрыться.

Путники, сидя на корточках, на маленьком сухом пространстве, на сохачьих шкурах, драли и грызли сухую юколу с сухарями. Продрогнув до костей, разводили маленький огонек в палатке, курили трубки, собаки жалась к хозяевам. Дым ел глаза людей и собак. В такой шторм нечего и думать о том, чтобы уплыть куда-нибудь или перебраться на другое место. Не хотелось даже разговаривать.

Ложились на шкуры, прижавшись друг к другу. Собаки сразу радовались, укладываясь по краям. Ночью начало рвать палатку, лопнула веревка, поднялось полотнище, и вмиг ливнем залило все. Едва успели схватить край палатки. Двойное полотнище стало промокать. Волны подбегали все ближе, вода в реке прибывала. В кромешной тьме перетащили лодку поближе к палатке. Видели только, как зловещая белизна бурунов забегает теперь в самые тальники.

Лечь на мокрые шкуры нельзя. Спали сидя. Улугушка все курил и грел руки о трубку.

После затяжки засыпал ненадолго, потом начинал дрожать, с трудом просыпался, высекал огонек, подносил его к трубке и снова засыпал. Вдруг он страшно закричал и схватил спавшего на корточках Тимоху за горло.

- Отдай! Куда берешь?

Силин схватил его за руки, обезумев от страха.

- Что с тобой?

– Ты камень зачем бросил? – спросил Улугушка, глядя мутно и зло. – Мы умрем...

– Я не трогал твоего кремня.

– Как ты не трогал? – Улугушка быстро, как человек, которого только что обворовали, ошупал себя, запустил руку за пазуху, тронул пояс. Все, что надо для высекания огня, было на месте.

– Дурак ты, сумасшедший! Дикарь! Чего тебе мерещится! Вот гляди, и спички у меня целы и сухие. Я же знаю, что такое без огня...

Тимоха показал железную коробку, где он хранил сернички.

– И огниво и трут – все есть.

«Он так еще ополоумеет и хватит меня когда-нибудь топором по башке! – подумал Силин. – Господи...»

– А где топор у тебя?

– Зачем тебе топор? – испугавшись, спросил Улугу.

Через некоторое время Силин толкнул его в плечо.

– Ты че?

– Че! А ты и меня напугал! Я теперь уснуть не могу... Слышишь, ветер стихает. Буря, наверное, кончается. Поэтому ты крепко и уснул и тебе во сне представилось.

Улугу все же казалось, что кто-то хотел у него выбросить его мешочек. На этот счет он знал многое такое, чего русский знать не мог. А если ему скажешь, то он будет насмехаться.

– Не спи, я тебе говорю, – снова толкнул его мужик.

– А че не спи?

– А тебе примерещится, ты потом меня...

Но Улугу так хотелось спать, что он свалился на мокрую шкуру и сразу захрапел. Одежда его намокла.

Утром ветер разогнал тучи, река была грязно-желтой, цвета разведенной глины для обмазки. Приятели обрадовались, решили ехать. Волны показались им маленькими. Но едва отошли от берега, как сильным ударом окатило их.

Лишь на другой день, высушившись и подкрепившись горячей ухой, добрались они до гладкого лугового острова, на котором не было ни единого куста и лесины. С лодки из-за острова при большой воде видна стала деревня Утес.

– Вот теперь пройдем это село и с левой руки будет протока. По ней идти до озера. Туда впадает речка. На ней Егор нашел золото.

Серые глаза Улугу, казалось, почернели от злости. Силин заметил, что другу что-то сильно не понравилось. Улугу ничего не сказал, но ему хотелось кричать, ругаться матерно, плевать в лицо мужику. Теперь бы он хватил его без жалости по голове. Но Улугу молчал, и это молчание было как пробка на пиве. Стоит чуть сдвинуть, как все прорвется.

Улугу направил лодку к берегу.

– Ты что? – удивился Силин.

– Я дальше не поеду.

– Почему? Что это ты? Окстись... Закури, хоть успокойся маненько...

Улугу взял у мужика его кисет, но, подумав, вдруг размахнулся и хлестнул им Тимоху по лицу.

– Ты что дерешься? Ты в уме? – испугался Тимоха. Его знобило, как в лихорадке.

– Иди к черту! – заорал Улугу. – Куда ты поехал! Это речка не Ух! Я думал, ты на речку Ух идешь!.. Это не Ух, а речка Уй или Хурх! Это по-гиляцки речка Хурх! Есть такой гиляк, его зовут Хурх. Он сюда ходил... И так называли! Это, ой, худая речка. То она есть, то ее нет!.. Да! Это плохая речка, на нее нельзя подыматься в такой лодке. Надо четыре человека с шестью и надо не плоскодонку, а бат. На ней нет селений, никто там жить не хочет. Тьфу! Дурак! Дурак! – Улугу махнул рукой, отошел и присел на корточки, набивая трубку собственным маньчжурским табаком.

Силин подошел к нему скрепя сердце, постарался заговорить ласково. Но как ни просил Тимоха, как ни умолял, ни сердился, как ни сулил выгоды, Улугу отказался идти с ним на речку Уй наотрез.

– А ты прежде знал, что на этой речке золото?

– Нет, не знал. Если золото, так туда большой компанией надо идти. Это не ключ, а речка. На такую речку вдвоем не ходят. Там десять ден идти за перекаты надо, если вчетвером. А вдвоем – месяц! Ты сам говорил, Егор выше перекатов взял золото. Туда надо груз таскать...

Горько и стыдно стало Тимошке. Прожив столько лет здесь, оказался он бессильным, неумелым, как в первый год на новой земле.

– Пойдем в деревню и возьмем там продуктов. Мука у нас есть на месяц. Вон крышу видно на той стороне, это новая деревня Утес...

Там еще возьмем на деньги.

Тимоха пошел к лодке. Улугу, казалось бы, покорно ступил через борт. Оттолкнувшись от берега, он сказал:

– Я там вылезу, за сопкой живут гиляки, я возьму лодку и пойду домой. А ты делай, че хочешь...

– Ты что же, сволочь ты этакая, товарища в беде бросаешь? – не выдержал Тимошка. Мокрая от пота бо-роденка его свалаялась ключьями, и глаза как маленькие колючки или серебряные пятикопеечники с гербами надвинулись к лицу Улугу.

Силин вдруг обернулся и схватил весло.

– Убью тебя, заразу!

– Я сам тебя убью, дурак! – закричал У лугу, замахиваясь прави? лом.

Силин ударил, но Улугу ловко подставил свое весло. Из рук мужика упал в воду обломок весла, он ткнулся ко второму веслу, но Улугу вышиб его прежде, чем Силин успел замахнуться.

– Ты че, в уме? Куда мы с тобой без весел? – обиженно спросил Силин, которого безумная решимость спутника привела в себя.

– Ни черта! – ответил Улугу.

Течение пронесло их мимо Утеса. Пристали за сопкой к стойбищу и ночевали у гиляков. Тимоха купил два весла, и на другой день примиренные друзья пустились обратно.

Через два дня, с попутным ветром подымаясь вверх по реке, достигли острова, на котором жили двое суток в непогоду.

Нашли огнище от своего костра, место, где стояла палатка, порубленные тальники, истоптанная трава еще не поднялась как следует.

– Ты бы мне раньше сказал, какая речка, – говорил у костра Улугу. – Вот здесь есть протока, и дальше есть еще озеро, а с него есть переволок на речку Уй. Близко. Наверное, десять верст, и как раз попадешь на перекаты. А если идти от устья, то на такой лодке до них вдвоем надо полмесяца.

– Слушай, так, может, и пойдём здесь?

– Нет...

Утром Силин сказал:

– Знаешь, будь хорошим товарищем, покажи мне тропу, и я пойду один.

– А продукты?

– Продукты оставлю в тайге, вместе их зароем. А сколько могу, утащу на себе...

– Нет... Так не пойдет. Поедем вместе в деревню, тут недалеко живет мой дядя... Только про золото ему не говори, дядя хороший, но из-за золота убьет или утопить может.

В деревне купили Тимохе берестяную лодку, объяснив, что хотят по дороге охотиться на сохатых и бесшумно к ним подходить. Улугу проводил Силина к ключу, по которому можно подняться на низкий перевал.

Путь оказался короче, чем предполагал Силин, и в тот же день к вечеру глаза его увидели бурную реку, мчавшуюся к каменным перекатам. Тимоха спустил лодку и переправился на левый берег реки.

У Тимохи был в мешке с собой человеческий череп. Он нашел его нынче летом у себя на огороде. Чтобы припугнуть всякого, кто осмелился бы сюда приблизиться, Силин обломал мертвую талину и на белый ствол ее повесил череп. Следа не оставляя, прошел по воде и поднялся к месту ночлега. Там в чаще на берегу озера величиной с лужу разбил палатку.

А Улугу плыл домой под парусом и думал: «Какие мужики жадные! Как золото любят! Плюешь им в морду и бьешь их веслом по башке, они все терпят, когда им важно только бы дорогу узнать, как до золота добраться! Вот какой лоча! Верно старики про них говорят, что они амба-лоча!»

ГЛАВА 7

«Вот где я никогда не был. А говорят, мол, ты, Тимоха, не таежник! А я наконец до тайги добрался! Если тут и сдохну, то не жалко, все же я проник туда, где еще никто не бывал. Найдут мои кости и скажут: «Кто это!» – «Это Силин сюда первый проник». Ага, твари!

Дикая, пустынная река. Ни единого следа на песках, ни пепелища, ни остатка балагана.

Временами казалось Тимошке, что он очутился на другом свете. Пески, тальники, рукава речки. «Куда несет, туда пусть и несет – не надо бояться!» – утешал он себя.

Густые кустарники, дернины, нависшие над потоком, стремительное течение, вьющиеся растения, пышные цветы шиповника, величиной с красную тарелку, каких Тимоха никогда не видал, всюду разные ягоды поспели. А деревья такие, что ломит шею, если на них глядеть, и валится шапка, приходится поддерживать.

«В тайге тут никто не был, никто ее не топтал. Хотя бы тропка! Егор не на этой реке был. Улугушка правильно толкует, что его река и моя река сольются ниже».

А запасы продуктов у Тимохи в мешке заканчивались. Силин всегда старался держаться людей; в одиночестве он начинал тосковать, падал духом.

«А речке в самом деле конца нет! Будь оно неладно!»

Там, где остался его первый стан, удалось намыть сразу рублей на пятьдесят. «Это, конечно, богатство! Ну, а теперь как попасть домой? А она меня несет бог знает куда. Недаром Улугушка не хотел сюда идти, и Егор предупреждал. Но был же он где-то здесь, заходили другие, значит, даст бог, и я жив останусь».

У Тимохи прежде часто не хватало настойчивости, если попадалось трудное дело. Иное, когда работал он с товарищами, с соседями. Тимоха мог работать сколько угодно и без усталости. Еще смолоду отец говорил ему: «Надо тебе поступить работником в богатый дом, где хозяин всегда бы назначил, что надо сделать». Тимоха не жалел бы себя для хорошего хозяина. Он этого и хотел, да как-то не сговорился ни с одним из хозяев, не попал в работники. А

понесло Тимоху на молочные реки! Вот теперь прижился на новом месте, и все стало укрепляться в своем хозяйстве, и пустил он корень. И опять потянуло на этот раз в неведомую тайгу.

Силин старался править веслом, как его учили гольды.

«Завтра, если не доберусь до устья, то останусь без сухарей. Улугу говорил, что речка большими кривунами идет в Амур, снизу на бате подниматься за пороги десять дней. Это сто верст. За два дня должно снести меня течение. Я ему не поверил. И сейчас не верю. Если такая быстрая река, то обратно за два дня пройдешь, если туда – десять. Да, какой два – день, не больше!»

Тимоха повеселел, но тут его так стукнуло корягой по голове, что он чуть не повалился. Повел по лбу – все в крови, ухо тоже разбито, оглянулся, а впереди уже мчится новый навес из мертвых деревьев. Надо с лодкой под него нырять. «А что там? Водопад? Скала? Ах, мать честная!» Еле выгреб к берегу и осмотрелся. «Пески взять на пробу?» Он знал, что на быстрине редко попадается золото.

«Но ведь Егор выплыл? Вынесет и меня. Только может быть, что это все еще другая речка. Что же тогда?»

Тимоха поймал линька и пожарил его над костром, изрезав бока рыбе и насадив на палку, натер солью. Рыба с сухарем и густой чай – славный ужин.

Утром река, разбиваясь на рукава, опять зашумела на перекате. Долина ее была стеснена, углы утесов высились из-за пойм и островов. В русле виднелись остатки скал и большие камни.

Перекат Тимоха обошел по тихому руслу, но едва вышел из него на стремнину, как течение с силой, толчками подхватило его лодку и понесло. Река ревела и грохотала, волнами вздымаясь над закрытыми водой камнями. Оморочка ударилась дном о шивер, еще один камень царапнул ее, зелень берега, мерцающее галечниковое дно понеслись со страшной быстротой.

«А ну, ни черта! – вдруг осмелел Тимоха и направил лодку в самую пену. – Что-то получится!»

Раздался удар. Острый камень пропорол бересту, вода залилась в лодку. Тимоха успел перебросить на островок весло и мешок. Течение сбивало его с ног. Стоило шагнуть, как оступился в выбоину каменистого ложа, его потащило, ударило о корягу, сбilo с ног.

«Вот когда начало меня мутить!» – подумал мужик.

Острые камни рвали его одежду. Его катило по дну, и вскоре он на карачках очутился на камне. Оморочка его зацепилась за дерево с утонувшими корнями, лежавшими против течения между камней.

Тимоха добрал до островка, взял мешок и стал искать брод к берегу. Стало глубже. Тимоха захватил мешок зубами и с решимостью рванулся вперед, оттолкнулся от дна и ухватился руками за громадную ветвь ободранной лиственницы, пролегшей с берега на остров над глубокой водой.

По ветке Тимоха вскарабкался на ствол и огляделся. Его оморочку сорвало водой с дерева, унесло к завалу колодника. Она билась, но под колодник с течением не шла, держась, как поплавок.

Тимоха перебрался на берег и развязал мешок. Все промокло, но сухари высушить можно. Кремень и огниво с собой и спички в поясе, в железной коробке – сухие. «Слава богу! Русский человек не пропадет... Меня на какое болото ни кинь – я проживу! Ладно, жить можно!»

По колоднику перебрался к своей оморочке, наклонился, но не мог ее ухватить. Зацепился ногой за сук и головой вниз спустился к самой воде, достал руками оморочку и, бродя ими в ледяной воде, нашел в закрытом носу топор. Отнес его на сухое место, а потом вытащил оморочку на колодник. Перегнал оморочку пониже и вытащил на пески, где кончался перекат. Оморочка вся разорвана и разбита. Без иглы не починишь, да и нечем ее зашивать.

Верно говорил Иван Бердышов, что на перекатах надо вылезать на берег и тащить лодку или нести оморочку на руках. «Умный Иван! Ума – палата! Купец! Все знает! Но ведь колодник скопляется каждый год в новом месте, Пока его увидишь – уже налетел, выскакивай на бревна и сам еще угадаешь тут же под низ, тогда до свидания! Мне еще ладно обошлось. Слава богу! Как большая вода, так лес ломает и несет. Нынче вода была такая, что в прибрежных деревьях висят выворотни, принесенные течением».

Тимоха снял шапку и помолился. Потом, еще не зная, как ему быть и что делать, прошелся по отмели песка, подле которой гладко и красиво бежала река. Только сейчас начал он чувствовать, что случилась большая беда. Спасся, а что дальше?

На одном из камней, выступивших из воды, увидел он что-то желтое.

Тимоха плюнул и с презрением пошел за своим мешком; надо вынуть и разложить сухари, пока жаркое солнце. Он помнил, что у него в мешке свое золото, рублей на пятьдесят по самой дешевой цене. За это золото он еще поторгуется с баркасниками, со скупщиками, с живодерами и со спиртоносами. Все Тимохе поклонятся, заразы! Только бы живым добраться!

Тимоха высушил одежду, сухари, крупу. Мошка слетелась, и он, голый, обмывшись в ледяном ключе, жался под защиту дыма от костра из гнилушек, но и там комары и мошка кусали его жестоко. Желтый камень вспомнился ему и не выходил из головы. Он как врезался ему в мозг. Это не зря...

«А вон след от костра, затеска на дереве... Это Егор тут мыл, его тут место!»

Тимоха зарядил ружье, выпалил в одну сторону, потом – в другую, целясь в лес.

Но, выстрелив, он вдруг почувствовал, что перепугал этим сам себя. Надо было собраться с духом. Мошка опять накинулась на него, как по команде, и живо привела в чувство.

«А ну, схожу, чем черт не шутит, вдруг золото. Конечно, я знаю, что – нет, но все равно, делать нечего! А то потом буду думать, что проворонил...»

Голый мужик вдруг все бросил и бегом пустился по пескам. Он подрубил высокую березу, очистил вершину, чтобы сучья не сбили желтого камня, и повалил ее. Она со всеми ветвями легла близ камня. Вырубил шест и, опираясь на него, осторожно пошел по стволу. Солнце блеснуло на желтом камне, как на полированном. От волнения он бросил шест и, как белка, полез через ветви. Добрался по стволу до самого камня, протянул руку. Билось течение, дрожала и билась береза, и Тимошку била лихорадка. «Вот и говорят «золотая лихорадка», – подумал он. – Ребятишки в деревне теперь грамотеи, прочитали и про «золотую лихорадку» где-то в Калифорнии!»

«Анафемский род!» Голый Тимоха свалился с березы и теперь висел под ней, держась руками и ногами, спиной к ледяному потоку. Березу как раз подвело течением к шиверу, и Тимоха успел взять камень. Он очень холодный.

«А ну как я бы его уронил!»

Сам не помня себя, как бы на трех ногах, Тимоха, как зверь, шагал по стволу и чуть не свалился в воду. Он вылез на песок. «Значит, на этой реке никто не жил и от сотворения мира никто, кроме Егора и гиляков, на ней не бывал». Мужик перекрестил находку.

Долго он рассматривал самородок. Сходил к реке, умылся холодной водой.

«Нет, кажется, все верно! Егор открыл «золотую долину»... «Ну, Тимоха, теперь не дрогни!» – с яростью думал мужик.

Он взял свой ковш и стал мыть тут же, на отмели. В каждом ковше после промывания оставались значки.

«Быть не может, что все это золото! Кусок золота, тут золотников... Лежит на камне! Дьявол положил! Неправда! Этого нет! Поп сам не верит!»

Егор не солгал. Через полчаса и Тимоха нашел гнездо бобов из золота. Подумалось: «Егоровы бобы-то!»

Ночью Тимоха бредил, просыпался и хватался за топор. Утром он снова мыл и опять нашел гнездо знаков. Мужик в ужасе сознавал, какое чудовищное богатство ему идет.

По скале шла жила с проблесками золота. «Рудное кругом золото! И почему так люди за ним охотятся, такая же руда, а подай каждому, увидят и как сбесятся, и я вот ополоумел!»

Тимошка пал духом. Теперь он понял, почему Егор вернулся отсюда такой невеселый. Он не в силах был придумать, что можно сделать, как взять хотя бы часть этого богатства.

И даже выпить нельзя! Пьяному как-то легче придумать! Золото есть, а выпить на него не могу. Какая-то издевка! Нет, царь наш несправедливый! Это он виноват! – с горечью подумал Силин. – Может, так и погибну с этим золотом... Куда эта речка идет? Не хватит сухарей... С голоду подохнешь, а золото останется, и кинуть такой прииск жалко, кто-нибудь другой откроет. Теперь уже все знают, Улугушка разболтал, и Егор по дурацкой своей справедливости врать не врет и правду толком сказать боится, а всех возмутил, и скоро сюда попадут хищники. Надо успевать!.. Хоть сколько-нибудь еще набрать, пока силы есть. Знать бы, далеко ли я от Амура?»

Теперь золото огорчало мужика, повергало в страх, в смятение. Он сидел у костра и, схватившись за бороду, глядел на грудку самородков.

«Ну, что бы ни было, мыть и мыть буду, все равно, пусть сдохну, а намою! С золотом, наверное, сдыхать как-то легче, не даром пропадешь».

Тимошка до поздней ночи мыл. Он доработался до того, что ленился выбирать в ковше мелкие крупы, а хватал лишь значки.

«А может, это не золото? Я выйду на реку, а меня засмеют. Сухарей нет. Сожрал последний. Кто бы привез, дал бы за один сухарь десять золотников!»

Комары, мошка изъели лицо и руки. Глаза опухли от укусов, за ушами все изъедено в кровь.

Вечером жарил рябчика и все время ждал, что из темноты прилетит пуля. А сухарей больше не было.

– Э-эй! – заорал Тимоха.

Никогда раньше не боялся Силин, что кто-то вздумает стрелять в него.

«Самому начать отстреливаться опять? Вон кто-то идет или стоит? Кто это? Стрелить его, заразу?»

Тимоха схватил ружье, приложился и выпалил. Черная фигура стояла на месте. Тимоха пошел посмотреть. Это коряга. «Как я ее днем не видел? Вот бывают такие чудеса! Являются человеку! Еще Иван про это говорил».

Ночью снились золотые стручки, горох, баба хлеб пекла. Утром было как-то противно, сам голодный и словно натошак объелся золота, самородками набились голова, брюхо, тошнит. Все время думаешь о богатстве, оно давит, противно. Золото ворвалось в его трудовую жизнь, переменяло весь ход дум и чувств. Помнились, но как-то смутно, дети, дом. Казалось, золотые комья лезут у него из носу и из глаз. «Сбесился я! С ума сошел. Готово! Лихорадка золотая началась! Вот она!»

Тимошка еще немного помыл нехотя. Жадности уже не стало. «Пусть это золото остается, кому себя не жалко! А мне теперь что золото, что песок!»

Последний самородочек он не взял, пнул его ногой обратно в воду. ... Тимоха вырубил несколько сухих деревьев, связал их тальниковой корой. Вернулся, нашел в воде откинутый пинком самородок, сложил золото в мешочки.

Река вынесла его к вечеру на какую-то протоку, а к ночи он увидел огонек вдаль. Пришлось грести. Тальниковые рощи стали во тьме выше.

Тимошка пожалел, что не делал заметок, засечек, не занял место, кинул прииск прежде времени, как ненужный, перепугался чего-то, словно с девкой загулял, а жены струсил и дело до конца не довел. А теперь жалко. «Ну не беда, я свое возьму! Я пойду с Егором, он же справедливой жизни ищет и у меня мое не отберет. Хотя он засечки-то сделал, говорит, место остолбил. А я только череп поставил, чтобы припугнуть, да не там, где надо! А Егор глупости говорит: «Мы, бедные, жили честно! Как будем жить богатые? Мы богатство добыли трудом, как мы с ним сумеем обойтись?» Каким трудом? Глупости это, я раз плюнул и набрал, только неделю голодал и смерти от неизвестности боялся и думал, что меня из темноты застрелят. И все! Вот теперь я гульну. Я им всем покажу, как надо гулять, богаделкам!»

Вечером Тимоха опять отстреливался от коряг и выворотней. А утром пожалел, что много пороха зря истратил. Он сел на плот и немного отплыл, увидал крыши.

– Кто у вас тут всех покрепче? – весело спросил Тимоха стоявшего под обрывом одинокого парня в повом картузе.

– Курносов хорошо живет, только болеет нынче, заразная какая-то... Никита Жеребцов торгует. Враз обуе и оденет! Кажись, дома...

Оборванный Тимошка закинул мешок за спину и пошагал.

– Тятя, к вам пришли! – сказал парень в картузе, заглядывая в какую-то амбарушку.

Через открытую дверь видны были куски материи на полках и большая куча лыковых веревок на земляном полу. Лыко сушилось на низкой крыше амбарчика и висело на стенах.

Вылез хозяин. Тимошку даже малость покорило, что попал он к такому волосатому чудовищу.

– Ночевать можно у тебя?

Жеребцов взглядом смерил гостя с ног до головы. «Еще один оттуда же! – подумал он. – Гостенек!»

Мужичок хотя и оборван, но держится бодро. Разговаривает без подобострастия. Картуз, одежда и борода перепачканы глиной. Жеребцов давно приметил плывущего мужика и послал сына на берег,

чтобы перехватил возможного покупателя. «С добычей, – решил он, – и не с малой!»

– Ночевку по себе сыщи, – ответил Жеребцов.

– А ну, открой свой магазин!

– Перминский, што ль? – спросил Жеребцов.

– С Уральского.

– Слышать по разговору! – Жеребцов быстро положил лыко на скамеечку. – Милости прошу!

Ему хотелось знать, откуда один за другим выходят уральские старатели. Окает гость, не врет, в самом деле уральский. По разговору лучше, чем по паспорту, человека узнаешь.

– Своего как не принять! Дальний, а все сосед, родной!

Никита так сердечно сказал, что Силин даже пожалел его. Страшный человечеще, а оказывается – доброта. Но Тимоха не очень доверял.

– А у нас хлеба поспевают поздней, – говорил Жеребцов, вводя гостя в дом.

Тимоха опечалился при упоминании об уборке, и Никита это заметил, догадываясь, что гость его пахарь и чувствует себя виноватым. «Значит, идут они один за другим по следу Кузнецова!»

На подоконнике лежала подозрная труба. Силин знал, что это за штука. Такая была у соседа его уральского торгаша Федьки Барабанова. Он в эту трубу смотрел и узнавал, работают или нет у него на покосе батраки – беглые каторжные, а те потом удивлялись только, откуда хозяин все знает.

Но сейчас не покос. А на островах хлеб не сеют и не жнут. Не меня ли он выглядывал? Дом у Жеребцова над обрывом, высоко над рекой.

– Покупателей-то далеко видать на подъезде, – сказал Силин.

Забыл Жеребцов убрать эту трубу, а теперь не решился, не надо подавать вида, что укор гостя попал в цель. Тимоха заметил, как всполошился хозяин.

С золотом в мешке Тимоха почувствовал себя смелей обычного. Постоянное чувство вины и боязни, которое всю жизнь давило мужика, вдруг исчезло, и это было целым открытием. Он подумал, что, может быть, уж не такая хитрая штука стать умным. Надо только попасть на хорошую жилу и не сплеховать, хапнуть вовремя и не

раскидать потом богатства, удержаться. Он вспомнил старую свою присказку: «Богатый и ума прикупит, а бедный – дурак дураком!»

Он заметил, что Никита, кажется, жаден и не прочь унижаться ради выгод... «Только бы мне не перехватить лишнего!» – подумал Силин при виде бутылки с водкой. С непривычки, он понимал, трудно удержаться... Да, может, и не стоит!

– Нет ли у тебя рубах продажных, исподнего... Новые бы брючки! – сказал Силин. – Сапожки тоже...

– Есть, как же! Да закуси!

– Нет... Допрежь надо прифорситься. Давай вот прикинь, сколько дашь за такой самородок?

Жеребцов не стал жаться.

«Потеха! – подумал Силин. – Я брал даром, а он дает такие вещи! Новые! Да хоть вдвое бы меньше дал, и то выгода!»

– А вот это видел? – вытащил Тимоха из кармана еще несколько самородков.

Тимоха, кроме покупок, получил еще несколько ассигнаций.

Вытопили баню.

Тимоха пошел мыться и взял с собой мешок с золотом. Он переоделся во все чистое, в новое белье, сапога и рубаху. Хотелось бы купить пиджак и пальто со шляпой, но такого товара на Утесе не держали.

– Продай свой! – сказал Силин.

– Утонешь в нем.

– Это ничего.

Тимоха смеялся в душе, глядя, как богатый и степенный мужик угодничает.

Так было впервые в жизни.

Тимоха подвыпил изрядно, но на все расспросы, где золото, как ехал, как выбирался, отвечал сбивчиво, путал.

Силину отвели отдельную горницу в большом доме.

Утром бородач заглянул в дверь. Все утро Никита сидел на кухне, ожидая пробуждения гостя. «Стукнуть его! Да, ведь это не горбач! Тут живо подымутся мужики, и если не упекут на каторгу, то обойдутся самосудом... Не скроешься!» Он знал, гиляки видели Силина.

Никите казалось, что, не задумываясь, он при случае шлепнул бы этого мужика пулей в спину. А теперь приходилось терпеть и ждать, и

как-то выматывать, выуживать из него...

– Свининки тебе? Баранинки? Убойны? Что с утра приготовить? – спрашивал хозяин.

– Парохода нет? – спросил озабоченный Силин.

– Я на телеграфе узнавал, бегали для вашей милости. Нет, и не слышно. И не выходил.

Тимоха жил, попивал водочку, ходил в баню и крепился, чтобы не загулять. Приходили соседи Никиты, их жены. Своими приятелями стали и Котяй, и Курносов. «Пусть я все пропью, – думал Силин, – но хотя бы про Егорово богатство мне не проболтаться!»

Сын Никиты, не снимая картуза, вломился в двери с целой оравой парней.

– Просят мужики гулянку. Мы сами обезденежели. Может, разрешите? – ласково спрашивал постояльца Никита.

– Разрешаю!

Пароход не шел. А к Тимохе все еще приставали с расспросами, откуда вышел. Обиняки, и намеки, ит укоры надоели ему. Он уже не мог вытерпеть больше этой неправды. Все смотрели на него, как на скрягу. Он мысленно поставил себя на место мужиков. Выходило, что им обидно. «Хотя бы я их угощу как следует!»

– Подумаешь! Надо как будто нам скрывать! Нет, не-ет! Мы не таковские, – объявил он. – Мы не только для себя...

Гуляли допоздна. Девки выводили Тимоху плясать. Вся изба притопывала. Какая-то рябая широкая морда мелькала, терлась подле Тимохи.

– И-их... И-и-их! – повизгивали бабы.

– Ах-ах! – прыгал волосатый Жеребцов. – Цветочек!

«Как дьявол!» – подумал Тимоха. Рябая привела худенькую девушку с толстой косой и с нарумяненными щеками.

– Вот надо бы дочь скорей замуж выдавать! – зашептала она, сидя тесно подле Тимохи.

– Давай мне ее!

Рябая хмыкнула.

Тимоха хлопнул девку по плечу, та нагнула голову и деланно улыбнулась исподлобья. Кто-то говорил:

– Че она падчерицу свою привела! Бери, тащи в горницу, она как теленок...

– Она все хочет сбить ее с рук...

– Счет закрыт, – сказал мрачный с похмелья Жеребцов на другой день перед обедом. – Пойдем щи хлебать, больше денег нет и возни нет! Нагулялись...

– Как это счет закрыт? Хм!.. – выскочил из-под шелкового одеяла Тимоха. – Че уж вечер скоро?

– Кутить бы можно, да надобно подлого металла, – сказал Никита.

Силин вспомнил, что череп еще висит на берегу речки и там есть золото. Но в мешке ничего значительного не оставалось. Самородок, осененный крестным знаменем, исчез, ушел...

«А куда дальше? – подумал Тимоха. – Все туда же! Дорога одна, в те же чужие ящики! И девка без толку... И я без золота... Хотя на совесть гульнули!»

Силин подумал, что придется доставать последнее, мелочь. Все лучшее, отложенное из «заветного», он уж прогулял.

«Это еще когда-то, может, найдем мы золото на нашей речке, – полагал Никита, – а тут вот оно само. Сам прииск ко мне приехал... Не сдается гость, да теперь уж мы и сами найдем!»

Тимоха гулял по берегу в красной рубахе и в лакированных сапогах. Впереди с пляской шли бабы и девки, играл гармонист. Пьяные бабы носили Тимошку на руках.

– Ты на меня, Котяй, претензию не имай! С тобой делился братски, – басил Никита.

Кто-то ночью стукнул Никиту у ворот, когда он провожал соседей. Метили палкой в голову, а попали скользком, чуть не снесли напрочь ухо. Никита прибежал весь в крови.

Потом стреляли под окном у Котяя и откуда-то со стороны ответили, словно два дома затеяли перестрелку.

Но что было – ни Силин, ни Никита не помнили толком на следующее утро. Баба молчала и что-то тихо выговаривала мужу.

Сплгш подумал, что, может быть, кто-то из парней мстит за девку.

– Больше не траться. Я тебя теперь угощаю! – говорил Никита. – И то тебе не с чем доехать. Мы тоже братство понимаем и уважаем своих! Тебе надобно явиться к жене с капиталом!

ГЛАВА 8

В Уральском первый день уборки выдался сухой и почти безветренный, какие редки на Амуре. В эту пору, случалось, ливни и ветры губили ярицу. Поваленная и залитая проливными дождями, она быстро загнивала, и нечего было собирать. Люди не знали голода лишь благодаря торговцам, привозившим муку из Китая и Благовещенска. Охотно давали в долг с отдачей зимой мехами или деньгами, зная, что за здешними мужиками не пропадет.

Среди хлебов белели окутанные головы мужчин. Осыпая их, как черный дождь, сеяла мошка. К обеду оказалось, что Илья Бормотов перегнал Егора Кузнецова – первого косца в селении. Косили на разных полях, но заметно было, что Илья нынче всех обошел.

Над Егором посмеивались.

Илья пришел довольный и свалился, как мешок, под одинокую березу среди поля, глядя, как жена Дуняша вяжет снопы. Не хотелось вставать и идти обедать. Он даже и не думал кого-то перегонять, тягаться. Это было не в его натуре. Денек веселый, литовка новая, наточенная... Илья как пошел, так, кажется, и духа не перевел, пока солнце не поднялось в обед. Оглянулся – много сделал. Захотелось запрыгать и заскакать от радости, почувствовал, что и жене приятно, радость ее как-то к нему доходила.

Дуня – в плотно повязанном чистейшем легоньком большом платке и белых рукавах, тщательно закрывающих всю руку до кисти от опасного солнца. Все знали его силу. Застегнуты высокие воротники на кофтах.

Дуня, казалось, и не смотрела на удалую косьбу мужа, а лишь, как покорная рабыня, быстро и старательно шаг за шагом двигалась по его следу.

После обеда все уснули. Мать Ильи счищала со стола объедки и кости.

Еще было жарко, и солнце стояло высоко, когда опять все потянулись на поля, медленно и как бы нехотя, еще не размявшись как следует после сладкой истомы.

Косили и убирали и на другой день. Убранные поля стали велики и просторны, как комнаты, из которых вынесли все. Дуня помнила, что

когда-то, в первые годы в ее родной Тамбовке, поля были невелики, мужики за день все скашивали.

День еще ярче, и небо глубже. Все спешили, зная, что враз погода может перемениться. Но предвестников нет. Мать Ильи и его тетка не жаловались. Им обычно сводило спины дня за два-три до ненастья; кого-нибудь из стариков простреливало.

На высоком берегу, ступая по желтой стерне своими длинными ногами, красавица Дуняша спокойно и ровно вяжет сноп за снопом. Она знает, что старухи ее не любят. «А не придраться! Поди-ка позлись!» – думает она.

Дул легкий ветер с реки, было сухо и работалось легко. Дуняша, казалось, не знала усталости в работе, как в девичестве на гулянке.

Вольно на ветерке! Чувствуя свое сильное молодое тело, она гнется и разгибается, как потягивается, особенно когда почувствует, что в нее упрется, недоумевая и помаргивая своими заплывшими глазенками, отстающая от невестки раздобревшая сырая свекровь. «Куда это ты лезешь, куда гонишь?» – как бы хочет сказать старуха. Но не скажет.

Когда-то Аксинья души в ней не чаяла. Ей до смерти хотелось, чтобы у сына Ильи жена была красавица.

«Поди-ка попляши вот так! – думает Дуняша, словно дразня своим телом старых женщин. – Оба мы с Ильей в поре, в силе. Что же нам мешать?» Отец Дуняши лучший охотник в Тамбовке. Она и в себе чувствует удалую охотничью кровь. «Нам ли с Ильей не жить!»

Тетка Арина сзади шаркает чириками. Она с белыми глазами, лицо ее щуплое, нос с горбинкой стал под старость еще длинней.

Арина идет вровень с Аксиньей.

Свекровь всегда одинакова, она не злая. Как напуганная всех сторожит, боится всего, всякой перемены, радости, на работе сурова, никому не верит. «Рабы Христовы! – думает Дуняша про отца и дядю мужа, про свекровь Аксинью и про Арину и про многих еще. – Ничего не видят и не понимают, всего боятся... На старых местах люди – рабы. Ничего не видели, не знали и не знают сейчас и знать не хотят. А разве здесь жизнь такая? Разве здесь можно так жить, как мы живем?»

Сколько раз ласково пыталась говорить Дуня. «Со стариками и дети наши растут рабами; в грязи, дикарятами!»

Дуняша часто бегают к соседке, к своей милой с детства подружке – к Танюше. А старухи чуть со зла не лопнут. Живо Дуня преобразится, наденет полушалок, новые ботинки.

Сейчас, на поле, за работой, чувствует она, как чист и весел легкий ветер, как хорошо в мире, и себя чувствует она чистой, легкой. Она соскучилась по чистоте. Ветер заполаскивает ее длинную тяжелую юбку, освежает лицо, руки и ноги, обутые в легкие короткие чирки, шитые мужем из кожи и расшитые как покупные, со строчкой. «Илья ли не мастер!»

Она вяжет снопы охотно. Но вдруг подумает: «Для чего я стараюсь? Ах, если бы самой можно было наладить все, как хочется, как хорошо бы можно жить!» Дуняша в прошлые годы мыла золото с соседкой Татьяной. Теперь россыпь обеднела. Есть кое-что еще, но труда не стоит. На добытое золото подруги покупали хорошие вещи.

Дуняша выучилась грамоте. Кузнецовские мальчишки обучали своего отца и Татьяну. Дуня не отстала. Буквы она знала по Псалтырю, учил ее в детстве отец. У Егора теперь много книг в доме. Васька стал заправский читарь.

Муж Илья – работник каких мало, а в родном доме – батрак. Дуня следит за ним, грязной рубахи на Илье еще не бывало.

С поля идти домой вечером не хочется. Она чувствует себя дома, как бы на самом дне жизни.

– Бог ты мой, да что? Спаси и помилуй! Ах, Егор, антихрист, зараза! – вдруг забормотал бородатый Пахом. – Чего это он по «штанам»-то тянет лошадью?

По наклону холма, где раскинулись вызолоченные солнцем, как алтарь, нивы Егора, тихо катились запряженные буланой лошадью конные грабли.

И долго еще удивлялись и оговаривали соседа старики и дети подсмеивались, перенимая от старших неприязнь к новинке.

«То ли можно завести!» – думала Дуня. Нравились ей конные грабли, и Василий казался умницей и красавцем. Он привез эти грабли, сам купил на свои деньги. Шел он со своей белой, как лен, головой за красным чудом и словно о чем-то думал. Иногда ей жалко было Ваську, слишком уж он утруждает себя думами. Парень молодой, славный! Хотелось бы его встряхнуть, расколдовать!

Подскакал на коне Илья и спрыгнул.

– Управился! – радостно воскликнул он и опять повалился на спину неподалеку от проясневшей жены. – Со всем управился. Все сделал! За всех! Эх, стоят твои снопы!..

– Ты бы пошел Силиным помочь.

Илья ухмыльнулся.

«Илья ли не работник. Ильюша, как хорошо можно жить было бы! Дети бы наши не болели. Танька вон рябая, дочка, тоже вяжет сноп, учится, мамке помогает. Как она болела, как кричала, на себе хотела все коросты рвать, к кровати ее привязывали. Сердце обливалось кровью. Все болезни от грязи – полагала Дуняша. «Илья, нам ли с тобой не жить? – хотелось бы ей сказать. – Разве мы с тобой грабли не завели бы?»

Егоров сын приемный Сашка-китаец говорит: все болезни входят человеку через рот. Все несчастья выходят у человека изо рта.

Илья смуглый, волос на соломе черен, как уголь. «Наработался мужик и отдыхает. Пахарь! Пахарь мой! Да толку нет говорить. Ну как еще тебе сказать...»

Илья вскочил и пошел помочь Силиным.

Дуняша все же надеется подобрать к нему ключи. Она знает, Илья привык, зависим от отца по привычке, покорен, цены сам себе не знает. «Люди живут не для богатства!» Иван Бердышов говорил когда-то Дуне, что подарит ей пароход, повезет по всему свету. Смешно было слушать тогда. Зачем ей пароход? Но запомнились шутки Ивана на всю жизнь. Он заронил что-то. Жить надо лучше, а не хуже, стараться выбиваться. Грязи не бояться, но и в грязи не захлебнуться. Какой был Иван бедняк, жил с гольдами.

Дуне приходилось стирать загаженное, грязнейшее белье, отмывать кровь с портянок, протухший пот, дерьмо детское. Обстирывать ораву мальчишек и парней. Старшая сестра Ильи ушла замуж, сначала отделилась, а потом с мужем – унтер офицером уехала в город.

Ко всему руки привыкнут.

Бабка Дарья, мать Егора Кузнецова, говорит, мол, все людское. «Какой я только грязи в руках не держала, ничего со мной не стало, никакой грязи не боюсь». Это она говорит, когда стирает одежду у больных гольдов и купает их детей. А дети в стружьях, в болячках, с

больными глазами. Она их всю жизнь лечит и еще заразы в дом не принесла.

А на дом Бормотовых находила болезнь. Все ребятишки перехворали, страшно вспомнить, что было.

Молила Дуня бога. И молила мужа: давай уйдем, отделимся.

А Илья глаза тарачил и молчал. Богатырь он, а слабей бабы, отмалчивается всегда.

Хорошо, что хоть кровати у детей теперь.

Дарья говорит: «Все людское». Нет, людская грязь грязней всякой. За коровами приходилось убирать навоз, с утра до вечера вонь во дворе. Но коровья грязь – не грязь.

Дом большой, грязь нарастает в углах. Дуня удивлялась, как в этом бестолковом доме мог вырасти такой парень, как Илья, работник, не знавший устали, умелый, старательный, хороший охотник. У него своя отрада – кони. Он любит зимой почту гонять, лучший ямщик считается на всем тракте. Разнес однажды самого пристава Телятева так, что и кошевку разбило в щепы, и сам Телятев вылетел на лед и с тех пор опасается Ильи.

Летом, если подадут подводку – лодку для начальства, лучше Ильи гребца нет. «Конечно, жаль его отпустить из дома старикам!»

Дупя чувствует, что она, кажется, больше не любит мужнину родню. А перед замужеством, будучи Ильюшкиной невестой, так старалась угодить им во всем.

Дети болели, а мать молила бога: пусть лучше сама буду рябая! А вон дочь – с рябинами. А ведь Таньке жить надо жизнь. Кто ее возьмет рябую?

Отрада Дуни – подружка Татьяна, жена младшего брата Кузнецовых. Вместе росли в Тамбовке, вместе вышли замуж в Уральское, вместе тут батрачат. «Сойдемся – все забудем, опять как малые девчонки!»

Дуня знала с раннего детства, что придется ей идти замуж, в чужой дом, к чужим людям, в кабалу, в каторгу, на работу. Теперь отец и мать далеки.

* * *

– Смотри, какие цветочки, – опустила Дуня на колени. Илья радостно улыбнулся. Ему и в голову не приходило, какие-то сейчас цветочки... Жена прикрепила ему голубые колокольчики под ремешок на новый картуз с лакированным козырьком.

Илья повел коня в поводу.

– Давай такие же грабли купим! – сказала Дуня.

– Хм! Че это?

– Грабли купим!

– Зачем?

– Сегодня хорошо! – сказала Дуня. – Быстро мы с тобой построили бы дом свой. Все заведем... Пойдем на золотую падь. Таньку возьмем с собой... Намоем золота, ей приданое будет, все купим, и будет у нас дом свой и чистый! Отцу с матерью отработаем, отдарим, все им будет... Как Кузнецовы. У них и Егор и дети ходят золото моют.

Она обняла Илью, повисла на его шее.

По берегу катились с работы конные грабли. За ними валила целая толпа, бежали ребятишки, а посередине белел лен Васькиной головы.

Илья опять молчал. Он и сам думал, что хорошо бы убраться от стариков.

– Надо еще ремней нарезать, – сказал он, снимая узду за поскотиной и отпуская коня.

Дуня призадержалась. Ей нравились красные грабли, толпа и огромная релка, усеянная снопами, со снопами по гребню, на пологие голубого вечернего неба. Походило на картину.

Танька, нежно тыкавшаяся в подол лицом, стыдливая, застенчивая Танька, трогала мать ручонками. Хотелось жить и радоваться.

Еще было светло.

Илья ушел после ужина резать ремни из шкуры. Дуня побежала к нему через тихий пышный огород. Она увидела по лицу, как он обрадовался.

– Так пойдем мыть?

– Это все вранье, наверно, – ответил Илья. – Золота они нам не покажут. Да и нет там ничего.

– Нет, есть!

– Нету.

– Послушай меня вовремя, Илья, у тебя руки золотые... Пока не поздно...

Илья испуганно посмотрел на жену. Потом хмыкнул добродушно и вскинул голову.

Она опять заговорила, а он в знак согласия кивал, нажимая шилом на толстую кожу.

Как-то страшно было бы уйти с женой из дома. Илья привык во всем слушаться, работать на отца и на дядю и не представлял, как же они останутся.

Сам он жил в такой чистоте и в такой заботе, какая ему и не снилась прежде. Он помнил бедное, голодное детство, тяжелые первые годы, когда их семье пришлось тяжелей всех.

Все Бормотовы – честные работники, кроме работы, ничего не знали, жили как все, других не опережали и не обидели еще никого. Если отец и бил кого, то только своих.

«Но вот, к примеру, отец и дядя чего-то задумают, а меня нет! Или мать... А Дуняши нет!»

Илья даже не смог удержаться и ухмыльнулся.

Дуня встала и ушла, аккуратно притворив дверь. Она тихо прошла под окнами по огороду.

«Конечно, старики – дурные! – полагал Илья. – Мать часто ворчит, но что ее слушать!» Илье и самому надоела ругань и строгости. Но он, бывало, уедет ямщиком, а потом, сменившись, останется где-нибудь на почтовом станке. Соберутся товарищи, купят у китайца ханьшина.

Пахом и Тереха не запрещали Илье гулять, даже словно бы довольны бывали, когда он возвращался нетрезвый. Только редко случалось это.

Илья полагал, что, конечно, жена права, со временем само как-нибудь, наверно, решится...

А хорошие ремни получились! Не хуже городских!

– Эй, Илья! – крикнул сын торговца Санка Барабанов. – Я гонца поймал!

– Гонца! – Илья вскочил как ошпаренный и выскочил наружу.

– Да, скоро кета пойдет.

– Я как раз управился. Невода свяжем?

– Свяжем, – расплылась широкая Санкина рожа.

Ночью звезды Оринку вышли в зенит. По всем признакам, кета на подходе. Но еще пройдет неделя, прежде чем начнется ход.

... К Уральскому подходил пароход. Сеял дождь. Увидя с палубы свою убранную пашню, Тимоха притих и почувствовал себя бесконечно бедным. Горькая доля снова ждала его, как будто он вернулся не в деревню на Амуре, а в старое село в Расее, где был крепостным.

Он вышел на берег, стараясь казаться пьяным, чтобы не так было стыдно. Встречала его вся деревня.

– Гляди-ка, ты на пароходе стал ездить! – сказал веселый и толстощекий Санка Барабанов.

– А что я, хуже тебя?

И этот пароход брал дрова.

– Зачем ты врешь? Когда ты успел? – спрашивал Пахом Бормотов.

– Я быстро прошел. Я же сноровку имею, по золоту опыт, и давно набил руку. Старание...

– Откуда же твое старание? – спросил Федор Барабанов.

– Я был на речке, где Егор мыл. Открыл речку другую, свой прииск, а потом спустился на Егорову речку. Меня на тех перекатах чуть не убило, как Егора... Трепало... Да... Мы с ним открыли...

– Верно, верно! Там другие речки тоже с содержанием! – подтвердил Егор.

«Зачем отец поддакивает?» – подумал Василий.

– Силин в городских сапогах приехал! – подсмеивались бабы.

Мужики плотно обступили Тимоху. Он хотел идти домой, но Илья удержал его.

– Нашел? Намыл?

Никто, кажется, не верил рассказам Силина.

Илья Бормотов насмешливо смотрел с высоты своего роста на вернувшегося соседа. Тимошке пришлось подбородок поднимать.

Илья затрясся от смеха.

– Не веришь, спроси у Егора. Он там был! – сказал Тимоха. – На том же перекате, что и его, меня чуть не убило.

– Покажи хоть!

У Егора не решались так требовать, а к бедняку Тимохе чуть не лезли за пазуху.

– Показать! А ежели ничего у меня не осталось?

– Покажи! – попросил Пахом.

– Тимошка по приискам стал таскаться – врать стал, – отходя, говорили мужики.

«Чем бы доказать?» – думал Тимоха, сидя дома. Жена ни о чем не спрашивала его. Она сказала, что парень заболел, не справился с хозяйством.

Сын не стал говорить с Тимохой, ушел спать.

– Ни одного самородка не осталось, как сон пронесся! – сказал Силин жене.

– Тебе, пьяному, померещилось, поди камней набрал...

Тимоха снял свой картуз.

– Что-то блестит... Гляди... Вот пыль золотая в картузе... Верно?

Вошел Егор.

– Тебя обчистили в Утесе?

– Обчистили! Я крепился, но змей ведь... А вот знак! Гляди, Егор.

Никто мне не верит.

Тимоха и сам бы в таком случае не поверил. Мало что прогулял, он семью оставил без подмоги. Он чувствовал себя кругом виноватым.

– Слава богу, что живой вернулся! – сказала Фекла. – Да вот я и детям говорю, слава богу, отец живой... – повторила она, оборачиваясь в угол, где лежал ее старший разболевшийся сын.

– Никто мне не верит. Гляди, вот самородочек маленький, рубля на три... Эй, сынка! Иди посмотри... На три рубля есть! – сказал Силин. – Чем же я виноват? Людям нельзя было не потрафить, они меня приютили... Видишь вот, за подкладкой еще осталось.

– Что мы будем с тобой делить? – спросил Егор. – Видел ты?

– Все видел. Я, наверно, как кидал его в картуз – за подкладку попало... Но места я не выдал. Скажи Фекле, что я не вру. Еще пойдем туда.

– Это мы разведку ведем, – сказал Егор хозяйке.

Вскоре он ушел.

С печалью смотрел Тимоха на свой картуз на столе.

– Какое в тебе было богатство и пронеслось! Пронеслось счастье! А много ли домой привез? На три рубля! Позор!

Утром Пахом Бормотов получал на пароходе квитанцию за принятые дрова. У схода он не утерпел и спросил знакомого матроса, где сидел Силин.

– На Утесе.

Оказалось, что Тимоху провожали с бубнами и пляской. От жеребцовского дома и до самых сходов дорогу выстелили красным кумачом, и взошел Тимоха на судно в богатой рубахе и поддевке, но потом все прогулял. А вначале грозился, что может купить пароход.

«Греб такое золото!» – подумал Пахом, почувствовал, что его забило, как от озноба. «Егор ходит злой. Выдали все чужим, а от своих таят».

Дуня выдоила вечером двух коров, умылась и переоделась.

Старуха цедила молоко.

– Барыня ты молодая, с осанкой! – сказала она невестке.

Арина вошла с другим подойником.

– Куда ты?

– Машину посмотреть! – ласково ответила Дуняша.

– Что уж это! – вспыхнула Арина. – Что это за слова! Срам какой!

Разве женское дело машины посмотреть?

– А что мне? Что еще не сделано? И постель постелила в зимовье. Все чистое. Отдохну сегодня, как на свадьбе. Илье скажите, я живо...

– Куда это барыня-то вырядилась? – спросила через забор Агафья Барабадова, тащившая на вилах сено.

– Эй, барыня, дай сладкого! – закричали ребятишки, обступая Дуню.

– Ишь выступает! – встретила ее Татьяна.

У Дуни хорошие наряды лежат в сундуке. Она завела себе и шкафчик.

«Зачем тебе?» – удивлялся тогда Илья. Сама намыла она золота на речке, сама с Татьяной накупила, чего хотела. Но негде эти наряды носить.

Дуня пришла от Кузнецовых, скинула платок и, взглянувшись в зеркало, сказала:

– Дядя Силин не врет. Прииск нашел... И место красивое, цветочки там...

– Ты-то откуда знаешь? – спросила Арина.

– А вот знаю... Сама поеду туда... с Ильюшечкой.

– Ишь ты! – кисло поджала губы старуха.

– Само богатство идет к нам в руки!

Дуня охотно пошла бы мыть одна, с Татьяной под охраной Егора. «Но ведь баба. А детей куда? Даже и детей взяла бы. Таньку бы взяла».

Дуня умела мыть золото и умела продавать его, торговаться, знала, какое золото сколько стоит. Золотник равен на вес четырем игральным картам.

Илья сидел на лавке. Он отдыхал, сложив руки на брюхе и широко раскинув ноги в новых сапогах. Одну загнул под скамью, а другую выставил далеко вперед.

Утром Пахом встретил Тимоху и поклонился ему почтительно.

– Учужал! – пробормотал Силин.

– Прости, сосед! Мы по привычке, сами ничего не можем, а другим не верим. Мы ничего не знаем, а уж люди говорят... Знают где... Мол, Силин указал...

– Это мало важности, – ответил Тимоха. – Наше никуда не денется. Что вы за соседи, помочь не могли собрать... Сын грыжу себе нажил...

– А есть там золото?

– Там столько, что все с ума сойдут! Егор же говорил вам.

– Греб золото? Греб? – вдруг задрожав, как со страха, воскликнул Пахом и кинулся к Тимохе. Он готов был не то убить его, не то целовать в приливе чувства благодарности.

– Ты че это? Не кондрашка ли? Со мной беда, а с тобой смех, дай-ка я сведу тебя домой. Или, может, sprыснуть водой? Эй, Пахом! Че с тобой? Опамятуй! Верно говорят, что за свое готовы удавиться, а на чужое рады разориться!

ГЛАВА 9

Илья сел на табурет и опять ногу выставил. Дуня ухватила мокрый задник мазанного салом рыбацкого ичига, стянула его, содрала портянку. Илья запрятал босую ногу под табурет и откинул вперед обутую, выставил. Дуня сняла и второй ичиг, как мать ребенку, погрела ступни горячими руками, одну и другую, убрала ичиги, кинула мужу меховые чирики, налила в умывальник воды из котла, помыла руки. Муж обмылся не торопясь.

Дуня подала горячие щи. После обеда Илья попросил горячего чаю с брусникой. Он пил жадно и все не мог согреться.

Такого с ним еще не бывало. Он налил себе из латки брусничного сока.

Мужики ловили сегодня для соседей, на юколу, отработывали свою долю. Илья не стал про это рассказывать, и так известно. Для себя ловишь, как хочется. Для чужого приходится стараться.

Соседи всегда помогали Бормотовым рыбачить и учили их. Теперь приходилось свою обязанность исполнить. Но, кажется, уже отловились, гольды повели домой целые караваны лодок. Им хватит на зиму и себе, и на корм упряжкам, и на вытопку жира.

– Я сегодня любовался, как они рыбачат, – заговорил Илья. – На нем кафтанчик из рыбьей кожи, и он стоит в лодке. Себя не жалеет, ветра не боится. Стоит крепко в сильную волну, а как плюхнется доска днища и так его обдаст. А он ни че!

Дуня засмеялась от счастья. Она любила, когда Илья что-нибудь рассказывал.

Ветер злой, не так силен, как холоден, и с дождем. А гольду хоть бы что. Илье не хотелось отстать, и он все время спорил с ними делом. Он сильнее. Он и одет теплей, но на этот раз озяб, еле терпел. Виду не подавал, чтобы они много про себя подумали. Илья, считавшийся хорошим охотником и умелым рыбаком, сегодня признал в душе, что с гольдами ему не тягаться.

У Дуни руки разъедены солью и в порезах. Все эти дни она обрабатывала добычу с девчонками. Расейские старушки с ворчней помогали потихоньку, рыбы они боятся. Аксинья говорит: «Такую

разрезать силы нет, не женское дело, это не рыба, а свинья. К такой рыбе страшно подступить».

«Это не кит, а кета!» – отвечала Дуня.

«Все равно. Свиней резать – не женское дело!»

Дуня пластала смело, не хуже гольдок, работая с ними вместе на артельном столе под навесом.

Уже пятьдесят бочек уложили. Пахом закрыл, забил, все теперь готово. Стоит рыба в сарае подле мешков с солью. Рыба ждет купца с парходом. Придет – все заберет, расплатится. Пахом деньги поделит с гольдами. Выпьют по такому случаю рыбаки.

Сегодня с утра Дуня стирала, руки ее больные отходили, смягчались в горячей воде.

Приехал гольд за солью. Пахом пошел с ним в амбар. Аксинья держала фонарь со свечой, а Пахом брал соль и сыпал в ведра.

Вернувшись, Аксинья увидела, что пьет Илья чай с соком из новой кружки. Дуня купила ее, видно, вчера на баркасе у торговца, который приехал брать рыбу у Кузнецовых и у Сашки-китайца. Была у Ильи старая чашка деревянная, все ели и пили из таких еще дома, на старых местах. С малолетства приучен Илья матерью. Ей казалось, что вместе с ее чашкой он как бы принимает и ее материнское благословение. А тут невестка становится поперек! И что ей не живется спокойно!

– Детушка... – приговаривала Аксинья, укладываясь подле захныкавшего внучонка, в то время как мать его Дуняша хлопотала около своего мужа.

Невестка, что бы не увидела нового, все тащит с баркаса. «Видно, еще золото у нее припрятано, где-то держит его. Не у Татьяны ли?»

В избе на кухне горит лучина в поставце.

С другой рыбалки явилась целая артель. Тереха, двое парней и двое гольдов. Не переодеваясь, измученные рыбаки наскоро и жадно поели горячее, попили чая и повалились спать на лавках или прямо на полу, расстелив полушубки.

Дуня разобрала сырые сапоги и портянки, разложила и развесила сушить. Завтра еще рыбачить чуть свет пойдут далеко. Тереха помогает своим знакомым выставить сорок бочек. У Терехи свои друзья среди гольдов, свои расчеты, свой скупщик, еврей из Читы. До сих пор евреев мужики не видели.

Пахом не перечит брату. Завтра артель его пойдет на остров. Вода спала, коса выступила, и там лов хорош. А Пахом ловил возле дома, на Егоровой косе. Зачем далеко лезть?

Уральское год от года выставляет купцам все больше бочек. Теперь, уж наверное, четыреста бочек возьмут скупщики, и заготовливают их мужики, которые пятнадцать лет тому назад боялись воды, не могли взять весла в руки, не знали, как сладить плот, в лодке стоять не могли, валились с ног. И уже живя здесь, не знали, как ловить кету, как ее резать, солить. Некоторые еще и до сих пор боятся, бабы есть – не знают, как ее в руки взять, толстую рыбину, как ее резать, с которой стороны.

Купцы уверяют, что скоро через всю Сибирь пройдет железная дорога и тогда цена на кету подыметя, ее повезут во все города Сибири. А пока везут лишь по воде, небольшая часть доходит до старой сибирской столицы – до Иркутска.

Егор хочет солить икру! Но чтобы красную икру солить, надо, говорят, какие-то грохота, пропускать ее как золото, промывать, мыть в тузлуке, а тузлук этот варить. Где же у нас котлы? Кто это сумеет? Егору теперь все промывка мерещится, он хочет икру мыть, как золото. Егор сегодня рыбу сдавал, а купцы те отвечали, что привезем и соль, и котлы, и научим варить, только бы сбыт был, куда продавать, а голодных, мол, на свете прибавляется. Пока нет дорог, а будут дороги, мол, все вы разбогатеете. Зачем вам пашни, кидайте их, целый год можно пьянствовать и гулять! Рыба прокормит. Шутки они шутят! Целый год пьянствовать, у них же спирт покупать!

Пахом согласен, что вещи покупные здесь хороши, оружие, лампы, керосин, посуда, сукна, пальто. Такого раньше люди и не видали, откуда только это все везут! А что и видели, то было дорого. За деньги тут можно достать все. И от этого как-то страшно было на душе. Нам не сеять? Значит, больше не надо ткать, прясть, тянуть куделю с деревянных зубьев? Может, тогда и вечерами, длинными зимними вечерами, не петь и не работать? Конечно, хорошо бы вечный праздник! Налови кету, отправь ее на пароходах, возись с бабой и гуляй. А как же жить? Для чего человеку жить? Как же без дела? Нет! Пахом не желал так быстро расстаться со своей жизнью. Хотя в то же время он не желал и упустить барышей.

Дуня-невестка прошлые годы покупала простынное на баркасе. Дешевле, говорит, и лучше, чем делать самим.

Дуня сама работает, ее руками сделанное крепче покупного. Но купленное тоньше, белей, нежней. «Хочется всем новинок-то».

С бочками кеты ушли баркасы на буксире купеческого парохода. Егор с Савоськой для примера и даром отдали своему купцу бочонок с икрой. У Пахома с Терехой выкопана и убрана картошка, обмолочен хлеб и еще много хлеба придется молотить. Лен трепали бабы. Ветряная мельница заработала, но крыло у нее в ветер живо изломалось.

На озере звончей и веселей бьет церковный колокол.

Начинается промежговенье. Молодые в венках с дружками и подругами приезжают к попу на подводах, увитых по бортам и по корме осенними цветами.

А ветер уже злей... Дни выдаются иногда теплые. Егор говорил, что надо новую водяную мельницу делать. У Бормотовых нынче первый год нет больных, а то все дети болели. Двое из семьи Бормотовых схоронены на вершине бугра. А нынче никто не мечется в горячке.

* * *

Немало труда вложила Дуня в хозяйство. И Аксинье иногда хочется приласкать невестку. «Конечно, лезет она всюду, нас судит, но ведь она любя. Глупая, молодая, Ильюшку любит. Только что-то он не поучит ее ни разу, это ведь не вредит. Вожжами бы хоть маленько, чтобы не выражалась, а то уж очень бойка».

Но, представя себе, как отлупил бы сын Дуняшу вожжами, Аксинья вспомнила, как когда-то Пахом саму ее хлестнул, пьяный, уздечкой, и вдруг пожалела невестку. А сколько тычков, затрещин снесла сама!

– Ну, поди на улку, к подружке ли... отдохни, погуляй с Татьянкой-то, – сказала Аксинья, вынимая из печи свежие пироги с рыбой, с осетриной. Радуюсь пирогам и жалея себя за снесенные смолоду побои, Аксинья хотела бы и своей труженице, к которой привыкла за эти годы, отдыха и довольствия.

Илья чуть свет опять унесся сводить счета в лесу. Нынче медведи сообразили, что люди ночью боятся по тайге ходить. Ловят рыбу в сумраке. Купец заказывал Илье к весне десятка два медвежьих шкур. Хочет забить Илья. Мог бы у гольдов за бесценнок выменять, дать им старые ведра, чайники, что в хозяйстве не нужно, они все возьмут.

– Можешь погулять, – ласково повторила Акси́нья невестке.

– Запрягу коня? – спросила вдруг Ду́ня.

– Запряги, – сказала свекровь.

– Свекрушка, я в телегу запрягу?

Воскресений в семье не знали, все эти дни работали и по праздникам. Мылкинского попа не любили, ездили к нему, но всегда помнили, что он из-за выгод охотней возится с гольдами.

– Ласковый теленок двух маток сосет, – сказала Акси́нья и погладила невестку по плечу. – Гладенькая!

– Золота намоем... Все купим новое. Городское, – ответила Ду́ня.

«Ну, что же это?» – удивилась такой бесцеремонности Бормотова. Сегодня не хотелось ссориться, уж очень удачно прошла осень, и купцы хорошо расплатились.

– Городов-то тут нет! – сказала она. – Где брать городское?

– Городов нет, а все лучше, чем на старых местах. Сами же говорите.

Ду́ня запрягла смирную кобылу, забрала ребятишек и уехала.

«Куда-зачем, про то не скажет!» – подумала Акси́нья.

Ду́ня к обеду вернулась.

– Господи! Палки какие-то привезла! – всплеснула руками Бормотова. – Господи, да что это она? Зачем? Что ты?

«Если уж не делиться, так я хоть тут постараюсь!» – решила Ду́ня.

Утром пришла Наталья и увидела перед домом Бормотовых посаженные молоденькие деревца.

– Вот это сирень! – говорила ей Ду́ня. – А это – яблонька.

– Как-то еще разбирает эти кусты. Какая же это яблоня! Разве яблоня такая? На яблоне яблоки растут, а тут и яблоков настоящих нету, – ворчала свекровь, вышедшая послушать разговор. – По мне, так все они тут одинаковые, ерник и ерник! – сказала она.

Наталья почувствовала ее язвительность и ответила:

– Я тоже хочу палисадничек завести.

Не только достатка, но и красоты желала Дуня, и не только себе – всем. Дети, как могли, помогали ей. Как не видела их детского старания бабка? Им радостно. Они в жизни видели только, что дерево рубят, а как его садят, увидели в первый раз. Нет пустыря у дома, красит, радуется дерево. Это уж не та чаща, что в тайге.

– Весной распустится у вас сирень под окнами! – радостно восклицала Татьяна, прибежавшая к подружке.

– Земля уж холодная, – сказала Аксинья. – Не привьется!

– Самое время сейчас посадку делать, – ответила Дуня.

– Кто тебе сказал? – спросила свекровь.

Невестка не ответила, разговаривала с подружкой.

«Ишь ты, королева!» – подумала Аксинья.

Арина вышла и уставилась белыми глазами на кусты.

– Что же это она делает? – жаловалась Арина. – Все без спроса, как будто хозяйка в доме! Они же вырастут! Мошка будет от деревьев. Детей замучает. Бараны погибнут от мошки. Вон у Силиных мошка корову съела.

– Конечно, нельзя возле жилья держать лес! – говорила Аксинья мужу.

Пахом молчал.

Дуня гордо и презрительно смотрела на свекровь. «Надо Илье пожаловаться, а то он пень пнем. Поучил бы ее», – полагала Аксинья.

– Жена твоя, сынок, ничего не слушает, – сказала она Илье, встречая его.

Илья хмыкнул и, взоидя в дом, взглянул на Дуню с гордостью:

– Че, сад у нас?

Он повесил ружье и больше ничего не сказал.

– Давай-ка, муженек ты мой, делиться. Не будет у нас жизни... – улучив миг, сказала Дуня на ходу в сенях.

– Когда?

– Сегодня!

Илья хмыкнул. Он так ничего и не сказал ни жене, ни матери.

– Танька, где твой тятка? – спрашивала Дуня.

– Тятя, – хлопала девчонка обеими руками по скулам Ильи.

Он сидел счастливый, неподвижный, как бурхан. «Ему ничего больше и не надо!» – думала Дуня.

С детства она приучена была к мысли, что придется подчиняться мужу и свекрови. В девушках, с тайным невысказанным ужасом думала – кому отдадут. Кому продадут, кому детей рожать? Что придется терпеть, не знала. Умной девушке трудно. Глупой легче, ждет, как баран, когда зарежут. Слава богу, отец завлекся охотой и отдал Дуню по любви. А потом пожалел, спохватился, да поздно. Ему бы волосы на себе рвать! Продешевил, говорит, девку, женихов у нее был табун, мог бы взять большие деньги, а она не в богатый дом захотела. В бедный, в батрачки! Кто лучше Ильи? Иван умней его, но ведь он... – Дуня счастливо улыбнулась при этом воспоминании.

Отец Дуни надеялся, что Илья станет ему товарищем на охоте и слава их загремит. Теперь Спиридон недоволен, говорит, что зять сидит под бабьей юбкой и возится со старухами и что его не оторвешь.

ГЛАВА 10

Вечерами горит лучина. Девушки и женщины прядут. Мужики работают в лесу, рубят дрова, заготавливают для пароходов к будущему лету. Возвращаются в сумерках и стараются улечься пораньше. Если Пахом сказки рассказывает, Илья вылезет из-под полога, сядет на табурет у печки, подождет босые ноги и слушает отца, как ребенок. Илья любит, когда отец веселый. Пахом расскажет и сам ухмыльнется в бороду, застенчиво. Ссориться он горазд. А смеяться не умеет, не обучился за долгую жизнь. Не над чем было! Только в эту пору он изредка радуется.

Парни лупят глаза на братову жену, на ее пальцы, словно по пословице: «Села невестка прядь, берегите, деверья, глаз!» Дуня помнит старинную присказку, и не будь бы их любованья, и пальцам ее, верно, не так бы бегать. «Парни еще глупые, пусть подивятся».

Пахом умолкнет и уляжется. Парни расползутся по полатам и кроватям. Женские голоса затянут, девичьи подхватят, и полется протяжная грусть. Льяные девичьи головы клонятся над прялками с льяной куделью на гребнях.

Аксинья снимет нагар, упадут мелкие уголья в воду, зашипят и угаснут... Вспыхнет новая лучина.

«Пора бы уж спать», – думает Дуняша.

Покупные часы на стене пробили полночь, а свекровь еще крутит пряжу. У нее свой счет времени по пряже. По пряденью у Дуняши уже утро наступило, а у старухи – по кудели еще вся ночь впереди. Парни уснули, без них лучше... Сначала пелось славно, но и зевнешь, от скуки, чуть скулу не своротишь. И скорее прикроешь рот. Грех зевать! Спать все же охота!

Во всех домах поют песни. Обычай старой родины принесли крестьяне сюда. «А здесь все не так!» – сказала бы Дуняша, да некому. Иногда только Илье выложит все: «Дома не те, люди не те... только рабы божьи те же...»

За стеклами и за промасленной бумагой окон чуть поблескивают огоньки у соседей. Уж поздняя осень. Погода сухая, тихая, выйдешь во двор – холодно, звезды горят большие, белые, небо как сугроб, а земля черна, луны нет, при свете неба черный частокол ельников на сопках

обступил деревню со всех сторон. Тяжелые большие дома стоят на берегу.

– Не ткала бы, не пряла и голая не ходила бы! – сказала Дуняша, расстегиваясь за пологом. – Прииск-то...

Она перенимала пермяцкое оканье.

– Еще вдревь толковали, товары из-за моря идут! – отозвалась примирительно Аксинья.

– Бабу веретено одевает, – сказала Арина.

– Глаза устали...

– Без свечей-то, – вдруг сказал Илья.

Оказывается, он не спал. Дуня поразовалась, сердчишку легче, муж столько ждал ее.

– Мы век жили без свечей, – заворчала Арина.

– Это баре покупные свечи жгут даром, – подтвердила Аксинья.

– К рождеству где-то у меня еще свечи есть в сундуке, – вспомнила Дуняша. Она полезла в горячую постель. Илья горячий, лезешь, как в парную.

Не только свечей – стекла не стало. В разбитые окна нечего вставлять, приладили промасленную бумагу. Кончилось золото, выработались пески на речке под деревней, не на что покупать. А стекло подорожало, говорят, потонул пароход со стеклом в море.

«Зачем эта прялка и все... – думает Дуняша, – когда можно с Ильей намыть себе на свой дом, на скот и на хозяйство, на одежду и на женское. Что там свечи!»

Она слыхала от торговца Ивана Бердышова, как люди живут, видела сама кое-что и читала в книгах. «Можно жить и просто и легко, себя не убивать. Столько разного товара для удобства жизни! И все можно получить. А тут поем хорошо, да тянем зря. Боятся старики, как бы без дела не просидели, не обленились. Мы с Ильей и с достатком не обленимся!»

– Поедем мыть с тобой на Тимохин прииск! – шепчет она мужу.

Илья не спал не для того, чтобы толковать про прииск. Дуня рассмеялась громко, вырвалось у нее... Кто-то из старух кашлянул...

Илья славный. Он на все согласен и ничего, никакой работы не боится! Каких коней он выездил! И сам как добрый конь. Рванет – не удержишь. На прииски идти согласен, но особенно его не тянет. И не

совсем верит он Тимохе. Не говорит, но, кажется, ему и так хорошо. А иногда хочет мыть. Не поймешь его.

У Дуни словно пружина в сердце и завод. Удары в груди всегда будят ее в то время, в какое надо встать. Вскочивши, еще в полусне начинает прихорашиваться. Затеплится огарок за пологом. Здесь свеча, зеркальце, гребень и муж на кровати и рядом меньшая – Танька. Ее, Дунин, свой мир, маленький, теплый и любимый. Она иногда расчесывается во тьме, чтобы не зlobить рабынь.

И сразу пробили часы. Вот уж и собаки завыли.

Дуня гасит огарочек, коснется щекой ребенка, почувствует детское дыхание и впотьмах уходит во двор.

Она приносит дрова.

Воду наливает для скота в долбленные колоды. В старую избу несет воду, в кадку, в котлы. Затапливает плиту, сходит в ледник, принесет нарубленные накануне куски мяса. Надо еду варить. Задавать корм скоту, отруби запарить.

Начисто моет колоды для водопоя, ошпаривает их кипятком.

«Боже, дай нам счастья, детям нашим!»

По избе, как камни, еще лежат без движения в глубоком сне мужики и парни. Возлюбленный супруг за пологом раскинул руки. Дуня вбежит в дом, кинется к мужу под полог, отогреет свое сердце и опять за дело.

Пахом поднимается, начинает расталкивать парней, словно сам давно не спал. Удивляется, что никто вставать не хочет, и сердится, не может добудиться.

Старухи встали, уж ползают по двору, по закоулкам. Девчонки забегали.

Коровы ели, вареный корм им задан. Но не радостно Аксинье. Год от года Дуня становится сильней. Аксинья и Арина слабели, не могли обойтись без невестки. Без нее как без рук. Но не хотелось Аксинье признаваться в этом. Она противилась, желала показать невестке, что еще зорок глаз хозяйки. Она подозревала, что Илья будет со временем у жены под пяткой.

Поэтому, несмотря на все старания невестки, покоя в доме не было. Была бы ленива – беда. Но лень можно выбить. А такое старание страшней лени.

«Почему она так спешит, словно это все только ее?» – думает Аксинья.

Аксинья только подумает о том, что надо сделать, а глядь – невестка уже сделала, догадалась!

... Наступил рождественский пост, и к праздникам весь дом надо было прибрать, все вымыть и вычистить, перестирывать, перечинить и перештопать старье, сшить всем обновки, украсить дом пихтой.

А потом придется наготовить впрок пирогов, вынести на мороз одних пельменей не менее пяти тысяч штук, с мясом, с калужатиной и со всякой всячиной. Пирожки с черемухой на морозе замерзнут, как камень. Пельмени ссыпятся в мешки. Подвешат их мужики к балкам в амбаре. Это только начало...

Дупя побелила стены, измыла полы добела, терла их с песком в избе и в сенях, вымыла кипятком амбар, вычистила навоз, свезла...

– Маманя, – почесывая лоб, сказала она, стоя посреди избы, в то время как Танька лен-голова, закусив в рот свой подол, пряталась в ее огромной юбке, – вот это сжечь бы!

– Да ты что? Ах ты! – всплеснула руками Аксинья. – Сжечь! Да ты не заводила! Это хорошая вещь! Из Расеи... Ноская.

– Ноская! – грубо ответила Дуняша. – Эка золото. И стирайте ее сами! Привыкли жить в дерьме!

– Ты как это смеешь? – забегали глаза свекрови.

– Ты что это? – ужаснулась Арина.

– Да тут шкур сколько угодно, меха можете взять себе, другую пошить. Шелка у китайцев взять покрыть, самые лучшие в мире, задаром.

– Ты не заводила! Ишь какая! Шелка ей!

За обедом все ели дружно, и казалось, ссоры не бывало. При Пахоме, Терехе и муже Дуня сказала свекрови:

– Делиться нам с вами пора!

– Ах, вот что! Чего задумала! Как это делиться?

– Как ты с детьми справишься?

– Справлюсь!

– Уж детям ли не житье у бабушки?

– Правда, рукомойника боятся! Умываться не научу... Что у вас за дом? Вещей хороших нет, одни тряпки, – говорила Дуня.

– Как ты смеешь так отвечать! Илья, натрепал бы ее за волосы, как она с матерью говорит... Как она при старших смеет!

– Что же я плохого сказала? Я вам же хочу добра, – отстала Дуня и встала из-за стола. – Простите! – сказала она и низко поклонилась.

– Шшить вы, заразы! – вдруг закричал Пахом на старух.

– Побей меня, муженек, поучи! – выпрямляясь, сказала Дуня мужу.

Илья притих. На глазах у него стали навертываться слезы. Но чтобы никто не заметил, он быстро ушел. Пахом подпоясался и тоже ушел.

– Улестила всех! – пробормотала Аксинья.

ГЛАВА 11

Почта приехала. Пассажиры просили ехать дальше, обещали приплату. Вызвался Илья. Он сказал жене, что, по всем приметам, пурга не разыграется.

– Дай мне свои штаны, – сказала Дуня. – Я пойду за тебя в лес, как только погода установится.

Илья отдал жене ватные штаны.

Илья укатил с колокольцами, повел весь караван верхом на гусевике. С ним Васька Кузнецов и другие ямщики, шесть кошевок с почтой и пассажирами. Илья среди торосов дорогу знает, как волк. Проезжающие ему хорошо платят и угощают вином, очень нравится им, как Илья ямщикит. Только песен не поет. Ему скажут – спой, он смолчит или ответит: «Тут не Расея!» Возвращаясь, деньги отдает Дуне, когда в доме нет никого. А Дуня нарочно потом побренчит при старухах монетками.

Илья вырос в семье, в хозяйстве которой была единственная лошадь. Теперь у Ильи есть жеребец, томской, сибирской породы, с длинными ногами, и еще два мерина – гнедой и буланый. Есть мелкие коняги, мохнатые казачьи забайкалки, выносливые, сами себе могут корм добывать под снегом, как олени.

Однажды Дуня похвасталась отцу мужниным табуном. Спирька Шишкин ответил ей:

– Ты сама – кровная лошадь, породистая девка была. Ох... Илья был охотник хороший... Я его любил. Удач! А женился и на охоту не идет! Много у вас дела дома!

... Тереха болел не первый день. Дуня поехала в тайгу с Пахомом и с парнями. Она умела рубить лес, знала, как свалить лучше лесину, куда ее положить вершиной.

В полушубке, в длинной теплой шерстяной юбке и зимних штанах под ней, согнувшись, с топором за поясом бредет Дуня по снегу.

Куры в такой мороз сидят в избе в небольшой клетке, помет чистишь за день не раз. А то в кухне засмердит.

На другой день ударил такой мороз, что мужики не поехали в лес, напились пьяные, проиграли до вечера в карты.

Опять с ведрами, с подойниками, с отрубями возится Дуняша. Вымя надо обмыть, вытереть, выдоить. Вечером коровам нужен теплый корм.

Ночью, когда пожалеешь своих ребятишек, то пожалеешь и себя. Семка кричит, не спит.

– Черт ты! – не вытерпит мать. – Будешь спать? Выброшу собакам!

Илья вернулся с низовой почтой. Набитый деньгами кошелек отдал Дуне.

– Это тебе, чтобы зря не бренчала!

– Где же ты такой кошелек купил?

– Везли генерала с генеральшей. Она чуть не влюбилась в Ваську... А мне заплатили... Кошелек на свои деньги взял у торговцев... А Васька книг купил. Сходи к имя. Васька в своей кошевке генерала вез. С генеральшей, с молодой! А мне купец попался и все угощал вином.

Дуне негде поговорить наедине с мужем. Кругом толкуются. Илью нельзя отзывать, он не пойдет, еще и удивится, зачем, мол, зовешь, толкуй тут...

– Нет, – сказала Дуня ночью, в постели, отстраняясь от мужа.

Она стала тихо, но бурно жаловаться.

«Ночная кукушка дневную перекукует!» – думала Аксинья, не слыша ее слов, но догадываясь, что за пологом на нее с золовкой льется река зла.

– Вот уж врет, вот уж врет! – не выдержав, заворчала мать в потемках.

– А как гусевик, не хромал? – спросил с печи Пахом.

– Нет, – небрежно ответил сын.

– Я говорил, что припадает... Хорек его покусал...

– Я ли не работница... У меня ли не руки, – лился чуть слышный шепот прямо в ухо Илье, даже щекотно ему. – Нам ли не жить? А все нам заступлено. Уйдем, давай заживем сами, детям порадуемся и жизни. И друг друга мы не видим, не говорим... Без позволения не живем, шагу не ступим. Хорошо делаешь – им боязно, что я одолею, все возьму себе. Плохо – как на ленивую батрачку смотрят. Я не угожу никак, и не буду! Ильюшечка, милый...

– Что уж это, как не стыдно! – ворчит Арина, хотя и она ни слова не разобрала.

И Пахом ничего не разобрал.

– Нет, это она правильно! – изрекает он. – Лес рубить не женское дело.

– Тогда уж и жить бабам надо, как мужики! – склабится во тьме Тереха.

Илья силится, думает, как быть. Переменить жизнь? Отца-мать не переспоришь. Он непривычен спорить.

– А все-таки разделимся! – сказала Дуня утром свекрови.

И она почувствовала, что стрела попала в цель. «Слово не стрела, а хуже стрелы!» Выражение самодовольства явилось на ее сильном лице. Аксиною взорвало.

– Ссоришь нас с сыном?

– Чем я вам не потрафляю?

Тем временем Пахом заметил, что у новой кошевки оглобля напрочь вырвана.

– Ах ты, зараза! – раздался надтреснутый голос во дворе.

Илья получил кнутовищем по затылку. Выбежала Дуня.

– За что, тятенька! Он ли на вас не робит? Как вы смеете!

Дуня тронула мужа за рукав, но тот вырвался.

Илья наладил кошевку, почистил коней и явился в избу. Он опять сел, раскинув ноги. Потом, ни слова не сказав отцу, ушел, запряг коней и умчался. Он вернулся поздно ночью пьяный.

«Этого не хватало!» – подумала Дуня и ушла спать к детям.

Наутро Пахом сильно задумался.

– Что мне побои-то сносить! – заявил ему Илья.

Ночью, пьяный, он ударился лбом о ворота.

... Егор давно советовал Пахому отделить молодых. Сам он отделил брата, и тот жил с Татьяной хорошо и тихо.

– Но как же делиться? У вас ничего нет, – сказал Пахом.

– Кони твои! – обратилась Дуня к мужу.

«Что же, как цыгане на конях будем ездить?» – подумал Илья и ухмыльнулся. А на душе скребло, хоть плачь.

– Заработаем и отделимся, – стояла на своем невестка.

– Да как же мы с Терехой жизнь живем и не делимся...

– Да, уж пропустил я время! – с тяжелым вздохом сказал Тереха. – А то надо бы было... Это... То есть...

Он уже лет двадцать сетовал в душе, что вовремя не отделился. Брат крутой, строгий. Он командовал Терехой, как солдатом.

А Пахому казалось, что Тереха им пригрет, и в правах с ним равен и что им обоим живется одинаково и очень хорошо.

Тереха тяготился, но терпел, опасался, что не сумеет жить сам. Он смолоду жил умом отца, а теперь привык жить по указке брата и согласен был впредь терпеть, лишь бы не брать на себя заботы, не думать о делах. Но и он недоволен, что Пахом на новом месте больно держится старины, уж очень он обычаю покорен.

Многие думы ложились у Терехи в голове, совсем не как у брата. Терехе нравилось новое, а Пахому – старое. Тереха подавлял в себе все свои желания потому, что боялся разлада.

Вся семья перессорилась в этот день. Все остались в обиде друг на друга.

– Илья! А Илья! Ну, что ты молчишь?.. Смотри, Илья, – вспыхнула Дуняша, оставшись с мужем наедине, – я тебя погублю, ей-богу погублю, если будешь молчать.

Илья ухмыльнулся. Приехал Митька Овчинников и подбивал его ехать в кабак, «под елку». Илье надоели домашние споры и раздоры. Угрозу жены он не принял к сердцу. Она ли не заступник его, не первый ли ему друг, холит его, нежит! «Любит, как же погубит меня?» – додумал он и опять ухмыльнулся.

Аксинья пришла и сказала Дуне:

– Мы старые, уходить от нас нельзя... Прости нас!

Молодая женщина потемнела лицом. Такая покорность и доброта свекрови были хуже зла. Она знала, что не смеет не жалеть стариков.

– Че же делать? – сказал Илья.

– Делиться надо! – ответила Дуня.

На это у Ильи не было ни душевных сил, ни решимости.

Он пожал плечами.

– Илья! Заклинаю тебя! Смотри! Я не шучу...

... На ямщиковой попойке у китайца в лавке Митька Овчинников спросил Илью:

– Что ты последнее время нос повесил?

– Дома нелады, – признался пьяный Илья, – у баб грызня.

– Стоит ли из-за этого! – Митька засмеялся, а Илья совсем понурился.

У Митьки дело не ладилось с Настасьей Кузнецовой. Он подозревал, что она не зря всегда ждала прихода «Ермака». Там, как он слышал, есть один пропойца и прохвост, а Настя его жалеет.

– На золото я не пойду, – рассуждал Митька. – У нас все с ума сошли, отец ждет весны. Бабы жадничают. А я не ходил и не пойду. С Амура – никуда! И ты – плюнь на баб!

«Как же плюнуть!» – думал Илья.

– Бабы всегда грызутся. Что ты так удивляешься! Да Авдотья сама от семи собак отгрызётся. А ты так и будешь жалеть то мать, то ее... Бабы, они бабы и есть! Сплетки сплетают! А тебе-то что? Да пусть хоть дерутся!

Илья подумал, что, пожалуй, на самом деле не стоит так убиваться из-за бабьих ссор.

«Жалко, конечно, Дуню. Ну и что? Разве ей плохо? Разве мы не вместе всегда, разве она не любит меня? Дети у нас теперь здоровы!»

Илья решил, что нечего дома давать потачки, надо быть мужиком. «А я сам как баба, только и боюсь. Мать да жену!»

– Жена есть жена! – сказал пожилой ямщик. – Люби ее, как душу, тряси, как грушу!

– В тайге груши дикие, – отвечал Илья. – Их другой раз как ни тряси – толку нет.

– А на старых местах хороши груши, – сказал старик, – мягки и сладки.

– Так и ждут, кто сорвет, – добавил Митька.

Илью вдруг разобрала жгучая тоска и потянуло его домой. Больше не хотелось пить и разговаривать с Митькой. Илья недобро уставился. Подумал, что надо при удобном случае стукнуть его, заразу, за все. «Может, он и прав, но ловко бы двинуть его, чтобы сопло закровило».

Илья только не мог придумать, к чему придраться.

ГЛАВА 12

– Здравствуй, Василечек! – бойко сказала Дуняша. – Ты почему у Татьяны, а не дома? Покажи, какую книгу читаешь?

– Вот, гляди! А где Илья?

– Илья вне очередь уехал с почтой. Повез богатого китайца, крещеного. У него в Благовещенске свой маленький завод. Шуба на нем в тысячу рублей, сукно подбито собольим мехом, и роговые очки на носу. Вот это китаец! С ним едет свой врач, тоже китайский, ученый. А ты что не дома?

– А у нас свалка, читать не дают, – сказал Вася.

– Дерутся, што ль?

– Хуже... Приборка идет. Очищаются от грязи, а потом поедут в церковь очищаться от грехов...

– А я к подружке. Так она седня в батрачках? Ну я с тобой посижу...

Василий глянул в окошко.

– Она скоро придет! – ответил он.

– А ты, Васятка, читарем стал! Ну, покажи книгу... Хотя бы почитал. Илья у меня стал пьянствовать. Характера у него не хватает.

– Возьми себе эту книгу. Грамотная ведь ты.

– По Псалтырю тятенька учил: аз, буки, веди, глагол... Только мне делов не хватало, при бабке книжку читать! Василек, почитай вслух, а я посижу барыней. Кто это такая?

– Это... А вот смотри, какая черная красавица.

– Васька, бесстыдник! Это кто такая голая? Волосы черные, нос как у вороны? Сейчас свекрови отнесу...

– Это цыганка. Черная красота! Самая жгучая!

Дуня откатилась на каблучках и снова подошла застенчиво.

– А ну, покажи еще.

Вася закрыл книгу. На обложке какое-то здание, перед ним высокие каменные ворота без стен, вокруг деревья. Надпись: «Париж».

– Где ты взял?

– Генеральша подарила.

– Молоденькая?

– Совсем молоденькая. Да и генерал не старый. Им тут выслугу дают скорей, чем на старых местах. Тут не только нам, но и генералам есть выгода.

– Красивая она? Узнала, что ты грамотный?

– Да, мы говорили, и она сама спросила, откуда же я знаю. Велела денщику распаковать чемодан и подарила мне книжку. Читайте, мол.

– А ты? – ревниво спросила Дуня. – Надо было поклониться... И она черненькая?

– Да, как цыганка. Красивая!

– Ты думаешь, если как цыганка, так красивая?

– Конечно.

– А русые тебе не нравятся?

– Нет!

– Я черная или русая?

– Ты? Так себе. Вечером, когда вырядишься, ты черная. А днем вот, как сейчас, белая, как гусыня.

– Вот бог тебя накажет... Женишься на белобрысенькой.

– Нет, я на черной. Вас, русых, много.

– А черные как вороны. Тебе не пора жениться?

– Пора.

– А ты помнишь, как ты был еще мальцом и приехал к нам в Тамбовку, вы тогда, как герои, явились с Бердышовым, ходили по Горюну... А я уж была в невестах... Как вы нам все понравились! Иван такой удалый, веселый...

Васька покраснел до корней своих светло-русых волос.

– А Илья отбил меня у богатых женихов! Пень, а что удумал! Верно! А помнишь, Василек, я тебя еще целовала на вечерке, как малое дитячко... – И Дуня погладила его густые, мягкие волосы и заглянула в лицо.

Вася потому и краснел, что помнил. Он поднял на Дуняшу чистые, немного грустные глаза, словно просил не обижать.

– Я ведь знаю, ты не такой смирный... Слыхала, чего в городе натворил... А ты что нынче с Ильей не поехал? Дружба, а выдал товарища, а еще на прииск его зовешь! Если пойдете, и я с вами пойду...

– Становой поедет, телеграмма есть на станке. Илью он убить грозился за то, что еще те годы разнес... Я за него поеду!

– А красивый город! – сказала Дуня, рассматривая книгу.

– У них тепло, зимы не бывает.

– Дедушка мой, Спиридона Шишкина отец, воевал... Тятя мне на охоте рассказывал... Так понравилась?

– Даже очень! Вот эта как раз на нее походит!

– А Илья неграмотный у меня! Еще до барынь не добрался! А ты что, генеральшу голую, что ль, видел?

– Почему это?

– Да говоришь, что эта картина на нее походит!

– Лицом поди!

Васька засмеялся.

– Пора тебе жениться, чтобы на генеральш не засматривался. Кого выглядел, тихоня! У тебя все проезжающие, то генерал, то американец, то поп... Я думала, ты в попы готовишься!

– Я ей рассказывал, она удивлялась, что у нас американцы живут и что Бердышов был в Калифорнии...

– Как я ее не повидала! Сбегала бы за чем-нибудь на станок, молочка бы ей отнесла. Она, говорят, требовала молока.

– Нет, она везде просила сливок. Для кофе.

– А где взяла?

– А Татьяна на что!

– Ах ты, верно, она звала... А я в коровнике назьмы чистила... Будет у тебя жена... Черная, красивая, нос с горбинкой, как баба-яга. – Дуняша расхохоталась.

Вбежала Татьяна.

– Все! Отбатрачила!

– А где Федя?

– Федя мой спит в бане. Ему хоть бы что! Вот батю любит! Егор с Петрованом поехали к китайцу – к нашему брату Сашке Кузнецову, а не к купцам... А ты че с неженатыми парнями?

– Василечек! Дитяtko! – Дуняша приласкалась щекой к Васяткиной щеке. – Он мне всегда люб... А смотри, какой он вырос... Встань!

– Что я, не знаю, што ль? Соколеночек мой! Племянничек! – об другую щеку потерлась Татьяна. – Грамотный, зараза! Что прочтет, сразу запомнит. Тебе бы, Васька, в город...

– Ну, молодки, я пошел, – поднялся Василий. – Сплетничайте тут.

– Постараемся!

– Спасибо, Василь Егорыч! – поклонилась Дуня.

– Уж простите нас, – в топ ей ответил Василий и тоже поклонился. – Ты там со своими все из-за яблоков с черемухой не разберешься? Наши, кроме палок да грибов с огурцами, ничего не видели.

– А редька? – отозвалась Татьяна. – Редька да капуста, чем не еда. Пермяки да тамбовцы, чем не беда...

Василий, надев шапку, в одной рубашке пошел домой.

* * *

– А что от тебя ханьшином пахнет? – спросила Дуня.

– Свои угощали на помочах! – ответила Таня.

– В пост-то!

– Мало ли! А помнишь когда-то, как в Тамбовке плясали великим постом? Васька все о чем-то думает, ты бы хоть его возмутила, свела бы с ума, – говорила ей Татьяна.

– Куда сводить?

– Туда!

– Грех!

– С Васькой-то грех!.. – Татьяна расхохоталась. – Я бы другой раз сама думаю... Кто это нас с тобой смущает?

– А я согрешила! – печально сказала Дуня, садясь на сундук и локтями упираясь в свои колени.

– Это с Васькой-то?

– Нет. С Ильюшей! – Дуня понурилась. – Первый раз в жизни пожелала ему плохого... Пообещала обидеть его. И не могу забыть.

– Какие пустяки! Какая ты барыня! «Эх, барыня угорела, много сахару поела!» – прошла Таня с притопом и взвизгнула: – И-и-и-эх! Эх! – и развела рукой. – Гуляй! В своей-то избе! Сейчас моя орава нагрывает.

– Нет, это не пустяки, – ответила Дуня.

– Васька у нас не влюбился ли в генеральшу! – сказала Татьяна. – Какой-то он задумчивый. А ведь парень что надо. А ну как черноглазая присушила, зараза! Знала бы – сливок не носила ей.

Василий пришел домой. Егор вернулся только что от своего приемного сына из-за речки. Он велел Васе почистить ружье. Василий посмотрел в дуло. Там – черно.

«Сам ездил, стрелял, а меня не пускает», – с обидой подумал Василий. Ему хотелось размяться, сразиться с каким-нибудь зверем. Вдруг нарвешься! И подумать в тайге, чтобы никто не мешал.

Генеральша так и стояла у него в памяти.

«Вы начитанный», – сказала она ему потом.

Генерал с женой устали в дороге. Вася посоветовал им задержаться в Уральском и одну ночь спокойно переночевать. Он сказал, что предупредит, чтобы все приготовили, даст домой телеграмму.

– У вас есть телеграф? – спросил тогда генерал.

– Нет. Но за рекой есть станок, и там живет телеграфист. Он живо перешлет отцу с нарочным.

Генеральша достала бумагу.

– Я напишу сам, – сказал Вася.

Она удивилась, какую толковую телеграмму составил. Написал безукоризненно грамотно, со всеми знаками препинания.

– Где вы учились? – спросила она.

– Отец отдавал меня знакомому. И сам старался.

– Хороший учитель оказался?

– Да, хороший человек.

– Как он сюда попал? Пьющий?

– Нет, он... хромой.

Генеральша хотела дать денег на телеграмму.

– Мне платить не придется, – ответил Вася. – Здесь у нас все свои и передадут без денег.

Пока проезжающие обедали на станке, он отнес телеграмму.

В дороге Василий рассказывал про Ивана Бердышова, про жизнь крестьян, про их промыслы.

– А доходят к вам газеты?

– Да, мы читаем.

– Вам, Василий Егорович, – сказала на прощание генеральша, – надо учиться. Может быть, когда-нибудь вам стоит поехать в Америку. Здесь это просто. Ездил же Бердышов! Теперь разрешено. Некоторые сектанты совсем переселяются туда. Вы бы отправились на корабле.

То, что вы говорите про золотые богатства Амура, очень походит на рассказы про золотую лихорадку в Калифорнии.

Василий почувствовал, что новая знакомая хочет для него какой-то другой, лучшей жизни. Он и сам иногда думал об этом.

Ему казалось иногда, что еще будет он жить не здесь. «Не от Ивана ли Бердышова передалась такие мечты? Тот бредил вслух, на Горюне, когда таскались на лодках с товаром по речкам и озерам, что заживет...»

После Горюна, на вечерке первый раз в жизни поцеловался Васька, и не сам поцеловался. Дуняша влепла ему поцелуй. Она тогда дразнила Илью!

Васька дружит с Ильей. Но до сих пор Дуняша нравится ему, и он душевно напрягается при встрече с ней, чтобы не выдать себя. А она хороша. И она и генеральша...

Васька бывал в городах. Черноглазые женщины нравились ему. Он встречал их в Благовещенске, куда ездил с отцом покупать коней, и в Николаевске, который нынче разжаловали, порт оттуда перевели. А прежде там стоял гарнизон, корабли, было много чиновников и военных. А теперь все заглохло, ничего, кроме торгашей и бардаков, не осталось.

Вася знал, что всюду и везде считают черноглазых самыми красивыми. Чудо что за глаза у генеральши. Умны и ласковы. на белобрысых после такой и смотреть не захочешь. Черноглазые были редки среди серых и русских крестьянских девушек.

Дуняша, конечно, хороша. В детстве Васька мог сидеть и любоваться на нее подолгу, как медведь на ветрянку мельницу.

Генеральша спросила: «Это по имени вашего отца названо место, где стоит Уральское?» Потом сказала: «Ваш отец знаменитый человек, и я не удивляюсь, что у него такие дети...»

А Егор сейчас стоял в углу перед иконой и молился на сон, закрыв лицо ладонями. Он думал о сыне и молился за него.

Егор замечал, что парень бывает грустным и всегда о чем-то думает, словно он что-то видит и понимает такое, что незаметно другим.

«Может быть, ему тоскливо без дела, он ведь все умеет, не в такой нужде вырос, как мы. Может быть, желает того, чего нет, невозможного».

«Почему ваш сын так безукоризненно грамотен? – спросила его генеральша. – Вы его учили?»

«Нет, не я, а люди».

«Нет, я думаю, что вы, Егор Кондратьевич», – молвил генерал.

«Вы такой же удивительный человек, как ваш сын, – сказала она. – Он весь в вас. Только он производит впечатление воспитанного городского человека».

«А ты, что ль, не воспитанный?» – с обидой спросила Наталья, когда господа уехали.

Егор никогда и никого не жалел в своей семье. Он всем давал дело и работу. Жалеть детей было не за что. Надо было требовать с них, а не жалеть.

Васька всегда исполнял все беспрекословно. Много требовать с него не приходилось. Он сам умел сделать все не хуже отца.

Чувствует Егор, что становится тоскливо парню, жаль его, так жаль, как никогда не бывало.

– Ты, если хочешь, походи на охоту. Нынче лоси сами подходили, – сказал отец, разуваясь.

– Пусть его! – согласилась Наталья.

Теперь редко кто ходил с гольдами на охоту. Не было нужды тащиться в хребты за мехами, когда были другие доходы и можно за деньги получить все, что ввозилось в край отовсюду с тех пор, как введено порто-франко.

Василий до сих пор любил пойти далеко. В детстве его учили охотиться гольды. Соседи корили тогда Егора, что отпускает мальчишку с чужими.

Утром Василий собрался.

– Я несколько дней прохожу, – сказал он отцу.

Васька ушел.

Ушел он не вовремя. Но Егор не стал спорить. Он помнил, как его самого в эти же годы молодые гнела однообразная, скучная жизнь и как его принуждали делать то, что не хочется.

ГЛАВА 13

Опять Илья целое утро возился у кошевки, чего-то чистил и налаживал. У Пахома душа радовалась. Сын ведь старался, помня, как он строго наказал, чтобы все нужное для почтовой гоньбы стояло наготове и в исправности.

Илья запряг лошадей в кошевку, перепоясал полушубок широким американским ремнем с карманами. Застегнул все крючки.

Он выехал за ворота, остановил тройку и пошел обратно в избу.

– Кому ты подаешь? – спросила жена.

– Одевайся, бери ребят, поедem кататься.

«Тебе, тебе, жена! – хотелось бы сказать. – Неужели мне только почту на них возить для проезжающих! И не поедем сами!»

– Маслена у тебя? – грубо сказал отец.

– Не маслена. А воскресенье... Кони мои! – грубо ответил Илья.

Дуня оделась, вышла, поглядела на кошевку, на медвежьи шкуры на подкладке, порадовалась, глянула мужу в глаза, но не поехала, чтобы не обижать стариков. Еще почему-то, сама не знала почему... Илья поплелся за ней сумрачный. А потом выбежал и кинулся в кошевку. Он слетел с высокого берега, так что полозья затрещали. Долго гонял тройку по реке. Вернулся и, не пообедав, лег спать.

Пришел Савоська. Он курил трубку и рассказывал вечером разные истории.

Сказал, что тут жил прежде герой Макано, рода Дигор, бегал сразу по сто верст, охотился хорошо, никого не боялся.

– Думаешь, у нас своих героев нет? Не-е-ет...

Савоська сказал, что Горюн называется на самом деле не так.

– По-нашему она называется Светлая. На устье – деревня Бичи... Нгоати-Бичи – значит они живут. Далее деревня Хальбо. Знаешь, что такое Хальбо? – спросил гольд у заспанного Ильюшки.

– Знаю. Рыбалка! – ответил тот.

– Хальбо! Как раз не так! Рыбалка! Нет! Место, где притоняют рыбу. Рыбалка, может, среди реки тоже есть. А что такое гольд? Знаешь? – обратился старик к Терехе.

Тот ухмыльнулся.

– «Гольд» – такого слова нету. Нас зовете «гольды». Немец говорил: гольд – золото. Русский откуда-то взял – гольд и гольд. Есть деревня, где живут наши. Называется Гольди. А русский думал, так все наши люди называются. «Кто там живет? – спросили. – Гиляки?» Я ответил капитану: «Там деревня Гольди».

– Сказал, что другой народ оттуда начинается, а он не дослушал, он всегда торопился. Все скорей записывал и говорить со мной не стал. Так написал на карте. А я был молодой. Ну, думаю, оп потом догадается и все узнает. А он ни черта не догадался, и стали звать нас, как богатых немцев. А мы сами, мы – наши люди, весь род... как Нгоачи-Бичи – там живут. Экспедиция ходит, а не понимает.

Утром Пахом пришел к соседям.

– Егор, поедем в церкву. Все уж поехали нынче. Заночуем там, завтра с утра еще помолимся.

Егор знал, что все поехали в церковь. Дед ему давно говорил, что сегодня придется ехать.

А у Егора душа болела за сына. Василий ушел на охоту и не возвратился вовремя. Правда, он парень умелый и осторожный, но чего на свете не случается.

Приходилось ехать в церковь без Василия. Знал Егор, что Васька удал. Тихий обычно, да, говорят, тихие еще бедовой. Пока как будто Василий ничего не натворил. Как-то жаль было отцу своего парня. Василий часто скучал почему-то и все думал. Татьяна все дразнила его, что влюбился в проезжую генеральшу.

– Поедем! – сказал отец и велел ПЕТРОВАНУ: – Закладывай.

Пахом вздохнул облегченно. Он боялся, что Егор откажется. А поп велел Пахому приехать с Кузнецовыми.

– Дом у Бормотовых большой, а народу сколько! И братья не делятся, и сыну не велят, – сказала Наталья мужу, когда Пахом ушел. – Ты уговори его. Я с Аксиньей, а ты – с ним. Ильюшка не смел, сам не попросится.

– Скажу попу, – бойко сказала Татьяна. – Поп-то все укажет. Пахом послушается.

– А ты разве не едешь? – спросил Егор.

– А я домой пойду. Мужик слег, болен.

Егор жил не в ладах с попом. Но детей приходилось приучать к церкви, посылать на исповедь. Егору пришлось приучать детей уважать священника.

Наталья надела крытую хорошим сукном шубу, шаль. Бабка вышла в полушубке. Дед Кондрат сел на облучок и взял вожжи.

Егор пошел к брату.

– Что же ты не едешь? Поедем, мы ждем тебя.

– Нет, я не поеду, – ответил Федя.

– Что так?

– Я больной совсем. Трясет.

– А подводы с богомольцами уехали. И мы ждем...

– Дуня идет! – воскликнула Татьяна. – Принарядилась как барыня.

– Илья мой умчался! – входя, сказала Дуня.

– Богу молиться?

– Нет, поехал гулять. Мне скучно – ни спать ни лечь. Ребят моих увезли в церковь. Дом пустой. И у тебя пусто. Сплясать бы нам.

... Дуня просила Илью: «Побудь со мной. Все уехали, мы одни, голубочек мой, чернявенький мой!»

Но Илья не стал ее слушать. А единственный раз можно было побыть наедине, два дня побыть вместе, пока старики и вся семья на миссионерском стане.

«Останься, Илья! – просила Дуня. – Молю тебя!»

Она стала перед ним на колени и обняла их.

А Илью опять ждали в лавке у китайца, близ почтового станка Бельго, в восемнадцати верстах отсюда. Оп прошлый раз сгоряча и в досаде пообещал им приехать, когда Дуня не захотела кататься. Илья чувствовал, что получается нехорошо, что либо жену обидит, либо товарищей. Но жена человек свой, никуда-то не уйдет, она его любит. А перед товарищами будет стыдно, нехорошо отступить от данного слова. Над ним и так ямщики посмеиваются, что он у жены под каблуком.

Илья не слушал Дуняшу и одевался.

«Илья! Илья, ты обидишь меня, – приговаривала она. – Илья, я давно уже терплю, смотри, смотри – худо будет!»

С тем они и расстались. Илья сунул в карман карты...

– Соломенная вдова! – воскликнула Дуняша. – Дядя Егор, оставайся с нами, не ездь в церковь... Мы с тобой давай спляшем! –

бойко сказала она Кузнецову.

– Ты еще не уездила?

– Кадрель?

– В пост-то... Грех разводить!

– Делов тебе! Ты, говорят, купца-китайца в пост мутузил, да еще в великий! За красивую девку, говорят. Грехи-то отмолил?

– Отмолил. А что?

– А ты с девками гулял когда-нибудь?

– Как же! Хоть и теперь. Вот откроем прииск, и гулянка будет, пир на весь мир. Так не едешь, Федя?

– Совсем силы нет.

– А я куда же, его не кину здесь одного-то, – спохватилась Татьяна.

Егор уж заметил, что у молодых бабенок глаза блестят, они чего-то хотят затеять.

Таня закутала ребятишек и вышла проводить.

– Что же ты, Татьяна? – с оттенком укоризны спросила бабка.

– Да уж берите ребят с собой.

– Ты давно не была, – ответила Дарья. – Да я и сама не люблю этого попа.

Рыжий священник часто ссорился с Дарьей, однажды обозвал ее колдуньей.

«Какая же я колдунья! Я людей мыться учу, водой, с мылом, лечу травами», – отвечала она.

«Лечат лекарствами доктора, – отвечал поп, – а это есть знахарство, колдовство. Лекарства надо готовить химически, на то наука, аптекари. А ты – темнота...»

Потом у попа болела поясница, и он приехал в деревню, осторожно спросил Егора, нет ли у его матери каких-нибудь средств. Бабка Дарья дала травы, и поп вылечился. Старуха была на исповеди и подтвердила перед богом, что в колдовстве неповинна, что знает все травы, какие растут. Новые, здешние травы она угадывала и пыталась сама и сверяла свои открытия с тем, что уже знают про здешние травы гольды.

Поп отпустил ей грехи...

– Так сама не едешь? – спросила старуха стоявшую на морозе Татьяну.

– Нет.

– Все стали болеть, – сказал дед Кондрат, рассаживая внуков в широкие розвальни. – Научились. Раньше об этом никто не думал и слышно не было. Кто заболел – помер, и все. А теперь друг перед другом выхваляются – у меня, мол, тут болит, а у меня вот тут. Городские – те не стыдятся, еще и скажут, в каком месте болит. Срам! Верно говорили прежде, что грамотников будет больше, чем лапотников. Все будут одной веры, а толку не будет.

Старик сел на место и тронул лошадей.

– Говорят, пришлют нам фершала, – сказала Наталья.

– Только и толков будет, что про боль, – ответил дедушка.

«Нету Васьки, – думал Егор, глядя на горы. Он долго еще стоял у второй подводы с кнутом и не садился на облучок, словно ждал, что сын вот-вот выйдет из тайги. – Нету», – вздохнул он. Сел и взмахнул кнутом.

Он знал, Васька бывает и отчаянным, на тигров лезет, убил одного тигра, медведей бил. Пришел однажды и говорит:

«Не буду больше медведей бить. Жалко его... Он как человек, только обиженный...»

«В кого он уродился?» – думает Егор.

Иногда отцу казалось, что Василий скучает, потому что сделать что-то хочет, а не может. И не хочет признаться, что его тревожит. Егор ничего не запрещал ему. Васька любил охоту, но не так, как другие... Мог он выпить, но нельзя его spoить водкой. Играл в карты, не выигрывал, не проигрывал. На охоте до сих пор он не блудил и не терялся. Бывало, что спокойно бил самых разъяренных зверей.

Казалось отцу, что у парня его нет отрады. Только девицы заметно волновали Ваську, и вся надежда была у Егора на то, что сын женится удачно и стихнет.

* * *

– Они теперь долго прокатают, – сказала Дупяша.

– Егор отродясь не кричал, а с попом кричит в голос, – сказала Татьяна. – Поп его угощает, и расстаются каждый раз хорошо, но

прежде целый день пройдет за спором. Поп упрекает, а сам рад, когда Кузнецовы приедут.

– Илья поехал в Тамбовку в карты играть, – задумчиво сказала Дуня. – Пойдем ко мне!

Дома она достала полуштоф водки, поставила стаканы и налила.

– Наша бабья доля горькая!

Скрипнула дверь. Появился Федька Кузнецов, косая сажень в плечах, в светлой бороде, с улыбкой во все лицо.

– Ты же больной? А босой по снегу ходишь? – спросила Дуня.

– Ну их всех! – Федька ухмыльнулся в бороду. – И попа, и всех.

Мужик счастлив сегодня. Все уехали, его оставили в покое.

Ему подали стакан и налили водки. Федя выпил.

– Давай еще, – сказала Дуня. – Ханьшу хочешь? Или спирт?

– У меня дома хорошая водка есть, – сказала Татьяна, – и спирт.

– Я сказал, буду париться, спина болит, – ответил Федор. – А в баню идти неохота.

– Давай мы тебя напоим. Иди принеси нам водки. Вот тебе будет баня, – ответила жена.

– Мы тебя сейчас вылечим, – сказала Дуняша.

ГЛАВА 14

Дерево, сломленное в бурю, отлетело в сторону. Потом его замело и завалило снегом. Пень торчал особняком. Корни приподнялись.

Снег, прибитый ветром, ухал тихо, подламываясь и оседая под лыжами. Солнце в легкой мгле подымалось к вершинам молчаливых лиственниц. Вид был торжественный, словно природа тоже готовилась к рождеству. Снег выпал рано и улежался. Проходя мимо пня, Василий заметил, что под пластом с глиной в темной щели колышутся без ветра мохнатые волокна мочковатых корней травы. Он невольно сорвал с плеча винчестер, заряженный патронами с пулями.

Стоял и раздумывал. – поднимать зверя или нет.

Поднимать медведя из берлоги не хотелось. Но и уходить не хотелось. Что бы сотворить?

Василию хотелось бы доказать, что он не жалеет медведей, как про него говорят. Он взял на снегу обломленный сук и с силой кинул его в щель, под пень.

Тихо. Васька замотал головой, налег на весло и поехал с горы вниз, закрутил след вокруг скалы, похожей на палец. Снег под ним осел. Васька рухнул куда-то вниз, и его понесло вместе со снегом. Потом он почувствовал, что стоит по колена в теплой воде и по шею в снегу.

Вода! И эта вода быстро точила и съедала упавший снег. Василий забился, стараясь выплыть из тучи снега. Кое-как выбившись, он стал искать свои лыжи.

Дело было совсем плохо. Он начерпал в ичиги. Лыжи нашел и встал на них. Посмотрел вниз – там по всей низине, длинными синими пятнами проступала сквозь снег вода.

– А ведь это Горячая Падь... – пробормотал парень. – До дому недалеко, можно к вечеру добежать.

«Можно, – полагал он, – и не к вечеру, а пораньше, если налечь и постараться». Замокло все, ичиги замekli, а кремня с огнивом не брал. Дядя Савоська всегда учил его – бери кремень, не бери спички, черта тебе в спичках. Тайга не город... Без огня сдохнешь.

Не очень сильный мороз, кажется, или просто так разгорячился Василий, что ничего не чувствует. Хорошо, что деревня близко.

Он решил, что нельзя терять времени, ноги на ходу загорятся и высохнут.

Он понесся напрямик, собрав всю свою силу и не желая погибать от мороза.

Надо бежать как можно быстрее. Одежда обледенела, и, судя по этому, мороз велик. А день короток. Солнце уж поднялось, светит в спину сквозь редкие стволы. Теперь уж не думаешь, красиво ли вокруг. Так на всю жизнь отучишься любоваться.

Под ледяными унтами и штанами в ледяных пупырях – мокро. Но Василий знал, что, когда разгонишься, станет теплей. Он бежал так быстро, как только мог. Ветер подул в лицо, стал жечь щеки и нос. Солнце светило ярко. Славный денек.

Ногам в унтах стало теплей. Сколько Васька бежал, он не знал. В страхе или в деле время идет своим чередом. Уж, кажется, близко Уральское, а все время являются сопка за сопкой, словно кто-то их расплодил нарочно. Какая-то горелая сопка попалась. Василий прежде не замечал ее никогда. А солнце словно стояло или шло вверх иногда. Но Вася знал, что это он сам забирался вверх по мари на плоскогорье.

Вон, слава богу, Косогорный хребет. Сил остается мало. Васька чувствует, что все жилы его начинают промерзать. На ногах мышцы – как натянутые скрученные веревки.

Он не полез через хребет, а пошел в обход по речке, по речке же вышел к озеру и побежал по релке в редком лесу. Вот уж видны снежные чистые квадраты среди гладких черных стен леса. Пашни! Силы, казалось, прибыло. Пальцы на ногах ничего не чувствуют. Не обмерзли?

Уж близко, а все нет дома.

Васька остолбенел. Что такое? Пожар в пашей деревне? Кто зажег? Неужели по злобе? Кто на кого? Не себя ли кто сжигает?

Парень стал сильно мерзнуть.

Близко от дома, а бьет озноб, все холодней становится. Это потому, что Амур близко, а от него всегда дует.

Нет, это с Федькиной баней что-то случилось. Она вся как в облаках, того и гляди, подыметя и ветром ее унесет. На сильном морозе густой пар валит из всех щелей. Рассохлась, что ль? Вот это кто-то парится! Ай, дядя Федор! Наверное, жарятся наши старики! Вот где тепло!

Васька подумал – в церкву собираются, хотят приехать во всей чистоте. Постятся, праведные люди!

Он представил, как сейчас окунется в этот жар. Спасся, наконец-то! Добежал! на рощисти солнце вышло над деревьями. А он уж дома! Теперь всю жизнь будет брать кремень и огниво.

Васька забежал в баню. В предбаннике в густом облако пара содрал с себя меховую куртку, скинул унты, сорвал обледеневшие портянки. Ноги целы!

– Кто тут? Ты, что ли, Васька? – Из пара вышла разморенная женщина. Шея у нее черная, светлые волосы подняты наверх, уши открыты, и от этого кажется она еще голей.

Васька никогда не думал, что Татьяна такая ладная. Лицом она всегда мила, в веснушках. Шутливая озорница! Смотреть на жену дяди Федора всегда приятно. Ему не было двенадцати, когда она вышла замуж за Федьку. Василий был ее любимцем. Иногда она пыталась учить его целоваться, дразня застенчивого молоденького мужа. Васька смущался и дрался с ней. Потом он привык, что Татьяна всегда с кучей ребят, в каких-то юбках, платках, чего-то на ней всегда понадевано, так что кажется она старухой. Только ключицы торчат, словно на ней кожа и кости. А сейчас она такая молоденькая, гладенькая, пухлый живот туго схвачен в поясе, пухленькие ноги. Привычная усмешка и озорство в ее глазах. Конечно, бывало в деревне, что мылись всей семьей. Так было. Ваську лет до двенадцати водили со всеми. Потом чего-то заметили за Васькой старшие. Выгнали его тогда из бани, и стал он ходить мыться с отцом.

– А мы тут отмываем боль и ду?ши, – сказала Татьяна. Парня обдало запахом водки. В бане кто-то поддал пару, и послышался какой-то крик.

– Я провалился в тепловод, ноги не поморозил ли...

«А косточка на груди – чистый обман», – подумал Васька.

– А ну, дай лапу, – Татьяна подошла, нагнулась, подняла его ногу.

От струй горячего пара, ударивших с раскаленных камней, в предбанник отступила высокая женщина с темными мокрыми волосами. Васька думал, что там племянники моются. Он узнал Дуняшу Бормотову. Ему ударило в голову, словно он залпом выпил целый стакан спирта.

Она обернулась и вошла с поднятыми на голову руками.

– Вася-я!

Он вскочил, схватил ружье и опрометью кинулся вон из бани, запнулся за порог, ударился о косяк ружьем, увидел, что солнце еще высоко. Он позабыл свое намерение парить мерзлые ноги.

– Куда, босой! – закричала Таня и схватила его на снегу за пояс.

– Васька! Куда, грамотей! – Дуня выскочила и схватила его за шею, потянула назад за голову. Парня втащили в баню.

– Вы – пьянчуги!

– Пили на свои!

– Мы тебя выпарим сейчас, только ты зажмурься и не подглядывай, – сказала Дуня, толкнув его на лавку.

– Да, зажмурься! – обиженно отозвался Василий.

Таня – пышка, а Дуня тонка, как лоза, у нее большие пальцы красных распаренных ног. Васька еще на снегу заметил, она, стоя сзади него, зашагнула за его ногу. Мокрые груди ее, кажется, устали от парки, отлегли. Дуня прикрывалась веником. Бабы эти свои, домашние, всегда в работе, с ними вместе Васька рос. А тут обе оказались красавицами.

Они принялись снимать с него рубаху, отняли шапку и куртку, делали все быстро.

– Штаны сам.

– А то вдвоем разорвем напополам, потянем в разные стороны.

– Ну, живо! – закричала Танька. – Эка невидаль!

– А че мне стесняться, – осмелел парень. Он встал, исподние свалились, он стоптал их ногами.

– И сразу выстираем, – сказала Татьяна.

Дуня отняла веник от себя и, размахнувшись, хлестнула Василия по лицу.

– Ты чего, взбесилась?

– А тебе жалко нас?

– Конечно, жалко...

– Пожалей нас, Василек. Дома нет никого, деревня пустая!

– Федя мой придет, и будет тебе компания.

– Бык твой, – сказала Дуня.

Татьяна повела Ваське мыльной ладонью по лицу.

– Выпей сначала, – сказала Дуня. Из-под полки она достала бутылку. Васька охотно выпил. Грудь его сразу согрелась.

– Ух-хо-хо! Ух-хо-хо! – заорал он и прыжками кинулся в парную. Там стоял такой густой пар, словно он попал в дождливое облако на перевале.

– Хватит баловаться! – закричала Татьяна. – Иди к черту.

– Погодите, че вы, ополоумели...

Кто-то дал ему пинка.

– Не мешай, я тебе выстираю все сейчас, а домой побежишь голый в полушубке.

Дуня оплеснула его ведром горячей воды.

– Эй, ты... – Василий схватил ее, но она выскользнула.

– Васятка ты наш, сердечный дружок! – приговаривала Татьяна.

Дуня выбежала и набрала полный таз снега.

– Тебе, чтобы не безобразничал. Залеплю сейчас все.

Васька стал мыться в углу.

– Разотри мне спину, – примирительно сказал он.

– Сначала ты мне, – ответила Дуня.

В предбанник кто-то зашел.

– Федюшка! – сказала Татьяна. Она бросила стирку и, шатаясь, вышла. Она, кажется, сильно опьянела.

– Я сначала думала, он зашел, когда ты влетел сюда.

– А-а, Васька нашелся! – обрадовался дядя Федор. – Погоди, я сейчас схожу принесу тебе. Мы тут угощались.

– Посмотри, как Васька замерз, – сказала Татьяна. – Если ты домой пойдешь за водкой, то принеси ему белья.

– Не домой! У меня бутылка в сугробе... Вода в кадушке. А ты откуда? – спросил он Василия, давая ему бутылку спирта и ковш холодной воды. – Егор беспокоился, что ты вовремя не явился.

Васька выпил, и у него все заходило в глазах. Он присел возле дяди Федора.

– Я медведя нашел.

– А я проснулся, двери распахнуты, изба выстудилась и спирт на столе, – ответил Федор. – И не вспомню, что было!

Дуня мелькнула в облаке пара.

– Зашел к Егору – дом пустой. Я испугался. Че такое? Потом вспомнил, мыться надо. А я-то думал, что хунхузы напали. Васька, ты – добрый... Ему бы в монастырь на старых местах! – сказал Федор,

обращаясь к Дуне. Она отпила от бутылки и черпнула ковшом воды. – А здесь нет монастырей! Церква и та в диковинку.

– Поди, Вася, попарь меня! – сказала Дуня и потянула его за руку. – Встань. Возьми вот веник.

– Горячей-то водой плесни, – сказала Татьяна. – разотри, разровняй ей, где были застежки, шнурки, завязки, ремни. Знаешь, сбруя наша, бабья...

– Обутки наши окаянные! – сказала Дуня.

– Видишь, какая она гладенькая! Ты, поди, и не знал?

– Конечно. Я думал, одни кости. погоди, я еще помоюсь.

Дуня стала тереться вехоткой с ног до шеи, терла икры, лодыжки, подымала грудь. Васька вдруг поскользнулся на липком полу, женщины подхватили его.

– Васька убился! Дай я тебя обмою, бедненького! – сказала Дуня.

– Загляделся... – захохотала Татьяна.

Дуня прилегла ничком:

– Хлещи меня веником.

– Давай, – крикнула Татьяна, – потом меня.

– Давай еще.

– Я же с тебя кожу сдеру. Ты знаешь, если я изо всей силы хлестну...

– Ничего не будет.

– Это ты спьяну не чувствуешь, а потом шкура слезет.

– Эй, стой, так больно.

Васька так опьянел и как бы не совсем понимал, что происходит. Он не признавался себе ни в чем и не желал признаваться, хорошо это или плохо, и не знал, пройдет этот хмель или нет, и что будет.

– погоди, у меня судорогой ногу свело, – сказала Дуня, поворачиваясь... – Разомни...

– А Егор все одно – где мой Вася! – заходя с веником, молвил огромный Федор. Он был пьян и для начала окатился холодной водой. Таня стала парить его.

– Иди на золото, Васька, – говорила она, – намой для женского.

– Да заткни пасть своим старухам! – добавил Федор, спьяну путая все и не соображая, с кем говорит.

– Намой для женского! – подхватила Дуняша, поворачиваясь под ударами веника. – Как хорошо было, когда мы тут сами мыли. Полотно

не ткать, не прясть, сукна не катать... Все покупают, – раскидывая сильные стройные руки, воскликнула она, – а мы как батрачки? Да мы гору своротим, хлеб уберем, несите нам проклятого металла!

– Я же сказал, возьму вас всех с собой! – с чувством воскликнул Василий.

– А тебя-то самого отец возьмет?

– А ему что! Он говорит, всем предоставляет, что нашел. Дает право! Это, говорит, от бога.

– Ты не поминай в бане-то...

– Целуй меня еще, – сказала Дуня.

Федор оделся и накинул полушубок.

– Ты куда? – спросила Татьяна, когда Васька выглянул в предбанник. – Иди допаривай ее. Оставайся с племянником моим! – Татьяна, запахнув шубку, выбежала и накрепко захлопнула дверь.

Толкая мужа в шею кулаками, она побежала к дому.

Василий подумал, что какая чушь все эти бабьи тряпки, за которыми они гоняются. Дуня была красивей всех картин, снимки с которых видел он в книгах. На ней не было ни нитки, а она как в красивом платье, с такой осанкой, гордая, шея ее открыта, открыто тело и длинные ноги ее как выточенные, только пальцы в мозолях, разбитые работой, ходьбой. Голова ее поднята, а глаза торжественно сияют.

И он любовался ею.

Васька с детства любил смотреть, как купаются в реке, только отца с матерью не любил голых...

Дуня повела плечами, словно отбиваясь от комаров и мошки.

... Солнце село, когда Дуня зажгла огарок и распахнула дверь.

Она оделась, накинула платок. Глаза ее истомленно блестели. Лицо было спокойно, сила и власть выразились на нем.

– Вот я и перебила тебе все, Василек! Не хвали больше генеральскую красоту.

Она исчезла в дверях, и слышно было только скрип, как побежала она по снегу...

ГЛАВА 15

Отец Игнат пригласил всех ужинать. Попадья подала постные щи и капусту с постным маслом. Все ели с большой охотой после целого дня молитвы. Старой попадье помогала молодая жена отца Алексея, священника из гольдов, который недавно закончил Благовещенское духовное училище и прислан был служить на миссионерский стан, на озеро Мылку, откуда был родом.

Тут же сидел сам отец Алексей, еще совсем молодой черноглазый и скуластый, с большим лбом. Бороденка у него плохо росла, ключья ее торчали на подбородке, и походил он в рясе больше на воина с маньчжурской картинки, чем на православного священника.

Егор, как и все крестьяне Уральского, помнил, как, желая заручиться поддержкой попа, пошел Алешка на стан в услужение, потом окрестился, стал учиться, выказал способности к грамоте, женился и наконец послан был в ученье. Он вернулся в сане туда, где смолоду был бесправен, безграмотен и кругом обманут. Даже отец Игнат дурачил его в те поры без совести, еще не ведая тогда, что доверчивый паренек со временем сам станет попом-грамотеем. Жена Алексея – молоденькая хрупкая Дельдика дочь Кальдуки...

Целая деревня ела и пила в доме у Игната. Спать легли в домах у обоих священников. Места всем не хватило.

– В храме тепло, – сказал старый поп. Он велел Егору со старшим сыном и Тимохе со своими парнями идти в церковь.

Ночь была звездная, и мороз все крепчал. Лес и огромное озеро видны были, как днем. Стояла тишина. Церковь темной копной возвышалась на вырубке.

– Вроде как-то совестно в храме-то. Вдруг ночью-то... захрапишь, – сказал Тимоха.

– Бог простит! – ответил отец Игнат.

Он отпер ключом тяжелый замок, открыл большую дверь и полустворку второго входа. Зажег свечу.

– А как же в древности? Церковь была и храмом и крепостью. Нападают враги, а уж народ соберется в церковь и высидивает осаду с женами и детьми. Пока не подойдет подмога. Окна были узкие, всюду

решетки. В подвале – колодец. Все было оборудовано. И люди спали и ели, жили в церквях неделями.

– Конечно, – сказал отец Алексей, проходя с работником-гольдом, который нес сено. – Если нападут – закроемся. И отстреляемся. Такие стены пуля не пробьет.

Работник еще раз принес сено, застелил все палаткой, и крестьяне улеглись. У старшего Тимохиного сына Андрея болел зуб. Он мучился и не спал. Егору тоже не спалось. Он не был здесь с весны. За лето и осень миссионерский стан еще лучше отстроился. Попы основали здесь целое селение, развели сад и огороды. Два дома священников, дома притча, сараи как бы образовывали целую деревню. На отлете построена школа для гольдских детей.

Крестьяне всегда чувствовали себя здесь не дома. Приезжали, как на дальнее моление в монастырь.

Егор раздумался, что церковь надо бы строить свою, в деревне. Скоро будет там школа. Позапрошлым летом заложен фундамент, завезены бревна, и все приготовлено. Но работу велели остановить из-за какой-то бумаги, которая еще не поспела из города. Будущим летом надо все закончить. Но если народ потянется на прииски, то кто же будет работать? Время уйдет. Егор подумал, что даже за золото плотников тогда не сыщешь.

Теперь научились плотничать гольды в соседних деревнях. Скоро в город с почтой поедет Василий. Он должен взять там нужную бумагу. Дано будет разрешение крестьянскому обществу открыть свою школу в Уральском. Бумага, наверное, уже выправлена, дело за работниками. Егор решил, что сразу после рождества надо возводить стены, пока народ не разбежался на золотые прииски. Также со временем придется строить церковь, чтобы не зависеть от миссионеров. Васька поедет в город и все там узнает... На тот год учитель уж приедет. Если школу не откроем, будет учить ребят у кого-нибудь в старой избе.

Утром отец Игнат отслужил обедню и стал исповедовать.

Потом Тимоха Силин с сыном торгаша Санкой Барабановым пилили дрова. Бормотовы возили сено с лугов. Долговязый Андрюшка Силин с завязанной щекой «ошкурил» бревна. За последний год поп стал поосторожней, меньше брал с крестьян, не требовал себе долю с добычи золота, хотя и не отказывался, когда несли. У него было

довольно богатое хозяйство, двое работников едва успевали со всем справляться.

Федор Кузьмич Барабанов говаривал про попа, что нынче копит рыжий деньги, а не меха...

Перед отъездом Егор перетолковал с попами о школе и церкви в Уральском.

– А не хочешь, Егор Кондратьевич, чтобы сын твой Василий на сельского учителя сдал? – спросил его отец Алексей.

Кузнецовы поехали домой. День был не долог, но солнце ярко горело, словно близилась весна. Лошадь прядала ушами.

«Едем как из дальней дороги», – подумал Егор.

Столько обо всем наслушались и про все наговорились, что, кажется, много времени прошло.

Деревня открылась за буграми, дорога тут была прямая, через лес и пашни, а не кривунами по реке, через торосы, как прежде. Кони зарысили. Догнали мальчиков-гольдов. Они вдвоем шли с котомками. Видно, с утра отпущены попом домой. Не ближний путь шагать им до стойбища Бельго. Егор велел своим потесниться. Маленьких гольдов посадили в кошевку и прикрыли меховым одеялом. Один сразу задрожал, озноб почувствовался сильнее, когда мальчик стал согреваться.

– Чаем тебя напоить, – сказала бабка Дарья, – да уложить спать на полати. Потом уж дойдешь домой. Может, и попутчики будут. Разве можно в такой мороз пешком. Вот они и болеют с детства. Кашляют, а говорят, что мороза не боятся.

– Где-то Василий, – сказал Егор. – Что-то с ним...

– Ничего с ним не станется, – ответила Наталья. Но в душе и она беспокоилась.

Таня выбежала встречать приехавших.

– Где Василий?

– Дома. Он устал с охоты, – ответила Татьяна как-то боязливо, как показалось Егору. – Бедняга ваш Васька, – громко сказала Татьяна, входя в избу. – Замаялся.

Василий живо спрыгнул с полатей.

– Ты куда это забрался? – удивилась Таня. – Повыше бы!

Вид у Васьки виноватый, он как побитый.

«Где-то таскался, может, совсем не на охоте, – снимая доху, подумал Егор. – На грамотного чего не подумаешь! А часто он как виноватый. А будто добрый и кроткий».

– Ну, чего расселся? – грубо сказала Василию мать. – Пособи дедушке раздеться, иди коней распряги, дела полон рот, бесстыжий, а от тебя водкой разит. Книги разложил, все читаешь. Читарь какой нашелся!

– Я не пил! – ответил Вася обиженно и ушел.

– Что ты его обижаешь! – сказал отец насмешливо.

– Его обидишь!

– Он в самом деле пришел из тайги, замаялся...

Татьяна прыснула.

– Ты что?

– Ничего. А что я? – строго спросила Татьяна у Егора.

Послышались колокольцы. Вихрем промчались мимо избы Ильюшкины кони.

– Вот как молодые-то постятся! – приговаривал дед, еще не находя себе места на лавке, зная, что чем-то заняться надо, но еще не зная чем.

Вид сына Егору не понравился. Что-то он все же натворил на этот раз.

– А Федька где? – спросил дед.

– Все там же.

– Что такое! – удивился старик. – Все болеют. Еще фершала им не хватало.

В протаявшее окно видно было, как Илья выскочил из саней, открыл ворота, заехал во двор, и ворота закрылись.

Наталья заметила тревогу в глазах Татьяны. Та замерла и окаменела, на ворота глядя.

... – Я больше не хочу тут жить! – сказала Дуняша мужу. – Я тебе изменила.

Илья обмер. Этого он не ожидал. Дикие глаза его загорелись, и он крикнул:

– Делимся!

– Да ты отцу скажи.

– Что там отец! – кричал Ильюшка как от боли. – Делимся, и все! Сейчас же!

– Как это сейчас? – улыбнулась Дуняша, и лицо ее стало теплым, а Илье от этого стало еще больней. Он готов был разреветься.

– Куда идти-то? Избы у тебя нет.

– Изба будет живо. Лес есть! – Глаза Ильи сверкали с каждым словом, как пароходные фонари в непогоду с порывами ветра. – А пока пойдем в старую избу к Кузнецовым. И все!

– Пока своей не будет, я никуда не пойду. Или уеду в Тамбовку.

– Да ты что?

Илья еще не знал и не думал, на самом ли деле изменила ему жена или нет. Но все, что она говорила, казалось ему таким страшным, что он согласен был сделать все...

– Вот ты все молчал и ухмылялся. Эх ты! Гром не грянет, – сказала ему жена.

– Я сейчас к Ваське пойду. Он и его отец никогда мне ни в чем не откажут. Мой товарищ, Васька отдаст мне избу...

– Не смей! – мертвее лицом, закричала Дуня так страшно, что Илья обмер. Впервые в жизни она закричала.

Ворота заскрипели. Въехали подводы. В избу зашли родители.

... На другой день Илья привез сухие бревна, которые были наготовлены у него на заимке давно. Он попросил Егора определить уровень и отвес. Пришел китаец Сашка Кузнецов – приемный сын Егора. Втроем они начали строить дом.

За обедом Пахом спросил:

– Что же это ты?

– Я сказал, что делимся! – спокойно ответил Илья.

– И все?

– И все!

На другой день Илья продолжал работу с Сашкой. Егор с артелью мужиков, не ожидая бумаги из Хабаровки, начал постройку школы.

ГЛАВА 16

Прошло рождество, Новый год наступил, минули крещенские морозы, пришел обоз с казенных золотых приисков, и Василий уехал с ним в низовья. А за бумагой в город поехал кореец Николай.

С каждым днем все выше поднималось солнце и все жарче палило, ветры становились все злей и стужа лютей. Но когда заберешься в затишье, то почувствуешь на лице теплоту предвесеннего луча.

Ночью в доме Бердышовых, где жил крещеный гольд Савоська, родной брат жены Ивана Карпыча, и где обычно светился по вечерам одинокий огонек, вдруг вспыхнули ярко все окна. А перед этим в сумерках слышны были колокольцы. Сначала никто не обратил внимания, не редкость звон их на проезжем тракте.

Лампы в новом доме зажигались, только когда приезжал хозяин.

– Иван тут! – сказал, входя в дом, Петрован, старший сын Егора. Был он худ, лицо у него плоское, как тарелка, он рус, брит, неразговорчив.

Вспомнил Егор, как, придя на плотях когда-то, переселепцы долго не видели Бердышова. Тайнственный хозяин не являлся долго в свою зимовьюшку – единственное строение, которое застали тут крестьяне. Оно стояло близ ключика, на вырубке.

За подпертой палкой дверью лежали котлы на полу, на нарах – выделанные шкуры и одеяла, с потолка свисали свежие, добытые зимой шкурки и пучки сухой травы. Проводник переселенцев – казак Кешка Афанасьев – отвалил тогда кол, дозволил посмотреть жило старосела. Зимовье это цело еще до сих пор, оно стоит все там же, по обе стороны от него построились большие избы.

... Однажды под утро крестьяне, жившие в палатках, услышали, что хозяин приехал. Лаяли собаки, в тумане люди таскали какие-то грузы. Тогда и началось знакомство новоселов с Иваном Карповичем, с его женой – гольдкой Ангой и с дядей Савоськой. Иван пришел на Амур, когда еще не было тут русских, и женился на гольдке.

Теперь Иван живет в городе и ворочает делами. Он не ровня мужикам, хотя дружествен со всеми по-прежнему, словно до сих пор

живет в дырявом зимовье. Афанасьев тоже стал купцом, скупает рыбу, завел свой пароход, построил мельницу в Благовещенске.

На вид Иван не переменялся, словно все старели, а он оставался тем же. Такие же короткие усы, смуглое, загорелое лицо, как будто и теперь не вылезает он зиму и лето из тайги. Усмешливый взор и та же шутливость. Те же тяжелые плечи, стройность тела, сила и гибкость в движениях. Одет в дорогое сукно, но по-прежнему в унтах. Он повесил на гвоздь двойную пыжиковую доху, перекрестился на икону, обнялся и перецеловался со всеми.

– Дедушка, – сказал он Кондрату, – я всегда помню, как ты меня по заду бичом отянул. За Расею-то. Еще и теперь болит.

– Как же! Это я помню! – ответил старик. – Я тебе сказал и как припечатал.

– Наш Вася только что уехал, – заговорила Наталья, полотенцем вытирая мокрую руку и с радостным смехом протягивая ее гостю, – обоз-то, поди, встретил.

– Обоз едет, а я подумал, нет ли Васяты. И как раз идет пешком, ведет коней. Остановились и поговорили. В городе он ко мне заедет... А я сегодня проснулся, поглядел в окно и че-то одурел. Схватил топор, выскочил, нарубил дровишек, затопил печку.

Все радушно слушали Ивана, зная, что он начнет сейчас свои рассказы или пошутит весело. Егор почувствовал, что на постройку школы нынче не пойдет.

– Ты и прежде все в мериканской шляпе ходил, – сказал дедушка, которого приезд Бердышова необычайно оживил. – А вот и съездил. За сине-то море!

Видно, дедушке хотелось узнать от самого Ивана про путешествие. С тех пор как Бердышов ездил в Калифорнию, прошло несколько лет и многое пришлось с тех пор услышать про него. Дедушка всегда любил узнавать что-нибудь новое от самого Ивана.

Накрыли на стол. Сварили любимых Иваном калужьих пельменей.

– А где же теперь Анна? – спросила Наталья. – Скоро ли к нам?

– Анга и Таня в Петербурге, – отвечал Иван, – дочь учится. Обе грамотейки. И мне надо жить в Петербурге, за добытое золото платят только там. Такой закон. Значит, и богатые золотопромышленники должны быть собраны в столице.

Крестьяне знали, что по закону золото сдается промышленникам в Иркутске, а деньги за него получают в Петербурге. Поэтому большая часть добытого золота уходила от старателей за границу через перекупщиков.

– Я до весны доживу в Хабаровске, а летом пойду из Владивостока пароходом. Побываю в Европе, – сказал Иван.

Но все, о чем он говорил сейчас, было так далеко для крестьян, что трудно поддерживать такой разговор.

– А правда, что тамбовцы церковь не хотят строить? – спросила Наталья. – Ты заезжал к своим?

У Ивана по всем деревням дружки и товарищи.

– Не хотят. Спирька говорит, мол, зачем нам. Чтобы были поп, да дьяк, да пономарь, да попадья, а там пойдут попы зятя, а у нас Горюн полный зверей и соболя есть еще по хребтам. Нет, мол, пусть лучше наездной поп служит. Все равно в грехах признаемся, ничего не утаим, все исполним. Они стояли на своем, денег на постройку не дают – бедны, мол. И все! А у казны и у архиерея тоже нет денег.

– Стоят крепко, – подтвердил Егор.

– Спиридон говорит, что хотят ввести налог с крестьян, как на старых местах.

Вошла Дуня. Щеки ее в темных пятнах; проступили веснушки. Иван как-то сразу почувствовал, что она ему не очень рада. Какие-то свои дела и заботы владели Дуней так сильно, что ей, кажется, ни до чего дела не было. И дядя Иван, которому она всегда радовалась, кажется, теперь ей не нужен.

Она присела рядом с Татьяной и стала слушать. Говорили про ее отца, и, как всегда, Иван хвалил Спирьку.

Дуня стала перешептываться с Татьяной. Иван заметил, что она оживала, перехватил ее короткий лукавый взгляд. Дуня отвела глаза и, полуприкрывшись платком, опять что-то кратко шепнула подруге. Ивану показалось, что лед оттаивает, но до весны еще далеко.

Пришел Александр, приемный сын Егора, женатый на гольдке. Иван вскочил, обнял Сашку. Щеки у китайца разгорелись, как на ветру.

– Куда поехал? – спросил Сашка. – Опять в Америку?

– Поехал машину покупать. Слыхал, я завел промывку машинами, завез локомобили для откачки воды из шахты. Паря, недаром езжу. Что же я видел на Урале... И в Калифорнии.

– Хорошо, – ответил Сашка.

– А я слышал, что ты, Егор, хочешь все свои открытия предоставить обществу. Жить, как ты всегда живешь, – по справедливости. Что же! Так верно! Только я тебе наперед скажу, люди порядка не знают. Придется тебе этот порядок навести, как это делается на всех артельных приисках, где люди моют без позволения, контрабандой. Видно, всюду так, во всем мире. У нас так же было на Желтуге. Слыхали про Желтугу?

– Слыхали! – сказал Сашка, усевшись у печи на корточках.

– Александра, пойди к столу, – строго сказала ему Наталья.

Китаец пошел мыться к рукомойнику. Он делал все тихо, стараясь не помешать разговору.

– Придется вам выбирать атамана, или, как называли на Желтуге, президента.

– Это ясно, – согласился Егор.

– Президенту надо выбирать помощника и начальника полиции. Придется назначать сотских – следить за порядком.

Иван долго и подробно рассказывал, как и какие устанавливаются законы в таких республиках, как выбираются на глухих речках, где сходятся много старателей, должностные лица и как им приходится действовать.

– А долго такой прииск проживет? – спросила Дуня.

Иван чуть заметно улыбнулся. Он знал, что Дуняша умеет мыть золото не хуже любого мужчины. Видно, она прицеливалась...

– Года три-четыре, если шума не будет...

– А потом?

– А потом... потом что будет, лучше не знать. Если не приготовиться вовремя, то лучше не браться. Империя наша богатая, все богатства лежат снаружи, нетронутые. Хотя без труда ничего не дается. Теперь крестьяне не под помещиком, могут уйти. Люди пойдут сюда. На пароходах во Владивосток привозят переселенцев тысячами с Черного моря. Они селятся по рекам, в Приморье хорошая земля и тепло. На пароходах! Разве вы раньше мечтали об этом. Да поставь туда десятки пароходов, и все будут полны. А что станется, когда пройдет сюда железная дорога? Народ хлынет, потечет, как река. А пока законы не переменились... пожалуй, мойте без заявок, артелью.

– Но ведь узнают в городе? – спросил Тимоха Силин, который вошел так тихо, что его до сих пор никто не заметил.

– И не надо скрывать! – ответил Бердышов. – Надо от вашей республики послать в город посла. Обложить старателей налогом, как признает общество. На эти деньги послать человека.

– Кого же, к примеру?

– И дать ему золота на подкуп власти. Телятев – взяточник, там его округа. Он теперь у нас в Николаевске окружной полицейский начальник. Значит, вы должны их купить, чтобы молчали и делали вид, что ничего не знают. Но вам на них придется работать. Золота хватит там на несколько лет. И все эти годы начальство будет у вас как на службе. Становые, окружной. Тогда выборную власть никто не тронет, и мойте спокойно. Телятев плох, и это вам на руку. Надо подослать к нему дипломата. Но только строго смотрите, чтобы не завелось убийств, грабежей, а то вас не пощадят.

– Это можно, – сказал Сашка, слушавший с большим вниманием.

– Тут все свои, – сказал Иван.

– Ты, наверно, сам ищешь, где богатое золото? – заговорил старший сын Егора. – Ты же хозяин, у тебя машина, недаром ты ездил.

– Да, это верно, – подхватил дед, – он и прежде все в мериканской-то шляпе... Да чем скорей вашу артель там разгонят, тем лучше, меньше греха, – добродушно обратился он к сыну.

– Какая же хитрость! – сказал Иван.

– Верно! Все верно, – сказал Сашка. – Так будем.

– Паря, военный совет, – усмехнулся Иван. – Если бы у нас были люди честней и не были бы так запутаны законы, то можно бы делать заявку на артельные работы.

– А вот мы и посмотрим, на самом ли деле люди честны, – сказал Егор.

– Ведь у нас, если подашь заявку, – нужны залого, пойдут формальности.

– В артель открыто побоятся записываться, – подтвердил Егор. – Да я, наверное, в это лето на золото не пойду. Не мне придется там начинать.

– Что же ты, открыл, а сам не хочешь мыть?

– Шибко хочу! – отвечал Егор.

– За чем же дело?

– Рад бы в рай! Да грехи-то.

– Грехи ли? Я знаю, ты хочешь всех грамотниками сделать. Смотри же, на свою шею. Как дедушка вот говорил, грамотников будет больше, чем лапотников...

– А толку не будет! – добавил дед. – Все говорили, будут одной веры.

– Но знаешь, Егор, – сказал Бердышов, – ведь действовать вы станете, как это говорят, «хищнически», возьмете самое лучшее, видимое золото, которое лежит на виду. И все лучшие самородки. Техники промысла никто из вас не знает. Из ста возьмете двадцать или двадцать пять частей, а остальное без машин взять нельзя. Песков надолго не хватит. Пройдет бешеное золото, и люди разойдутся.

Петрован крикнул, словно хотел что-то сказать, но сдержался.

– Дядя Ваня, с тобой бы золото мыть, – подымаясь, сказала Дуняша. Она развела шаль, и на груди ее мелькнуло золото и янтари.

– Видишь, какая она выросла. Тебя догнала! – сказала коренастая Татьяна.

– Да, я мыть умею. С тобой бы не отказался.

– Я тоже умею!

– За чем же дело стало! – молвила Татьяна.

Вошел Илья Бормотов.

– Здорово, Ильюшка... Продай жену, – усмехаясь, сказал ему Иван.

– Дай десять тысяч!

– Хоть сейчас чек выпишу. Или хочешь чистыми?

Илья пошутил и сам не рад. Он заметил, что жене шутка его не понравилась.

– А я раньше думала, – сказала Дуняша, – когда маленькая была, что торгаш все делает сам. Как я игрушки себе сделала.

– Так и есть. Я по тайгам торгашил и рассказывал, что чуть ли не сам все произвожу. Торгаш показывает, как и что действует: ружье, револьвер, винчестер. Он должен быть первый после мастера. И мне тоже все хотелось посмотреть, кто и как все это делает. Я все рвался и мечтал. А теперь я где был и что видел, – все помню. Теперь поеду далеко, во Францию. Мне такую бы жену, как ты!

Дуня быстро взглянула на Ивана и запахнула шаль.

– Ты не похож на других торгашей, – сказал Силин.

– Я долго прожил один, среди дикарей, только слышал, что есть Расея, а какие руцкие – не видал их. Знал, что руки у них длинные. Дедушка мне мой все объяснял. Дедушка был воспитан как бурят, на коне! Азия! Руцкого в нем ничего, кроме крови, не оставалось. Так я своих не знал. Больше знал китайцев, маньчжур. Товар брал у американцев. Знал господ и каторжных. И все. Ждал руцких. Приехали плоты, и я любовался, и сам все от вас перенимал. Я учил вас тайге, а вы меня – жизни.

– Зараза, хватит баб жалобить! – ткнул Ивана кулаком в затылок Тимоха.

– Паря, никогда не думал, – быстро забормотал Иван, – что у вас столько воров...

– А теперь узнал? А сам как примерный...

– Правда, бывало, и я не щадил...

– Вот ты все ходил в шляпе. Вот и попал в Америку! – молвил дедушка Кондрат.

– Слушай, а если рыбу на казну ловить вместо дров, то возьмут? – спросил Тимоха.

– Начнут строить железную дорогу. Из Нижнего приехали подрядчики. Они будут покупать в Китае бобы и свинину, а у нас соленую рыбу и прокормят рабочих. Уже загоняют народ из Расеи. А те осмотрятся и узнают про ваши прииски...

Все засмеялись.

– А пока рыбы придется ловить побольше.

– А вот из Украины везут поселенцев на зеленый клин? Как они? – спросил дед.

– Ребята, – обратился Иван к мальчишкам, рассевающимся на лавке, – грамотеи станете, езжайте на машине на зеленый клин, сватать хохлушек. Они чернобровенькие и песни славно поют.

– А как живут?

– В лесу не селятся. Они пахать любят. Они хотят тут все запахать.

– Не то что гураны, – сказала Таня.

А куда идет все это золото? – спросила Дуняша и совсем скинула шаль. Она была в красной кофте с золотыми самородками на груди между монет и янтарей. Ее волосы светлы, а лицо темно и похудело.

– Вот я как раз еду и хочу посмотреть, куда со всего света идет золото. Был я на ключе, там золотой песок, был на речке, мыл на реке,

потом на Амуре, а теперь погляжу, где океан золота, куда все оно течет, хочу в него окунуться. Посмотрю, кто при этом золоте.

Вечером Иван был в гостях у Бормотовых. После вина и ужина он сидел рядом с Дуней на малом ее сундучке, в просторной избе, полной гостей и ребятишек, и при свете керосиновой лампы что-то рисовал ей на бумаге.

Иван ушел поздно и застал дома приехавшего тестя Григория Ивановича.

– Губернатор вызывает тебя к себе, – сказал Иван, целуя старого гольда, – узнал, что ты живой и крепкий, что молодой когда был, то водил экспедиции, и желает тебя вызвать и поговорить.

– Что такое? Зачем? – тревожно спросил рослый румяный старик. – Если провести экспедицию, то я и сейчас могу.

– Нет, для экспедиции у него есть другие проводники. Он, видно, сам хочет идти.

– А куда?

– Куда, не знаю. Знаю только, что летом всех нас соберут на съезд для обсуждения будто бы государственных дел. Видно, он хочет, чтобы представители были от всех народов. Он хочет устроить выставку, и чтобы лучшие охотники стали участниками. Будет выставка богатств края, мехов, самородков, рыб, образцов руды.

Утром Иван ехал верхом.

– Куда ты? – спросил Егор.

– К Алешке! Казачество вспомнил!

Егору казалось, что он шутит. Иван выехал на дорогу, ведущую в миссионерский стан, и приударил коня нагайкой.

– Я к тебе, Алексей, на исповедь, – сказал Иван, явившись к Айдамбо.

– Пойдем, – сказал молодой священник. – Ты молился? Готовился?

– Как же, я свои грехи наизусть помню.

Отец Алексей облачился и в церкви спросил Ивана:

– С экономкой живешь? Не мотай головой, сам знаю! Но это ничего. Худо, но понятно почему. Перед богом ответишь, а люди простят. Детей не усыновляешь? Худо, надо усыновить! Тебя могут каждый день застрелить, а ребята останутся. Не будь дурак! Слушайся! Я – законоучитель. Слушаешь меня?

– Слушаю, – покорно ответил Иван.

– Тогда простится. Детей не обидь, я сам маленький был, а у отца было две жены. Но у нас такой закон был. Дыгена ты убил?

– Я.

– Прощения просил?

– Сколько раз. Каждый поп ко мне с этим привязывается.

– С убийства разбогател?

– Нет. С убийства не разбогател. Просто убил. Взял золота немного.

– Хорошо, что Дыгена убил. Но грех. Всегда помни, проси прощения. Хотя он чужой веры, все равно человек.

Иван вернулся в деревню и зашел к Бормотовым. Дуни не было дома, она уехала на заимку. Илья строил новую избу.

Иван подумал, что неплохо бы поехать в тайгу и нагряться на заимку к Авдотье. Но после исповеди как-то нехорошо, и он не хотел обидеть Дуню.

Иван пошел на берег, где Егор с мужиками укладывал бревна. Он стал помогать Егору.

Когда шли с работы, Иван сказал:

– Сейчас меня на исповеди поп спросил... Говорят, что я разбогател не от труда, словом... Что греха таить, все знают, что было на Горюне. Но я уж тогда был с капиталом. За несколько лет перед этим возил меха в город. Взяли мы золота – крупницы. А все говорят, что я с этого поднялся. Я сейчас все это попу доказывал. Вот в газетах пишут, что есть политика. И это была политика, а не грабеж! Как ты скажешь? Грамотный скажет – грабительская политика! Завоевание Горюна! Да, мне надо было утвердиться, чтобы люди не колебались, и чтобы слух прошел всюду, что я могу человека прикончить и выйти сухим из воды. Люди слушаются только тех, кого боятся. Но всего этого я тогда еще не понимал, мне для удали будто бы надо было. А люди спросили бы, почему купец дает серебро, почему торгует дешевле других, нет ли худого умысла. Все стали бы сомневаться. А я стукнул их главного торговца, а потом выгнал с речки Синдана, и все гольды успокоились. Теперь я знаю, что целые государства поступают, как я, хватка та же. А я не знал, что политика... Стукнул – и все. Чутье лучше разума. Я знаю, Егор, ты праведный, не любишь таких разговоров, но что делать, сам такого соседа выбрал!

Егор вскинул топор на плечо и спросил:

– А теперь тебе обидно?

– Конечно, кому приятно. Я тогда не думал, что так получится и что я огребу целые прииски.

– Нет, ты уж и тогда метил высоко, – отвечал Егор. – Тебе все чего-то не хватало.

ГЛАВА 17

Василий, возвращаясь из города Николаевска, похвастался перед своими товарищами, что может проехать протоками, сократив путь, и обгонит всех на тридцать верст. За последнее время он сам не знал, что с ним делается. Отец нашел золото, а он не чувствовал себя беднее отца. Ему открылся такой прииск, о котором он и мечтать не смел. Куда там золото! Но все получилось потом так глупо и обидно, что Ваське теперь не хотелось ехать домой.

Он не старался оправдать себя, даже не думал, что дурно поступил, так его окрылила краткая любовь. Но лишь первое время он не помнил себя от радости.

Поспорили на деньги, и Василий поскакал коротким путем. Он знал, что на протоке дорога в снегу, не обозначена вешками, но что мужики с Утеса всю зиму возят там сено, поэтому колеи должны быть накатаны. Сам удивлялся Василий, когда и как узнал он и запомнил все эти протоки, и озера, и острова.

«Разве это город? – рассуждал он. – Тысячи народу уехало, половина домов стоят пустые. Улиц настоящих нет. Японцы теперь приехали, и китайцы торгуют».

Это был совсем не такой город, про который Василий читал. Ему хотелось бы в настоящий город. Весь мир божий для здешних жителей начинался в верховьях Амура и тянулся до Николаевска, на три с половиной тысячи верст, словно там, где нет реки, не было совсем и жизни. Но Василий знал: как ни велик Амур, не весь мир поместился на его берегах. Он помнил, как шли через Сибирь.

Теперь говорят, хорошим городом будет Владивосток.

Василию хотелось бы поехать туда. Во Владивосток приходят корабли со всего света, там причалы в бухте, а не на реке, как в Николаевске.

Хиреет наш городок! Морской и военный порт перевели, перевели и губернаторство вместе со всеми чиновниками, с их женами и с модными магазинами в новый город – Хабаровку. Василий и там бывал. Совсем недавно, когда шел с отцом на пароходе из Благовещенска.

Он охотно махнул бы куда-нибудь подальше. Особенно теперь после того, что произошло. Он решил, что отработает отцу, разобьется до весны в лепешку, но достроит школу. Будет сам пилить доски продольной пилой, с пильщиком-китайцем, который нанят на общественную работу по совету Сашки. Отец – как хочет! Может, он пойдет на прииск, а может, нет. Неизвестно, что ему вздумается. Он что-то держит в уме. Васька решил идти и мыть во что бы то ни стало. «Если бы мне столько золота, сколько осенью привез отец. Может, отец отпустит на заработки, можно будет наняться к кому-нибудь. У Бердышова теперь свои магазины во всех городах, свои прииски золотые, машины... Выучить бы машину. Любого парня из Уральского Иван возьмет к себе».

Там, где Иван когда-то продулся в пух и прах, играя в карты с контрабандистами, в Хабаровске, в слободке при военном посту, теперь строится город. Под сопкой, на которой стоит в саду дом генерал-губернатора Приамурского края, у самой воды белеют новеньким тесом склады Ивана Бердышова, крытые американским железом. При складах – свой причал, подходят баржи, идущие самосплавом или под парусом, и пароходы.

Бросать Амур Василий не собирается, но посмотреть божий свет надо бы. А пока не женишься, и отец, пожалуй, не отпустит.

Дуня сильно растревожила парня, и он никак не мог успокоиться. В Николаевске товарищи позвали его к японкам. Василию как-то не хотелось туда идти, жаль было развеять то светлое, что еще сохранилось в душе.

А товарищей тянуло к японкам. И он, наслушавшись их рассказов, пошел. За последние годы японцы покупали рыбу в лимане и на побережье. Шхуны их уходили на зиму. В городе оставались немногочисленные торговцы.

У японок в доме золотые ширмы. Девушки ласковые. Васька заходил разок-другой, пил там из маленьких чашечек сакэ, японка большим веером, величиной с помело, обмахивала его в это время, стоя рядом.

Василий помнил рассказы Сашки про жизнь в Китае. Где только не бывал Сашка! В Шанхае работал он на англичан. Но почему он оттуда убрался в такую даль, Васька так и не знал до сих пор. Но брат

есть брат, хоть и названный. Отец знал, что делал, когда усыновлял. Отец, наверное, все знает.

Васька хотел жениться, но никто ему больше не нравился. Даже японки. А они хороши, шажочками бегают маленькими, играют глазками и веером, волосы черные-черные, блестят, сами подрумянены, наверное, не очень молодые. Санка Барабанов бывал у китайнок и бывал у японок. Ему нравятся японки. Вот и чайные домики завелись в нашей пурге.

Японцы целый день топят печки. В комнатах у них бумажные цветы: розовая вишня, хризантемы... А Дуня милей.

Дорога вдруг оборвалась. Исчезла наезженная колея и следы копыт на снегу. Вдруг ничего не стало, словно как ехали люди на конях, так и вознеслись вместе с санями на воздух. Дальше был сплошной сугроб. «Может, это задулина такая. А за ней – опять дорога».

Василий перебрел через снежный гребень. Сугроб был крепок. Видно, стояли недавно теплые дни и под верхней порошей настыл наст. Тут и на распряженном коне не проедешь. Настом ему ноги перерубит. Конца заносам нет. Дело необъяснимое. След был свежий, и его не стало.

В таких случаях гольды говорят: «Кто-то ехал, а летающий человек его схватил и унес...»

Ваську мороз подрал по коже. Он помнил, что с этой протоки должны быть видны горы, а их нет. «Проигрался!»

Вдруг прямо напротив себя он увидел дымок на острове. Он повернул лошадей и вскоре нашел тропу, ведущую туда.

«Кто тут живет?» – подумал он.

На высоком берегу стояла бревенчатая изба. Чувствуя, что близок отдых, Вася ударил по коням и подкатил под окна. Из трубы шел дым. Никто не выходил.

Он постучал в дверь.

– Кто там? – спросил женский голос.

– Я сбился с дороги, – робко сказал Василий. – Дозвольте остановиться до утра и коней кормить.

Никто не ответил.

– Я вам заплачу.

– Нет, у нас нельзя, – ответил тот же голос, но, как показалось Ваське, стал он повеселей. – Поезжайте по дороге, тут недалеко деревня Утес. Там ночуйте.

– Да я не доберусь засветло. Даже не знаю, где я. А нынче без луны и следов не увидишь.

– Езжайте своей дорогой, – отвечал голос из-за двери.

Василий сошел с крыльца и прыгнул в кошевку. Ему не хотелось больше никаких разговоров с женщинами. Он и сейчас не желал рассеивать своих настроений. В маленьком окне словно мелькнуло что-то. Когда Васька отъехал, сзади раздался крик.

Он оглянулся и осадил коней. Очень молоденькая девушка в платке и в незастегнутом полушубке по колее бежала за ним следом. Она с разбега села в сани.

– Я покажу поворот. Гоните быстрее! – сказала она.

Кони поскакали. Ваське вдруг захотелось похвастаться своими лошадьми, показать, каковы они на всем скаку.

Как бы не обращая внимания на соседку, он встал и, глядя только на лошадей, помчал их...

– Потихе, потихе! – сказала девица, приподымаясь и постукивая его в плечо. – Вот и поворот! Что это вы так мчитесь, словно украли меня? – Она хихикнула и спрыгнула на снег.

Она глядела ему в глаза. У нее были белые брови и чистые глаза, в этот миг нежные и насмешливые, словно она заметила что-то необычайное в парне.

– А как же вы? – спросил Василий.

– А я пешком.

– Спасибо вам.

– Не на чем! Счастливого пути.

Она поклонилась. Василий отъехал медленно. Он оглянулся. Она убежала быстро, как горная кабарга, временами подскакивала, словно в пляске, разводила руками, и Ваське вдруг показалось, что у нее так же радостно на душе, как вдруг стало у пего.

– Э-эх! – Он хлестнул коней. Ему тоже захотелось соскочить с саней и запрыгать, как в пляске, и помчаться по дороге, как на крыльях, и мечтать, и хватать мороз ртом.

«А может, мне вернуться? Куда я теперь поеду? Я же не знаю ничего. Нет дороги, вечерет. Кони сами довезут... Вернуться? Нет!» –

сказал себе Василий.

... Через неделю, проиграв ямщикам много денег и крепко выпив с ними на прощанье, Вася вернулся с похмелья домой и заявил, что как только пройдет лед, он отправится на прииск.

– Я был вблизи той речки, где ты золото открыл, – сказал он отцу.

На берегу стояла новая изба Ильи. На дальнем конце виднелся сруб школы.

Доски на крышу пришлось пилить Василию с китайцем.

– Васька, ты куда спешишь? – спрашивал отец. – Пилишь неровно. О чем ты все думаешь?

За обедом мать спросила:

– Ты что к Илье не зайдешь?

Василий молчал.

– А Бормотовы справляли новоселье? – вдруг спросил он.

– А ты соскучился? – отозвалась от печи Таня.

Василий покраснел. Он не заметил, когда входил, что она там.

В сенях Татьяна шепотом сказала ему:

– Зайди со мной вроде невзначай. А то нехорошо, все заметят.

Василий знал, что зайти придется. Знал он также, что не дело любить чужую жену, да еще думать о ней и обманывать товарища. Он желал, чтобы поскорей пришла весна, чтобы добраться на прииск.

ГЛАВА 18

На рассвете Илья быстро вскочил с кровати, откинув пестрое одеяло китайского шелка. Жена уж пекла и жарила, плита пылала. В застекленных окнах виднелись тучи и хмурые сопки.

– Дождь идет! – сказал Илья.

– Река спокойная, волн нет, – отвечала Дуня.

Илья позавтракал и пошел к отцу. Снесли на берег мешки, запасные весла и оружие. Перевернули лодку, столкнули ее в воду кормой и загрузили. Дождь припустил. Илья надел клеенчатый плащ с капюшоном, а Пахом – мешковину на голову.

Вышел Егор, и мужики, собравшиеся на прииск, обступили его.

– Мы дороги без тебя не найдем.

– Найдем! – перебил, стоя с веслами, высокий Санка Барабанов. – Было бы золото. С нами Тимоха Силин и два китайца.

– Бог с нами! – строго сказал отец. И, показав на небо, подержал сына под своим взглядом. Потом, словно спохватившись, пошарил по карманам, что-то проверил, поднял воротник дождевика, снял картуз и перекрестился.

– С нами бог! – подтвердил Санка. Он ухмыльнулся и добавил: – Бог и два китайца. Ну, покудова, до свидания, дядя Егор... Маманя! – обратился он к Агафье и припал к ее плечу.

– За Васю не бойся! Я хорошо смотрю! – говорил Егору, подымая рубаху и затягивая кушак, Сашка-китаец.

Илья брал на руки всех своих ребят по очереди. Дуня осторожно, чтобы никто не видел, навела ему своих волос на пуговицу.

– Зимой загуляем всю, – сказал Илья. – Теперь мы сами хозяева.

Дуня, так желавшая отправиться на прииск, оставалась дома. Удалая золотошница была беременна и не могла ехать.

Когда лодки отошли, она разрыдалась и тяжело опустилась на траву, как бы не в силах идти. Бабка Дарья и Наталья подошли к ней. Дуня, как пьяная, сорвала платок с головы.

– Пойдем, сын, пахать, – сказал Егор, – Васька и Сашка пусть моют. А мы с тобой будем сеять хлеб, лен, гречиху, растить коней, скот.

– А кони у Ильюшки дикошарые, – отозвался Петрован. – Они уплывут с острова, где он их оставил. Что тогда?

Отец не ответил. Только мельком взглянул он туда, где за изгибом реки тянулись острова. Сейчас они во мгле дождя, как сплошные серые пласты.

– Иван поехал во Францию, – сказал Петр. – А у Васьки есть книга о той стране.

Редко нападала на Петрована подобная говорливость. Казалось, он хотел отвлечь отца и утешить.

Трава была мокрая, пашня мокрая. Ноги вязли, и кони хлюпали копытами по грязи.

У Егора душа болела за сына и за всех поехавших на прииск. Он надеялся на Сашку. Тот никогда не брался за дело, которого не умел делать. А что делал, то умел. Он был надежный человек. За десять лет жизни в Уральском он ни разу никого не обманул и никому не соврал даже в мелочах. Каков человек – видно по труду.

Федор Барабанов бросил все, оставил магазин на жену. Федор умен, умеет обойтись с людьми. Он рискует. Оставил свою торговлю! Барабановы взяли с собой в дорогу бывшего каторжника Якова, который давно жил у них в работниках. Отец Барабанов смел, а всегда ноет, плачет, жалуется и вдруг рискует! Пошел в свое время на переселение. Немало случаев бывало по дороге, что выручал он Егора. Кузнецов тоже в долгу не оставался.

А школу построили. Егор знал, что много, очень много может человек сделать, если он стоит на своем месте. Теперь в Уральском есть школа, мельница. Старые избы целы, а уж новые стоят. Пашутся пашни, заведена почтовая гоньба. Все умеют ловить рыбу. Теперь есть кузница. Все люди произвели себе сами. А на старых местах всегда толковали, что народ лодырь.

«Лодырь?» – подумал Егор.

Ветер подул сильнее, дождь стих.

К Кузнецовым пришла Одака, жена Сашки.

Двое Сашкиных мальчишек разговаривали в углу с Алешкой Кузнецовым.

– Мама, я к тебе, – говорила Одака. – Сашка хочет меня на куски разрезать.

– Как это разрезать? – удивилась бабка Дарья.

– Живи у нас. Дом большой, – сказала Наталья, – места хватит. Дело тебе найдем. Да что случилось? Опять ревнует?

– Нет еще...

Алешка усадил маленьких гостей на лавку и показывал им букварь.

– Ой, букварь так любят читать! – сказала Одака. – Не оторвешь от букваря. Сашка ведь добрый и всегда шутит. Он такой разговорчивый, говорит на всяком языке, на каждом шутит и даже складывает стихи.

– А как же без тебя хозяйство? – спросила бабка Дарья.

– Уй, там же полон дом работников. Володька там, он все знает. А я боюсь. А то Сашка потом что-нибудь подумает и меня зарежет. А я ни-че-го плохого не делала. А Сашка все грозит, что будет мне шею резать. «Я тебе, говорит, чики-чики». Говорит, тебя убью и детей убью и себе буду резать горло ножом. Пусть работники сами хозяйничают! Они все такие же, как Сашка. И пусть сами все делают!

– Ты не хочешь дома жить? Может, Сашка зря грозитя. Мало ли что мужики говорят.

– Нет, мама. Это наши – побьют и все! У нас папка палкой нас бил. А Сашка не такой. Если он пригрозит, то так и сделает. Если скажет, то зарежет.

– Это он тебя только пугает! – сказала Наталья.

– Не так страшен черт, – подтвердила бабка.

– Если у тебя, Наталья, нельзя, то я к своей маме уеду.

– Почему же нельзя? Вон во дворе старая изба, займи там кухню или горницу. Одежда тебе дадим. Живи!

– Ой, какой ревнивый! А Егор не пошел мыть?

– Нет, он остался.

Одака удивлялась в душе, что Егор не пошел и отказывается от золота, о котором все так мечтают.

– Нынче многие туда поедут.

– И лавочники?

– Нет, им не сказали. Сашка их не любит. Ой, я так боюсь, так боюсь.

– Хочешь, так поезжай к своим.

– Там еще хуже. Там толстый Гао пристаёт ко мне. А сын Гао в городе теперь живет, стал богатый, православный, на русской женился. Я когда девушкой была, они хотели меня в лавку затащить. А Гао-старый тоже плохой был. Он из города приезжал один раз.

– Ну так и живи у нас.

– Ой, нет, ой, как же можно!

Егор пришел с пашни с конем в поводу. Он заметил в глубине двора выстиранные и развешанные на ветру дабовые курточки с серебряными шариками-пуговицами.

Из старой избы выбежала Одака и стала кланяться...

Однажды к Егору, отдохавшему в зной на ветру после бороньбы, подошли пятеро мужиков. Они сняли шапки, и старик сказал:

– Егору Кондратьевичу. Мы орловские! Опять в доме гости.

– Мы вместе с вами из Расеи плыли на плотях, – говорил старик, – до того по Сибири ехали в одно время, еще не знали друг друга. А на реке познакомились.

– Как же это ты, Егор Кондратьевич, дома? – спросил прыщеватый мужик.

– Дома.

– Что же на прииск не идешь? Мы ведь туда собрались. Да узнали по дороге и удивились... Сам открыл, а ходишь с бороной. Народ тянется, а народ что вода... А как без тебя...

– Люди дороги не знают, – подтвердил старик.

Егор рассказал, куда плыть, но сам ехать наотрез отказался. Орловцы переночевали, запаслись хлебом и отправились дальше.

Егор не хотел бросать своего дела, срываться с места.

«Пусть дети все начнут сами, – полагал он, – а я подожду, что получится, как будто и нет еще этого золота!»

ГЛАВА 19

. За спинами на рогульках два китайца понесли в гору тяжелые чемоданы Афанасьева. Старые приятели покатали на двухколесной американке.

– Что за город! – сказал Афанасьев. – Сплошные горы! Как тут ходить. В Николаевске и то место ровней. А ты, видно, хочешь совсем сюда перебраться? – спросил он у Бердышова. – Ведь Николаевск хиреет.

– Нет, не хочу! – ответил Иван. – А я слышал, вы губернатора барона Корфа хотите выбрать казачьим атаманом Амурского войска?

Афанасьев выкатил глаза и стал опять похож на бойкого сплавщика Кешку, каким знал его Иван когда-то.

– Паря, среди казаков даже и не слышно.

– Будто казачество требует избрать Корфа атаманом. Не слышал?

– Нет.

– Он с тобой будет толковать. На съезде. Хочет посоветоваться, как заменить товар иностранный русским. Пятая часть товара на Дальнем Востоке русская. Четыре пятых – иностранный товар.

– Ты же сам торгуешь иностранным товаром?

У Ивана в городе Хабаровке был охотничий и пушной магазин. Он продавал ружья, доставляемые ему из-за границы, а также тульские. Там же топоры, охотничьи ножи, револьверы и кинжалы, сапоги. Бердышовский охотничий магазин считается самым лучшим. Все знают, что хозяин заядлый промысловик в прошлом, бил тигров и ловил соболей. У него уж не купишь сапог, которые потекут, или ружье с изъяном. Дела у Ивана разные и в разных местах. В Амурском лимане он завел рыбные промыслы. Там на него ловит рыбу целая деревня астраханских переселенцев.

Под берегом Сахалина две артели из русских и китайцев гребут вилами со дна морскую капусту. На шаландах Иван переправляет ее во Владивосток. Там есть у него небольшая конторка, живет свой человек, ведет дела, перепродает капусту в Китай.

У Бердышова свои буксирные пароходы ходят по морю, есть буксирно-пассажирские – на реке, свои баржи, халки, лодки, лодочный сарай, свои бочарни.

Знакомого японца Иван однажды напоил допьяна, гулял с ним по Корсакову посту на Сахалине и уговаривал не ловить селедку и треску, а приходиться в лиман Амура за лососем.

– Я дам тебе хорошей рыбы. Какого хочешь посола? Сухого японского? Или в бочках? Или как из поленницы будешь брать дрова?

Осенью светлая широкогрудая японская шхуна, похожая на утку, вошла в Амур. На заездке – на бревенчатой городьбе среди реки – Иван жил с артелью в домиках на сваях.

Бердышов налил японскую шхуну серебристыми лососями до самых бортов. Он сам черпал из садков сетчатым черпаком тучных кетин. Свистел ветер, и лиман был желт от донной, взбитой бурей глины, а горы черны. Заездок на сваях трясся от ударов волн, как в лихорадке, вместе со всеми домами, построенными высоко над водой в двух верстах от берега.

Шхуна легко плясала, и соломенные скаты на ее бортах рвало от ударов о заездок. Японец Токуда, покуривая, стоял у борта и остро смотрел на Ивана, который так для него старался.

В трюмы навалили лед. Шхуна ушла при попутном ветре легко, всходя на волну и не разбивая ее. Неожиданно в тот же день пришла другая шхуна с незнакомым японцем. Астраханцы налили ее рыбой до бортов.

На другой год на кетовую рыбалку пришло два десятка японских шхун, и некоторые из них успевали сплясать на волнах лимана за осень несколько раз.

Ивана звали в гости в Японию. Это было совсем рядом. Но Ивану было некогда. Он отправлял три баржи с соленой рыбой в бочках вверх по Амуру. Пароход доставил его рыбу во Владивосток раньше, чем кета доходила в речки на Уссурийском побережье.

Иван всюду нанимал людей. Он брал их даже с Сахалина, отбывших сроки каторги. Он быстро угадывал, какому человеку и что можно доверить, кто может стать учеником засольного мастера, кто бочаром, а кто подручным у машиниста или приказчиком. Всюду были выбранные и слегка пригретые им, зависимые и обязанные ему люди.

Однажды в трактире в Николаевске Токуда танцевал русскую. Иван замечал, какой он гибкий, как он вьется, вывертывая винтом свое коренастое тело, каким жаром горят его глаза. Заметив пристальный взгляд Ивана, Токуда вежливо улыбнулся...

В зеленом, обшитом тесом домике американца Бутсби приказчики Ивана получали прибывшие на судах из-за океана длинные ящики с переложенными масляными прокладками охотничьими ружьями...

– А ты помнишь Маркешку Хабарова? – спросил Иван.

– Старика? Как же...

Афанасьев и Бердышов сидели в резных креслах черного дуба. Стол под белой скатертью ломился от закусок.

– Садись и ты с нами, Люба! – сказал Иван молодой экономке. – Люди свои.

Кешка слышал, что Иван взял ее на Сахалине, привез в новый город и определил на место.

Семья у Ивана живет в Петербурге. Там же уполномоченный его фирмы, доверенное лицо – Сила Алексеевич Бердышов.

– Я еще маленький был, отец все хвалил Маркешкины ружья.

– Умственный был! – безразлично ответил Афанасьев, сгребая подбородок в горсть с таким видом, словно там росла густая борода.

– Его бы учить. Я помню, он просил разрешения открыть свой завод. А над ним потешались. Он свое ружье показывал, как милостыни просил. Он придумал трехзарядную винтовку. И резьбу в дуле так аккуратно излаживал. Я молодой был, шибко жалел его. Еще тогда подумал, ну, а я, мол, просить не буду никого.

– Так правда, что Николаевск гибнет?

– Паря, наш город сник!

– А ты, что ли, не живешь в нем?

– Я там живу и торгую. Как был, так и есть.

– Не собираешься переехать? Смотри, новые города! Пахнуло в открытое окно цветущей липой.

– Чуешь. А в Николаевске такого не услышишь.

Иван молчал.

Кешка знал, если Иван молчит, значит, он многое может сказать.

– Здесь разворачиваются большие дела, – продолжал Афанасьев, – за этим нас созвали на съезд. Даны будут субсидии, только схватись вовремя. Надо ухитриться и выставить себя.

– А ты начинал на субсидии? Паровую мельницу в городе ты на субсидии построил?

– Нет, я сам. А ты?

– А ты не знаешь? Тигра мне субсидию выдала, царапнула по ляжке. Я в горах зимой золото нашел, – усмехнулся Иван. Иннокентий: испуганно вздрогнул. Он слышал, какое золото на Горюне намыл Иван лютой зимой. – Наши с тобой субсидии! – хлопнул Бердышов по коленке старого товарища.

Голубоглазая, полноватая Люба спокойно слушала, смутно понимая, о чем речь. Словно вспомнив о чем-то нужном, она встала в удобный миг и вышла.

– Губернатору хочется приободрить русский капитал супротив иностранного, – продолжал Кешка.

– И ты хочешь?

– Паря, я не пропущу!

– Конечно, чем же ты не руцкий капитал, – отозвался Иван. – Маленько скуластенький, Кеша! А помнишь, как ты, бывало, все пел: «День я му-у-учусь, ночь страдаю и спа-кою не найду...»?

Иван вскочил, ударил себя ладонями по коленям и спел, пританцовывая:

Эх, разыш-шите мне милу?ю,
Расскажите страсть ма-аю!

Люба внесла кувшин молока с ледника.

– Иван. А как ты думаешь про революцию? – спросил Кешка.

– Я, паря, не думаю.

– У нас в Благовещенске, особенно молодые и грамотные, говорят, что царь не нужен, тем более что мы так далеко, что все законы несправедливые, одни глупости и что тут народ жив только тем, что не соблюдает законов и хищничает. А установить здесь своего начальство не в силах, кругом тайга, попробуй в нее пролезть.

– А ты знаешь, японцы ко мне за рыбой ходили, ходили, а потом вдруг однажды – стой! Телятева назначили к нам в Николаевск окружным начальником. Запрет! «Какое имеете право?» Столько было возни. Заставили японцев платить за въезд к нам. Они теперь покупают билеты. Паря, как в театр. На другой год опять все по-другому. Опять деньги с них. Но небольшие деньжата.

– В тайге у нас на Зее есть деревня – живут дивно. Приехало начальство: «Почему вы так хорошо живете? Мы к вам столько лет не ездили, думали, что совсем пропали. А у вас скот, пашни, народ здоровый». – «А это, батюшка, потому, что начальство десять лет к нам не наезжало», – вот как ответили.

– Ты же царский казак, капиталист и слуга отечества, паря, тебе не страшно?

– А че страшно?

– Такие рассуждения. Ты же присягу дал? Ты должен начальство уважать.

– Делов контора! Это когда было. Я мельницу ставил, никакой присяги не давал.

– У нас Егор-Штаны давно еще исправнику сказал то же самое.

– А тот?

– Маленько рявкнул на него.

... Приятели ехали в американке в собрание. Кешка снял с Ивана шляпу и щелкнул его по затылку.

– Шея стала как у бычины.

– Под гору едем, а ты с утра балуешься, – ответил Иван. – Я же вожжи держу, и гляди, где едем. Не могу дать сдачи. Схватимся и на потеху всему городу станем возиться и оба полетим с обрыва в Амур. Паря, несправедливо поступаешь.

Кешка захихикал от удовольствия.

– Как тебе не стыдно, паря, а еще в миллионеры метишь, субсидия ждет тебя.

В двухсветном просторном зале собрания барон Корф обратился к приглашенным на съезд с речью:

– Господа! Мы с вами являемся деятелями в богатейшем девственном крае, где вашими неусыпными трудами и подвигами во имя отечества внедряется цивилизация...

Иван накануне был у барона Корфа, в то время как Афанасьев со скуки бродил по городу, как молодой и бедный.

Губернатор познакомил Ивана Карповича с молодым генералом из Владивостока, комендантом крепости и города.

Сейчас, когда в двухсветном зале губернатор говорил речь, Иван думал о своей жизни. Давно уже его упрекали, что он разбрасывается,

не займется каким-нибудь одним делом как следует. Ему советовали переезжать из Николаевска, обещали большие выгоды.

Да, уехали чиновники, переведены управления, много домов опустело, черные провалы окон зияют там, где жили люди, висели занавески, дети и девицы поглядывали из-за них.

Иван привык к своему северному студеному краю. «Что же будет, если я уйду? Перекинуться за субсидиями во Владивосток? Да, здесь тепло, липа цветет». Ивану приходилось бывать в Самарской губернии, под Москвой, в Петербурге. Знал он и горячие ночи Калифорнии, и стук барабанов, и треньканье мексиканских гитар, видал испитых, иссушенных неудачами, больных, затемненных страстью к золоту людей всех цветов кожи и во всяких одеждах. Видал сытых, гордых, удачливых, великодушных, в хороших экипажах с красивыми женами и дочерьми. Видал, как на биржах покупают ценные бумаги и золото.

Вчера молодой генерал сказал ему, что Владивосток со временем так же разовьется, как Сан-Франциско. А может быть, и обгонит его. Генерал говорил, что придется открывать со временем пароходную линию Владивосток – Сан-Франциско...

«Владивосток – Сан-Франциско?» – думал Иван.

Речь губернатора была обстоятельная и дельная. Он говорил о предстоящем промышленном развитии края, о том, что для этого нужна рабочая сила, что городам нужны ремесленники. Необходимо построить порты, развить пароходство, построить мастерские для ремонта кораблей и оружия.

При этом Корф умел строго диктовать свои прогрессивные взгляды и держать на почтительном расстоянии от себя тех, кто его выслушивал.

... Чисто выбритый, в черном костюме с накрахмаленным воротничком, сидел Иннокентий Афанасьев неподалеку от дубовой кафедры, с которой губернатор уже не раз обращался прямо к нему, словно Кешка был в чем-то виноват...

– Господа, наше собрание имеет историческое значение. Оно носит чисто совещательный, но представительный характер. Все ваши предложения и настояния будут мной приняты во внимание, изучены и взвешены. Хотя мы еще не можем считать наше решение обязательным для правительства, но значение их велико и польза несомненна...

Тут не было дворянства в этой необыкновенной области, и Андрей Николаевич Корф желал со всей искренностью сделать все возможное для ее развития. Он угадывал неизбежность введения конституции в государстве, установление более самостоятельного управления в империи и полагал, что кладет здесь один из краеугольных камней ее будущего. Он читал на всех языках все, что писалось о колонизации Канады, Австралии и Америки. Отсутствие дворянства давало ему надежду... Здесь руки у него были свободнее, чем у губернаторов в дворянских губерниях.

Иван слушал, как Корф перечислял фамилии хозяев крупных фирм: Второва, Кунста и Альберса, Линдхольма, Чурина... Помянул и его, обратившись к Ивану и любезно блеснув очками.

Барон Корф происходил из старинного рыцарского рода. В последние два века потомки этих рыцарей обрусели и дали Российской империи целый ряд выдающихся деятелей. Слухи об этом примчались на Дальний Восток, прежде чем приехал сам новый генерал-губернатор. И вот теперь, через несколько лет, присмотревшись к новому месту, Андрей Николаевич созвал наконец в Хабаровске первый съезд местных деятелей. Он видел в этом зачатки будущего демократизма^[1].

Генерал-губернатор сошел с кафедры и сел под портретом Александра Третьего, изображенного во весь рост.

Рядом с Бердышовым сидел известный подрядчик Битинов.

Он очень высок ростом, у него одутловатое, красное лицо, острый нос и бледные глаза, которые он держит полузакрытыми.

Все присутствующие сидят в креслах, расположенных в беспорядке, что усиливает впечатление от этого собрания тузов и военных чиновников. В этом кажущемся беспорядке сидят хозяева миллионов, пароходов, рудников, приисков и портов.

У Битинова ширококостная лапа здорового русского мужика, закинутого судьбой за тридевять земель. Не подходили эти лапищи и широкие плечи к одутловатому лицу опившегося тюремного надзирателя.

Иван знал, сколько рюмашек пропустила эта туша со здешними и нездешними чиновниками и при окончании дел, и при начале, а по их ходу – несть числа...

Битинов неразговорчив, груб, но не со всеми. На что-то целится сейчас. Бердышов почувал это, едва скользнув взглядом по бугроватому, выбритому лицу Битинова. Он, конечно, метит на субсидии. Как охотник, знающий, что зверь близко, он держит ружье наготове и глаз на мушке.

Он тоже вел дела с бывшими каторжниками, с японцами, немцами и китайцами. Одним он умел уступить, у других вырвать. Но, видно, более всего его занимало то, о чем сейчас упомянул его превосходительство – правительственные субсидии. на них-то и щурил Битинов опухший глаз. Ему только мешал немного золотопромышленник Иван Карпыч Бердышов, сидящий впереди него в кресле.

Битинов знал, что на таком болоте, как здесь, без водки жить никто не захочет. Сюда надо завозить спирт, водку, и все пойдет. И нужны заработки на водку. Взяло правительство себе в голову занять это болото, пусть платит. А мы справимся! Но дай государственную денежку!

– Я позволил себе, господа, некоторую историческую аналогию... – говорил штатский генерал с бакенбардами, – на рубеже нашего отечества, пробуждая в пароде предприимчивость и самодеятельность, склонность к промыслам...

Потом на кафедре появился молодой Петр Иванович Гаодапу. Он в безукоризненном костюме, в золотых очках, которые очень идут к его черным блестящим волосам. Молодой Гаодапу быстро разгорячился:

– В нашем крае, господа, находится каторжный остров. Все, что есть преступного в государстве, выброшено туда... – Красивая стриженная голова молодого капиталиста вежливо поворачивалась на сторону, – наш долг – помочь несчастным, дать им заработки, втянуть их после освобождения в трудовую жизнь... – Потом он говорил, что необходимо защитить русскую торговлю, которая может развиваться и успешно конкурировать с иностранной.

... Иван встречался в Петербурге с морским министром Николаем Матвеевичем Чихачевым, который когда-то служил у Невельского в экспедиции в Заливе Счастья. Тот рассказывал, что существует тайное указание, данное губернатору Приамурского края. В отдаленных и оторванных от центра краях, несмотря на их несметные богатства, запрещено создавать предприятия с большой концентрацией рабочих.

Почему? Иван понимал почему.

– В нашем крае нет ремесленников, – продолжал молодой Гаодапу, – а уровень населения высок, и все это не может не беспокоить правительство.

На кафедре появился старик Тифуптай.

Молодой Гао и Тифуптай, как не раз замечал Иван, держались друг с другом холодно. Гао строил в Хабаровке двухэтажный магазин. У Тифуптая были магазины во всех городах.

Он построил мельницу, не хуже Кешкиной, которая молола отличную белую крупчатку для китайцев, не евших черной муки.

Тифунтай вытер лысину платком и, любезно улыбаясь всем, как добрым старым знакомым, сказал, что просит покорнейше обратить внимание на его мнение о том, что железнодорожную магистраль надо проводить из Забайкалья на Дальний Восток по китайской территории. Создавать в Китае свою коммерческую сферу влияния, вытесняя постепенно английский и французский капитал и действуя заодно с капиталом германским и американским, как с более молодым... Необходимо строить прямую дорогу, господа! Я представляю свое подробное мнение об этом предмете в Транспортную комиссию.

Говорили о виноделии, о морских промыслах, о том, что полиция ограничена здесь в средствах передвижения, что нет еще настоящего судостроения, что мала добыча золота, большую часть его старатели сплавляют за границу, и через китайцев идет оно в Шанхай и в Англию, когда могло бы идти в казначейство. Надо лишь разрешить сдачу золота на выгодных условиях.

На комиссии промышленников приморский купец Семенов кричал, что нет опытных штурманов и шкиперов, что нужно открывать мореходную школу и школу переводчиков японского и китайского.

– Ничего нет!

– Немецкая фирма фрахтует суда и устанавливает рейсы с Японией. А мы?

– Поселенец мед привез, и пасека у него хороша. Липовые леса там тянутся на сотни километров... А сбыт? А транспорт?

Говорили о вывозе в Китай морской капусты и трепангов.

В перерыве Афанасьев сказал:

– Золото бояться дать нам в руки! Боятся! Ну не дурак ли наш царь!

– Он не дурак, – ответил Бердышов. – Мы маленько придурковаты.

– Ей-богу, дурак. Экий бычина, – кивнул Кешка на портрет. Он приложил два пальца к бровям, как бы показывая, что царь-то узколобый.

– Паря, далеко все это от нас. Какое нам с тобой дело? Неужели мы здесь не приспособимся. Эх ты, революционер!

– Конечно, я бы хотел...

Чихачев еще рассказывал Ивану, что граф Муравьев всегда говорил: нужна железная дорога. Нет! Не дали и не помнят! Не помнят, пока англичане не построили из Канады в Колумбию через материк. «Проливы нам! Такая война, жертвы! Амур забыт. Да грош цена проливам и Босфору по сравнению с Дальним Востоком!»

– А царя убили, – сказал Кешка.

«Царя убили, – подумал Иван. – Убили царя!» Иван хотел бы сказать, что не субсидии нужны. Что субсидии привлекают сюда нахлебников. Что каторга губит край. Порто-франко отменять нельзя. Но он знал, что идет буря и что в большом деле трудно будет устоять лишь своим умом.

– Кеша, был бы ты приискатель, с тобой шел бы другой разговор, – сказал Иван своему гостю дома.

– А че? А че? – забеспокоился Кешка. – Ну скажи. Скажи.

– Мы бы с тобой сложились и прежде других открыли бы банк. Банк золотопромышленного товарищества. Но какой же банк паровой мельницы с рыбалкой и с морской капустой? Паря, шанхайская кухня! Пампушки и трепанг!

– У меня есть два прииска, только небольшие, – сказал Кеша.

Иван прищурил глаз.

– Шибко небольшие?

– Один мыл шесть пудов. И два с половиной – другой.

– Ого! Но мы малограмотные с тобой. А надо знать финансы. Я еду кругосветным и буду учиться. Заеду туда, где самые тучные банкиры. Хочу зайти к ним и посоветоваться. Не прогонят? Люди же! Чем они хуже других?

– Не к Ротшильду ли?

– Я все возьму на себя, но не сразу. Но место надо застолбить сегодня же! Будет у нас банк.

– Из Парижа хоть в Благовещенск заезжай. А то все в Николаевск, на свое болото.

Почти никто не ездил из столицы теперь через Сибирь. Между Владивостоком и Одессой ходили корабли добровольного флота.

Украинские переселенцы приплывали на этих же кораблях, селились на юге.

– Настанет время, – сказал Иван, – когда золото можно будет покупать открыто. Наши законы пока никуда не годятся, и мы теряем золото. Но мы с тобой свое возьмем. Я мужикам намекал, не сложат ли они свои капиталы с моим.

– Им сначала капиталы надо завести... Скажу тебе по чистой совести.

– Ты ведь у нас умный, Иван, умней попова теленка, – сказал Иннокентий, – смотри только не разевай рот раньше времени. Этого у нас никто не любит. Придуривайся.

– Что же теперь прятаться! – ответил Иван. – А от пули все равно не спрячешься.

– Приезжал великий князь, и все радовались. Чему? А послушаешь, они же сами не хотят монархии! А за пароходом перли десять верст и кричали.

– Но ведь любопытно людям.

– Да имя хоть бы что. И бабам!

– Да, и женщинам!

– А я когда-то думал, что ты из князей.

– Нет, это я людей путал, небылицы рассказывал. А ты теперь молчи. А то подумают, что князь, и денег нашему банку никто не доверит. А ты знаешь, что в Москве есть главная улица – Тверская?

– Как же! Главная улица в Расеи. Есть город Тверь. Еще Кострома. Великий Устюг!

– Теперь из Одессы к нам пароходы идут. Может, и я погляжу, какой это город. А раньше было проще: Сахалин, Япония, за островами – Китай. За морем – Америка...

На другой день пришел Кешкин пароход, а еще через день Афанасьев отправился в низовья заключать контракты с крестьянами на поставку рыбы.

... На маленьком казенном пароходке Бердышов шел вверх по Усури. Заночевали у болотистого китайского берега. Нашел густой

туман. На всякий случай пароход время от времени давал гудки. Ни со своего берега, ни с чужого никто не отзывался.

На палубе подошел к Ивану молодой генерал Соколов из Владивостока. Он рассказал Бердышову, что ехал с женой по Амуру на лошадях, побывал в Уральском, познакомился с местными крестьянами, и они произвели на него очень хорошее впечатление. Особенно сын Егора Кузнецова...

Генерал сказал, что его будет встречать экипаж из Владивостока и что он возьмет Ивана с собой. Теперь прорублена отличная дорога, там работают землемеры, готовят участки для украинских переселенцев. А в городе Владивостоке сдаются подряды на постройку крепостных сооружений.

Генерал пригласил его в каюту. Он рассказал, что прежде всего надо построить батарею на Тигровой сопке, которая господствовала бы над подходами к пристани каботажного плавания...

ГЛАВА 20

С той стороны дома, где нет окон, у почерневшей бревенчатой стены сидел на завалинке Петрован. Васька, еще не переодевшийся с дороги, в болотных сапогах и в рубахе, с помочами накрест, рассказывал брату про прииск.

Васька чувствовал, как тут все хорошо и как все ладно устроено. Все лето жил он со старателями на дикой речке в балагане. И теперь ему не верилось, что он вернулся домой.

– Отец все боялся, что кто-нибудь вас подстрелит там, – сказал Петр.

– Нет, никто не стрелял.

Весной по пути на прииск Васька попал на протоку к бакенщику.

«Я так и думал, что встречу вас», – сказал он Катерине.

«Я знала, что вы на прииск пойдете», – ответила Катя.

«Откуда знаете, что мы идем на прииск?»

«Уж знаю!»

«Разве много пароду туда едет?»

«Пока еще никого нет, но все поедут...»

... Федька перемахнул заплот и подсел к парням. Из дому вышла Татьяна. Ваське хотелось бы рассказать, что матрос с дочерью потом приехали на прииск. Новизна впечатлений от родного привычного дома пока еще владела парнем, но уж чувствовал он, что скоро заскучает... Уж и теперь временами становилось не по себе. Он был счастлив и грустен. Зоркая Татьяна замечала в нем новую перемену.

Васька решил, что не скажет ни слова о том, что болит. «Да еще при Татьяне-то! Хорош же я буду!»

– Никого не стреляли, – повторил он.

– А дрались? – спросил Федя.

– Только хотели стрелять. У нас на прииске был высокий парень из города. Он всегда ходил с тремя собаками. Лицом бледный. Глаза все время шныряют по сторонам, даже когда собак с ним нет, а он все как будто следит за ними. Глаза так и бегают на три стороны. Собаки погрызли одного китайца, и чуть не началась драка. Мы одну собаку у него пристрелили. А Силантий сказал:

– Я вас всех сам перестреляю.

– Ну что вы тут отделились от нас? – сказала мать, появляясь из-за угла.

Вскоре вся семья собралась на огороде. Все удивлялись, слушая рассказы Василия.

Где-то надтреснутым голосом что-то кричал Пахом Бормотов. Василий уж знал, что там начнется нескончаемая ссора между братьями. Пока Пахом с Ильей мыли золото, Тереха ухитрился построить себе дом и отделился от старшего брата.

* * *

... Илья на прииске сказал однажды:

– Вернусь, жену застану с кем-нибудь – убью!

– Ты что? – спросил его Василий. Он замечал, как Илья постепенно становился все сумрачней, как он жестко говорил с людьми, часто грубил, как ударил он со злом Силантия-собачника и разбил ему все лицо.

– Она изменила мне.

– Кто тебе сказал?

– Она сама.

– Быть этого не может. Она, наверное, подразнила тебя, – уверял Васька, чувствуя, что сам краснеет в вечерней темноте до корней волос. – Хотела тебя разбередить...

– Ты, может, бил ее? – спросил бывший каторжник старик Яков. – Вот она тебе и сказала с перепугу.

– Нет, я ее не бил, – ответил Илья. – Я ее не трогал.

– Что же ты, чудака, когда вспомнил! Надо было там откатать ее ременными вожжами.

– В бане, – добавил с усмешкой молодой старатель по прозвищу Налим.

– За это суд! – запальчиво сказал Васька.

– Над мужем нет суда, – сказал воронежский мужик Сапогов.

– Право мужа! – подтвердил старик. – Они все сволочи.

– Суки все!

Старатели, спавшие вместе в обширном балагане, начали ругаться.

– Все они бесстыжие!

– Только из дому – уж липнут к кому-нибудь.

– Зря про нее не говорите, – уверял Вася.

– Чудак! – надтреснутым голосом сказал старик. – Когда вспомнил. Она дома с любовником, а ты моешь ей же золото. Когда вспомнил!

– Нет, она брюхатая, – ответил Илья. – Возиться ни с кем не будет. Это старухи виноваты.

– А может, озлить тебя хотела, – сказал Сапогов.

– Все равно, – сказал Налим. – Такого случая нельзя упускать. Пусть другой раз так не шутит над мужем. Не надо было сердиться, а взять вожжи и завести ее куда-нибудь и – скидавай с себя что надо. Паря, удовольствия такого лишился!

Все засмеялись, а Илья замолчал, чувствуя, как он осрамился перед людьми. Он проклинал себя, что заговорил.

– Твое право было бы!

В ту дождливую ночь все уснули. Мужики там часто вспоминали своих жен. Чем дальше, тем чаще. И часто вспоминали про хлеб. Давно уже никто не ел свежего хлеба и даже не видел его. Было золото, было мясо, рыба. Не было хлеба. Дома, семьи были далеко. Утром Василий взял лодку и съездил на остров, где жил матрос с дочерью.

– Ты что не моешь? – спросил его вечером Сашка. – Опять гуляешь? Где был? Че пришел? Зачем пришел? Иди туда, где был. Там живи, зачем ты здесь?

– Как зачем? Я работать...

Вася замечал, как Илья увядает у него на глазах. В Уральском, когда Вася вернулся, мать спросила его:

– Как жили?

– Хорошо жили! – ответил сын. – Только хлеба не видели все лето. Жрали, что попало. Дай хоть хлеба, мама. А так хорошо было!

– Что же хорошего, если хлеба не было! – озабоченно отозвалась мать.

И теперь дома, когда Василий наконец попробовал испеченных материнскими руками караваев, он все больше думал о том, что осталось позади. «Эх, девка! Когда я ее увижу... Что это делается со мной...»

– У меня свои ребята подрастают! Пойми ты! А еще брат! На старости-то лет мы народили! Не гуртом же жить! – уверял Тереха, повторяя уже в двадцатый раз сегодня одно и то же. Но Пахом никак не мог примириться, что покорный брат его ушел навсегда.

Подошел Тимошка Силин.

– Ну что, Пахом, растеклось все твоё семейство! Сын отделился, а теперь брат.

– Как же! Теперь я слободен и живу как хочу, – ответил Тереха. – Я теперь самого Егора превзойду.

– Пойдем по домам, мы не маленькие, чтоб на улице силой мериться! – сказал Пахом.

– Нет, мы не дети! – ответил Тереха и взял брата за ворот.

– Эй, вы! – закричал Силин. – А меня стреляли нынче. Насквозь пробили лодку, всю изрешетили. А я как начал их стрелять, навалил дивно... И всех их перебил...

– Хватит врать! – сказал Тереха.

Утром Дуняша зашла к Татьяне в старую избу. Жена Сашки теперь уехала, в избе варился корм скоту. На стропилах висели связки лука.

– Илья ударил меня вчера! – сказала Дуняша.

– Поздно же его достигло! – сказала Татьяна.

Вчера Дуня видела, как Василий, стоя на огороде, разговаривал с братом, и подумала, что он все же славный. Она подождала, не посмотрит ли Василий в её сторону. Но Васька взгляда её не чувствовал. Так и не взглянул!

– А как он с Пашуткой? – спросила Таня.

– С Павкой-то? Играет, не нарадуется. Говорит, какой красивый. Мол, будет, в нашей семье один беленький.

– Пускай еще одного закажет! – сказала Татьяна.

Дуня густо покраснела и выбежала.

– Дунятка! – кинулась за ней Татьяна.

Но Дуня была уже далеко. Таня не пошла за ней...

...«Я тебя удушю, змею!» – грозился Илья, явившись из лодки в дом.

«Пойдите, ребята, к бабушке, – сказала Дуня. – Пусти, я отнесу дитя к соседям», – добавила она, когда дети убежали.

«Отнеси!» – разрешил муж.

«Я сына у вас пока положу, – сказала Дуня, входя с младенцем к Фекле Силиной. – Илья вернулся, хочет меня учить. Кабы не зашиб дитя».

А сегодня она бежала домой, вспоминая об этом и мысленно улыбаясь.

Навстречу с книжкой шагал Алешка Кузнецов в чистеньком полушубке и сапогах.

– Учиться? – спросила Дуняша, и сама просияла, забывая свои неурядицы.

– В школу! – гордо ответил мальчик.

Дуня огляделась. Небо было чистое, и солнце ярко горело. Сегодня земля подмерзла. На синих горах лежали пласты снега. Густо дымила кирпичная школьная труба.

Дуня подумала, что старшего Семена тоже надо отдавать в школу, он просится туда. Сегодня надо отнести жене учителя хорошей рыбы.

Она посмотрела на реку и вспомнила Ивана. Он, уж наверное, плыл по далекому океану. Ей показалось, что невелики еще ее беды и заботы и что, видимо, в жизни ее ждет что-то – хорошее или плохое, она не знала.

А пока близилась зима.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КУЗНЕЦОВСКАЯ СТОРОНА

ГЛАВА 1

На парусной лодке Егор с братом Федором и с Татьяной везли на прииск доски, бочку с солониной, три мешка муки, кайлы, лопаты, ломы, грохотки для бутарок, постели, палатки, шкуры, полушубки, одежду разную в мешках, посуду в ящиках и котлы.

Путь вниз по Амуру, речные бури, дожди, холода, ночевки на островах – все пришлось претерпевать заново, как когда-то много лет назад, и от этого казалось Егору, что он заново переживал свою молодость, только теперь – с достатком за пазухой.

Снизу дули весенние ветры. Чуть брезжил рассвет – все подымались. Слабо трещал костер, дым стлался по земле ленивой струйкой, словно не хотел просыпаться и тоже зяб от холода и сырости. На бескрайней шири синими грядами проступали залежные по реке острова. Еловые леса далеки, пробиваются вершинами из вод.

Отвалив от берега, мужики подымали парус, брались за гребни.

Сегодня подул попутный. В прибрежных марях нашли вход в озеро. По узкой протоке ветер слабо тянул меж замшелых кочковатых и топких берегов.

В дыму открылось озеро. Уткнувшись в него прозрачными синими утюгами, стояли сопки. Шумел ветер, и мелкие воды сильно желтели, захватывали на дне ил и глину. Жидкой желтью буря обдавала гребцов.

– Талан надо иметь, чтобы через такие грязи найти ключ, – говорил Федя. – Я бы никогда и протоки не нашел.

От красной крутой скалы с лохматой вершиной между двух многодесятилетних островов пошла светлая вода. Понесло ободранные на перекатах стволы, как бревна и множество ветвей с мохнатыми почками. Вода стала белей и походила теперь на густой чай с молоком. Дул ветер жесткий и холодный, как всегда после ледохода.

Солнце жаркое, скучно, грести трудно, все время шли вниз по течению, а сейчас надо забираться вверх. Егор знает, что поработаешь, разойдешься и привыкнешь.

Нынче все потянулись на прииск рано. Прежде всех устремились Пахом с Ильей. Им вдогонку пошли сыновья Егора: заядлые старатели Сашка и Васька. Ушел Силин. Не отстал и тут Барабанов. Все соседи

оказались такими ловкими и проворными, что Егор только дивился. А соседи в толк не брали, почему Егор не спешит. Василий рано торопил его со сборами и не дождался. Егор подумал, что пристрастился сын, как к игре.

Пристали руки. Лодку подвели к острову. Федя кинулся в траву, в кустарники, тут тепло, как на печи, тихо, цветочки есть, лук дикий, тихо постукивает дятел, поют жаворонки. Федя вынес пучок лука.

На протоках потеплело. От ветра закрылись сопкой. Вода все время менялась: то была горячая, как молоко, то желтая – амурская, как пиво. Значит, это еще не речка, а протоки при ее устьях.

Весла сменили на шесты. На островах появился лес. Мелкое рябое течение звенело в подножьях обгорелых лиственниц. Толстая лесина налегла рассохой на сук березы.

– Человек! – остерег Федя.

Сверху неслась лодка. Груз в ней прикрыт кожами.

Человек в поярковой шляпе нагнулся, словно пощупал ружье, лежавшее в ногах, левой рукой он держал кормовое весло. Из-за груза поднялась еще одна голова в шляпе.

Федя достал револьвер.

– Спрячь! – велел ему Егор.

– Здравствуйте! – равняясь, сказал человек на корме.

– Здравствуйте! – дружно ответили братья Кузнецовы.

Двое на встречной лодке поднялись с шестами, стали упираться. Лодка приостановилась.

– Тут не пройдет. Надо вокруг острова. На хребтах много снега, вода валит большая, течение сильное, – сказал кормщик. Лицо у него серое от множества глубоких морщин, в которые словно набилась копоть от лесных костров. – А мы сами из Воронежского... Может, слышали Сапоговых?

По совету встретившихся Егор и Федор пошли на веслах вокруг островов. Вдали увидели еще одну лодку, стоявшую у берега. Наверху дымил костер. Воронежцы отстали.

На перекате вода пошла сильно, нельзя было подняться, пока шесты вскидывались, лодку течением сносило. За час не прошли и полуверсты.

– Наверно, это не та протока, давай еще один остров обойдем. За ним, наверно, обход, большое колено, – сказал Егор.

Спустились до тихой протоки и поставили парус. Федор понемногу подгрел.

– Сто-ой! – крикнули с берега.

Из высокой травы вышел усатый мужичок в шляпе и в пиджачке.

– Вернитесь! – сказал он. – На эту речку нет прохода! Мы вот сами отсюда еле живы свалились.

– Прошлый год люди там были, – ответил Егор, опуская веревку, так что парус заполоскался на ветру.

– А теперь там нет никого. Разбило две лодки и всех вынесло. Люди разошлись, – подкручивая темные усы, сказал мужичок.

– Что ты его слушаешь! – сказал Федя и налег на весла.

– Эй, я говорю не смей! – Усатый выхватил револьвер и выстрелил вверх.

– Я тебе... – Егор схватил ружье, прыгнул в воду. Бултыхая сапогами по воде и гальке, он зашагал к берегу.

– Убери ружье! – сказал усатый Егору.

– Убери револьвер! – ответил Егор.

– Там никого больше нет, – сказал усатый. – Никто не моет.

Трава зашевелилась, и из нее вышел высокий бородатый человек в зимней шапке и с ружьем на плече.

– Я сказал – не смей ходить, и все! Дороги нет, – подтвердил усач.

– А кто ты такой?

– Мы от волостного управления поставлены старшиной, – сказал высокий в шапке.

– Каким старшиной? Тут нет старшин. А я иду к себе. У меня там дети моют.

– А как фамилия?

– Кузнецов.

– Как Кузнецов? С откуда будете?

– Из Уральского.

– Кузнецов! – удивленно сказал усач. – Это который правый берег открыл?.. – Он что-то тихо шепнул своему товарищу и, обратившись к Егору, добавил: – Пожалуйста, можете ехать!

Егор все еще не мог прийти в себя. Он шел, как домой, в свою избу, а дорогу ему заступили. Он подошел к усачу поближе.

– Здравия желаем! – гаркнул тот и взял под козырек. – Был когда-то Гаврюшкой. А теперь прозвали по усам – Таракан. Спрячусь в

любую щель, – пошутил он. – Вы бы сразу себя назвали. Вас там все ждут. Ваш берег свободный, люди селятся на левый, на Силинский.

– Пожалуйте отобедать с нами тройной ушицы, – предложил бородач. – Кузнецовский берег свободный. Не спешите! – добродушно добавил он. – Никто не тронет вашу делянку.

Сели за уху.

– Как же ты знаешь, кого пустить, а кого не надо? Списки, что ль, у тебя? – спросил Егор.

– Я знаю всех в лицо... А кого забуду, поднесут пол-штофку – и спомню. А есть и списки.

– Ты и с нас хотел подношения?

– Что вы! Кто же Егора Кузнецова не знает... Но лучше бы вам придумать кличку, скажем «Пахарь» или «Стенька Разин». Тут место такое, что не надо бы зря называться. А за подношением я не гонюсь. Этого хватает.

– Но ведь и новые идут.

– Да, таких еще больше. Вот мы и поставлены от общества. Мы всех задерживаем, стараемся выведать, кто и откуда. Для желающих отказа нет, благодетели открыли прииск для народа – и мы это чувствуем от общества, да шпионов боимся. У нас ушица всегда наварена. Приглашаем, угощаем... Вот сделайте честь, кушайте еще. Человека сразу видно. Мы по описанию вас узнали, да и так заметно, что хозяин, шли за своим.

«Какое же общество его поставило? – подумал Егор. – Кто-то уже успел навести тут порядок?»

Федя сидел и думал о том, что брат еще не успел приехать на прииски, а уж характер выказал. Давно не видел он Егора таким задиристым. Правда, всем известно, что в первый год на Амуре он здорово подрался с бельговскими торгашами из-за гольдов. Мать говорила, что он вообще-то любил прежде драться, мол, выйдет на пруд зимой и улицу пробьет в народе.

– Судя по всему, общество нынче сошлось большое, – сказал Федя.

– Лодок еще немного прошло, – отвечал Гаврюшка. – Но нынче много народу нахлынет. Пока еще ни одного шпиона не попалось. Каторжных мы поворотили, не пускаем их на прииски, чтобы не марать честь... А сынки ваши тут, оба. Старший – Александр Егорыч –

каленный такой, как чугун, ваш же сынок будет? Племянничком вам приходится? – быстро обратился он к Феде.

– Да, как же!

– Дела у них... Вас все ждут. Скоро выборы начнутся, власть надобно установить, чтобы были отводы участков и порядок.

Через два дня пути вода в реке стала грязной, непохожей на горную, лодка прошла пережат, когда вдали послышался стук и грохот, словно за лесом работала паровая машина. Справа, на левом берегу реки, лес был вырублен. Виден стал сплошной ряд палаток и шалашей. Сплошной строй синих столбов дыма подымался от костров в небо. По камням катились тачки, лязгали лопаты и ковши, скрипели ворота, подымавшие бадейки из шурфов и колодцев. Потoki мутной воды неслись оттуда. Вода становилась все желтей и грязней.

На лодке подъехал Василий.

– Пошли к правому берегу! – крикнул он отцу. – Во-он где мы в прошлом году мыли с Ильей и Сашкой...

Егор налег на шест. Вдали зажелтел сруб колодца.

– А где же Сашка? – спросил Егор.

– Вон лодка идет! – показал сын. – Сашка едет...

Сашка стал выбрасывать на берег очищенные жерди. Егор посмотрел на другой берег. Он весь в палатках, как военный лагерь. Грохот и шум временами слышались сильнее и потом снова стихали, словно берег отдалялся. Налетел ветер, солнце ушло за тучи, и балаганы потемнели, стали серыми. Вышло солнце, и белые балаганы за рекой опять весело заблестели.

– А я на острове мою! – сказал Сашка.

– Хорошее содержание?

– Хорошее – нельзя сказать, – уклончиво отвечал Сашка, ставя жердь для балагана. Он вдавил ее в песок косо.

Егор, достав топор из-за пояса, стал забивать жердь.

– Кто же, отец, так спрашивает на прииске! Тут у нас суеверия! – молвил Василий.

– А где ты?

– Я мою с Ильей. К вечеру палатку сюда перенесу, и завтра начнем работать вместе. Тут у меня шалашик с прошлого года стоит, недалеко отсюда... Я там накомарник поставлю и палатку.

– Ты хочешь отдельно от отца? Что же ты, как семейный?

– Я вечером читаю, у меня книги есть. Чтобы тебе не мешать. Тут товарищи хорошие. Нынче Сашка предупредил всех, что скоро сам Кузнецов придет, и весь правый берег не велел трогать. Сказал, чтобы нынче до твоего приезда не смели здесь мыть. Сашка ушел на остров, чтобы подать пример, и всех гнал отсюда... А я вон там...

– Сегодня мыл?

– Мыл! Вот здесь триста лотков! – похвастался сын, вынимая из-за пояса узелочек с золотым песком.

Татьяна перетаскала из лодки мешки, скатки шкур и одеял.

Егор, Васька и Сашка снесли по кулю муки. Сложили на доски, посланные на два бревна. Сашка закрыл все широким берестяным полотнищем.

Егор и Федя, подкладывая доски, закатили из лодки на берег бочку с соленым мясом. Татьяна разожгла костер, и вскоре крышка запрыгала на чайнике и повалил пар.

А за рекой все лязгали и стучали и мутили воду, так что не похожа она была на горную. «В такой воде не постираешь!» – подумала Таня.

– Сколько тут народу собралось! – удивлялся Федя.

Василий показал на берегу прошлогодние ямы. На рукаве потока установили бутарку. По узкому деревянному желобу понеслась веселая вода.

– Кустового золота немного, – сетовал Василий. – Оно полосой пошло. Бобы-то золотые вглубь растут... Это ты, отец, нас научил, если сверху золото выберется – надо копать колодец.

– А где был куст? – спросил Егор.

– Вот тут.

Егор отошел пятьдесят шагов и содрал мох.

– Как мох драть, так золото брать? – удивился Василий. – Снял, как одеяло, а под ним – как риза, сплошь блестит!

– Молчи! – сказал Сашка.

Василий и Сашка стали делать большой разрез. Егор рубил лес на устои. Татьяна хозяйничала.

В зеленой туче комарья, на мокрой земле среди берез и лиственниц забелел обширный балаган.

Над лесом высилась красная крутая скала с лохматой вершиной. «За ней должен быть ключ, чистая вода!» – подумала Таня. У

подножья скалы, в прозрачной зеленой воде, бежавшей в речку, громоздилась гряда сине-желтых, ржавых камней.

На берестяной лодке подъехал молодой человек. На нем фуражка с выцветшим околышем и сизая куртка с линялыми отворотами и с блестящими пуговицами.

– Кого же бог несет? – спросил Егор.

– Мой товарищ приехал! – с оттенком гордости ответил Вася. – Студент из Петербурга.

Егор когда-то видел студентов в Перми и Екатеринбурге.

– А я думал, полиция! – сказал Кузнецов, поздоровавшись со студентом за руку. – Что же ты, молодой, а бороду не побреешь? У нас на Амуре молодые бреются.

– Я, Егор Кондратьевич, очень рад с вами познакомиться. Много слышал про вас от самых разных людей... Вам, наверно, покажется удивительным, как я тут очутился? Да, живу далеко, в Петербурге, учусь, голодаю там, конечно, и вот, узнав от своего товарища, сибиряка, про прииски, давно задумал податься на заработки и заодно посмотреть Сибирь. В Петербурге живу на малые средства, считаюсь вечным студентом, мне все это надоело! И вот судьба меня занесла... Представился удобный случай – один из родственников, доктор, отправился на службу в город Благовещенск из Петербурга и взял меня с собой за казенный счет.

Парень на вид был чистый и славный и с первого взгляда понравился Егору. Страшно было слышать, что здоровый человек и неглупый на вид, с руками и с ногами, мог голодать. Есть же такие места на свете!

– Ну и как же звать вас, барин?

– Я тут не барин. Зовите меня Алексеем, Алешей, или, как меня тут все зовут, Студент! И все! А вон уж идут к вам паломники!

По колено в траве двигались какие-то люди в длинных рубахах.

– С приездом, Егор Кондратьевич! – заговорил бритый молодой мужик, снимая картуз.

По его примеру, все стали кланяться. Целая толпа крестьян в неподпоясанных рубахах и в широких шароварах вышла на обтопанную площадку.

– Делегация-то с того-то берега, пришли до вашей-от милости, попроситься. Сами от села Вятского на Амуре, не извольте

сомневаться.

Егор и не сомневался. Вятских слышно было поговору.

– Мы с Силинской-от стороны, участок-от нам достался ладный, да хотели разделить артель, чтобы не тесниться, друг от друга не хватать...

– Дозвольте, ваше степенство, испытать счастья на вашей стороне, на Кузнецовской, – заговорил старик в поддевке. – За резом мы не постоим. Десятинки ли, сколько ли укажете, то будем вам предоставлять. Мы – Ломовых, поди слыхали?

Егор знал двоих Ломовых, которые гоняли почту, приезжали в Уральское не раз.

– А я – Ломов Порфирий! – сказал бритый молодой вятч. – А это Тимофей Лукич Ломов, – почтительно обратился он к старику, – сосед с нами Ломов Лука, Кузьма тоже Ломовых.

– Надо пустить! – посоветовал Сашка. – Че же не пустить!

– Будьте благодетельны! – сказал старик, и вятские, как по команде, стали опускаться на колени.

– Только не отдавай, отец, участка за ключом, – попросил Вася, с силой втыкая в песок лопату, вытаскивая ее и опять втыкая. – Там засечки есть. Знакомый моет, он еще не приехал. Он обязательно приедет...

– Да нам и не надо за ключом-от, – отвечал молодой Ломов. – Нам-от вот тут, до ключа, дадите пятнадцать-от сажень, и ладно!

– Гляди-ка, гляди-ка, кто сюда прется! Егор Кондратьевич, уж не выдай нас... – испуганно сказал старик Ломов.

Небольшая лодка с разгона выскочила на песок. Тимоха Силин, спотыкаясь о рубленый кустарник, побежал на бугор.

– Кондратьич! Егорушка! – воскликнул он.

Мужики обнялись трижды.

– А нам говорили, что вы стреляли друг друга и живете во вражде! – осклабился вятский старик. – А вы – братья... Тьфу ты, как спугали!

– Чем же тебя испугали? – спросил Студент.

– Люди откуда-то взяли, что у нас с тобой зависть друг к другу! – сказал Тимоха. – Ждут, что у нас драка будет, одни за тебя, другие за меня! Видишь, все выборов ждут.

– Занимайте место, где не занято. Земля божья. Все будет общественное! – сказал Егор. – Реза платить не надо. Процента, значит! Потом на общество будем все платить десятинку. И на общественные работы придется выходить работать.

– А мы думали, Тимофей Иваныч, что вы за нами погнались, чтобы вернуть на свою сторону, – ухмыляясь, сказал старик.

– Вы не крепостные! – ответил Силин. – Да и я не дикий барин! Да на что вы мне? Речка большая, а вы, как бараны, сбились.

– Конечно, надо занимать места! – сказал Егор. – А то ссоры начнутся.

Со стороны ключа появились два монаха и стали кланяться.

– Благослови! – сказал Силин.

Рыжий монах перекрестил его и дал поцеловать руку.

– Беседу хотим! Беседовать! – сказал маленький монах, похожий на кавказца.

– Можно побеседовать! – ответил Сашка-китаец. – Че нельзя, что ль?

Монах и его благословил.

– Давай крест целовать. Крест есть? – спросил Сашка.

Поверх рясы монах одет был в брезентовую куртку. Он распахнул ее и дал поцеловать Сашке крест.

– Скажи, Егор, – расспрашивал рыжий монах, – правда ли, что ты заявку сделал и отдал все обществу? Мог бы продать богатому промышленнику, войти в пай. Почему же ты за выгодой не погнался?

– Христос так учил! – отозвался Силин.

– Конечно, так велел! – подтвердил Сашка.

– Артельный народ боится, нет ли тут худого умысла, греха! – сказал рыжий монах.

– Здесь, на твоей стороне, – сказал маленький монах, – попадаются следы неизвестных людей или существ, живущих в тайге. Предупреждаем тебя.

– Это мы знаем! – ответил Тимоха.

Егор позвал гостей к чаю. Стол у балагана был налажен.

– Когда я плыл по этой реке, меня в верховьях стреляли, – сказал он монахам.

Монахи попили чаю и еще немного посидели, ко всему присматриваясь. На прощанье благословили всех быстрыми, мелкими

знамениями и ушли по глубокой траве.

– Слушай, Тимоха! – сказал Егор. – А от кого поставлен караул на въезде?

– Это мы просто так, сами, – Силин переглянулся с Сашкой, – чтобы не влипнуть! Установили, как пограничную стражу.

– Вот вы верно говорите, что скоро начнутся ссоры... Уже ссорятся, – сказал Студент. – У нас на прииске полным ходом идет кампания...

– Какая кампания? – спросил Егор. – Пьют, что ль?

– Нет. Выборная кампания. Готовятся к выборам!

– Да, надо старосту выбрать! – согласился Ломов. – Пока едим свое, что привезли с собой. А что дальше? Уже был случай – украли сухари.

– Да, есть кражи! – подтвердил Сашка. – Драки есть! Все есть!

– Один помер с голода! – сказал Силин. – Надо продовольствие завозить и товар. А как приступиться?

Студент, полулежа на только что разостланной шкуре, смотрел вверх на распускающиеся деревья. Стояла тихая хорошая погода, какой он и не ждал в этих местах. Погода его окончательно пленила. Ему не хотелось уезжать в свой Петербург, в сырые, холодные комнаты. Сегодня, услышав, что приехал Егор, он надел свою студенческую куртку и поспешил на правую сторону, чтобы познакомиться с открывателем этого прииска.

– Есть наука, – он поднялся и уселся, – ученье о том, какое будет общество со временем. Как переустроить человеческое общество. О разделении общества на классы, между которыми нет согласия, идет всяческая борьба.

– Да, скоро выборы, – сказал Тимоха. – Видишь, хотят Жеребцова выбрать.

– Ну и че же! Пусть будет, зачем препятствовать! – сказал Сашка.

С берега пришел Пахом Бормотов. С треском прыгая через кустарник, ломился по тайге Ильюшка.

– Тут свои компании составились, и каждая хочет забрать голоса. Зачем нам Жеребцов, – толковал Силин, – оп крутой и сделает обиды людям. Мало того, он выгоды себе хочет, в ущерб обществу. Он без контрабандистов прииск не прокормит, и все мы попадем к нему в

кабалу... И как это ты, Егор, не досмотрел! Все же он проник сюда еще тот год.

– О чем толк? – спросил Пахом. – Как дома?

– Слава богу! – ответил Егор.

– К тому же староста должен людей уважать, а Никита больше грубит, обойтись не умеет.

– Он народу не отдаст богатства, – сказал бритый Ломов. – Мы с ним рядом робим... Подальше-то лучше... Все бы ушли, да, вишь, там золото богатое... Кажись, все же я один на вашу сторону перееду. Остальные вятские пока там останутся.

– За Жеребцова много народу, – сказал Пахом. – Он живет без рассуждений.

– Это людям правится, – сказал Тимоха. – Он себе возьмет выгоду и даст другому урвать. Знаешь, люди в справедливость не верят. Зачем, мол, нам, когда ее нет. Мол, если между собой сговориться, и можно славно жить. А остальной народ все равно глупый, он и тем доволен. А ты тут им помеха. Им совсем не надо, чтобы кто-то пекся о справедливости, старался бы их удержать. Они сами с умом, жадности своей не покажут, но друг друга покروют, и никто не догадается.

– Они тоже о справедливости говорят, – возразил Студент. – Да еще как складно!

– Да, у них свой говорок есть, – спохватился Пахом. – Из городских и крепко с ними сошелся, объясняет все хорошо.

– Может, на самом деле хороший человек? – спросил Егор.

– Он образованный! – подтвердил Студент.

– Нет, мы хотим тебя! – ответил Пахом. – Нам надо атамана, чтобы все умел сделать и других мог научить.

– И не из торгующих, – сказал Ломов.

– А то продаст! – засмеялся Студент.

Васька с любопытством прислушивался. «Что будет, если выберут отца? Сможет ли справиться с такой разномастной оравой? Это ведь не своя семья, где каждый слушается и терпит. Многие тут возненавидят его. И теперь уж, наверное, недовольны, что приехал, косятся. Только пока отцу это неизвестно».

Васька знал, что и отец его не маковое зерно. Хотелось бы видеть, как выкажется крутой его нрав, как он начнет тут устанавливать справедливость. С какого края примется? Уговорит или вколотит?

Васька чувствовал себя, как в цирке перед схваткой борцов.

– А Федор Барабанов здесь? – спросил Егор.

– Здесь, – сказал Тимоха. – Он со стариком, своим работником Яковом. Мы их догнали на озере. Вот каторжный был, а женился и переменялся.

Казалось бы, все рады Егору. Но сам он чувствовал, что тут покоя нет и ему не будет, словно попал он из родного села в другой, жестокий мир, от которого уж отвык. Показалось, что монахи зачем-то подсланы к нему.

«Что же у них тут будет, если начнется не дележ, а грабеж и пойдет такая кутерьма? – подумал Егор, проводив гостей. – Какая тут может быть справедливая жизнь? У них тут и крадут и голодают! Тимоха Силин не следит. А Васька чему-то рад. Молод и доволен. Глуп еще! А я? Дал людям богатство для справедливой жизни! А будет ли она? Кто ее установит?»

Люди в нем видели силу, искали заступничества и заискивали, и все это было неприятно.

Смутно начинал понимать Егор, что, кажется, ему следует брать на себя общественную обязанность... Прошедший день показался ему таким тяжелым, что думать больше ни о чем не хотелось.

Где-то в стороне Студент сказал:

– Твоему бы отцу образование дать...

Дальше Егор ничего не разобрал. Молодые голоса звучали весело.

– Мы зовем Сашку не по имени, – возвратившись, предупредил отца Василий. – Он у нас Камбала...

ГЛАВА 2

В носу лодки лежал щуплый старик в матросской куртке и с полотенцем на голове. Стоя на корме и плавно толкаясь шестом, словно танцуя, лодку гнала девушка. На голове у нее повязан светлый платок в горошинку, закрывающий почти все лицо, так что торчит только носик. Она в белой кофте, с шалью на плече, ниже подоткнутых юбок видны упершиеся тонкие ноги в толстых чулках и в начищенных башмаках.

Из колодца поднялась голова бородатого старовера.

– Ктой-то опять... Ах, срам! Тьфу! Грех!

Бородач проводил лодку взором и опять скрылся в шурф. В этой артели работали истово, как молились.

У бутарок шумела вода, стучали лопаты о грохота промывочных стволов.

– Смотри, молоденькая девчонка, а какая!.. Э-эй! – крикнул лодочнице старатель с лопатой.

– Куда поехали? Айда к нам в артель! – добавил старик, стоявший в воде по колена.

– А ну, налегги еще, подверни бочок еще раз, – не унимался старатель с лопатой. – Э-эх!

Грузный невысокий человек господского вида, в очках и с припухшим лицом, вышел на отмель, обнажая лысеющую голову, и поклонился.

– Здравствуйте, мадемуазель!

– Здравствуйте! – ласково отвечала девица.

Матрос в лодке очнулся, поглядел блеклыми глазами.

На повороте, там, где перебутор, какой-то старовер в белой грязной рубахе и в полосатых штанах долго смотрел из-под ладони на лодку. Он закашлялся, словно что-то попало в горло, потом свирепо глянул на подошедших трех сыновей. Старика чуть не сбили с ног. Вровень с лодкой по берегу бежал старатель с лопатой. У него черные брови насуплены и глаза, как угли.

– Налим! – окликнули его.

Но парень, не глядя под ноги и спотыкаясь, все бежал вровень лодки, не обращая ни на кого внимания. Он стал тихо подсвистывать

на бегу, как бы подманывая якорька.

Китайцы бросили работу, оставили свои лотки и столы, разогнулись.

– Ой-е-ха! – воскликнул китаец с бородкой и подпрыгнул. Он прошелся по берегу мелкими шагами, покачивая бедрами при невеселом смехе всей артели. Словно труженики хотели сказать своим смехом старшине, что нечего зря и мечтать о недостижимом.

Китаец с бородкой, изображавший женщину, вдруг взвизгнул. Кто-то из китайцев дал ему пинка.

Налим уже не бежал, а шел, словно зная, что дичь не уйдет, что на его свист зверь не может не отозваться.

– Какую-то несет! Нам в помощь! – сочно пропел сладкий женский голос.

– С отцом, что ль? – спросил другой.

У палатки стояла дебелая черноволосая женщина, с лицом, побитым оспой, в красном сарафане.

Чернобровый парень, проходя мимо женщины, перестал подсвистывать. За ним следом спешил толстяк в очках.

Черноглазый старовер остановил парня, загородив ему тропу лопатой, заглянул в лицо.

– Куда ты прешь, Налим?

– А ты куда? – схватив старика за бороду, отвечал парень. – Зараза!

Лысый толстяк согнулся и вприпрыжку побежал за лодкой, обгоняя старовера и Налима.

Река делала петлю. Тут оседают пески и течение бьет с большой силой, а потом стихает, как бы рассыпая воду веером по огромной песчаной отмели.

Лодка повернула и пошла к другому берегу. На отдалявшейся от нее Силинской стороне засвистели.

Старый матрос опять зашевелился. Ему лень было подыматься, но теперь он решил, что надо будет припугнуть кобылку, всех сразу. Он поднялся и показал ружье.

Катя завидела Кузнецовский балаган и делянку, колодцы и промывочные устройства. Там работала целая артель. Значит, Вася пришел с отцом и со всей семьей. Ей стало страшно и стыдно, и она,

держа к берегу, старалась пройти мимо и показать, что ничего не видит.

... Пески ярко желтели в тачке и в стенках широкого разреза и во взрытом забое. Желтая дорожка тянулась к бутарке, стоявшей в несущейся воде.

Васька бросил лопату, услышал усталый стук шеста о камни, выпрыгнул из разреза на траву и вошел в воду в больших болотных сапогах.

Кормщица быстрыми и страстными движениями погнала лодку прямо на него, смеясь и высвобождая лицо из платка.

– Отец, вставай!

– Здорово, Васька! – хрипло сказал матрос. – Отец тут?.. Акулы! – в сердцах молвил он, оглядываясь на другой берег.

Матрос выскочил из лодки и пошел наверх.

– Я приехала к тебе! – сказала Катя, подходя к Василию.

Она, как бы крадучись, прильнула на миг щекой к его груди.

– Палатку нам поможешь поставить? – Она вскинула на него чистые глаза.

На холме густо дымил костер. В воздухе становилось сыро, дым цеплялся за кусты.

– Сегодня дождь прошел. А у вас был дождь?

– Нет, у нас не было. Неужто у вас был? А мама здесь? – со страхом спросила Катя.

– Нет, мать не приехала. Отец вчера приехал с Федей. А я жду! Хотел по дороге заглянуть к тебе, да, видишь, не один, с артелью! Отец сегодня ездил на ту сторону к Федору Барабанову, повидал там знакомых, а вернулся невеселый...

Васька знал, что отцу сейчас не до гостей, и побаивался его.

– А что же ты опоздала?

– С тятей сладу нет, – отвечала Катя, – у нас спиртоносы стояли. Отец спрятал их лодки на протоке. А вся торговля шла у нас. Приезжали приискатели, и каждый угощал тятю...

– Я тебя больше никуда не пущу!

– Ой, как я боюсь твоего отца... Мне так стыдно, он ночевал у нас, а тятя выпросил самородок...

– Ты все еще помнишь?

– Отец и сейчас не трезвый. Нас у Гаврюшки угощали, и он рассказывал там про Синопский бой.

Течением несло вдаль лодку с неумелым гребцом. Весла его неловко плескались.

– Возьми меня к себе! – сказала Катя. – Я без тебя жить не могу!

– Эй, Васька, дров мне наруби! – пробегая мимо, крикнула Татьяна.

... Федосеич сидел за дощатым столом с Егором. Катя помогала Татьяне хозяйничать, ломала сухие сучья для костра, перемыла посуду перед обедом.

– Дуня, подруга моя, красавица, скоро приедет, – сказала Татьяна.

Лодка пристала напротив стана Кузнецовых. Быстро поднялся на берег толстячок в очках. Засеменил к столу.

– Свои приехали? – спросил он Ваську, почтительно подергивая головой вниз и недобро пуча близорукие глаза. – К вам гости?

– К нам! – ответил Василий. – Пожалуйста, сосед, проходите. Вот и отец идет. Вы к нему?

– Да-с! Разрешите вам представиться, Егор Кондратьевич! Статский советник! Здесь зовут просто Советник.

Толстячок опять покосился на Катерину, жарившую рыбу на пруте.

– Ну раз ты советник, то и садись! Советуй! – сказал матрос. После китайской водки, выпитой на карауле, он снова опьянел с первыми глотками горячей ухи. – Кого тут только нет!

– Да, тут разная публика... Я бы хотел вам много важных сведений сообщить, Егор Кондратьевич. Мы все ждали вашего приезда...

Татьяна перехватила взор толстяка, брошенный на Катю, и подумала, что девка тихая, и не за ней ли хлещет этот пузач, и что в тихом омуте черти водятся.

Советник заметил, что Федосеич – старый знакомый Егора и как бы находится под его покровительством. Участок старого матроса где-то неподалеку.

А он-то спешил, хотел помочь ленивому служаке, показать, объяснить, даже захватил с собой китайского спирта. Толстяк теперь был рад, что предусмотрительно оставил ханьшин в лодке.

Сказав еще несколько комплиментов, он решил, что надо почтительно и своевременно ретироваться. Он расшаркался перед Татьяной, пошутил с Катей и заглянул ей в лицо, пригласил к себе в гости Егора и Федосеича, пообещал им показать кусок найденного горного хрусталя.

Он протирал очки, споткнулся, уронил очки и на лету поймал их так ловко, что сам подпрыгнул от радости и рассмешил Татьяну.

– Какой славный человек приезжал! – сказала она.

– Вежливый! – подтвердила Катя. – Ученый, а какой простой.

Татьяне понравился бойкий, пожилой Советник.

– Василий, иди пособи им балаган наладить, – сказал Егор.

В сумерках пришел Сашка.

– Советник был? – спросил он.

– Был.

– Ни че?

– Надо строить избу, – сказал Егор.

– Из сырого леса?

Сашка встал и пошел по берегу ключа.

На участке Федосеича уже стояла палатка. Под пологом слышался храп. Кати и Василия не было.

Сашка, тихо раздвигая ветви и угадывая тропу, пошел обратно.

– Че ходишь? – спросил он, наткнувшись на людей.

– А че тебе? – отозвался Вася.

– А че не боишься?

– Кого бояться?

– Смотри! – остерег Сашка. – Ты слыхал, опять стреляли?

– Охотился кто-нибудь.

– Где охотился? Там? – показал Сашка на горы. – Там дичи нет.

Одни камни.

– Ой, я боюсь! – сказала Катя и туже затянула платок под подбородком. – А кого стреляли? Кого? А?

– Там людей нет.

– Кто-то балуется, наверно! – сказал Василий.

– Не знаю, – ответил Сашка. – Как устроились?

– Хорошо. Отец уже спит?

– Да.

Катя пошла в балаган.

– Сговариваются выбрать власть из своих и прииск взять себе, – сказал Сашка. – Шайка.

– Почему же шайка? У них право есть.

– Нет, шайка... Я посылал китайца-старика, он все слушал. Он хорошо понимает.

– Сказать отцу?

– А че отец? Пусть сам видит! Нам надо че-то делать. Ты не боишься?

– Нет.

– Ну и дурак!

Они прошли мимо затухающего костра на участке Ломовых. Какая-то женщина выглянула из-под полога.

– Ксенька... Ксенька, ты че это, че это? Куды лезешь? – послышался из палатки голос Ломова.

Утром Василий опять попросился у отца на участок к матросу.

– Может, в артель к ним перейдешь? – съязвила Татьяна.

Прибежала Катька. Отец ее заболел. Его еще вчера ломало. Сашка послал какого-то китайца, бродившего всюду с лотком, за реку за доктором.

Китайский врач в черных очках дал больному какого-то отвара и сказал, что надо бы вытянуть язык и проколоть иголками. Федосеич испугался, вскочил и припелся на стан Кузнецовых.

– А китаезы здесь откуда? – спросил он.

– Есть христиане. А есть чужие, идут все с квитанциями за рубль на право жительства у нас на один год, – отвечал Сашка.

– Доктор мне обе руки взял и сказал сразу, чем болею. И хотел язык колоть.

– Ты че? Не язык! Ты не понял!

– Все равно мне это их зверство не по душе, чуть что – колоть или резать человека, голову ли ему рубить. У нас лейтенант хлебом отравился в Шанхае. Шел по базару и попробовал.

Катя катила тачку из забоя. Она умела бутарить, выбирать золото с рогожки.

В воде Кузнецовы держали наловленную живую рыбу. К обеду Катя принесла тайменя и, как было велено, вычистила, порезала и положила в кипевший котел.

– Ты ловкая, верткая! – говорила Татьяна.

– Морская гидра! – сказал отец. – Вьется и все успеет! А мы разрез начали, да что-то в груди боль. Я слег, работать не могу. Это потом пройдет... Люди просят порядок установить, Егор... И все идет и идет народ.

– Пока мука есть и друзья есть, – толковала Татьяна у самодельной печи, сбитой еще в прошлом году, – а лепешки закончатся, что будем делать? Егор верно говорил, что три куля не хватит. Эх, Дуня бы приехала, раскрасоточка моя, – схватившись руками за концы от узла на платке, воскликнула Таня, – мы бы помыли с ней! Девичьи бы годы вспомнили!

– Отец у меня плохой работник. Он болеет, – отвечала Катя.

– Поэтому ты все умеешь.

Татьяна чувствовала, что Катя ей будет старательной и разбитной помощницей. Да без нее теперь и трудно обойтись!

Пахом приехал, прошел к Егору в разрез и стал кричать:

– Порядка нет! Ни за что обидели сегодня! Кабы не Илья, не знаю, что бы было. Я чуть лопатой его по хватил.

– Кого?

– Да черт его знает, кто он такой. Давай, говорит, старик, бери меня к себе в артель, а то, мол, тебе вред произведу! Черный, дьявол, как китаец или цыган. Глаза косят в разные стороны. Надо старосту выбирать! Спиртоносы везут спирт. Андрюшка Городилов целую лодку пригнал. Надо этот спирт забрать и вылить в воду.

– Восстание будет, – сказал матрос, – если узнают.

– Не надо, чтобы узнали! Тихо вылить! – сказал Сашка.

– Надо бы резиденцию построить, – сказал Егор, – а порядок сам установится. Место хорошее!

Вася стал кидать песок в тачку. «Отец опять за свое, – подумал он. – Везде хочет строить. Нам и так работать не дают!»

– Дай я подсоблю! – сказал матрос и покатил тачку к бутаре, где Катя и Татьяна кидали песок и выбирали золото, пуская сверху воду из желоба.

– Слушай, Егор, а что такое революция? – спросил матрос. – Будто бы моют на революцию?

– Царя, мол, не надо, – сказал Пахом. – Черта им! Это слово я тоже слышал. Скоро голод начнется, муки купить негде. Одолжи мне, Кондратьич! Спирту хоть залейся, а муки нет... Люди приходят, надо

им отвести участок. А кто на них работать будет? Кому время? Меня просят, Никиту Жеребцова – всех, кто постарше.

– Выше есть лучше места, пусть туда идут, – ответил Егор.

– Они говорят – иди сам, коли лучше. Ждут, что силинская партия станет драться с кузнецовской, к кому надежней примкнуть.

– Кражи есть? – спросил Сашка.

– Не знаю. Наверно, есть, как же без этого. Городилов спирт возит.

– И китайцы возят, – сказал Сашка.

– А все говорят, мол, чужих не пускаем! Да как их не пустишь! Все равно торгуют...

– За голод не беспокойся! – сказал матрос. – Еще ни один прииск не голодал! На Амуре да оголодать! Люди едут отовсюду и уж пронюхают, где что прикупить и сюда перепродать.

– Все люди! – сказал Егор, переводя дух и складывая руки на ручке кайлы. – А то мы в своих избах живем и на заимках, а жизни не видим.

– Значит, ты и тут для справедливости явился?

– Хватило бы о себе подумать!

– Конечно, каждый хочет! Теперь, говорят, что Голованов появился. Кто такой и откуда? – спросил Пахом.

Про Голованова рассказывал Егору вчера торговец, его сосед из Уральского, Федор Кузьмич Барабанов.

– Гаврюшку бы утвердить в должности, выбрать старосту и помощников, начальника полиции, охрану везде поставить и порядок навести! Вот что люди говорят. На Желтуге даже свои деньги были выпущены.

– Да, народу много, и порядок нужен. Ладно, что меня самого пустили. И так тесно. Со временем уйду наверх, там лучше. Да вот Василий не хочет.

Сын с обидой глянул на отца небольшими голубыми глазами. Ничего подобного Ваське в голову не приходило, и он слышать этого не желал.

– Тут старосту ли, – заговорил матрос, – старшину ли, голову – никто слушать не будет, и так всем надоело. Назвать по-другому надо! Политическое, громкое название дать...

– Это верно, – сказал Сашка.

– А как бы, к примеру? – спросил Пахом.

– Президент! Вот это подействует!

– Это и у нас все говорят, мол, президента!

– Выберем и так назовем! А как ты сам, Егор?

– Да, может, так лучше...

– Ну, слава богу! – сказал Пахом. – А люди боятся, что ты не согласишься. А мучки-то дашь? Ну, слава богу!

– А кто это Дуняша? – спросила Катя, когда гости уехали.

Уши у Васьки стали красные. «Это от солнца!» – подумала Катя и заглянула ему в лицо. Васька все гуще краснел и, кажется, не мог ничего придумать, чтобы ответить.

А на бугре, черный от собственной тепи, сидел Налим. Он не сводил глаз с Катерины. Васька отдал тачку Кате и поднялся к нему.

– Тебе табаку, Налим? – спросил он.

Вася высыпал из кисета весь табак в пригоршню старателя.

– Тут у вас весело, – сказал Налим. – Она кто тебе? – кивнул он на Катю.

– Жена.

Налим взял табак и ушел.

Ваське легко работалось подле Катерины. Она подымала пески, валила их в тачку, а он катил. Или он набрасывал пески и вез, а она мыла. Или она везла, а он мыл. Сегодня, кажется, слова не сказали друг другу, а все было понятно и хорошо. Пока Катя не помянула про Дуняшу.

День был очень длинный, и солнце еще стояло высоко, когда Катька разглядела лодку на реке.

– Вон опять к нам славный дядюшка едет!

Сашка зло посмотрел на нее. К ней все быстро привыкли, как и к Федосеичу, словно они были своими в семье и в артели.

– Еще дите! Дура! – ругался китаец.

– Хи-хи-хи... – сдавленно отозвалась она.

– Че славный? Чем славный?

– А че плохой? – спросила Таня, заступаясь более за Катьку, чем за Советника.

– А че, хороший? Шибко-то ученый? Шибко барин? Живи в городе, бери взятки, сладко кушай. А че он пришел сюда? Золото мыть? Его откуда-то гоняли... Нос красный, больной, морда как у кота! Здорово! – хлопнул он подошедшего Советника по плечу и хитро

улыбнулся. – Че приехал? Давно не видались? Вчера был и сегодня приехал? Егора надо? Егору нету! Сиди! Гостем будешь... Кушать нету...

«Хитрый у нас Сашка! Взъелся за что-то на славного человека!» – подумала Татьяна.

– Дозвольте беспокоить, Егор Кондратьевич! – над разрезом появилась косматая голова Гаврюшки.

Егор вылез из начатой штольни весь в желтой глине.

– Видал нашего императора? Он как греческий царь, который сам пас скот! – сказал Студент, появляясь подле Гаврюшки.

– Городские ехали на прииск, – сказал Гаврюшка, – я их не пустил.

– Городских надо поменьше, – согласился Егор, – но от них не избавишься все равно.

– Да, уж лучше кобылку. Кто в нашем деле собаку съел. Китайцы едут на прииск. Я задержал. Как быть? Пускать? Они лопочут, мол, моя по-русски не понимает. Кто они? Как я их разберу?

Егор позвал Сашку.

– Конечно, пускать! – сказал тот.

– А ты пошли Гавриле в помощь своего человека, – предложил Егор.

Сашка что-то крикнул. Из-под берега пришел китаец с лотком, который ездил за доктором.

– Ты по-русски тунда? – спросил его Гаврюшка.

– Тупда! – улыбнулся лотошник.

– Он поедет, – сказал Сашка.

– Квитанция есть – работа есть. Квитанция нет – хунхуз, ходи обратно! – сказал лотошник.

– Еще вам донос, – тихо продолжал Гаврюгака, – и по имени меня не зовите при чужих. Кличка «Пристав», как я приставлен к охране. Голованов проехал. Он не признался, и я его не спросил. Будто не знаю.

– Как же ты узнал?

– По обхождению заметно. А на кампанию я сам приеду. Еще будут доносы к вашему степенству!

– Слушай, Камбала, у меня на той стороне ружье украли. Ты умеешь находить. Найди! – просил Сашку какой-то человек в лаптях и

в белой свитке.

– Как найди! Я откуда знаю, кто украл! Иди, иди! Работать не мешай! Я не знаю, кто украл... Эй, стоп... Погоди...

Сашка потер лицо и нос жесткой ладонью.

– Попадется – найду!.. А откуда я знаю!

– Вы откуда приехали? – спросил Студент у просителя.

– Мы три года как пришли пароходом по Суэцу! Нас поселили на Уссуре. Курские мы... К тебе, Камбала!

Егор замечал, что на Силинской стороне никто не знал настоящего имени Сашки. Все его звали Камбалой.

– Мы ведь знаем, что ты умеешь находить! В долгу не останемся...

– Егор Кондратьевнч! – подошел высокий гладкий мужик со светлыми, как лен, волосами. В руках у него бутылка, оплетенная прутьями. – Спиртняжки вам! В подарочек! Мы слышали, вы тут резиденцию хотите строить? Хорошее место. Надобен плант и можно раскинуть целую плантацию.

– Легок ты, Андрей, на помине! – сказал Василий.

Перед Егором стоял Андрей Городилов, знаменитый контрабандист, который еще парнишкой возил спирт по деревням. Надо было уничтожать спирт. А он принес Егору в подарок!

«Но откуда он взял, что будем строить тут резиденцию? – подумал Егор. – С похвалами и подношениями тут работать не дадут, надо уходить выше, на неоткрытые места к тем страшным бабам, где нашел я в позапрошлом году самородки».

– Уж вы работник первеющий! – говорил Андрей, когда все выпили за столом. – Только зачем вам так стараться, мы бы от общества намыли вам. Десятую часть дал бы каждый! Зачем свои годы тревожите, мне даже обидно! Мы ведь все почитаем вас, как отца родного. Еще мой отец ставил вас всегда в пример, Егор Кондратьевич. Пусть молодые трудятся...

– Кто мы? – спросил Сашка.

– Обчество... Должно сложиться и всю выгоду лично вам предоставить! Наградные! И пенсион от приискателей! Я бы сказал на сходке. И заключили бы контракт.

«Уговаривают принять пенсион и не работать. Что значит не работать? – подумал Егор. – Уйти с прииска? Оставить все им? Хотят

дать мне награду за открытие, почет и только бы убрался...»

– Работать тут мне не дают, – сказал Егор сыну. – Давай-ка, Вася, пойдем дальше, заберемся вверх, где нет никаких раздоров!

– Зачем же! – возмущенно сказал сын. – Для этого ты все открыл людям, чтобы от людей бежать? Нет, я уже сказал, что отсюда не пойду!

– Че идти? Разве тут нет золота? – сказал Сашка. – Чо людей, что ли, бояться? Че их бояться?

– Они хотят нас выжить! – сказал Василий.

* * *

Налим вернулся на Силинскую сторону и пришел в шахту.

– Где ты шляешься? – спросил его старик. – Студент тоже куда-то ушел и тебя нет. Я целый день один работаю.

– У Кузнецовых приехала невестка, – рассказывал Налим в штольне при свете огарка. – Я думал сначала, какая-то на заработки приехала...

– Я видел. Не походит на жену.

– Нет, походит.

– Значит, только поженились, еще не обрюхатилась, – сказал старик, ударяя кайлой. – Вот и хватил бы ее. А не при муже зенки-то пялить!

Старик ударил еще несколько раз и сел. Налим вынул из стены песка и воткнул поближе к забою огарок, овитый проволокой. Пески были мокры. Круглые камни при огне поблескивали, как развешанные на стене тарелки. Теперь Налим стал кайлить, коротко замахиваясь. Рядом со стариком стояло короткое ружье. На земле лежали березовые стойки. Старик стал ставить их и крепить свод. Он достал трубку.

– Э-эй! – раздался голос Студента.

Из-за поворота, громыхая, катилась тачка по желобу из колотых бревен.

– А рябая не понравилась? – спросил старик, посасывая трубку и кидая в тачку песок.

– Где шлик, где золото – разбирается, как десятник! – ответил Налим. – В пупке, говорит, если шлихи останутся, то не уснешь.

Варфоломею морду расцарапала. Такая хищная тигра! Обдерет! А золота больше нас увезет отсюда.

– Войди к ней в доверие, – усмехнулся старик, – может, в провожатые возьмет. Чем нам с тобой морскую капусту у Бердышова драть.

– Мараться о такое дело!

Студент поднял тачку и покатил.

– Кто узнает. Амур, озера! – сказал старик.

В тяжелой тишине подземелья глухо раздавались какие-то удары.

– Слушай, а кто-то под нас подкапывается... А? – спросил Налим. – Что делать, если встретимся?

– Ну и бей его этой же кайлой! А ты что все ходишь к Кузнецовым как в службу, в лавку? Приказчиком заделался? – спросил он у Студента.

– Там бабы, – сказал Налим, – кормят его хорошо! Ну, зараза, кто-то прямо к нам рубится.

Поздно вечером Студент опять приехал к Кузнецовым.

– Что такое социализм? – с воодушевлением рассказывал он у костра. – Это ученье об устройстве общества, в котором все трудятся и все равны. А также о ниспровержении несправедливого общества, которое разделено на классы! Теперь я объясню, что такое классы...

Татьяна и Катерина сидели на бревне. Пришла соседка Ксения, жена Ломова и, сидя на земле, слушала, раскрыв рот.

У нее вздернутый нос и узкое лицо, красное, как кирпич.

Василий следил за отцом.

Ему казалось, что все, о чем говорит Студент, известно отцу, словно он дошел до всего своим умом.

Треснул валежник. Сашка вышел из темноты и что-то сказал Василию на ухо.

Ксенька поднялась. Она высокая и плечистая, как гренадер. Лицо ее выступало красным квадратом из зеленого платка.

Она кинула резкий взор туда, где за деревьями мерцал огонек ее балагана, – Ломов там натачивал лопату.

ГЛАВА 3

Сашка вел вора, заломив ему руки за спину и пиная ниже спины. У Сашки на ремне отобранное ружье.

– Пусти! – бился пойманный.

– Че пусти? Зачем пусти? – спрашивал Сашка. Он еще сильнее пнул вора, стараясь дальше попасть носком кованого сапога.

– Как ты нашел его, Камбала? – спрашивали строители.

– Как нашел? Так нашел!

– Че с ним делать?

– Расскажи, как нашел...

– Че скажи? Я знаю, как нашел... Украдешь – узнаешь сам.

Сашка вчера опять слышал выстрелы и удивлялся, почему, кроме него, никто не догадывается, что это именно краденое ружье стреляет. Вообще недогадливые люди возмущали Сашку.

Кто-то ударил вора по голове. Пойманный, страшно выкатив глаза, улыбнулся. Его схватили за горло, кинули на землю и стали бить сапогами.

Подбежал курский мужик Тонкой. Он в лаптях и в белой свитке.

– Мое ружье? Мое! Господи! Оно... А ну дай я его застрелю... – заорал курянин. – Я сейчас заряджу... А ну разойдись...

Толпа расступилась. Камбала остановил курянина.

– Вставай! – сказал он вору.

Тот поднялся. Рваные раны на скулах и ссадины на лбу остались у него от ударов сапог, вся рубаха была в крови, и он в страхе закрывал голову руками, ожидая новых ударов.

– Зачем воровал? – спросил его Сашка.

– И не думал...

– Иди сюда, – позвал Сашка курянина. – Это твое ружье?

– Мое.

– Че скажешь?

Ломая кустарники, подбегали старатели со всех сторон. Толпа вдруг дрогнула и надвинулась.

– Добить его, заразу!

Оскалив зубы, Сашка стал яростно осаживать толпу, ударяя в грудь всех по очереди.

– Первый раз воровал? Говори, первый раз? Или второй? – обратился он к вору. – А когда воровал, чего думал? А? Давай руку, буду тебе резать. – Сашка достал свой огромный нож, острый как бритва. – Давай руку! Первый раз воровал – один палец отрежу. Если два раза воровал – всю руку.

– Голову ему надо отрезать, а не руку! – сказали из толпы.

– Что ему палец, ему руки-ноги надо переломать!

– Убейте, лучше убейте меня скорей! – закричал преступник, видя страшные лица.

– Убей! А че думал, когда воровал? Теперь убей? Нет, живи без руки! Убей просто...

– Он, наверно, и добычу крал! Было!

– Убей! – кричал избитый. – Ищите у меня, все ищите! – Глаза его заливало кровью.

Преступник со страшной силой вырвался. Сашка ловко поймал его за голову, кинул ничком, прижал сильно коленом, схватил его руку.

В толпе раздался смех.

Сашка все круче заламывал руку преступника.

– Будешь еще драться? Еще будешь воровать? Молись богу! Читай молитву, скажи – никогда больше не буду! И тогда посмотрим...

– Он не вор... Глупый... Это дурак еще, молодой, не умеет воровать, – сказал Пахом. – Отпустите его!

– У них в Китае, – кивал Сашка на старателей-китайцев, – рубят голову и палач получает награду. Какая награда, знаешь? Все вырезает между ног. И сразу несет в аптеку. Сразу десять рублей! Вот награда! Зачем человек жил? Тьфу! Я бы у них никогда не жил и ушел!

– Не мучай человека! Ладно уж!

– А че мучить? Пусть идет...

Вор поднялся и стал осматриваться.

– Сволочь! – сказали ему из толпы. – Иди!

Вор побежал, прыгая через бревна и груды гальки. Старик старовер кинул ему под ноги полено, и парень опять упал.

– Ему уж хватит на сегодня, другой раз не захочет, – сказал подошедший Никита Жеребцов. Он степенно разгладил свою большую бороду. – Чьей он артели?

– Это городской. Мещане из Николаевска...

– Не пускать их больше. Воров-то разводить!

- Теперь он меченый.
- Сам теперь уйдет! Не захочет жить с нами, – сказал Жеребцов...

* * *

– Где твое, где? Анафемский род! – кричал седой старовер, хватая за рубаху Налима.

– Пусти, убью! – замахнулся лопатой Налим. – Я давно слышу, как ты скребешься... Вот Студента нет, он бы сказал...

Подбежал молодой старовер и выхватил из-за голенища нож.

– Боже мой, что они делают! – закричала женщина. – Они же убьют его! Помогите...

Илья Бормотов услышал крики, выскочил из забоя. Видя драку, рванулся в самую гущу толпы и растолкал схватившихся старателей.

– Штольней подкопал мой участок, – кричал старик. – Наше золото берут!

– Передел участков нужен! – крикнули из толпы. – Мало ли кто сколько захватил! Отдай!

– Какой нашелся!

– А какой у тебя участок?

– Да иди мой у нас, чего ссориться, вот смутьяны!

– Вот Кузнецов приехал, он на тебя наведет порядок, – сказал Илья.

– Вот как у нас получается... Есть такие, подкопали, – заговорил благообразный старичок в поддевке.

– Это Силинская сторона, а не Кузнецовская, – сказал седой старовер. – Здесь никто взыскать не может...

– Каждый может взыскать за это! – отвечал старик.

– Как это может?

– Что за невидаль, Кузнецов какой-то! Кузнецов нам не власть!

– Мало ли Кузнецовых!

– Он открыл...

– И ты бы открыл...

– Чужое золото не на пользу, – сказал Пахом.

– Нет, видно, ничего! – ответил Налим, глядя на обидчика.

– Видишь, видишь, что он говорит! – рассердился молодой старовер. – Это он про нас... Издевку делает.

– А как же дело? – закричал иступленно старик.

– Далек ли он подкопал?

– Да под межу.

– Межа ничья!

– Да, межу надо соблюдать.

– Хватит, тут не переслушаешь, – говорили старатели. – В воскресенье выберем старосту!

– Они еще драться начнут, – заметил Федор Барабанов.

– Пусть дерутся! – сказал Пахом.

Все расходились. Между пеньков и груд желтой породы на траве остались лишь спорившие, разбиравшие свое дело.

Илья вернулся к ним.

– Разойдитесь! Живо!

– Ступайте каждый к себе, – сказал Пахом. – Скоро выберем власть, и тогда станете судиться, Виноватого накажем, если суд признает, – добавил он.

– А ты больше не копай, а то знаешь, Егор Кузнецов велит тебя привязать в тайге к лесине и забьет мошка насмерть. Да и с Никитой Жеребцовым не спорь. Его, может, выберем, сильно хотят люди его, чтобы был властью. Понял? С сильным не борись, с богатым не судись...

– Межа-то...

– Мало ли что межа!

Мужик запустил пятерню в волосы и хотел что-то еще сказать, но не стал и побрел к себе.

К Пахому подошел толстячок в очках.

– В воскресенье выборы?

– Так сказывают, – ответил Пахом.

– Ну так что же! Пора начинать выборную кампанию!

– Пьянствовать-то? – спросил Бормотов.

Илья ухмыльнулся.

Очкастый подмигнул Пахому и похлопал его по плечу.

– Молодец! Из одной деревни с Жеребцовым?

– Не, из разных...

– Справедливый человек Никита. Правда? – обратился очкастый к Илье.

Тот опять ухмыльнулся.

– Да это как водится, – сказал Пахом.

– Умный!

– Конечно. Торгующий...

– Ну, это не важно. Его и надо выбрать.

– Не худо бы! – отозвался Пахом с оттенком недоверия, которое услышал только его сын.

* * *

Лил дождь. Где-то стучала одинокая лопата на бутарке. Не слышно скрипа воротов на шурфах. Старатели спят, отдыхают в такую погоду.

– Во суббо-о-ту, день нена-стный, – слышатся протяжные женские голоса.

– Нельзя в по-оле рабо-отать...

По палатке барабанил скучный, затяжной дождик.

– Ты повидал Егора? – спрашивал Алексей Городилов.

– Как же! – отвечал Никита, лежавший на спине. – Егор заготавливает лес. Он хочет себе избу строить. Говорит, что на приiske будет жить до осени. Мы ведь приятели с ним. Давно уж знакомы.

«Дорогой ты мой сосед!» – восторженно сказал ему при встрече Жеребцов. От сегодняшнего разговора с Кузнецовым он устал, как после работы. Хотелось спать и от погоды, и от всех дел.

– Спиртом угощал? – спросил Андрей.

– Конечно, он открыл! – ответил Никита. – Но управлять не сможет. Он добр. А народишка – сволочь!

– Да, это все говорят, что он не годится, – подтвердил Котяй Овчинников, латавший проношенный сапог. Он протянул шов на свет и полюбовался своей работой. – Не из того теста...

– Он нам помеха! Я еще с ним потолкую. Может, его склонить?

Заглянул толстяк. Он в клеенчатом капюшоне и мокрых очках с толстыми, припухшими щеками, вздувшимися в неизменной улыбке. Он скинул дождевик, вытер очки краем рубахи.

– Надо рассеять славу Егора, а то все считают его героем. Вы верно говорите, что он мог открыть, но на большее не способен! Да, да! На прииске уже есть самосуды, людей бьют и стреляют. Всем очевидна необходимость сильной власти. Это нам на пользу.

– Вот-вот! – подхватил Котяй Овчинников.

– А что будет, если власть возьмут другие?

– Не надо давать! – сказал Никита.

– Кто же без подготовки идет на выборы? Выборы – это захват власти. Но надо, чтобы народ остался доволен, Никита Дормидонтович!

– Егора бы купить! – сказал Никита. – Да как к нему, заразе, подступишь?

– Неподкупный!

– Он будет мешать со своей справедливостью! – сказал Котяй.

– Я говорил про пенсион!

– Да, нет врага страшней разжалованного офицера! Так сказал Наполеон! Слыхали про нашествие Наполеона?

Андрюшка смутился. Он вырос на Амуре и плохо знал все, что случалось на старых местах.

– Хунхузы, што ль? – спросил он. – Это, кажись, уж давно было! Че-то слыхал!

– Я без дела не сидел, – сказал толстяк, – вятские за нас. Сейчас я говорил с Ломовым, у которого участок на той стороне. Он хочет Силина. Теперь тоже за вас, Никита Дормидонтович.

«Взять на себя власть плохо ли! – думал Жеребцов. – Тут золото, отчислять велим десятую часть. Товар свой завезем. Купим всех. Все золото будет наше. И людей удовлетворим».

Обо всем этом Никита говорил с союзниками.

– Давай-ка закусим! – поднялся он. – Есть еще кета?

– Есть балычок! – ответил Андрей. – А что Голованов?

– Что-то мне кажется, что это не сам Голованов.

– Кто такой Голованов? – спросил Сашка.

– Голованов был президентом, выбранным на Желтуге. Зовут и этого старика Головановым. Но мне кажется, он себе кличку придумал, а сам был помощником у настоящего Голованова на Желтуге. Он что-то хитрит, советует Силина.

– По крайности, – сказал Никита, – этого тоже можно. С Силиным сговоримся!

Жеребцов подавился костью и закашлялся. Андрюшка хлопнул его ладонью по спине и сказал:

– Пройдет!

ГЛАВА 4

Дождь прошел. С раннего утра солнце светит прямо в глубокий разрез. Под сопками блестят пески, и в цвет с ними блестят стены разреза с глянцевитыми отпечатками резавших почву лопат. Легко шумят вершины берез в свежей, едва распутившейся листве. Пробегают легкий шум по лесу. Стоит лучшая пора раннего лета.

Из земли вместе с деревьями и кустарниками вырезан широкий пласт.

Сашка больше не работает здесь, и кажется, что без него скучней. Он давно предупредил Егора, что пойдет в китайскую артель. Со вчерашнего дня всем известно, что у одной из китайских артелей – русский старшина. Никто не знает, что он приемный сын Кузнецовых. Егор молчит, соседям по Уральскому, кажется, нет до этого дела, они друг друга почти не касаются.

Егор рубит песок, и Васька рубит. Работа идет в два забоя.

Отдохнувшая, отоспавшаяся Катерина подкатила пустую тачку. Она счастливо и застенчиво улыбается, глядя на Егора. Взяла лопату и стала бросать песок.

Катя теперь как настоящий откатчик. Поехала, заскрипело колесо.

Катерина с Татьяной и Федором в три тачки возят пески и моют. Вот опять слышно, повалились пески и галька загрохотала о чугунный грохоток. Федя там перевернул тачку и перелопачивает породу.

Егор думает, что придется дать согласие Ваське с Катей, пусть венчаются.

Сашка наводит порядок в своей артели. Там есть курильщики опиума, игроки в азартную хунди-хайди...^[2] Китайцам выдают квитанции, набирают их на казенные и частные работы, а они по этим квитанциям переходят границу и бегут на прииски.

Кого только тут нет по колодцам, по шахтам и по штольням, по всем этим земляным норам, где трудятся сотни мужиков, баб и подростков. Их не видно, они в желтой грязи. По прииску ходит очкастый, толкует с народом про выборы. Никита Жеребцов тоже все о выборах, как о собственном хозяйстве. Уральский торгош, старый спутник и сосед Федор Барабанов говорит, что хорошего на сходе не

жди. Федор всегда жалуется, все ему не так, словно нужна и тут Егорова подмога.

Вчера собрался большой сход, спорили, как выбирать. Пришли вятские старатели, старики и молодые, и объявили, чтобы на выборы пьяных не допускать, иначе они все уйдут со сходки и выберут себе старосту, а приисковую власть не признают.

– Уже подготовлен спирт, с утра президенты будут угощать народ, – кричали бабы.

– Откуда вам это известно? – закричал Барабанов.

– Это уж мы знаем! Тут за спирт и за опиум все золото выкачают...

– Гнать спиртоносов! – кричали кержаки.

Вятские стояли тоже дружно, Егор даже порадовался, на них глядя.

Так и решили вчера: пьяных гнать, не подпускать к сходке.

Катя подкатила пустую тачку.

– Я пошла обед варить, – она захихикала и, счастливая, убежала.

* * *

А день – чудо! И город, целый город вдруг приехал к Кате. Такого множества людей она никогда не видела.

Она – неграмотная, выросшая подле отца-пьяницы, попала сюда, увидела такую жизнь, о которой не знала. До сих пор она полагала, что все пьяницы! И она только со страхом ждала, что же будет, когда приедет Васькина мать. Увидит ее с нищим отцом? За Катей ведь нет ничего... «Или мать у Васи такая же добрая и нежная, как он? Ведь он в кого-то уродился?» Катя уже сказала Васе, что надо съездить купить обновы. «Васька женится и сам же должен меня обряжать! Хотя бы успеть до материного приезда!»

Лодка за лодкой подымались против течения. На берег лезли оборванные мужики, с припухшими, обожженными лицами, в волдырях и болячках.

– Не признаешь своих, Кондратьич? Тут гнус жгучий, он нас поел. Шишки нам наел на мордах.

– Никак, сват? Что-то, Родион, ты шибко нежный стал!

– Привел всю деревню, сватушка!

– Тятенька! – ринулась от бутарки Таня.

– Ну как, допустят нас? Нет? – спрашивал у Родиона долговязый Санка Овчинников. – Мыть-то, говорю, нас допустят ли?

– Да тут все свои. Вон зять Федя идет.

Санка боялся своего брата Котья Овчинникова, с которым уже несколько лет жил не в ладах. Он слышал, что Котьяй и друг его, сосед Никита Жеребцов, тут в большой силе. Егор, конечно, силен, открыл прииск, но Егор – добрый, кто же его станет слушаться! Болела душа у Санки, что про Егора идут толки впустую, а настоящая сила тут у Котьки с Никитой. А брат всегда притесняет. С чужими как-то легче и лучше.

– А где Вась? – спросил Егор.

Татьяна махнула рукой за реку.

– Дозволь нам на твоей стороне, – низко кланялся огромный Овчинников. Борода у него посерела от набившейся мошки.

– У тебя клопы в бороде, как в бабкиной постеле, – сказал повеселевший Федя.

– Это лесные, зеленые...

– Что же с вами делать! – сказал Егор. – Мойте, раз явились. Не гнать же.

– Угощение уж как водится! – сказал Санка.

Федя любил тестя. С Родионом всегда можно выпить и весело поговорить.

Беднота, мужики-новоселы в зипунах и рваных шапках, и гладкие староселы в картузах с американскими широкими ремнями на рубахах проехали куда-то на двух лодках.

– На которой же стороне реки тебе желательно? – спросил Федя.

– А где Котьяй? – спросил Овчинников.

– Он на Силинской, на той!

– Тогда я здесь! А ты, Родион?

– Как Егор Кондратьевич?

– Места и тебе хватит. Стало бы силы, да тут тысяче людей на годы работы.

Пришлось работу бросить и забой оставить. Вытащили бутарку на берег и пошли все наверх. У Катерины уха кипела белым весенним ключом.

– Чья находка-то?

– Поздравляем! Уж обкрутил сына! Что же, видно, здесь взяли! Мужики обнимали Катю, как свою.

– Да еще не венчаны. Тут же сыграли бы, да без попа...

– А что вон там за народ?

– Верно! Что такое? Дерутся?

– Это выборы сегодня обсуждают.

– А я думал, молебен на той стороне.

– А что же ты не идешь, ведь тебя должны выбрать?

– Нет, тут не так!

– Выборы? – Спирька даже крякнул, словно от испуга.

– Ты что?

– У нас строй правительства невыбранный? – строго спросил оп.

– Мало важности, – ответил Родион. – И так могут нас выслать пожизненно.

– Это не впервой!

– А мы спирта привезли, – сказал Родион, – продуктов. Знали, что ты здесь, и на твою долю! Жаль, Иван оставил нас... Эх, Ванча, был друг! Стал миллионер, пароходчик, банк хочет открыть, к французам поехал. А когда-то к Спирьке в зятя набивался! Был бы ты, Спирька, миллионер! Завел бы свой дом в Петербурге, как Иван.

– А какое на той стороне золото? – спросил Спиридон.

– Да такое же! – ответил Егор. – Так редко бывает, чтобы на обоих берегах одинаковое содержание.

Он сказал, что народ стал быстро теперь переселяться на Кузнецовскую сторону.

Наскоро поели и поблагодарили Катю.

– А кого выбирают? – спросил Родион.

– Кого придется...

– Хм! Американское правительство! – с презрением заметил Спирька.

– Мы поедем на выборы! – сказал Родион. – Оружье брать?

– Не на охоту, зачем оружие? Возьми револьвер, – посоветовал Спирька.

– Сват, посиди... – попросил Егор.

– Не-ет, сват!

Егору хотелось узнать, что в Тамбовке, что дома, на Амуре.

– Да и тебе бы надо быть на выборах-то. А то змею выберут, – сказал Спирька. – Я понимаю. Ты из гордости. Желать надо, чтобы поклонились.

– Это верно! – согласился Родион.

– Нельзя работу бросить.

– Но и нельзя Калифорнию разводить! Что же это за безобразие! Как будто не рядом Сахалин. На эти же шалаши вам всем решетки приладят. И тайги в тайге не увидишь! А как тут содержание? – поинтересовался Спирька.

– Шло!

– От добра добра не ищут! – сказал Федя.

– А может, там тебя ждут? – спросил Родион.

– Тебя бы и я признал президентом... – сказал Спирька. – А мои родичи там?

– Там!

– Они безмолвные. Сделать могут все, а сказать не умеют. И объяснить ничего не могут. Как рыбы. Я сам таких выбрал. Мне миллион не надо.

– Я туда не просился.

«Че-то они обидели нашего Егорушку!» – подумал Родион.

– А говорят, у вас подкупали выборщиков и платили хорошо... Кому рублем, кому спиртом!

– А кому языком! Кайлом ли! – добавил Родион.

Тамбовцы оставили груженные лодки и отправились все вместе на выборы на лодке матроса.

Егор знал, что если бы он забрал дело в свои руки, то порядок установился бы. Ему не приходилось еще управляться с кобылкой. Но и свой брат, мужик, и приискательская кобылка – все люди. Егор не боялся ничего людского, хотя и знал, что осторожность нужна.

Решимость нужна против отпетых, буйных, кто не посчитается с порядком. Без хорошего кулака общество не защитить. Но Егор знал, что варнаков тут немного. Сошлись амурские крестьяне.

Не бывало еще дела своего или общественного, которого Егор бы не постиг.

Узнавая о том, какие события происходят в мире, он понимал, в чем их причина, жизнь мира не оставалась для него туманом, в котором ничего не видно и от которого только отмахнуться.

Он понимал, что должен взять прииск в свои руки не только потому, что открыл его. Тут много непорядков, и кое-кто в мутной воде норовит поймать рыбку.

Только добиваться, спорить, доказывать свое умение и свое право Егор не желал.

Теперь при всяких выборах люди выставляли себя по пословице: «Сам себя не похвалишь». Торгующие на самом деле были классом чуждым. «Классом», – как говорил Студент. Недаром Катька рот открыла, слушая его.

Егор не желал хвалиться. Народ должен сам видеть. Если же собрались хватать, рвать или косым боком протиснуться вперед соседа и жить в ползакон, то исполать... Каждый получает то, что хочет! Егор работник и не пропадет. И будет работать в забое, с кайлой, и станет мыть на бутарке. И не обидится, своя работа – хорошее дело! Не честь, а тягость возьмешь на себя, приняв управление обществом.

Егор не поехал на сход. Если надо – придут и поклонятся!

Если не выберут, то Егор позаботится о семье и своих сельчанах. «И я не простак! Пусть попросят». Егор еще покажет, что не очень-то нужна ему атаманская должность... «И так лучше, скорей обо мне вспомнят, когда не приду!» – решил Егор.

– А Татьяна где? – спросил он Катерину.

– На выборах! И Ксенька там. Все с мужьями поехали. Отец там.

– Ксенька?

– Как же! Ксенька все мужа седне учила, как и че сказать... Она везде суется. Все спрашивает меня, мол, ты им кто... Дочь, мол, или кто еще... Племянница...

ГЛАВА 5

– Окончилась война, – говорил Студент, идя между пеньков с Василием, – и взгляд общества на народ сразу переменялся. Философы забыли, как общество кричало: «Ах, наш солдатик, ах, герой! Ах, Шипка, герои Шипки – Шейново, воины-освободители!» А теперь учат и пишут: народ – хам! Простой народ не способен к развитию. Природные рабы – славяне. Это мы с вами, Василий! Какой-нибудь выродок говорит, что мы – плебеи. Между тем у людей, которые трудятся, у людей всех народов нет и не может быть вражды друг к другу... И здесь, на Дальнем Востоке, я наблюдаю поражающие меня явления, подтверждающие всю верность современной социологии, которая прежде мало меня трогала. Мне казалось, что развитие нашего народа произойдет в далеком будущем. Я не считал народ способным на организованные и сознательные действия.

Набегал легкий душный ветерок, проносясь над рекой вдоль долины вверх по горам, заполаскивая листву на еще не закрытых тяжелых ветвях берез.

Двое мальчишек прилаживали на березе берестяную чумашку для стекающего из надреза сока.

Между пеньков двигалась и шумела разноцветная праздничная толпа. У ключа играли на гармонии.

– Голову, говорят, нашли, а тела остального нет, – криком толковали бабы.

Василий понимал, бабы не только между собой говорят, сколько объявляют всем. Они больше всех нуждаются в порядке на прииске, поэтому и пускают время от времени слухи. Еще недавно кричали, что одного богородского мужика убили за кражу золота, а теперь – что внизу, на устье, спиртоносу отрезали голову и что одну гулящую бабенку привязали старательские жены к дереву, подняв ей юбки над головой, и ее заели комары насмерть, и что скоро со всеми, кто распутничает, так же поступят. Мужики догадывались, что это сплетни, что бабы стараются защитить себя и семьи. Но все невольно стали поосторожней.

– Конечно, лучше хлопнуть кого-нибудь, – хвастливо крикнул бабам Андрей Городилов. – Надо бы этим заняться, попробовать, рука

не дрогнет еслиф.

– Начинаем! – суетился в толпе Котяй Овчинников.

– Погоди, вон еще народ! – отвечали из толпы.

Илья залез в ветви дерева и оглядывал прииск сверху. Кругом видны были палатки, балаганы, шалаши из корья, пологи, лодки, колодцы, штольни и разрезы. На соседний сук пониже забрался Василий. Студент пошел бродить по толпе, желая знать, достаточно ли сознательны избиратели.

– Никогда я не думал, что на прииске такое множество народа! Отовсюду лезут и едут, – сказал Вася.

Женщины несли на руках детей. Беднота сошлась, казалось, со всего Амура.

Никита Жеребцов вышел из толпы и хотел что-то сказать, но в это время на пень залез благообразный старик в поддевке и в белой косоворотке. Толпа стала стихать. Старик махнул успокоительно рукой Никите. Обращаясь к толпе, он сказал, что надо выбирать одну власть, установить порядки, правила отвода земли и назначить десятских.

– И чтобы строгая власть была, без баловства! – выкрикнул Пахом.

– А кто это такой? – заговорили в толпе.

– Это сам Голованов!

Старик держался уверенно, словно кем-то назначен был управлять выборами и распоряжаться.

– Но, может, нам к настоящей власти обратиться? – сладко и нараспев продолжал благообразный старичок, поглаживая лысину. Толпа зашумела.

– Тяни этого соловья с пня! – крикнул Налим.

Старик поглядел на него, снисходительно улыбаясь. Налим смешался и притих.

– Видно, что пожелаете свои власти! – покачал старичок головой.

– Он нам вчера про Желтугу рассказывал, какие там были порядки, – говорил за спиной Пахома женский голос таким шепотом, что слышно было по всей толпе.

Пахом оглянулся. Баба-гренадер – Ксенька Ломова стояла со своим мужем. Многие бабы стояли подле своих мужей по всей толпе, словно собрались в гости или готовились парами плясать.

Острый, вздернутый нос Ксеньки то и дело поворачивался в разные стороны. Налим потянулся что-то ей сказать. Ксенька шагнула крупным солдатским шагом. Ноги у нее длинные, в сапогах. Налим что-то сбrehнул. Ксенька покраснела, фыркнула и крупно шагнула прочь от него к мужу, который шурился, видно еще не в силах уразуметь все, что тут происходит.

Насупленный Никита Жеребцов, со сжатыми в одну черту бровями, белобрысый Городилов Андрюшка, с румянцем до ушей, опухший городской в очках и великан Котяй Овчинников держались вместе.

... Утром Никита зашел в шалаш к парикмахеру. У китайцев в артели был искусный мастер: брил, стриг, мыл голову, чистил в ушах. Никите надо было прифорситься. По праздникам у китайца кипела вода в котле и в чайнике, можно было получить намоченное в кипятке полотенце, вытереть лицо, лысину, под мышками, грудь и заплатить за все это удовольствие пять копеек, после чего парикмахер опять клал полотенце обратно в котел.

Несмотря на ранний час, у китайца уже кто-то охорашивался. Никита издали разглядел знакомую спину и лысину.

Желтугинский президент закончил бритье, встал, любезно улыбнулся и поклонился Никите.

– Почтение низжайшее! – густо сказал Жеребцов и добавил тихо: – Послано было вам с полнеющим уважением. Не то еще будет! По крайности Силина... На худой конец!

Голованов испуганно покосился.

– Че-то я глуховат и недослышу, простите...

– Пожалуйста, уж примите от нас...

– Ничего не знаю... Да я и дома не был.

– Да еще вчера послали...

– Да, и мне тоже пришлось стричься! – ответил Голованов. Он, улыбаясь, подал руку, поклонился низко и ушел.

«Этот себе цену знает! – подумал Никита, усаживаясь на пень, покрытый старой дабовой курткой. – Голованов цену себе набивает? Ну, погоди!..» Никита умел ждать. Но умел при случае крепко зажать любого, умел сбить того, кто встанет поперек дороги, умел и отомстить, подолгу помнил зло, не подавая вида.

Китаец выстриг Никите в носу и спросил:

– Че еще?

– Как че? Подстричься надо.

Китаец не стал трогать бороды и слегка подстриг волосы.

– Сколько тебе?

– Бешена деньга! – ответил китаец любезно. – Плати не надо. В долг!

Никита улыбнулся. «Умный китаец!»

Парикмахер, видимо, догадывался, что Никиту выберут.

И вот Голованов стоял на широком кедровом пне, на котором могли поместиться сразу человек пять, и уже руководил огромным и буйным сборищем.

– Ну, кого же брать атаманом? – спросил он, обращаясь к толпе.

– Бормотова Пахома, – сказал чей-то голос.

– Бормотова! – поддержал вятч Ломов. Бормотов стоял как раз перед ним, и неудобно было не помянуть хорошего знакомого, когда его кто-то уже выкликнул. Ломов крикнул его фамилию из вежливости и сразу же получил в бок тычка от Ксеньки.

Беднота из артели, работавшей на Силинской стороне подле бормотовского участка, дружно поддержала Ломова.

– Силина! – крикнул Котяй Овчинников.

– Силин уехал с прииска, – деловито ответили ему. – Жеребцова!

– Жеребцова!

– Жеребцова! – кричали несколько голосов сзади.

Жеребцов залез на ровно срезанную продольной пилой площадку кедрового пня.

– Я сам из старателей! – объявил он. – И стою за вольный порядок! Надо дать порядок тому, кто трудится. Кроме лихих людей, каждого можем сюда допустить. Каждый может мыть... Надо запретить драки, воров гнать, разврат искоренить... Это себя должен соблюдать каждый. Главное – господа бога помнить.

Он еще что-то говорил, поворачиваясь во все стороны, и поэтому стало плохо слышно.

– На Силинской стороне живем. Пусть и будет Силин старостой, – говорили в толпе.

– А где же Кузнецов? – с таким видом, словно его осенило, спросил воронежский мужик Сапогов и, сняв шапку, вытер

вспотевший лоб. Лицо его в сетке густых морщин казалось дряблым и болезненным.

Но никто не отозвался.

Пахом залез на пень и, волнуясь, мям свой картуз.

– Надо пригласить каждого и всех выслушать... С этим нельзя торопиться. Управлять прииском я не способен... На том простите, пожалуйста!

– А ты чего молчишь? – подтолкнула мужа Ксения.

– А че? А че? – с разных сторон потянулись к ней бабьи головы.

– Кузнецов пьяница! Он пропил штаны и место, где живет, называется «Пропитые штаны». Живет с женой сына! – крикнул голос откуда-то сзади.

– Нет, не верно! Это богач, и он хочет взять прииск себе! Властный человек!

– Если он властный человек, то ему нельзя подчиниться! – сказал Советник в очках.

Пахом сильно обиделся за соседа. Когда он обижался, то молчал. Таков уж он был по натуре. Терпеть и молчать он мог сколько угодно. Спорить и браниться он готов только со своими, с теми, кому желал добра.

– Ты-то че молчишь? – несколько сбавляя жару и стесняясь, что на нее обращают внимание, шептала Ксения.

Бабы, чувствуя, что Ксенькин напор слабеет и что она колеблется, невольно надвигались к ней со всех сторон, как бы желая подкрепить подругу, падавшую духом от такой несправедливости. Они чувствовали, что она что-то знает. Права голоса при выборах у баб не было, поэтому они подталкивали и тянули за собой мужей, зная, что их одних оставлять нельзя. Всякий мужчина мог поддаться на уговор, соблазниться угощением или просто свалить дурака. А тут, как видно, шел большой спор. Являлась опасность от крепких, богатых, которые не зря хотели всех взять в свои руки и зажать. Во всем надо было мужикам помочь разобрать другую сторону.

– Может быть, и надобно избрать того, кто открыл, господина, Силина Тимофея! – заговорил, забравшись на пень, Советник, поворачивая свое опухшее лицо, лоснившееся как у святого. – Бедный, справедливый человек, страдалец народный. Он добрый и справедливый, настоящий русский человек, о котором поется в

песне! – улыбнулся Советник, и очки его, как бы тоже смеясь, заблестели на солнце.

– А ты сам откуда?

– Я? Какое тебе дело, откуда я? А откуда ты?

– Я с Покровки!

– Ну, если ты с Покровки, так и слушай, что я говорю...

– Тимоху можно! А в помощники ему, может, Никиту Жерсбцова?

– Да, для крепости! – подтвердил старый старовер, за которого недавно заступался Никита.

– Его, Никиту! – проговорили хором раскольники.

Вся их артель держалась вместе.

– Или, может быть, наоборот? – спросил очкастый. – Никиту президентом, а Силина помощником?

– Ну, а что-то его соседи скажут? – обратился Голованов к безмолвной, стеной стоящей китайской артели.

– Холосо! – поспешно улыбаясь, сказал старшина с бородкой, вытаскивая маленькие руки из-под праздничной шелковой юбки. – Жеребцова!

– Холосо!

– Че же они скажут! Они по-русски не понимают. От них надо второго помощника президенту! – хрипло гаркнул матрос. – И пусть его сами выберут! Будет хоть один работник у властей!

– Это верно! – подтвердил Студент. Копна его волос была видна над толпой. – Верно, Фсдосеич! Только они, кажется, в кабале у своего старшинки... А мы еще только хотим попасть в кабалу!

– Ты не на корабле, какого еще тебе второго помощника!

– Боцмана ему!

Студент ждал, как пойдет дело дальше.

– А Егор Кузнецов – кулачила! – орал кто-то сзади, смелея.

– Че врешь? Чо врешь? – подошел и крикнул Сашка. – А где ходил? Ты откуда? Иди обратно, иди, откуда пришел! Иди... Какие штаны? Кто пропил? Ты пропил? Зачем врешь? Пьяный и иди. Пьяных тут не надо!

– Ты откуда взялся, желтая образина? Черепаха – яйца тебе надо...

– Сам желтая образина! Сам – черепаха-яйца! Иди, иди!

– Пусти...

– Зачем пришел? Зачем пришел? Кто тебя звал? Кого ты знаешь? Никого! Иди!

Сашка схватил крикуна со скатавшейся патлатой бородашкой за плечи и вытолкал из толпы.

– Пошел! Пошеба!

Тот норовил кинуться обратно в толпу, но Сашка ходил перед ним и не пускал.

– Почему ты его гонишь? – спросил с дерева Илья.

– Знаю почему... Иди! Иди! И сам молчи!

Сашка еще раз с силой толкнул упиравшегося мужика.

– Да ты кто такой? Поди к черту! Идет обсуждение, мне надо там быть!

– Ты пьяный? Да? Или куплен? Ну!

– Выпил!

– Тогда иди спи. Пьяных не пускают!

– Ах ты китаец!

– Кто китаец? Смотри паспорт... Смотри крест! Пошел отсюда...

– Котьяй и Жеребцов тихо переговаривались у пня. Никита сказал громко:

– Силин обходительный! Надо бы и ему должность по справедливости...

– Что же! – отозвались в толпе.

– Нет, тебя спросим! – подымая руки, закричал контрабандист Андрюшка Городилов. – Правда ведь? – обратился он к толпе.

У березы, пощипывая томную бороду, стоял Федор Барабанов. Никита сильно надеялся на него и обещал ему выгоды в будущем. Федор тоже торговал. Он из Уральского, как и Силин, как и Кузнецов. Никите хотелось хотя бы некоторых уральцев переманить на свою сторону.

Никита хотел подойти к Барабанову, но был стиснут кучкой вновь подошедших старателей.

– Я другой партии, – сказал им Жеребцов. – Я – силинский. За Силина. Ему и быть президентом.

– Это как экспедиции, – спросил Федор, – партии-то... хм...

– Разве не читал в газетах, что бывают партии? – вскинув на лоб очки и глядя на Федора лубяными глазами, спросил Советник.

– Но ведь это не у нас.

– Да и у нас тоже есть! – пророчески сказал молодой старатель. – Когда руду ищут!

– А как же Егор? – спрашивали очкастого.

– С ним лучше не связываться. Он мужик жесткий, любит власть. Заставит все делать по-своему. А зачем это нам?

– Он старой веры! – сказал Андрюшка.

– Нет, он православный... Как, Федор? Ты с ним сосед?

– Все равно не нужен! – сказал очкастый, чувствуя, что Федор не хочет отвечать. – А Тимоха добрый, народолюбивый человек.

– А Никита? – спрашивали Федора, когда Жеребцов с товарищами, разбившись, разошлись в разные стороны.

– Голова! – оглядываясь по сторонам, настороженно сказал Барабанов. – Ничего плохого за ним не знаю! – добавил он тише. – Правда, живем мы далеко друг от друга... – многозначительно закончил он.

– И то не беда... Было бы сердце доброе! А мы подсобим ему! – быстро возвратившись к разговаривающим, сказал очкастый. – Защитим честного человека, постоим за правду.

– Эх, где ее искать, правду-то! – прищурился Федор. – Трудно мне судить про Егора и Тимоху. Оба соседи. С обоими шли на плотях! Надо еще пораскусить!

– Вот твое-то слово было бы золотым! А мы тебя убогатим... Поставили бы тебя налог собирать!

Появился Санка Овчинников.

– Лучше с ними не связываться! Акулы-спутники! – подойдя, молвил ему матрос. – Дурака нашли, хотят все взять!

– Камбалу надо выбрать в полицию, – предложил Ломов, – и будет порядок на прииске.

– Нет!

– Господа миряне! – заговорил Голованов. – Кого же мы выберем? Решим миром, обществом. Обдумаем.

– Может, бабу выбрать? – брызжа слюной, кричал воронежский мужик Сапогов.

– Конечно! Ведь есть же бабы умные!

– Это правда, есть и бабы умные! – сказал Федор. – Поэтому надо выбрать мужика, чтобы умная баба его не обвела и не перехитрила.

– Никита обманет! – говорили в толпе. – Никиту нельзя! Кузнецов открыл прииск... Он и Силин.

– Что же, на самом деле лучше бы Кузнецова!

– Все хороши, слов нет! – сказал Федор. – Кого здесь назвали – истинные старатели, но надобно из них выбирать. Если Силина, то он добрый сердцем. Тогда надо крепкого помощника ему. Он – мой сосед. Он и сам скажет. Пошлите за ним, он в шахте с утра ничего не ел еще...

Андрюшка Городилов прыгнул на пень и стал хвалить Никиту.

– Спиртонос! Почему спирт на золото? – крикнула Ксенька.

Все захохотали.

Васька слушал, сидя на дереве, и его обида брала за отца.

– Жеребцова! – заорали какие-то парни из Никитиной артели!

– Овчинникова!

– Силина!

Сашка пробился из толпы и лицом к лицу опять встретился с пропившимся мужичком.

– Че, опять пришел? Иди!

– Силина! Который прииск открыл... Силина подайте... Куда спрятали человека, сейчас всех помнем, – орала толпа. – Попрятали честных людей-то... Воры! Бей торгашей! Спиртоносы!

– В праздник на них работать!

– Какой он, Силин-то, хоть покажите...

– Человек заработок народу дал, а они его...

Тимошка, побледневший, перепачканный, вылез на пень, приосанился и сверкнул глазами так, что сразу шум восторга прошел по толпе.

– Православные! – заговорил Силин.

Впервые вся огромная толпа мгновенно стихла.

– Православные! – повторил он, вытирая нос и зажмуриваясь на миг, сгоняя слезы.

Сотни любопытных лиц тянулись к нему.

– Тимошка, братцы...

– Вот что я скажу... я по-простому... у меня по справедливости... у меня такой закон – люди все равны.

– Тимоше-енька! – завизжала какая-то баба.

– Какой же это президент! – вздыхала Ксения. – Гляньте на ево! Слезы льет...

– А че? А че? – потянулись бабы.

– Малюсенький росточком... Да тогда, чем же мой Ломов не годен? Какой же это Силин?

Ксения улыбнулась проходившему высокому курчавому Студенту. Был он и темен и скуласт. Всем хорош! Строен, тонок, и когда говорил, то красиво поднимал длинную руку.

– Егора надо в старосты? – смело спросила она у Студента. – Правда?

– Конечно!

– Это надо быстро! – подтвердил матрос. – Бабы, хоть бы вы... А ну все за Егора... А то Тимоху выберут, а за ним акулы-спутники...

– А ты его хорошо знаешь? – спросил какой-то мужик в темной шапке.

Матрос не ответил и грубо оттолкнул спрашивающего локтем.

– А чем Егор хорош? – спрашивали бабы.

– Да вот они приходили к Егору-то, просили участок. Он им сразу отвел-от делянку-то... Просили: «Посоветуйте, где лучше». Оп им посоветовал. Оп и заработок дал народу, и вот уж работник! Бабе его позавидуешь!

– Такой уж к б...м не зайдет! – сказала толстая баба, – и не загуляет!

– Егор-то? Ого, еще как залезет! – сказал мужик в темной шапке.

– Тьфу ты, бесстыжий!

– Он не пьет, не пьющий! – выкрикнула Ксения.

– Пьющего нельзя!

– Да, мы знаем их... Их ребята второй год моют здесь, плохого за ними не водилось.

– Три сына с ним. Двое женаты. Семья дружная!

Федосейч покосился на баб и пошел проталкиваться дальше.

– Почему, бабы, вы за Кузнецова? – спросил, склабясь, свою жену-толстуху курский мужик в свитке.

– Сын у пего хороший! Невестки обе! Видно, что порядок-от в семье. Он и на прииске-то порядок-от установит!

– А что у них в городе рот, что ли, затыкают? – говорила, стоя среди кучки баб, Татьяна.

– А кто же этот Голованов? – мечтательно спросила толстая баба, подпирая щеку платком.

Старичок в косоворотке и поддевке опять появился на пне.

– Кузнецова не надо, – тихо молвил кто-то, – у него китаец усыновлен!

– Что же, что усыновлен! Крещен же!

– Этого нет, глупости!

– А как ты? Что скажешь про Никиту? – спросили Голованова.

– Я ведь сход провожу... Мне нельзя ни за кого говорить...

– Нет, ты скажи... Общество просит!

– Что же я скажу! Никита Дормидоптович – хороший хозяин!

– Вот видишь! Не-ет...

– Его нельзя, значит! – говорили бабы.

– Кузнецова! И все! – вдруг громко и решительно крикнул Ломов.

Он наконец решился. Ему тоже не нравилось, как шло дело.

И тут почти вся толпа закричала:

– Кузнецова! Его! Подайте его! Человек где? Силина и Кузнецова... Радетелей!

– Мы за праведную жизнь, – заговорил черноглазый старовер, тоже залезая на пень, – и нашли ее в глуби тайги, там и сели...

– Ну и атаман! – смеялись в толпе, когда Тимошка стал пробиваться подальше от пня, на который уже забрался Спиридон Шишкин.

– Вот мы стоим и мыслим, – заговорит Спирька, – как же это могли вы позабыть первого и главного открывателя и кормильца и попасть в такой просак, что выказать свою темноту, как самый безграмотный и глупый народ! А? Я вас спрашиваю!

– Желаем их видеть здесь и сравнить всех! – сказал из толпы молодой парень.

– Как ты смеешь ему дерзить! – ответил Родион. – Тебе он в отцы годен, а ты ему глупо смотришь в глаза, пялишься и не краснеешь.

– Рассуждаете глупо! – продолжал Спиридон. – Вот они тут стоят и хотят все взять в руки... Это понятно, а мы им уважение делаем!

– Надо вежливо разговаривать! – заметил Голованов.

– А ты сам видал его? – спросили Спирьку.

Рыжий мужик усмехнулся, гордо поднял правое плечо и прошелся назад и вперед по пню.

– Да, можно сказать, что нет! Что еще никогда не видели Егора Копдратьевича, как будто бы даже не знали, что на Амуре есть такой великий человек!

– А кто вы сами?

– Мы тамбовские.

Толпа опять стихла. Тамбовцев тут еще не видали. Мужики тамбовские удалые, об этом все слыхали. У них хорошая деревня и пароходная пристань. Они охотники и пахари. Никто там не торгует.

– Сколько мы слыхали о Кузнецове, то все за него и даже беспрепятственно! – сказал Родион.

– Ну что? – зло спросил его Никита.

– Иди, иди! – грубо ответил Родион. – А то вас всех сейчас разберем по косточкам... Пошел отсюда...

– Они только пришли! У них участка нет. На чужое-то!

А женщины все настойчиво о чем-то шептались за плечами своих мужей.

– Как это мы на чужое? – грозно спросил Родион. Он показал кулак Никите и пошел по пню. – Это мы на чужое пришли?

– Нет, совсем напротив... Мы тут моем давно, раньше вас! – объявил Спиридон.

– Где же?

– На Кузнецовской, – отвечал Спирька.

– Ах, вы с ним свои?

– Мы его даже не знали, – ответил Родион.

– Мы еще тот год мыли и Кузнецова не было. Вот свидетель, – показал Спирька на Барабанова.

– Истинно! – воскликнул Федор.

– Перекрестись! – приказал Голованов.

Федор быстро и едва заметно перекрестился..

– А вы от Кузнецовых ехали?

– Мы почему знаем, с кем мы обедали! Так разве это был он сам? Ну, так это истинный государь! Мало сказать президент – Минин и Пожарский! Ответственно назовем, мы не в Калифорнии...

– Это Лосиная Смерть говорит, – шепнул враг и родной брат Котья тамбовец Санка Овчинников соседям.

– Лосиная Смерть говорит... Слыхал! Он тигров бьет, – заговорили в толпе.

– Нет, не слыхал.
– Как говоришь?
– Лосиная Смерть!
– Как же ты не слыхал! Даже я слыхал. Все его знают.
– Он тигров десять штук поймал живыми и сто медведей убил, поэтому прозвание. Видишь, Жеребцов как стих. Он боится.
– А-а! Видишь ты!
– Он за самый большой хребет ходил, оттуда, говорят, Японию видно.

Временами витиеватая и сбивчивая речь полуграмотного Спирьки становилась непонятна и скучна, но Лосиной Смерти все прощалось. Народ слушал замирая, как высшего героя, который хоть и плетет бог знает что и собой неказист, но вернулся оттуда, куда не забирался никто.

– Потому есть мое слово и рука! – закончил Спирька и, входя в толпу, добавил: – Я правильно сказал!

Он достал кисет. Все стали закуривать, и тут началась давка – каждый просил у героя хотя бы щепотку.

– Так ты за кого? Непонятно! – обращаясь к Спирьке, крикнул Ломов. – За Кузнецова, што ль?

– Нет! Это вы решайте сами! – небрежно махнул рукой Шишкин и добавил с большой важностью: – У вас должна быть своя голова...

Никита не вытерпел, быстро залез на пень.

– Без спирта нельзя жить на приисках! Это лекарство и облегчает людям труд, только надо соблюдать себя... На водке стоит империя, а прииск на спирту...

– Пошел! – закричали бабы. – Убьем мужиков, если за тебя!

– Сбился ты! – сказал ему Ломов. – Не годишься! Начал про трудящийся народ, а теперь про спиртоносов... Не надо унижаться.

– Выходит, будем подавать голоса, – сказал седой старовер.

– Что же это будет? Все пропьют!

– Кто за Егора Кузнецова, отойди ко мне! Налево! – сказал Спирька.

– Все за него! Пусть выходят те, кто против! – сказал Ломов.

– Нет, по так! – заговорил Голованов. – Надо избрать президента в общем согласии. Тут не Запорожская Сечь, как мы читали у Гоголя, и не Новгородское вече Древней Руси. Надо, чтобы согласились все!

– Но ведь без спирта нельзя...

– Как это нельзя? – заорала Ксения, наступая на Котю Овчинникова. – Ах ты, зараза!

– Да ты че? – испугался мужик.

– Корябни его! Ксенька!

– Так его! – крикнул его брат Санка.

– Я тебе за спирт... – кричала Ксения.

Поднялся бабий крик.

– Об этом будет вопрос второй, – сказал Голованов. – А сейчас ладо уговориться. Зачем голосовать зря, друг дружку обижать? Надо всем согласиться. На ком, давайте порешим, – объявил он.

– Старичок тасканный! – одобрительно заметил Родион. – А чо-то как-то жарко, парит...

– Да, тепло! – отозвался Спиридон и застегнул свою теплую куртку.

– Да-а... Как хлынет... Надо соглашаться на Егора.

– Мы не уступим все равно! – сказал воронежский мужик Сапогов.

– Как же можно уступить! – подтвердил Родион. – Разве такое дело можно решать добром? Нет... Видишь, они полдня водят народ за нос. А народ стоит и говорит глупости. Кабы их хотели выбрать, давно бы все разошлись и выбрали. А тут на десять тысяч золота успели бы намыть, а не сдаются. Так нет, не дают нам мыть. Торгующие хотят власть захватить, а народ терпит. Не уступайте, ребятки... А мы пособим! Они думали, народ до вечера будет уклоняться и не вытерпит, сдастся без напора. Никого у них нет, кто бы им подмогу произвел.

– Только кого они подсунут? – сказала толстая баба.

– Бабам-то голоса нет. Но я скажу. – Ко пню подошла Ксения. – На старых-то местах так, а тут промахнуться нельзя. Пьянчуги какие-то подвохи творят. Да че же это думать-то еще? Мужики, да избирайте семейного человека, старательного. Он и вовсе сюда не приехал, хитрости-то не творит, не гнет своего. Ему, может, и не надо!

– Ксенька, скажи, скажи еще! – кричали бабы. – Про Кузнецовых... Про семью-то...

– Вылезь сюда! – попросил Голованов.

– Че-то я пойду на пень! Не женское дело наверх залезать. Я уж отсюда все сказала...

– Пройди, пройди! – одобрительно заговорили мужики.

– Скажи еще че-нибудь! – ухмыльнулся Налим. – Покажись!

– У-у, бесстыжа морда!

– Ряжка-то твоя!

– А сама-то! Красотка! Как щука!

– Да, тут сглотнут и не сморгнут!

– А вот с Никитой ходят акулы! Андрюшка и Очкастый!

– Акулы-спутники! – сказал матрос.

– Может, тебя избрать, Голованов?

– А нам надо президента со спокойной головой, крепкого и обходительного. Молодого, не такого, как я. Чтобы не чурался никого и поэтому и мог сесть за стол. Раскольника выбрать нельзя. Может воспротивиться государство. Нельзя выбрать... Лучше Егора Кондратьевича Кузнецова мы человека не найдем. Тимофей Ильичу Силину сделаем честь и уважение. Он тоже открыл, сюда пришел вторым и станет помощником президента, чтобы противная партия через него не произвела сопротивления, что мы все здесь сегодня видели. И чтобы всякое дело он согласил со своим головой. Много слышали мы глупых и молодых выкриков и были внимательны. Егор Кондратьевич доказал не спеша, что предоставил находку обществу и год не шел, пока не завелась смута, и тогда оставил хозяйство. Он быстро выведет наши пороки, без обиды нам, каждый его послушается и никто не посмеет сочинить интригу, простите за слово... Вот, товарищи мои, господа свободные старатели, мое рассуждение.

– Жеребцов торгует!

– Продаст!

– И купит!

– А где же Егор?

– А Егор Кондратьевич робит у себя в забое, – отвечал сверху Илья. – Ему до этого дела мало!

– Как?

– Он не хочет!

Народ тревожно загудел.

– Гляди, они тут спорят, а мы теряем время... А человек работает!

– На десять тысяч рублей убытку за день по прииску с этим разговором! Давайте скорей!

– А он, может, и знать нас не хочет, обиделся...

– Нет, давайте его уговорим.

– Вот это по справедливости! Хорошо, что мы и не видим его, а выбрали! Так лучше. А то узнаешь и не захочешь его над собой! – говорил старовер.

– Незнакомого мужика?

– Да-а... Какие сравнения, кто же своих выбирает!

– Лучше без власти! – сказал какой-то человек. – Всякая власть вредна!

Это новичок. У него широкое смуглое лицо и крупные белоснежные зубы, как у негра. Его черные яркие глаза косят в разные стороны, кажется, что они разъехались на жестких широких скулах как тесанного топором лица. Он в темной накидке и в пальто.

– Ты че, политичка? – спросил его китаец.

– ... Теперь второе дело. Нужен налог на нужды общества, – продолжал Голованов. – Каждый добровольно внесет десятую часть своей добычи. Если тут не обойдется без обмана и если кто захочет утаить, то накажет всех и себя очернит и опозорит. Также надо завести полицию. Нужно выбрать помощника полиции.

– Это Камбалу! – крикнули сзади.

– Камбалу! Камбалу! – единодушно загремела толпа.

– Каждый должен подчиниться, как решил сход, или должен уйти с прииска, если не может исполнить общественного решения.

Старик снял шапку и стал читать молитву.

Солнце ярко высветило деревья со свежей молодой листвой, а сквозь их вершины уже чернела грозная туча.

Илья прыгнул с огромной высоты, со своей ветки, и как ни в чем не бывало пошел к берегу.

– Как он ноги не поломал? – удивились старатели, расходясь.

– Это человек – железо. Как пружинный...

– А Голованов-то какой честный, – говорил Пахом, когда все расходились. – А вот, сказывают, его хотели подчернить...

– Как не честный! Дипломат! Он честностью большие деньги зарабатывает. Даром тебе тоже честным никто не будет!

– Да, говорит, дом свой в Благовещенске. Мещанином стал....

– А сам откуда? – осведомился курянин.
– Не знаю... С Дона он будто, из казаков, или из Астрахани.
– Из Астрахани? Их сюда привезла казна, чтобы осетров ловить учили население!

Федосеич поехал на свою сторону. Он шел мимо кузнецовского участка, не глядя на Егора, вокруг которого толпился уже народ, и грубо крикнул:

– Катька, иди домой, живо на свой участок! Хватит на чертей батрачить, на кулачье! Заразы, стыда у них нет!

Ксенька, уже вернувшаяся с выборов, разводившая огонь в очаге подле палатки, поднялась во весь рост, растопырила локти, как птица, собиравшаяся взлететь, и лицо ее со вздернутым носом выразило изумление. До сих пор она полагала, что Вася и Катя давно женаты.

Катька побежала к отцу. Вася хотел ее задержать, но она отвела протянутую ей руку и с обидой посмотрела в его глаза.

ГЛАВА 6

Чуть свет Тимоха пошел вычерпывать воду из большой лодки, чтобы ехать на другую сторону к своему президенту.

Присев на корточки и подняв доски настила, Силин стал выгребать краем чумашки грязную воду с сором.

Как дюны, разбитые прибоем, навалены вдоль берега утрамбованные недавними дождями груды отвалов с галькой. Из-за них появились две подпрыгивающие шляпы, а между них торчащая вверх кайла. Вскоре Тимоха увидел, что к нему идет Никита Жеребцов, а за ним плетется с похмелья серый, как осенний мох, Котяй Овчинников с кайлой на плече.

– Давай я тебе пособлю лодку перевернуть, – сказал Никита, – а то, как гиляцкая старуха, сидишь и черпаешь.

Тимоха не обиделся. Но явился Никита не вовремя. Тимохой владели в это утро какие-то неприятные предчувствия, он как бы только сейчас начинал сознавать, какую тяжкую обязанность берет на себя, и что все это дело далеко не шуточное, и работать-то теперь на себя не придется. Ему хотелось вот так в одиночестве посидеть и подумать, спрятавшись за каким-нибудь завалом.

– Вытаскивать такую махину! – сказал он.

Никита схватил лодку за борт и, как бык, попер ее на песок. Положа руки на другой борт, Тимоха пособлял ему вполсилы. Убрав кайлу с плеча наземь, стоял в стороне Котяй, длинный, как коломенская верста.

Вчера приятели повесили носы после своего провала на выборах.

– Что же ты! – сказал Никита, явившись с Котяем к Голованову. – Эх, президент! Обмишурился! Промашку дал!

– Не рискнул? Ну? – допытывался Котяй.

– Справедливость! – певуче отвечал Голованов.

«Уклоняется!» – думал Жеребцов.

Никита решил убраться с прииска и опять торговать с инородцами. Среди деревенских на Утесе он был самым богатым, его все уважали и слушались. Он будет торговать и с этим прииском, пошлет сюда баты, станет драть со старателей впятеро дороже, чем с гольдов. Он сказал, что вот-вот на прииске начнется голод, а за ним и

цинга. Городилов возразил, что на приисках на Амуре еще не бывало, чтобы оголодали старатели. Это не в хребтах.

Затаил Никита зло и на очкастого, который сплоховал под конец выборов. Разбирала досада и на Тимоху Силина. О Егоре он не думал.

Замысел Никиты не удался, и уральцев он не смог расколоть и выпроводить. Хотелось уйти, мыть не хотелось. «Да я и не умею! Что тут? Если мыть самому, то доход невелик!»

С горя Жеребцов залез вчера в штольню, чтобы никого не видеть и немного поразмяться. Вскоре он выскочил обратно, словно его там ужалила змея. Лицом к лицу Никита столкнулся с Камбалой.

– Это что такое?

Камбала взял в руки два самородка.

– Хорошо! – сказал он. – Счастье тебе!

Никита расплылся от радости во всю рожу.

– Это тебе бог дал утешение, чтобы не сердился! – ласково сказал подошедший Голованов.

– Зашел бы к нам! – сказала Никите какая-то бабенка.

Сразу набежал народ, все удивлялись. Не Никита теперь завидовал, а все завидовали ему.

Сегодня Жеребцов поднялся чуть свет и, рассудив, что вчерашняя находка принесла ему больше выгод, чем вся его торговля, решил не уезжать с прииска. Он опять пошел к штольне в надежде разбирать дальше найденное гнездо.

– Эх, Тимоха! – сказал Никита с укоризной, когда лодка была перевернута и сдвинута обратно в воду. – Все же ты подвел!

– Чем же это я подвел? – вздрогнул Тимоха. Он почувствовал, что получил первый неожиданный удар, что теперь начинается только, а дальше так и пойдет. – Не-ет... – со злом ответил он, готовый сопротивляться.

– Конечно, сплоховал! – сказал Котяй и шагнул поближе. – Еще ты покаешься! – вдруг тонко выкрикнул он. – Приятель, называется!

– А как я тебя ублаgotворял! – упрекнул Никита. – Друзья мы с тобой были.

– Всю деревню застелили кумачом... – Злая слюна вылетела у Котяя брызгами, словно во рту был не язык, а весло.

– Тимша! – сказал Жеребцов посуровей. – Народ тебе не простит!

– Бог не простит! – перебил Котяй. – Народ запомнит...

– Это ты мне угрожаешь? – Тимоха разогнулся и подошел к нему с таким видом, словно готов был достать до Котькиной рожи.

– Ну, что? Подумаешь, Егор сосед! – сказал Котяй и бросил кайлу в сторону. – А что тебе? С ним ты никогда не заживешь, как с нами!

– С нами ты бы ни в чем не нуждался! – подтвердил Никита. – Ведь я тебе намекал, что же ты упустил это дело? Ведь ты нам свой, мы бы тебя не выдали и не подвели. Был бы староста-президент! Хочешь Анфиску, золота ли, спирту, товары прямо в Уральское доставляли бы, домой, жене... Дети учились бы... Мог бы послать их в город.

– Что с ним говорить! – сказал Котяй. Он нагнулся за кайлой и шагнул к Тимохе, как бы желая его раскайлить, как ком руды. – Эта власть впрок тебе не пойдет! – опять забрызгался он слюной. – Себе взял, а нас разорил! Мы-то думали, что ты молчишь, так понимаешь с полуслова... А ты куда загнул! Подвел нас!

– Эх! – сказал Никита.

Тимоха заметил, что хотя Никите следовало бы огорчаться сильнее Котяя, а он как-то подобрей сегодня.

Из-за отвалов вышли выбранный сборщиком налогов Гуран и Камбала с ружьями.

Гуран в штанах с лампасами и в казачьем мундире с Георгиевским крестом на груди. У него рыжеватые обгрызенные усики с добела выцветшими, опущенными вниз кончиками и карие маленькие глаза.

Сразу видно, что Гуран и Камбала – при исполнении общественных обязанностей. У Камбалы за поясом револьвер новейшей марки и охотничий нож.

Говорили, что Камбала точит его так остро, что можно бриться.

– Не смей указывать! – сказал Тимоха, оглядывая Котяя с ног до головы. – Я – сам! И все! А что ты мне приятель, это докажи...

– Я те докажу! – ответил Овчинников.

– Угощали вы меня? За мое же кровное, намытое! Сколько ты у меня выгреб?

– Ну уж вот это ты зря! Разве мы пользовались? – сказал Никита.

– Это мы-то? – раскрыл рот Овчинников.

«Уж молчал бы... Чью дочь твоя жена к приезжим водит!» – мог бы Тимоха сказать Никите, но сдержался.

Камбала и Гуран, как дисциплинированные чиновники, ждали, пока помощник президента отругается. Наконец, видя, что он пререкается без толку, Гуран сказал:

– Поехали! Президент ждет!

Тимоха сразу сел в лодку.

– Егор велел на восходе быть, – сказал Камбала.

Первые лучи ударили сквозь частый ельник на седловине, и лодка уперлась в пески Кузнецовского берега. Егор затянул ее рукой.

– Работы много! – вылезая, пожаловался Камбала.

– Мыть теперь нам с тобой не придется! – ответил Егор.

Сосед всегда представлялся Тимохе задумчивым, а сегодня показалось ему, что Егор чем-то особенно озабочен.

Кузнецовы уже позавтракали. Васька с безрадостным лицом провез на промывку тачку и нехотя поздоровался, приподняв мятую шляпу.

– Че у тебя рожа кислая? – спросил Тимоха, более желая оживить самого себя, чем Ваську, и рассеять этот страшный чиновничий дух, который, словно тень, навис над дощатым, вымытым после завтрака столом, где предстояло решать дела.

Тимоха не знал, в какое больное место угадал он Ваське и Егору.

– Где-то Катьки не видно? – нарочито зевнул, добавил Тимоха.

Речь шла о том, что отчисления на общественные нужды надо собирать уже сегодня вечером.

– А че с Никитой творится? – перебил деловой разговор Тимоха. – Они с Овчинниковым злы!

– А Никите че? Он же разбогател! – ответил Камбала.

– Как это?

– Он понял, что не на тех напал! – сказал Гуран.

– У него нет ни ума, ни грамотности для обхождения с людьми, ничего нет, что тут потребуется для общества, – подтвердил Силин.

– Никита вчера говорил: поеду домой, буду торговать с инородцами...

– Грабить! – вставил Гуран.

– И вдруг нашел два самородка. Один с кулак. Другой плоский, с пол-ладони.

– А он не сердит на тебя? – спросил Егор.

– Нет... Мы дружные! – отвечал Камбала. – Я со всеми дружен.

«И Егору бог помогает! Умилостивил такого врага!» – подумал Тимоха.

– Никита что-то к тебе подъезжает, – сказал Егор.

– Да он зря старался!.. Это он для вида сердит. Как же! – отозвался Тимоха.

«Конечно, – полагал Тимоха, – Жеребцов еще может отомстить и мне и Егору...»

Сегодня с утра Силин наслушался...

... – Не надо было тебе вчера показываться! – хитро сказал ему Сапогов. – Тогда бы выбрали тебя, а не Егора! Был бы ты не помощником!

Силин знал, что сосед льстит, лжет и утешает.

– Весь народ допрежь был за тебя! – подтвердили вятские бабы из артели, с сожалением оглядывая Силина.

– Благодетель наш! – поклонилась встретившая его толстая баба, с большими и бесчувственными глазами навывкате.

Отпустив своих помощников, Егор пошел в забой.

... Егор покайлил, размялся. Приостановился, разогнулся, слышно стало, как грозно шумит река. В горах скоро начнут таять снега.

Небо стало чистым и синим, только чуть заметны на нем белые прядки, как бы уходят последние остатки непогоды. Где-то близко уж лето, жаркий зной.

– Ну, что, сын? – спросил Егор, когда подъехала тачка. Василий мрачен и работает нехотя. – Может, женишься?

– На ком это? – деланно удивился Вася.

– На Катерине...

– А-а! – отозвался он.

– Я пойду сватать, – сказал Егор. – А то...

Васька не смотрел ему в лицо и все отводил глаза.

Татьяна ничего не промолвила, подала Егору новую рубаху.

«Вот как приходится! Все не как у людей!» – подумал Егор.

Минуя ломовский участок, он прошел за ключ к матросу.

Федосеич и Катя обедали. Егор поклонился.

– Бог на помощь.

– Кушать с нами! Милости прошу! – ответил ему матрос.

Катя подала Егору котелок и ложку.

– Ну, сосед, у тебя товар, у меня купец!.. Как говорили в старину! – сказал Егор, косясь на девушку.

Катя быстро затянула платок и прыжками кинулась в забой.

Егор вынул большую бутылку китайского спирта.

– Ты че, сватать ее хочешь? – спросил матрос.

– Да, видишь, сватовство по всей форме...

Егор налил спирт. Федосеич долил в обе кружки воды.

– А че ее сватать! Берите так, – сказал он. – Они с Васькой уж год живут как муж и жена... Я думал, ты знаешь... Приданого дать не могу. Вы как хотите ее взять – навсегда или на время?

– Вася женится на ней. Приедет поп и обвенчает...

– Слава богу! Давай неразведенного по такому случаю!

– Давай! – сказал Егор. «Работать так работать!» – решил он. – Пусть пока и живет у нас! Люди и так думают, что невестка наша.

– Да она только эту ночь и не была в балагане! – сказал Федосеич. – А я все один... Она с отцом приехала, а отец сразу напился. А ей стыдно за меня... Отец работает – потеет и ей видно... Я понял, вы ей милость оказали. Трудно мне, а дочь старается. Васька пришел и помог... А она видит – отец сел на бревна и не может отдышаться... Тогда я этот участок брошу или продам кому-нибудь и уйду... Я к тебе не пойду в артель, у меня силы не хватит равно работать с тобой, слаб я. А раньше... Пшел наверх.. И пошел по вантам... Бежишь, как кошка... Море ревет... А я пойду в чужую артель... Мне бы лучше с китайцами работать... У меня есть тут приятель-китаец, я к ним пойду. Они легче, поджаристей, слабей расейских, но старательней и терпеливей и могут дольше работать. Они меня к себе возьмут. Я там дело найду по себе... Они снаружи добрей, как азиаты, и веселые тоже бывают. А если не понравится, то зарежут или отравят.

Егор ничего не сказал, но пьянел и слушал сумрачно, сознавая всю запутанность тяжелой людской жизни. Федосеич чувствовал, что Егор все понимает, что он бы и его взял охотно в свою артель и терпел бы...

– Гулять не будем! Мы тот год отгуляли с твоим Васей... Значит, он не обманул. Значит, кузнецовская порода еще не вывелась. Быстро порода в людях переводится! Если они будут жить хорошо, тогда еще

погуляем после... Будет свадьба на прииске! А пока у меня китаец есть знакомый, и я уйду.

– Да пусть уж тогда их артель и моет на твоём участке.

– Ну это посмотрим... Может, и допущу их, пусть моют, меня не покинут. Прокормят... Я с них за этот участок возьму. Ну, да бог с ними, с участками, с золотом... Я смотрю, ты роешь землю, а ищешь не золото... Тяжелая твоя судьба! Сам ты себе тяжелую дорогу выбираешь. Трудно, брат, это. На всем свете есть такие люди. Кто сам ищет, кто бога просит, а кто объясняет, если философ. Я смотрел, как ты Студента слушал... А где же мы будем ребят наших венчать?

– А зачем венчать? В Сибири годами живут невенчаны, где нет попа. Зимой обвенчаем их дома.

У Федосеича совсем отлегло на душе.

– А мне с китайцами лучше. Я пью, а они ведь не пьют. Зато я их опиум не курю. А они все курят и так же, как я, больные потом этим своим дымным алкоголем. А я пробовал, но не могу никак привыкнуть.

– Водка лучше?

– Конечно, водка ли, спирт ли, а так не изнуряет. Опиум у них тоже привозной, не сами придумали... А Никита не сердит на тебя?

– Не знаю. Нет, наверно. За что ему сердиться?

– Конечно! Пусть он спасибо скажет. Тебе от общества возместят весь ущерб за твое президентство!

– Кому какое дело! – ответил Егор.

– Ты им богатство дал. Вчера это все признали! А сын у тебя... Вот бы его во флот определить... Там таких любят.

Егор пришел поздно, и деревья покачивались в его глазах, хотя и ветра не было. Он сказал Ваське, что все хорошо. Он подумал, что, кажется, стал настоящим приискателем по всем старательским понятиям.

Камбала терпеливо ждал отца, сидя на корточках. Он молчал и казался удивленным.

– Что же это ты мне не сказал, что Василий тут жил с Катериной, как с женой? – спросил Егор.

– А че говорить? – ответил Сашка.

– А разве хорошо?

– А че плохого? – вскочил Камбала. – Жил с бабой – хорошо! Че говорить? Надо – сам скажет! Че, беда, што ль? Ведь не беда! Пусть живет! Разве плохо? Ты бы отказался?

– Тьфу ты!

– Че? Конечно! Не правда, што ль? Я прямо сказал, че тут плохого? Зачем сердиться? Не брал бы! Зачем брал? Тьфу!

Камбала рассердился и ушел. Татьяна в своем балагане что-то рассказывала Федору и покатывалась со смеху. Васька ушел. Егор сидел в одиночестве за пустым столом. Комары кусали его беспощадно. «Век живи, век учись, – подумал он, – дураком помрешь!»

Ксенька прибежала утром. Она принесла горячий каравай. Разговаривать с ней никто не стал. Потом Ксенька побежала к Федосеичу, отнесла горячих лепешек.

– Че у тебя дочь, ссорилась, што ли, с мужем? Почему от них уходила?

– Я ей велел, и ушла! – ответил Федосеич. Сегодня матрос выпил воды и стал опять пьян.

– Как это ты ей велел?

– Так и велел. Я отец. Я плавал и помнил дите. Теперь пусть послушается...

– Да разве можно от мужа?

– Можно...

– А они ведь венчаны живут?

– Венчаны! – ответил матрос и, с презрением оглянув Ксеньку, добавил: – Под елкой! А ты сама... иди-ка... Ведь ты баба... Хоть и гренадер, и есть же у тебя слабость...

– Да ты что это? Старый, да как тебе не стыдно!

Ксения поспешно зашагала прочь большим солдатским шагом, испуганно оглядываясь.

Федосич зло захохотал.

– Все равно ослаблю! – хрипло закричал он. – Я те...

ГЛАВА 7

Егор пошел по ручью в узкую долину, которая круто подымалась вместе с лесом в тучные сопки. Их вершины темны и отчетливо вырезаны в летнем небе.

Испил воды, вошел и набрал ведра. Постоял и послушал. Прииск еще спал. Ручеек уж не журчал, а шумел, в горах начинали таять снега. Может заиграть река, забушует, заполнит всю долину и вынесет вон весь прииск, всех без разбора, со всеми грехами.

У поворота под обрывом пахло сиренью. Всю весну словно бы ничего не замечали вокруг, кроме ели да лиственницы с березой, изредка еще попадался акашник. Откуда ни возьмись, белая сирень потянула с обрыва толстые махровые ветки.

Брат Федя вылез из-под полога.

Егор поставил воду у печки, сбитой из сырой глины подле палаток. Пошел в забой, стал кайлить, чувствуя, как оживает тело.

Василий с Катькой еще спят. А сирень цветет, ручей журчит, и отец работает. Пусть, пока глупые. Егору казалось, что они походили во всем друг на друга, даже руки и ноги у них одинаковые. Оба быстрые, ловкие. И счастливые. Даже пьяный Катькин отец мил сердцу, что вырастил такую дочь. Здоровая матросская натура. А чувствуется в ней хорошая порода.

Федя поедет сегодня домой, повезет добычу. Скоро сенокос, он должен помогать дедушке присмотреть за парнишками на работе и рассказать, что на прииске.

Небо стало синим и ясным. Уже близко лето, жаркий зной, наводнения... Кое-где застучали, залязгали лопаты. Теперь видно, что огромные изумрудные сопки обступили долину, реку и глубокие ключи. А по обрыву – сплошная сирень. Черный дождь мошки обдал Егора, забил в глаза, застучал по щекам. Жаркий, кажется, день будет.

Все сели за длинный дощатый стол на столбиках. Татьяна, веселая всегда, но сегодня она с красными, припухшими глазами. Подала тарелки и деревянные ложки. Катерина принесла чугуны с ухой. Начался молчаливый завтрак с хлебом перед тяжелым рабочим днем.

Таня снесла в лодку мешок с сухарями и караваями. Федя взял клеенчатый плащ, сапоги и ружье. Вернулся за палаткой. Жена

затягивала ему под рубахой ремни кожаного пояса, набитого золотом.

– Хоть отдохнуть от тебя, – проговорила она.

Федор взял револьвер, подвязал рубаху сыромятным ремнем, простился, взял шест.

Он ступил через борт в лодку, навалился всем ростом на шест, и лодка помчалась, как напуганная.

Федор взмахнет шестом, глянет туда, где стоит жена, где вкопан в землю стол и печь-самоделка, и наляжет на шест, отвернется и снова взмахнет и взглянет. А уж там, на берегу, все станет меньше, и Танюша маленькая, словно тает на глазах.

Егор и Василий, как бы нехотя, поплелись с кайлами и лопатами к забоя. Васька вдруг положил инструмент. Он вскарабкался на обрыв и вломился в сирень. Катерина полезла сорвать хорошую ветку, подышать запахом.

Егор увидел из забоя, что сын тащит с обрыва Катю, посадив ее себе на плечи и держа ее под колени в красных шерстяных чулках.

– Как корейка свое дите ташшит! – молвила проходящая за мужем староверка в кичке и с лопатой на плече.

– Скинь ее в реку сейчас же! – крикнула Татьяна. – Президентовы щенки, скинь... Мне вас степенности обучать!

Опять Катерина бросала песок и гальку в тачку. Татьяна принатужилась, подняла ручки и как бы невзначай обмолвилась:

– Дуняша скоро приедет!

И, покотив тачку, услышала за спиной, как спросила Катя у мужа:

– Ну, кто?

Васька молчал.

К обеду смолкал стук лопат. У ручья трещали костры и дымились печки по всем побережьям. За кустами мылись женщины.

У бутарки мужики выбирали с настила последние мельчайшие значки. Подошел Ломов и Родион Шишкин.

– Ну, как у вас съем?

Ломов принес показать добычу. Он мыл рядом с Кузнецовыми, часто приходит проведать соседей, глянуть на съем и свой показать.

Егор заглянул в его чугунную чашу.

– А у вас? Ладно сегодня намыли!

– Когда Васька в забое, то и платки в карманах тяжелей, – сказал Шишкин.

– Васька – это молодой Егор, – сказал Ломов.

Васькина кайла еще за бугром гальки; она то появлялась, то исчезала.

– Теперь бы еду покрепче, – сказал Егор. – Хлеб в такой печке печется, не дает силы... Плохо пропечен, уж Татьяна ли не мастерица!

Ксения поджала губы. Бабы-староверки, проходя обратно, кланялись Егору в пояс. Мужики снимали шляпы.

– Как хлеб? – спрашивал их Егор.

– Сырой.

– Силы скоро не будет.

– Печем! – улыбалась Ксения. – Малина уж скоро поспеет, пироги будут.

– Что мы, медведи! – ответила чернявая кержачка.

Мимо шли с лопатами Очкастый и с ним молодой новичок, с черной как смоль бородой и с красными губами.

– Вон Полоз с дяленькой идет, – сказала Катька.

Полозом прозвал Федосеич человека с яркими глазами на разъехавшихся скулах.

– А достаток? Достаток? – восклицал Очкастый.

– Зачем? Достаток только замедлит этот процесс! – отвечал бородач. – Не достаток нужен для прогресса, а обеднение масс и эксплуатация их.

Он увидел Егора, быстро и косо поглядел. Оба поклонились. Бородатый через некоторое время саркастически улыбнулся вслед президенту. Наслушавшись о взглядах Егора, он однажды уговаривал его обложить население прииска налогом в пользу справедливой организации борцов за уничтожение несправедливости и всякой власти.

– Ты пока ступай отсюда, – сказал тогда ему Егор, – не мешай мне работать.

* * *

Егор обернулся. Перед ним на корточках сидел Улугу.

– Ты как? Приехал?

– Сейчас пришел... Че, тебя выбрали? Ты теперь тут джангин! – Улугу радостно обнял Егора.

– Я старший, теперь, по вашему обычаю, буду первый тебя целовать, – сказал Егор и сам обнял его.

– У-у! Теперь ты старший! Я сам не могу первый целовать? Да? А где наши?

– Пахом на другой стороне. И Силин там.

– А че здесь?

– И здесь есть содержание. Это редко бывает, чтобы на обоих берегах одинаковое содержание было. Только тут место у?же, там долина пошире, и все кинулись сперва туда. Кажется сперва, что тут места меньше, но тут кривун, самый поворот. Ты походи, попробуй взять пробы и, где понравится, выберешь участок.

– Писотька хочет сюда приехать, – сказал Улугу.

– Пусть! Как здоровье?

– Ничего... Сердце маленько больно и рука плохо...

Улугу все еще тяжело дышал после подъема вверх по реке. Он набил трубку и стал курить с жадностью, надеясь табачным дымом облегчить сердце.

За марью высоко в небе движением воздуха выгибало дуги из перистых облаков. В долине было тихо, ни один лист не шевелился.

Плечистая, молодая женщина подводила лодку, неумело плюхая веслами вразнобой. Щеки ее подрумянены, видимо, какой-то травой, глаза подведены.

– Здравствуйте, Егор Кондратьевич! – выйдя на берег, почтительно поздоровалась она и поклонилась. – Дозвольте, пожалуйста, нам к Василь Егорычу обратиться с просьбой.

Из забоя вылез Василий. Румяный, русский, весь в желтой грязи, он загрохотал болотными сапогами по гулкой гальке.

Анютка заулыбалась, скособочилась и закрылась краешком платочка, показывая, как ей стыдно с порядочными людьми.

– Василечек! Не обессудьте, поправьте нам бутарку, как будет время. У нас вода не идет.

– А что же кавалеры-то ваши? – по выдержала Татьяна.

– Ах, куда уж... Да мы теперь и близко никого не подпускаем... Знаете, народ нехороший есть. А мы беззащитные...

– Садитесь с нами, после обеда я съезжу на тот берег по делу, мне как раз надо на ту сторону, и погляжу, что там у вас.

– Спасибо, Василий Егорович, весь струмент у нас развалился! Да я пока пойду к Мишке-китайцу, долг ему за ситец отдать...

– Струмент у них развалился! – сказала ей вслед Ксения.

«Ну и уши у нее!» – подумал Егор.

* * *

– Тятенька ваш, если не будем мыть, сказывал, погонит... – призналась Анютка.

Она сидела на корме, но не правила, весло лежало рядом. Васька сам управлялся.

– А ты Катьку любишь? Обвила тебя... Акула морская!

Пристали у Тимохиного балагана.

– Я скоро приду! – сказал Василий женщине.

– Ну как дела, дядя Тимоха? – спросил Василий, залезая на груды мокрого песка и гальки. – Улугушка приехал. Тебе от Макаровны поклон. Гостинцев привезли. Наказывала приглядывать за тобой...

– Работа замучила! – пожаловался Силин. – Охота побольше добыть, покоя нет... А кто приехал?

– Улугушка.

Силин прояснел. Он в лаптях, работал в мокром колодце, сам отчерпывал воду.

– Переходи к нам! У нас по всей стороне колодцы сухие... А у Родиона в штольне золото глазами видно прямо в забое.

– У меня сплошь золото, засветишь фонарь, а оно как звезды в ночи, – не оставался в долгу Тимоха.

Тимохе не хотелось оставить свою сторону по многим причинам.

– Ноги болят... У меня вон сколько! – приоткрыл он кожаный мешочек. – С тачки будет два золотника... А то бы я и мыть не стал... А ваш прииск уж не узнать, – грустно улыбаясь, молвил Тимоха.

– Заметно?

– Да, уж все не так...

На Кузнецовской стороне по релочке длинной вереницей тянулись шалаши, балаганы и палатки. Сушились детские пеленки на веревках и

тряпье, дымились костры, строились избы.

Сплин махнул рукой:

– Ладно уж, пусть! Только как бы нам самим потом отсюда убраться.

Василий заметил, что Силин переменялся, говорит ясней и проще и не старается казаться чудачком.

– Жена сюда к Илье собирается.

– У нас Никита Жеребцов сегодня рыбьей костью подавился. Все говорит и говорит, не может стихнуть, а сам жрет. Любит рыбу!

* * *

Василий исправил бутарку.

У кайлы рукоятка сломана, лопаты погнуты, тупые, с зазубрившимися краями.

– Все надо бы поправить, наточить.

Анфиска и Анютка повели парня к своему балагану. Кто-то спал, высунув из-под полога раскинутые ноги. На кусте висела кожаная рубаха Андрюшки Городилова и зеленые клетчатые штаны.

Анфиска подбежала, грубо согнула ноги, перевалила пьяного мужика на бок, поддала ему под рыхлый зад босой красной ногой. Андрюшка не проснулся, затащил ноги под полог, как черепаха.

– Еще остался спирт? – устало спросила Анфиска, усаживаясь и распуская волосы.

Васька задержал взгляд на лицах женщин. Анюта – белобрысая, с опухшими глазами и с синяком под скулой. Заметив, что гость смотрит на синяк, она живо закрылась краешком платка. Анфиса – черная, рябая. Обе с плоскими широкими лицами. Еще недавно явились они на прииск бледные, истасканные. Теперь загорели, поздоровели. Говорили про них бабы, что не столько эти гребут из речки, сколько из карманов... Отец не велел Ваське прежде времени осуждать людей. «Худо ли, бедно ли, а руки у них в мозолях, инструмент без работы не стоит!»

Васька от спирта отказался, попил чаю и поднялся.

– Ты, поди, знаешь только свою Катьку да одну постель? – сказала Анфиска.

Она махнула рукой с презрением, когда Васька взглянул на Андрюшкино развешенное барахло.

– Мужика настоящего нет. Какая-то все немощь, старичье... Бороды поганые, а каждый заглядывает... Дохлятина! А мы ведь трудимся.

Бабы стали собираться на работу.

– Ну, приходи к нам.

Анфиска зажмурилась на солнце и потянулась, как кот, толстым, сильным телом. Анютка обулась.

– Кому же ты моешь?

– Как – кому? Себе... – ответила она. Видно было, что ей сейчас не хочется подымать лопату. – Так приходи... Просто посидеть... У нас наливка есть. С тобой хорошо поговорить. Ты нам расскажешь, Василек... как людям.

– Днем...

– Пойдем с тобой по ягоду скоро, а? – шепнула Анфиска, наклоняясь к его плечу, и переглянулась с подругой.

Анюта посмотрела на нее ревниво и с обидой.

«Поди ты к черту! – подумал Василий. – Больно ты мне нужна!»

У отцовского стана собрались лесорубы. Черный Полоз стоял тут же.

– Другого леса тут нет. Высохнет! – сказал ему Егор.

– А где же Федор Барабанов? – спрашивали старатели.

– Послан! – кратко отвечал Егор.

Все поднялись и пошли в тайгу. Егор выбрал такую же лиственницу, какую рубил когда-то впервые на релке на берегу Амура. Раздался первый глухой удар топора по живому, рослому дереву. И сразу же в ответ ударил Ломов по своему, за ним начал рубить Ильюшка, задубасили староверы. Легкими, частыми ударами, по двое на каждом дереве, заработали китайцы.

Черная дорога залегла по спине на рубахе Егора! Вспотели привычные ко всякой работе староверы и китайцы. Стоит и переводит дух чернобровый. Как его зовут?.. Как-то... Генрих! Егор снова бьет, и красные щепки вылетают из-под лезвия.

– Сейчас пойдет! – крикнул он, и все лесорубы потекли прочь. – Сюда, на эту сторону пойдет! – поднял Егор левую руку. «Разве можно

с этой работой сравнить старательство! Но там сидишь, как за карточным столом, и душа замирает...»

– Пошло!

Егор уж думал, что стар стал, не осилит.

«Эй, Егор, не прыгнешь выше головы. Забьют тебя, как молодые олени старика. Нет, не забили молодые олени! Надо было... Надо было работу им свою показать!»

Лопнули, как перетянутые, красные гужи, недорубленные листовничные волокна, и пошла такая лесина, каких еще не валили. Стройная, крепкая... Должна быть со здоровой сердцевиной. Она легла вдоль ключа в тайгу раннего лета и вдруг, словно хлыстом, оттянула мокрую землю.

Подбежали пильщики. Откаченное бревно оглядели. «Это дерево пойдет на амбар, даже на лучший дом годно... На резиденцию, на пекарню!» – думал Егор.

Из чащи выбежал Никита, похожий на дракона, и кинулся с топором подсоблять.

Вот уж постромки к веревкам, крючья, петли пошли в ход, и на паре лошадей первое бревно поехало на возвышенность. Сашка ведет коней, Илья и четверо китайцев бегут и помогают, тянут и рубят на ходу вприпрыжку чащу, само бревно выкатывает первый желоб лесовозной колеи, а люди рубят просеку.

– Но зачем вам амбар? – спрашивал Полоз, возвращаясь в сумерках. – Что мы, сто лет будем мыть? Навеки здесь собираешься основывать республику? Зачем такая работа?

– Хлеб сырой, силы не дает! – отвечал Егор.

– Зачем же ты работаешь, если не хочется? – спросили Полоза.

– А что я могу? Тут же у вас полное насилие, каждый обязан отработать дни.

– Надо бы хлеб хороший! – говорили Полозу, как маленькому.

– Чем лепешки-то печь! И бабы мыли бы, – слышался женский голос, – для женского.

– Ох, и крепок этот Егор! Зажмет он вас всех когда-нибудь! – сказал Очкастый.

Сильный всплеск раздался на реке. Васька разделся и бултыхнулся в реку.

– Грех! Еще Купалы не было! – сказал староввер. – Кругом грех!
Ох-хо-хо!

Катерина с тазом белья белым пятном проплыла в темноте. Таня в отблесках костра ломала гулкие сучья сушняка.

ГЛАВА 8

Утром Илья сидел с Улугушкой под берегом.

– Она когда собиралась?

– Да хотела сразу...

– Че же нет ее?

– Не знаю, че такое... Может, ребятишки болеют? – ответил Улугу.

– Кто знает! Все может быть!

– Может, бабка не пускает...

Наверху слышались глухие удары и звон пилы. Илья вынул топор из-за пояса. На постройку тянулась целая вереница рабочих, Он разглядел черную гриву Никиты Жеребцова.

... По очереди все, кто мог и умел пилить и рубить и работать топором, явились на «резиденцию». Когда работает много сильных людей и никто их не погоняет и не принуждает, и видят они пример от равного себе, то нет недовольства и перебранок, хотя каждый насторожен. Нет погонялки, а есть желание успеть все сделать, чтобы утром заняться промывкой. Без карт, без риска здесь шло в карман богатство.

Камбала разметил бревна. Прикинули, что будет и где. Место выбрано высокое, чтобы не топила вода. Ходили в тайгу, смотрели отметки за прошлые годы, сделанные водой на деревьях и на скалах. Вода не должна сюда подойти.

– Плант Егор произвел, как инженер, – говорил старовер Никишка.

Работали люди отборные, сильные, молодые, мужики в лучшие годы жизни. Многие поколебались сначала, нужен ли амбар на прииске, зачем лишняя ответственная обязанность там, где каждый моет для себя и так богат. Здесь нужен порядок и чтобы не было преступлений и надо поменьше касаться друг друга. Но каждый, кто приходил работать, видел: Егор старается и Камбала тоже. Работают и православные, и китайцы, и староверы. Все трудились. Все так стараются, значит, что-то знают, значит, надо.

– Надо бы бойницы прорубить сразу на бревнах, – посоветовал Егору старовер Никишка.

– Зачем бы? – спросил морщинистый воронежец Сапогов.

– Мало ли... Мы у себя в деревне так строим. Бойницы в каждой стене, где нет окон.

– Крысы залезут! – сказал Сапогов.

– Зачем же! На свайках сделаем бересту, ни одна крыса не пролезет.

– Откуда же ты? – спросил Егор старовера.

– С Зеи. Из деревни Заган.

– Эка тебя принесло! – удивился Сапогов.

– Да все слух, слух идет... Он так и пойдет все дальше, покуда не дойдет обратно и нас не разгонят.

– Вот, может, тогда и бойницы пригодятся, – сказал Сапогов.

– Постройка идет хорошо, – рассказывал воронежец, возвратившись вечером в свою артель на Силинскую сторону. Он безропотно отработал два дня.

– И я работал, – расчесывая бороду после мытья, толковал Никита Жеребцов, сидя на коряжине. – Только сдается мне, что строится тут не наша резиденция, а принскательское управление. Все это не для нас. Помяни, товарищ, погонят нас отсюда прочь. Помяни! Я тебе говорю, не себе строим... Не зря Силин нас предал.

Сапогов так и замер, и деревянная ложка заплясала у него перед усами, словно мужик был грамотен и быстро, как писарь, строчил рукой по бумаге.

– Что там строить, – с насмешкой молвил Никита Жеребцов.

В душе он был сильно смущен тем, что увидел на Кузнецовской стороне. Сам Никита до этого не додумался и все общественное понимал куда проще.

Быть главой, по его мнению, это означало – принимать почет, десятину пользоваться, как захочется, отводить участки не сразу, с протяжкой, уверяя, что уже нет ничего, принимать благодарность при всяком удобном случае, и с отведенного участка – особо.

– Что у нас, гарнизон? Солдаты мы? Он пекарни строит. Зачем нам пекарня? Нам известно, что нужно! – глуша свое собственное беспокойство, говорил Никита. – Егор и китайцы заняли лучшие участки, выграбят самое цепное и уйдут. Вон уж говорят, нынче из Иркутска придет артель. Надо попридержать участки, ходу чужим не давать, на караулах поворачивать обратно.

Воронежец выпил с Никитой спирта и пошел к Силину.

– Теперь у меня два понятия в голове, – сказал он. – Как ты думаешь, Тимофей, себе ли строим? Не захватит ли Кузнецов весь наш прииск? Вот ты умный человек, его сосед и помощник, а веры ему нет. Только умен. Говорят, что век мал, мы сдаем десятину на общество. Это большущие деньги... Вот вы с Никитой давеча толковали, как ты думаешь, не обманет нас Кузнецов? Не построит он на общественные деньги для себя.

– Мы с Никитой ни о чем толком не толковали, – удивленно ответил Силин.

, – А-а! Прости, пожалуйста! – Сапогов сделал вид, что спохватился. – Вот ведь десятая-то часть... Это большие деньги получают. Ведь я седни должен дать пять золотников! Ведь это же разорение... Отдать пять золотников! Кому? За что? На старых местах это богатство, люди такого не видели и не знают, что у нас, кроме ржи и молока, есть в государстве. Едят плохо и слабеют, а купец придет, у него рожа наедена и ему, как джангину, не могут сопротивляться, и девки думают, вот, мол, порода, жеребец! Десятая часть! Легко сказать! Грабят нас!

– Нет, мы знаем Егора, мы соседи. Он плохого не сделает! – сказал Пахом.

– А ты откуда взялся?

– А я все время тут сидел, разговариваю с тобой. Можешь отвечать.

– Ты не пьяный?

– Нет, я не пил, – ответил Пахом. – Маленько чаю выпил.

– А то вот строить... Строим, а все достанется другому. Мы стараемся для себя, а все не для нас. Если у нас все отнять, то кто мы будем? Десятую часть! Шутка! И тебя подозревают.

– Нет, мы знаем же его, – сказал Тимоха.

– Человек может оступиться. Могли склонить его. Вон тут есть сектанты, есть немцы. Дядя какой-то... Есть ученье, что царя не надо, государство может существовать без него, как же так? Государство не прииск! На прииске и то не доверяем, а как же государь? А?

–Что ты этим хочешь сказать? – строго спросил Пахом.

– Из тайги вышел какой-то Генрих... Король был такой, а не у нас. Сапогов встал и побрел, пошатываясь.

– Куда тебе еще в пупок! – слышался в палатке хриплый голос Анютки. – На приисках не раздеваются, а тут тебе не городское удобство.

– Мерку-то он как меряет? Как раз! Это оплата, а не безобразие. Сколько золота в пупок войдет, – отвечал чей-то знакомый голос.

– Глаза закрою и скажу без весов сколько. Ты сыпь мне на ладонь... Не передашь, не бойся... А то пошел, мерин! Охальник!

– В руку что! Это холодная душа! А в пупок и весело, и забава!

– У ее пупок без дна, – раздался мужской голос послаще.

– Бесстыжий! – ласково молвила одна женщина.

– Можно к вам? – заглянул Сапогов.

– Если с добычей, то заходи да принеси спирту, – ответил мужской голос.

Сапогов увидел Родиона Шишкина. Это он, кажется, уговаривал Анюту оголить пупок.

– У меня нет...

– Поди купи, вот здесь Андрюшка скрывает товар за березой. Он весь вечер ждет покупателей. Только тихо... Да пойдем я тебя провожу.

Анфиса встала. Какой-то парень ухватил ее за подол, она живо обернулась и вырвала край подола из его руки и ласково шлепнула парня по лицу.

– Ты ступай отсюда! – сказала она. – Иди молока попей, вон кержачки привезли, корову уж подоили. Люди степенные пришли, а ты ступай!

Анфиса подхватила Сапогова под руку и пошла от балагана. Возвратились со спиртом. Воронежец сказал Анюте:

– Какие у тебя картинки красивые на стене. Очень тут уютно у вас!

Он поглядел на Анфисины рябинки, потом опять на Анюту и глянул на мужскую руку на ее плече. С ненавистью посмотрел в лицо Родиону.

Тот ослабился.

– Кхл-кхл-кхл...

– Чего ты ржешь?

– Я не конь, – ответил Шишкин.

– Ну, тихо... Вы! – прикрикнула Анфиска.

Она уже смирилась с тем, что подруга всем нравилась больше ее. Так всегда. А на рябины Анфисы все косились. Но Анфиса брала свое.

– Мы немножечко выпьем, а ты не пей, – сказала она Сапогову. – Давай я с тебя ичиги сниму. И ноги тебе поглажу... Хочешь, помою? Ляг, отдохни!

– Что я, азиат? Я сам мою кажинный день, это от работы портянки преют.

Анфиса стащила обувь с мужика и пошла стирать его портянки.

Анюта поставила рюмки и кувшин с ключевой водой, чтобы разводить спирт.

– Рябые-то самые горячие! – уверял Родион. – Ты не ценишь.

– Ка-ак? – поднялся Сапогов.

Он только лег, и на душе стало тихо, как вдруг он опять вспомнил, что десятину, может быть, дерут зря, что и тут, как всюду, – обман... Его как скребнул кто-то по душе железом.

«И что за насмешки! – подумал Сапогов. – Что за рябая! Он еще не знает, что я подковы гну и разгибаю. Она, может, человек, портянки мне ушла стирать!..»

– Кто рябая? – спросил он.

– Кхл-кхл-кхл... – затрясся Родион от сдавленного смеха.

Через некоторое время на всем прииске услышали женские крики. Потом что-то затрещало. Загремела матерная брань.

Народ хлынул со всех концов. Завыла какая-то девка, словно ее ошпарили кипятком.

– Драка!

– Отцы разодрались!

– Отцы из-за девок дерутся!

Родион вырвал длинный кол, повалил всю палатку со всеми украшениями и картинками и норовил ударить Сапогова.

Раздался хряск, и мужик, ломавший еще недавно подковы, лег замертво.

Толпа подступила к Родиону. Он отбивался, размахивая дубиной. Подбежал Никишка-старовер, кинулся под дубину и ухватил Родиона. Оба мужика покатались, хватая друг друга за бороды и кусаясь. На Родиона накинулись другие староверы и подняли его, крепко держа за руки.

– Ты, старый дурак, девок не поделил!

– А, пустите-ка меня к нему... пустите... – расталкивала народ его дочь Таня. – Ах ты, сволочь ты этакая! Окаянный ты... – подбежала она к отцу. – Да совесть-то есть у тебя? Ах ты... – она схватила отца за бороду, – зенки тебе выцарапаю...

– Плюнь, плюнь ему в глаза, – закричали бабы.

– Он-то при чем? Эти стервы его заманили...

– А этих девок, зараз, выселить с прииска...

– Разврат-то здесь заводить!

– Блядей да спиртоносов гнать отсюда, – орала бабы.

– Вон их! Вон! – орала толпа.

Утром на берег, где женщины мыли песок на исправленной бутарке, подтаскивая его в ведрах, явился Камбала.

– Здравствуйте, Лександр Егорыч! – поклонилась Анфиска.

– Пошли! – сказал Камбала.

Женщины поплелись к своему полуразрушенному балагану.

– Кури! – предложила Анята табаку.

Сашка закурил.

– Хочешь китайский амбань-табак?^[3]

– Нет.

– Что так?

– Работы много. Ты че вчера кричала? Гуляла?

– Нет.

– Собирайтесь!

– Зачем?

– Как зачем? Уходи. Домой к себе.

– Сашенька, прости нас...

– Пошел, пошел! – сказал Камбала.

– К Егору, может, пойдём попросим? Он добрый... Попроси ты за нас... А мы уж...

– Егор говорить не станет. Он работает. Слыхал? Топор стучит... Да?

– Верно, стучит топор. Сашенька...

Сашка встал, схватился за перекладину, и свалил весь только что исправленный кое-как балаган. Женщины едва успели выскочить.

– За что? Мы хотели всем только хорошего! Мы обходительные, старательные... Нас бы отблагодарить! О-ой! Это гибель наша! – завывала Анфиса.

– Пошел, пошел отсюда!

– Мы же трудимся... Гляди: лопаты, кайла, лом, бутарка...

Анфиса выла. Стал собираться народ.

– Что уж, пусть, ладно, – попыталась уговорить Камбалу толстая соседка Анфисы, которая еще вчера причитала, что этих девок надо выселить.

– Только чтобы не буянили. Люди же...

– Ну их, уж оставь...

– Чего ладно? Кто люди? Пошел, пошел! – закричал Сашка.

Он живо раскидал искусно сшитые берестины, из которых устроен был балаган, и, выгребая из-под них вещи, относил их охапками на берег и сваливал в лодку. Скидал все имущество женщин, втокнул их самих и отпихнул лодку ногой.

– Пошеба! Обратного не ходи!

– Господи! Позор-то какой! – заплакала Анютка, видя, что все глядят.

Кто-то свистнул.

– Сволочи! – пригрозила кулаком Анфиса.

За мысом женщины пристали к косе. Они осмотрелись. Анфиса опять оттолкнулась.

Через версту, когда не видно стало палаток и шалашей, лодка перевалила реку и подошла к другому берегу.

На песок соскочил сверху из тайги Сашка.

– Че падо? – спросил он. – Пошеба! – Он подбежал и оттолкнул лодку. – Обратного не ходи!

Сашка ушел в лес и долго ждал. Лодка вскоре скрылась за поворотом.

Камбала вернулся на левый берег и явился к Городилову.

– В лесу твоя лодка?

– Твое какое дело?

– Ты работаешь тут? – спросил Сашка.

– А че тебе?

– А как живешь?

– Мое дело... – Андрюшка усмехнулся.

– Где спирт?

– Какой?

– Твой.

– Вот спирт. Пей!

Сашка взял большую стеклянную бутылку в четверть ведра, перевернул ее, и все вылил в реку. Следом полетел и разбился о камень ящик, налитый китайской водкой.

Городилов подскочил и хотел ударить Сашку по голове, но тот увернулся, удар пришелся скользом, а Андрея схватили какие-то мужики. Он рвался из их рук. Сашка пнул его между ног так метко, что Городилов завыл и согнулся от боли.

– Теперь отпусти! – велел мужикам Камбала. – Пусти, не бойся! Еще меня ударишь? Драться будешь? Нет? Ходи отсюда... Это все? – спросил Камбала, перерыв его вещи.

– Все.

– А где еще спирт?

– Ты же вылил! Все в реке! Ограбил ты меня, Сашка!

– Зачем врешь?

– Как это врешь?

– А у тебя большая лодка еще есть. Спрятанная. Иди покажи...

– Не знаю никакой лодки...

– Не твой в ней спирт? Ладно, будет наша! Берем себе...

– Да я тебя стрелю!

– Нечем. Оружие забираю, – сказал Гуран.

В руках у него был Андрюшкин винчестер.

– Твой спирт в большой лодке за ветельной рощей...

Гуран выкинул Андрюшкины патроны в реку и отдал ему винчестер.

– Тебя отвезем за Гаврюшкин караул! – сказал он. – И больше сюда не придешь.

– А как же прииск без спирта? Да ты что, китайская образина? Да ведь люди мокнут... Я им нужней врача, а ты человечество хочешь лишить лекарства, здоровье у него отымать?

– Пошел, пошел...

– погоди! Может, сговоримся... Ребята, вы же сами пьете.

– Люди передохнут уже! Ты все забрал, весь их доход. Все золото пошло тебе. Пошел! Пошеба отсюда скорей! Ну! А лодку большую берем себе. Конфискуем. Будем людям спирт давать, как в казенном магазине.

– Это разбой! Я жалобу подам.

– Ты жалобу подашь? Тогда – предатель. Шею пополам тебе распилим.

– Ну, погоди.

– Че погоди?

– Ну надо же спирт привозить старателям?

– Тебя не надо! Ты обманываешь...

Сашка вечером явился к Егору и обо всем рассказал.

– Тяжелый был у тебя день, – отозвался Егор. – А спирт все-таки нужен на прииске, где-то придется доставать.

– Андрей говорит, разорился. А что разорился? Он золота повез кулек, как сахар... Столько весь спирт не стоит!

– За безобразие и драку что же присудим Родиону? – спросил Егор.

– Мужик не виноват, баба виновата, – ответил Сашка. – У Сапогова плечо сломано. Он лежит больной. А Родион целый – его счастье!

– Черт не знает! Какие бабы страшные! – сказал Улугу, сидевший на скамейке. Он видел сегодня, как выливали спирт, как выбрасывали вещи в лодку и выгоняли женщин. – У-у! Никогда такой бабы я не видел!

ГЛАВА 9

Ксеню сильно занимали соседи. Чем больше они помогали ее мужу, тем сильнее хотелось ей знать, что это за семья, откуда взялась такая. Почему это такие людям угодники? Теперь пошел слух по прииску, что у Егора сын живет не венчан. Ксения сама растрезвонила о том, что Вася и Катя живут в грехе. И теперь эту же свою новость, услышав от других, толковала: «Сволочи все!»

Сам Кузнецов выбран, всем верховодит, всех учит, мужчина степенный, хотя и простой... А и в такой семье есть трещина.

Ксении невольно хотелось эту трещину расковырять, узнать, далеко ли она идет. Наверно, далеко, да и не одна эта трещина... Простота-то хуже воровства...

Ксения пришла к Улугушке, помогла выстлать ему рогожку на самодельной бутарке.

– И может, что надо тебе починить? – спросила она гольда. – Неси мне!

Сильные руки ее с такой же ловкостью могли запеленать ребенка, приготовить пищу, испечь хлеб, накрыть стол, и накормить людей, и починить, и сшить, скатать, и спрясть, как и бутарить на промывке, выбирать пальцами золотые значки. Ничего не упустят острые Ксенины глаза.

– А сын у Егора венчан живет?

– У-у! Конечно!

– А когда свадьбу справляли?

– Где? Дома! А ты че?

– Видишь ты... А люди врут... Вот сволочи... Говорят, что в грехе живут дети нашего президента...

– Никогда! Че ты! Какой грех!

Ксения часто приходила после промывки с каким-нибудь делом к Кузнецовым и подолгу стояла, рослая и прямая, как солдат на часах, засунув руки от мошки под фартук, зорко наблюдая за всем вокруг, переговариваясь с Татьяной и поддакивая ей. Ксения и сама была бойка и востра.

«Больно шаркает все глазами!» – думала про нее Таня.

С постройки пришел Егор с каким-то цыганом.

– Слушай, хозяин наш, отец дорогой! Помоги! Помираем, дорогой, с голодухи умираем!

– Пойдем, я тебе лепешек дам! – сказала цыгану Ксения.

– Ой, спасибо, дорогая, спасибо! Век твоей милости не забудем... Да у нас, матушка-красавица, дело не к тебе...

Егор помылся, вытерся полотенцем и пошел толковать с гостем в новую избенку.

– Дай нам заработать, дорогой! Поставь нас на хороший участок. Дай нам из горькой нашей бедности выбиться. Жена тебе счастья нагадает, детям твоим век будет хорошо. И внукам и правнукам...

Глаза его зло блеснули, видя, что пожелание счастья не действует на мужика. Цыган Иванов знал таких людей. Обещание нагадать счастье – не шутка. А люди все суеверны. И кто может нагадать счастья, тот может сделать и наоборот.

Иванов старался смотреть грозно, как бы обещая злые вести. Он хотел напугать здешнего президента.

– У нас каждый ищет сам, – ответил Егор. – Иди выше по реке и мой. Лучшие места, где перебутор, спор ключей...

– Дорогой, люди конные ворота устанавливают, в глубь матушки-земли пробивают путь, а что же я с тазом... Без лопаты... А я коней пригнал на плоту.

Запасные лопаты теперь у общества были. Были и лотки. Егор дал все цыгану.

– Покажи, дорогой, как мыть. Никогда я не мыл, не знаю!

Старухи бы заели Егора на старых местах, мол, дурной глаз пришел, гони его вон...

– Ну, Иванов! – хлопнул он, прощаясь, цыгана по плечу. – Утешил ты меня!

– Спасибо, дорогой кормилец! – приветливо улыбнулся цыган.

Лодка зашуршала, ринувшись на песок. Тихо вышел Сашка.

– Ты че тут? – спросил он цыгана. – Че пришел? Че надо?

Цыгана как ветром сдуло. Он так испугался и откровенно струсил, что Татьяна и Катерина покатались со смеху.

– Эй, Иванов! – заорала Татьяна вслед.

Сашка показал женщинам новые часы.

– Где такие купить? Сколько ты платил? – спросил Василий.

– Как гонконгский китаец! – говорил Сашка. – Мастер приехал, ухватился за меня: «Даю даром! Возьми, Саша, я полицию люблю... И всю семью вашу наряжу в золотые цепочки. Вот так пустишь по брюху!»

И Сашка, выпятив живот, представил, как часовой мастер учил его ходить с цепочкой.

– Садись, я тебе уши налила! Хлеба поешь, чумиза, поди, надоела! – сказала Таня.

– Да, правда, Танечка, чумиза надоела, – сказал Сашка.

Егор знал, что Сашка не только часов, он вообще ничего не возьмет даром. А Сашка не стал рассказывать, как он встретился с часовщиком.

– Открой ящик! – велел он мастеру.

– Зачем тебе ящик? Что тебе мой ящик? Я же тебе дал хорошие часы! – испугался тот и лег на ящик.

... В ящике оказалась дрянь, старье.

– Все пойдет на вес золота! Но что сделаешь! Люди хватают.

... Егор посмотрел цепочку, она была поддельная. Фальшь и старье меняли на золото...

– Завтра крыть амбар, – сказал Егор. – Надо скорей все кончать. Барабанов вот-вот вернется.

Утром Кузнецов собрал плотников у розового от утренних лучен амбара, который стоял с непокрытыми стропилами.

– Главное сделали без натуги, – объявил Силин. – Но надо крыть крышу. Погода вот-вот переменится, и доски пилить некогда. И тут мы свой труд пожалеем... Досок пилить не будем...

– Чтобы не была наша крыша золотая, – добавил Егор.

– Нет, не-ет! Пусть будет крыша золотая! – возразил Ломов.

Русские засучили рукава, а китайцы не снимали курточек. Вбивали клинья в бревна. Трескались стволы. Их подымали с корьем вместе на крышу.

Старовер Никита оглядывал стены, отряхиваясь от древесной пыли и мелкого корья, щупал стены.

– Амбар как амбар! Хорошо, что с бойницами!

– Да! Мало ли что может случиться. В таком амбаре можно выдержать осаду... И мошка не заест, – сказал Силин с крыши. – Они

вроде и продухи и при случае и выстрелишь, дуло есть куда просунуть. Стрелять надо на все стороны.

В степях прорублены узкие, в три пальца, окошечки.

– Да, вроде продухов, – согласился Егор.

– Эй! Караван наш идет! Слава тебе, Христе! – перекрестился на крыше Силин. – Егор, едут... Кузьмич! – кричал через крышу Тимоха.

Подошла первая большая лодка. Мешки в пей плотно и умело закрыты полотнищами.

Федор Барабанов снял шляпу, присел, снял пиджак. Ему принесли воды.

– Рассказывай! – сказал Егор, подавая ему стакан.

– Все отдал. Сменял в конторе Бердышова. У Ивана теперь прииски близко отсюда, на водоразделе. И старые на Амгуни. Управляющий принял сразу и заплатил. Фунт дал Телятеву. Взял, как албан. Не спросил ничего. Мука – американская. А на устье стоит Гао. У него целая халка муки, будем возить ее. Уж заплачено. Я смотрел, хороший китайский помол, как крупчатка, сразу видно – нингутинская пшеничка!

Федор оглядел небо, вершины деревьев, амбары, новые дома. Обтер лысину.

Он сам себе не верил, что он сварганил такое дело, удружил Телятеву, всунул ему... озолотил Ивана, получил деньги и накупил всего...

– Люди, говорят, в дальних деревнях продают скот, коней, чтобы доехать сюда. Управляющий сказал, что скоро будет принят новый закон, решение покупать и продавать золото. Они сейчас везут в Иркутск, там сдают, а деньги получают в Петербурге.

– Город глохнет! Американец говорит, все привезу, заказывайте. Но людям еще нечем платить. Кормилец! Да мы его озолотили бы!

– Никто меня не подвел. На честное слово и Гао и американец доставили все и не выдали.

Утром Камбала вышел на берег и что-то тонко и протяжно закричал. И сразу поднялись сидевшие на корточках и курившие трубки китайцы. Человек двадцать гуськом двинулись к лодкам. Пять тяжелых деревянных посуды стояли на причале.

Снимались полотнища. Китайцы брали мешок, быстро подсаживаясь, подкидывали на спину товарища, тот крякал или

взвизгивал и тоже слегка подсаживался. И серый мешок с голубой печатью и надписью «San Francisco Floor»^[4] плыл на его желто-грязной спине вверх. И вот уж целая вереница поплыла по обрыву, по трапу, на холм, на трап к амбару и в амбар, где чисто вымыто, где Егор и Сашка укладывают мешки муки на низкие подставки на свайках, под амбаром, чтобы не забрались крысы, – полотнища бересты...

Освободившись от ноши, китайцы трусцой спешили обратно, не теряя порядка, таким же гуськом. И опять каждый брал по мешку и опять присаживался, как приплясывал с ним камаринского. А уж первая лодка опустела, и гиляки ловко отогнали ее.

В полдень хлынул ливень.

– Ну, бабы, – пришел Егор, – кого хлебопеком? Печь готова, надо топить!

В новом доме набилось от дождя полно народа.

– Да, Анфиску поставить, – сказал Родион. – Они вон вернулись... Да просят лучше выпороть, а, мол, не надо выгонять. Пусть работают, согласны, говорят, на всякую работу, только не гоните.

– Да ты что это? – вспыхнула Татьяна.

– Как же она будет своими руками хлеб брать? – ответил Егор.

– Мало ли чего она берет! – сказала Таня.

– Ну и что же? – бойко ответила Ксения. – Каждая берет!

– Каждая, да не у всех. А эта и каторжных, и китайцев, поди, и зараза попадет...

– Тебе, Ксения, быть хлебопеком! – сказал Егор. – Довольно людям есть сырые лепешки.

Теперь на прииске был запас...

Его должно хватить надолго. Если полтора фунта на человека в день.

– А народ все прет и прет, – входя, сказал Силин. – Говорят, люди на сто верст проникли по всей реке вверх и засыпали все берега балаганами. Полиция придет нас разгонять, как их разыскивать.

– Ты думаешь, скоро придет?

– Когда-то, конечно, придет. Станут шарить по ключам, по протокам... Люди идут, и мы не всех знаем. Откуда столько народа? У нас во всем Приамурье столько населения нет, сколько собралось здесь. Кто-то задумает же наш прииск присвоить, открыть компанию

на паях. А ты бы, Егор, Гаврюшке сказал, чтобы гнал прочь бродяг... Пусть идут земледельцы, они не донесут, да и доноса побоятся.

– А я по дороге Андрюшку Городилова встретил, – сказал Федор Барабанов. – Он плачет, зачем вы его выгнали. Кто-то же должен спирт доставлять, пусть уж лучше он...

– Где же он попался тебе?

– В озеро прошел баркас читинца Ситинкова и торгует. Андрей живет у него на баркасе и пьет. Он металл проживает. Я подумал, Ситников давно мог бы его обчистить.

– Не только обчистить, но и в воду выбросить, – сказал Камбала.

* * *

– Если не будет убийств, грабежей и порядок установите, то мойте! – сказал николаевский окружной начальник Телятев, когда его старый знакомец Федор осторожно изложил ему намеками суть просьбы. – А я пошлю инспектора!

– Ни боже мой! – ответил Барабанов. – К нам не добраться!

– Тайно! – улыбаясь, сказал Телятев.

– Да к нам проезда нет... И так все идет в лучшем виде. Попы следят за всеми, и каждое утро молимся перед работой.

– Не врешь?

– Боже мой! Зачем бы... Отцу-то родному! Каждый хочет себе достатка, зачем же ссориться. Живем в согласье, как в монастыре!

– Если как в монастыре, то я, брат, слышал, какие согласья у монахов! А монашки есть?

– Женского сословия нам не требуется. Моем семейно, мужья с женами.

– Обитель, словом... Дай еще два фунта, и мойте на полной свободе! – вытянув длинный бледный палец, сказал Телятев. – Но как только получу первое же донесение от полиции, так в два счета оставлю от вашей вольницы рожки да ножки...

ГЛАВА 10

– Ты, Федосеич, не жалеешь, что бросил участок? – спрашивал Егор у матроса, приехавшего вечером проведать, как живет его дочь.

Приезды старика всегда как праздник. И нынче долго засиделись.

– Так не жалко тебе? Они берут тут хорошо...

– Нет, не жалко! – отвечал Федосеич. – Чего жалеть! – добавил он, пожимая плечами. – Все равно... А они и так меня кормят чумизой, ханьшин мне дают. Я им фанзу караулю, поварничаю, я умею поихнему: пампушки на пару приготовлю, рис сварю...

Уже было поздно. Федосеич перекинул ноги через скамейку прочь от стола и закурил. Это означало, что собирался домой. Катя сидела за столом и с любопытством на него глядела. Если бы он всегда был так трезв. И рубаха на нем опять проносилась... Надо поехать завтра и все ему перестирать, перечинить.

– Ну, оставайся, сват, у нас в артели! – предложил Егор.

– Нет. Мы потому и дружны с тобой, сват, что редко видимся... Я поехал. Прощай, Катюшка!

– Тятя, я завтра приеду.

– Прощай, сынок! – сказал старик Ваське.

– Скучно ведь тебе с китайцами. А у нас артель, все свои...

Егору хотелось бы вытянуть матроса как из болота. Ему казалось, что живет он там плохо.

– Нет, я к ним привык. Я в порту Кантоне у них был. Не раз. В Шанхае был. Еще Шанхая такого, как теперь, не было, только кое-где большие дома строились. У нас был лейтенант Римский-Корсаков, они его отравили хлебом, и он мучился сильно. Они шли по городу с мичманом и пробовали все. А другой лейтенант был с ним и помер от этого хлеба. Брат Екатерины Ивановны Невельской, жены адмирала. Я Катюку в ее честь назвал! Да, видишь, уж обеднели мы... Катерины Ивановны брат родной, еще мальчиком, служил у нас на конверте.

– Чего же ты с имя в артель пошел? Они и тебя отравят... – сказала Татьяна.

– Они видят, я сам себя травлю... Таких никто не травит, а хвалят все, мол, хороший ты народ, богатырь! Они не перечат мне. Пока у них силы нет, они старательные. А наберутся силы, тогда себя проявят... У

них разный хлеб делают, катают такую здоровую раскатку, вроде на калачи, как кишка. Оказывается, на лапшу.

Егор подумал, что, видно, все же не сладко Федосеичу.

– Когда захочешь, приходи.

– Спасибо. Китайцы мне долю выделяют. У них ведь тоже разные люди, как у нас. «Они со мной чужие, и мне жить с ними не обидно! – полагал Федосеич. – А тут если меня попрекнут?» А китайцы сами опиум курят.

– У них тут есть?

– Как же! Хороший народ! Пьяниц не любят, а сами искурятся, высохнут, кожа станет как пергамент... Ну, я поехал. Прощай, моя Катюша, прощай, сынок, Василь Егорыч... Ну, Васька, Васька. Тебе бы во флот! Туда больше идут такие белые, с русой головой. Ты бы был матрос? Дослужился бы... Вот были мы в Южной Америке. Я тебе расскажу когда-нибудь... Приезжай ко мне на китайский лагерь.

– А Калифорния? – спросил Вася.

– А вот она, – показал Федосеич обеими руками. – Это все я видел прежде. Еще хуже! Золотая лихорадка называется... Только там товару-у! И людей не жалеют! Там не промахнись. Дети сироты остались во Франции, сейчас их привезли в Калифорнию, стали ими торговать. И каждого запутают, если кто не варганит. И закон тут же есть, и порядок. Называется свобода, и все грабят.

– Почему же французы детей продали? Там ведь нет крепостного?

– Революция была. Люди поднялись на восстание, свергать власть и богатых. Их, видно, всех убили, восставших. Также ищут справедливость, не хотят удавки. Сирот много осталось. Их закупили и повезли в Америку.

– У нас на старых местах в помещичьих деревнях торговали детьми.

– Да, это верно. Мы как-то на свое не жалуемся, упускаем. Генерал был Муравьев, всегда говорил нам, мол, что вы всех хотите учить и просвещать – научат, мол, и без нас, сами учитесь, а то темней всех сами, а все лезем других спасать и учить... Дураки!

– Не велят думать про себя, – сказал Егор.

Он любил рассказы Федосеича и его приезды.

Утром Ксения выдавала свежий хлеб из пекарни. Она слышала вчера, что у Кузнецовых о чем-то говорили, но подбежать послушать

не могла, нельзя было бросить печь. Сегодня, когда Федосеич приехал за хлебом, она не смотрела на него, помня его нахальство.

* * *

Батрак Микешка возвратился на свой берег и шел у всех на виду, отколупывая по кусочку от красноватого поджаристого каравая и уписывая за обе щеки.

– Что, Микешка? – спросил его Сапогов.

– Хлеб! – ответил парень и показал краюху.

Микеха кивнул на дымившуюся трубу пекарни. Вырос он сиротой в городе, попал в батраки, ел всегда черный хлеб, а нынче ему дали свежий каравай и не попрекнули. Работал он в артели с Никитой, с Очкастым, Терешкой, Котяем Овчинниковым и сектантом Кораблевым. Отчисления обществу шли с каждого. Ни думал, ни гадал парень получить даром хлеб.

Микеха пришел в шахту, отломил кусок и дал Кораблеву. Сектант варил себе пищу отдельно от артели и ел отдельно.

– В рот не возьму хлеба этого! – сказал ему Кораблев.

Все покосились на изувера. Работник он был хороший, но его не любили.

– В блюде сын его живет... Блудный хлеб! – пояснил Кораблев. – Блуд!

– Егор сказал, чтобы приехали с мешком на артель.

«Они это затеяли не зря!» – подумал Никита.

С мешком хлеба на плече шагал Федосеич.

– Пойду Азию к хлебу на дрожжах приучать! – весело кивнул он артельщикам и зашагал медвежьими лапами старого моряка, временами прыгая с рытвины на рытвину.

– Выпить бы достать! – сказал ему Очкастый, стоя с лопатой.

– Это завсегда можно... Не вредит...

– Я, может, достану банчок спирту и приду.

– Приходи.

– У меня за тебя болит душа! Что же Егор тебя не берет в свою артель?

– Он звал... Сегодня еще звал...

– А что же ты?

– Я не хочу сам. Там дочь меня укорять будет, пить не даст.

– Конечно, она гордость имеет. А это, что же, сама живет, а бросила отца китайцам! Выгнала она тебя! А Егор тоже хорош. А все говорят, что справедливый...

– Да он-то честный... Китайцы мне долю выделили. Они со мной чужие, мне с ними жить не обидно. «Че, мол, старик, твоя спи?» – спросят. А мне все равно... А Егор меня спросил бы: че, мол, ты опять спишь? Пьяный напился? Я бы обиделся. А китайцы – они сами опиум курят.

– А когда же свадьба? – спросил Советник. – Или не будет?

Федосеич мутно смотрел на него и не отвечал. Он икнул.

Очкастый улыбнулся.

– Ну, я пошел, – сказал он. – Никита ждет!

Солнце заглянуло под травянистый навес и жарило прямо в лицо Федосеичу. Мошка роилась, и матрос ворочался, то закрываясь во сне старой рубахой, то ее сбрасывая, когда припекало.

Катя приехала и живо взялась за ведра. Разбудила отца и болтала с ним. Она собрала отцовское старье и пошла стирать. Все высохло быстро. Катя чинила его рубаху и говорила, что сошьет новую. Она купила ему на пиджак и на рубаху.

Пришли китайцы, и один из них, огромного роста и носатый, сказал Кате:

– Шибко красива!

У Федосеича сосало под ложечкой. Он вспомнил, что Очкастый обещал принести банку спирта. Ему казалось, что он уж неделю не пил, хотелось выпить совсем немного, так себе, побаловаться.

Китайцы поели рис и лапшу и разошлись. Катя сказала отцу, что пришьет новые пуговицы на куртку.

– Ну, заходи! – сказал вдруг отец.

Катя оглянулась. Широко улыбаясь, с ней поздоровался Славный Дяденька.

На миг только пожалел Федосеич, что дочь опять увидит отца своего пьяным.

Старик быстро захмелел.

Толстячок с мягкими руками все улыбался Кате. Лицо его как мятая подушка, казалось дряблым, тяжелые щеки в угрях кажутся

дырявыми, как пемза. Когда он снимал очки, глаза оказывались мутными и колючими, немного навывкате, чего за очками не было заметно.

– Бывают разжалованные чиновники? – спросила Катя.

Толстяк затряс головой. Он поднял плечи и не знал, что ответить.

– Наверно, бывают!

– Купцы банкроты! – пробормотал Федосеич. – Офицеров разжалуют. Наверно, и у ярыг чин отбирают, если провинчатся.

Федосеич свалился и быстро уснул. Катя укутала его. Повесила куртку, наставила над постелью отца легкий бязевый полог, подоткнула края под кошму, на которой он лежал.

– Посиди! – попросил Толстяк. – Ты доставляешь мне наслаждение своим присутствием...

Катя знала, что Очкастый умный человек и хороший рассказчик. От него много нового она слыхала. Он всегда приветливый и веселый.

Катя присела и захихикала от удовольствия. Она никогда и слов таких не слыхала.

Очкастый погладил ее по руке.

– Катюша! Какое у тебя красивое имя! Екатерина! Императорское имя!

– Большое спасибо вам! Ну, мне пора...

– Я тебя провожу! Я бы отсыпал тебе золота! Много золота!

Они вышли из ограды, окружавшей фанзу. Отойдя подальше, он встал на тропе, не пуская Катю.

– Катя! – воскликнул он.

На миг в уме Кати мелькнуло какое-то смутное подозрение. Она насупилась.

– Я тебе давно хочу сказать: старики Кузнецовы не такие люди, как ты думаешь. Если бы я был молод, я бы тебя свез в город, и ты жила бы у меня как царица, ходила бы в бархате и ела на серебре.

На нее сильно пахнуло водкой. Запах этот не был отвратительным для нее. Было в нем даже что-то родное, свое, привычное. Ей стало жаль Советника, он показался ей слабым и хвастливым.

– Пустите-ка, я пойду! – сказала она.

– Ну, что ты надулась? У тебя ведь скоро свадьба? Так уж лучше до твоей свадьбы приди ко мне и уйдешь с приданым! Я же знаю, ты хочешь поклонения себе! Ты ветренная девчонка! Конечно, Василий –

сын президента! Сын! Но никто не узнает! Даже Камбала. А отец твой...

– Отец? – спросила она с удивлением.

Катя побежала.

Очкастый снял очки, громко хмыкнул, отхаркнул и закрыл лицо руками, потом он посмотрел ей вслед из-под ладони.

– Ну, что ты к ней вяжешься? – раздался из палатки густой бас Дяди.

– А что тебе?

– Я тебя спрошу «что»!

– С тех пор как ты перестал управлять прииском, ты все забыл! Ты только хочешь вернуть свое богатство и мчаться в Иркутск. Ты забываешь, кем ты был.

– Девка просватана, куда ты лезешь! Василий ее любит! А кто ты ей?

– Мне хочется сказать: «Президент! Ты умный. Так я твою невестку купил! Кто устоит в мире против золота?»

– Кому ты это говоришь?

Дядя был управителем частных приисков купца Фейгина на Лене и проворовался. Теперь он ждал из Иркутска своих друзей. Они должны были привезти игральные карты, лекарства и врачебные инструменты.

– Ты спишь и видишь, как бы отомстить Фейгину, – сказал Советник, – и уже не помнишь, что был когда-то мужчиной.

– Идиот! – ответил Дядя. – Иди лучше к Анфиске. Там твое место. Она тебя выпотрошит...

– Ты еще не знаешь, где мое место! – сказал Толстяк с пьяной заносчивостью.

* * *

Катя вернулась домой. Егор спросил:

– Советник был у отца?

Катя взглянула испуганно.

Многие люди, проникавшие на прииск, не правились Егору. У них было право рубить лес и мыть пески. Не было причины гнать их

прочь, запретить им входить в общество. Он знал, что должен быть справедливым для всех. Он ждал, что вот-вот что-то может случиться. Но из городских многие были несчастны и сломлены жизнью. Егор пускал их, чтобы могли поправиться, опомниться и вернуться к привычной для них жизни с новыми силами.

ГЛАВА 11

Дуняша гнала лодку протоками, с силой толкаясь в илистое дно. Дочь охотника, выросшая на реке и в тайге, ходившая с отцом не раз на промысел, она не хуже любого мужика правила парусом и гребла. У нее глаз и чутье охотника. В лодке с собой бабьи наряды в сундучке, мешок из клеенки со всякой всячиной, корзина с едой, бутылка с медком и бочонок с квасом. Есть котелок и чайник, но всю дорогу Дуня ничего не варила и не ела горячего.

В Тамбовке заехала к матери, взяла Шарика – отцовскую охотничью собаку, оставила двоих младших ребятишек и вольной девкой почувствовала себя. Войдя в острова, она уверенно брела среди путаницы множества протоков. Кроме гольдов, редко кто мог тут разобраться. Дуня помнила, как еще девчонкой впервые попала сюда.

Найдя большую протоку, о которой рассказывал ей Илья, она достигла озера. Перегнала плот с двумя гребями из бревен, которые ворочали две семейские бабенки в кичках. Рулил старик. Везли стог сена и двух лошадей. Посреди озера торговый баркас стоял на якоре. Знакомый кривоногий приказчик с большими ушами смотрел на одинокую женщину в лодке. Солнце клонилось и просвечивало его большие уши, они были как красные лопухи или осенние березовые листья. Встретилась лодка с тремя личностями, которые что-то прокричали.

Чувствуя, что прииск недалеко, Дуня остановилась на мысу, умылась, причесалась, достала чистый платок и белую кофточку и поела вишни, открыв калифорнийскую банку своим охотничьим ножом.

За мысом виднелась крыша какого-то строения. Пришел человек с усами и чубом, торчавшим из-под шляпы.

– К отцу или к мужу? – спросил он.

– К мужу! – ответила польщенная Дуня.

– До чего женское сословие нынче становится отчаянное! – удивился Гаврюшка, заметив в лодке двуствольное ружье.

– Много проезжает женщин?

– И с мужьями и одни едут к мужьям. Как способится в хозяйстве – так и едет мыть.

Шарик зарычал, как только чужой человек приблизился к лодке. Дуня встала и выбросила наполовину недоеденную банку дорогого компота в воду. Доедать при чужом неприятно, приглашать его к еде – неприлично.

– Собака хорошая! – сказал Гаврюшка, настороженно оглядываясь, не скрывается ли где-нибудь в траве еще кто-то, кому принадлежит и это ружье, и все умело сложенное охотничье снаряжение.

– Как же, это дворняга! Лучшая порода! И тятя мой здесь же на прииске, – сказала Дуня. – А муж-то Бормотов Илья.

– Вы простите нас, пожалуйста. Мы тут при въезде... Да разрешите, я сам вас подыму до прииска.

– Да что вам беспокоиться! Я выгребу сама!

– Да я дорогу знаю короткую!

Гаврюшка уже слышал про Илью, что он – зять знаменитого «Лосиной смерти».

– Утку охота бы подбить, – сказала она.

Дуня перебралась на нос и взяла ружье.

Гаврюшка сел на корму и взял шест. Тупоносый Шарик, смесь гольдской лайки с умной крестьянской дворнягой, залег на дне лодки между ним и хозяйкой. Иногда он открывал глаза и настороженно поглядывал на Гаврюшку хитрыми собачьими глазами.

– Ваши-то тихие старатели! Их и не слышно. Все сидят под землей и стараются. А есть буйные.

Гаврюшка, не щадя сил, показывал шестом чудеса, как фокусник, то падая, казалось, с ним вместе в сильном рывке, то толкаясь чуть заметно, как бы шутя, а лодка в это время неслась.

На исходе дня он вошел в какую-то таинственную протоку. Шли под сенью ветвей.

Шарик встал на передние лапы и зевнул.

– Ну? – спросил Гаврюшка.

Шарик затыкал на него, но тут же стал обивать лапами глаза от накинувшейся мошки.

– Вы чуть не опоздали, – сказал Гаврюшка. – Вода уже стала грязной. Скоро начнется наводнение и так понесет, что сюда не попадешь.

Протока расступилась, и открылся прииск. Дуне показалось, что на обоих берегах стоят деревни.

Какой-то человек в проходившей лодке скинул с себя сапоги и рубахи и кинулся в реку. Около Дуниной руки, державшей весло, вынырнула под бортом голова.

– Нырятьщик! Испугал меня... Лезь живей! Остудишься в такой воде!

Остальные люди в лодке, незнакомые, непохожие друг на друга, чужие и неприятные Дуне.

Разливая лужи воды, Илья ловко перекинулся через борт. Шарик заскулил и завилал, уступая место, потом фыркнул несколько раз.

– Я ждал тебя! – сказал Илья.

– Ах ты боже мой!

С лодки ему перекинули сапоги и одежду. Он взял шест из рук Гаврюшки, тот простился и перескочил в чужую лодку.

Дуня с любопытством поглядывала на промывочные устройства. Мимо плыли срубы шахт, ворота, колодцы и входы в штольни. Миновали несколько новеньких изб.

– А кто же еще из твоих дружков здесь?

– А ты зна-аешь, Васька женился! – воскликнул Илья.

– Как? – испуганно спросила Дуня.

– Живет с женой... Потеха! Не венчан... И хоть бы што!

– Какая же это потеха! Что же Егор смотрит? – пылко ответила Дуня.

– А кто с ним сладит! Он еще тот год с ней водился, я думал, просто так... Ждут попа.

– Тот год! – печально молвила Дуня и задумалась.

– Девчонка еще на вид, маленькая, а верткая...

«Как же так можно? Жить без венца? – подумала Дуня. – Разве можно нарушать закон? Разве так просто? Так каждый захочет...»

Она смутно чувствовала и свою вину во всем этом.

«Что за девчонка? «Верткая»...»

– Вот и приехали! Тут и отец! Все теперь вместе. А мыли порознь.

– Ты че невеселая? – спросил дочь Спирька. – Меня тут, знаешь, все упрекают, что я достиг славы, а что толку, мол, если миллион пролетел мимо.

Илья ухмыльнулся, лежа на брюхе и с силой, как в кузнице из мехов, раздувая костер, так что пламя рванулось из него языками.

– А мне не надо миллиона! Ты че прокисла? Радуйся...

– Я грохоток новый привезла!

Утром Дуня положила грохоток на бутарку и сама стала мыть, стоя в ледяной воде в охотничьих сапогах. Руки стыли. К вечеру вода стала теплей, а через день еще теплей. Бутарку приходилось отодвигать, вся масса старателей поползла вверх по берегу со множеством своих инструментов. Многие в эти дни приходили смотреть, как моет жена Ильи. Что Авдотья знала дело, сразу было заметно.

По Силинскому берегу шли Катя с Васей. Катерина ступала осторожно и плавно, словно танцуя.

Василий кивнул Дуняше. Катя вежливо поклонилась. Илья остановил их и разговорился. Дуня взошла на пески и протянула Кате руку по-городскому. Катя слегка коснулась пальцами и потрясла ее ладонь.

«Какая она красивая!» – с завистью подумала Катя.

В ночь нашла большая вода. Затопило штольни. В шахтах еще вчера не успевали откачивать воду.

– Поехали к Егору! – сказал Спирька.

Все погрузили в лодку и переехали на Кузнецовскую сторону. У Егора был затоплен разрез, и он с семьей перебрался в свою новую избу на холме подле амбара, пекарни и конторы. Федосеич и Сашка переселились сюда же на время наводнения. В этой же избе поселился и Спирька.

Васькин шалаш, где он жил с женой, стоял высоко на отроге горы, и молодые каждый вечер уходили туда. Илья и Дуня расчистили себе место и поставили палатку.

Многие старатели уезжали с прииска. Рьяные золотишники подымались по ключам в горы, искали новые места.

Вода начала сносить шалаши, срывала крыши из корья с новеньких затопленных изб. Течение грозно шумело в затопленном лесу, как тайфун. Над горами шли тучи.

А на холме, среди вырубленного леса, недоступные бурной горной воде, стояли бревенчатые строения, и казалось, что здесь

светлей, что вот-вот проступит солнце. К крыльцу пекарни теперь подъезжали со всех приисков на лодках.

Река понесла массу плавникового леса, валеги, коряги, выворачивала с корнями и вымывала кустарник, временами по ней неся сплошной слой игл с массой ветвей и сбитых листьев.

Васька приехал на лодке с охоты и сказал отцу, что в него стреляли. Пуля пролетела мимо.

– Кто? – вскочил Сашка.

Казалось, он ждал чего-то подобного.

– Завтра река начнет падать, – сказал Егор. – Я поеду вверх, погляжу, что там...

– Теперь везде на сотню верст стоят балаганы и прииски, – говорил Вася. – Скоро все начнут возвращаться, если вода спадет. А заметно, там сильный пожар был. Лес кругом выгорел.

Вечером у Егора собралось много народу. Федор Барабанов еще до наводнения привез ящики со стеклом. Теперь стекло вставлено в окошечках «резиденции».

Алексей Корягин, по прозвищу «Студент», был сегодня в ударе. Его темная шапка красивых взбитых волос, казалось, стала еще выше.

– Надо свергнуть царя, отдать землю народу, – воодушевленно говорил он.

Егор сел с ним рядом.

– Возможно такое устройство жизни, когда все на земле будет принадлежать народу?..

– Это известно! – сказал Егор.

– Откуда же это известно? Нет, это известно лишь приблизительно. Может быть, угадываешь? Твой прииск – это как раз что-то смахивающее на будущее устройство общества.

Он стал объяснять, что великие люди в разных странах искали, думали, какое должно быть устройство жизни.

– Артельное, – сказал Егор. – И отдельное. И так и этак.

– Да! Но твой прииск, даже с оговорками, нельзя принять как форму социализма. Здесь являются силы, которые могут развиваться лишь при социалистическом устройстве общества. Это лишь стремление неосознанное, но замеченное в природе человека. А возможна такая же обработка земли, артелью, с применением машин...

Социализм не есть выдумка, изобретение, это исконная мечта человечества, теперь – наука.

Егор сам думал о чем-то подобном не раз. Ясно было, что артелью легче все делать. Семья тоже артель. Каждый хочет, чтобы семья была большая. Несколько семей – это уже настоящая артель. Разве мы не артелью подняли целину? Поставили церковь. Но и без артели надо побыть одному, подумать.

– Студент, где ты учился? – спрашивал Барабанов.

– В Петербурге.

– Зачем попал сюда? – спросил Сашка.

– Сам. Решил поехать на прииски и намыть себе золота, чтобы еще учиться.

– Книг много читал? – спросил Камбала.

– Здесь нет. Здесь мне народ вместо книги. Я часто замечаю, что люди своим умом доходят до того же, до чего и великие ученые.

– Ты бунтовал? – спрашивал Сашка.

– Нет. Я учился и никогда не бунтовал. Вы меня взбунтовали... Я только вспомнил, что читал. Теперь я буду сам социалистом.

– Если нас разгонят, то тебе мало не будет!

– Ты у нас царев послушник, – сказал Спиридон.

Все засмеялись.

– У нас все можно говорить. Мы царя любим, молимся за него, поэтому тебя слушать не боимся, – сказал Силин. – Давай еще рассказывай! О великих людях!

– А как у тебя Павка? – спросила подружку Таня.

– Хороший! Васька вылитый! – Она прильнула к Тане.

– А я плясать скоро не буду, – сказала Таня.

– Тогда сиди и не шевели себя.

Студент продолжал говорить о французской революции.

– Че ты говоришь? – сказал ему Камбала. – Ты сам работать не умеешь, спину гнешь худо, а учишь! Поехал бы работать как кули?

– Он новое людям говорит! – заступился Сплин.

– Че новое? Это еще до рождения Христова у нас было общество и артель. Общая земля. Отобрали все у богатых! И сейчас так делают... А че он? Не знает ничего!

Сашка плюнул и ушел. Женщины, сидевшие в углу тихой кучкой, чуть слышно запели грустную песню.

Василий услышал еще слабый, но уже выводивший всех в силу знакомый голос.

Федосеич достал бутылку водки и пригубил.

– Красивый ты, Васька! – сказал он вдруг. – Надо бы тебя во флот. Таких берут. Шкипер на корабль возьмет в любое государство... Таких белых, русых, здоровых любят на кораблях. Флот плавает по всему свету, и везде видят, какой у них в государстве красивый народ. Вот, мол, у нас! А придешь к ним в порт, там крючки, мелкота, черные как вороны, каркают по-всякому, менялы зазывают кто куда может, людей сманивают с конвертов на пароходы. Или бывают черны волосом, тоже красивые, с таким отливом. Это итальянцы. А потом все смешается, и не знаешь, кого били и кто тебя, все государства.

– Зачем дерутся?

– Да все из-за того же!

Дуня вышла из угла и приподняла над шалью плечи в сборчатой кофте.

– Круши! – сказал Спирька, только что испытывший вкус матросовой бутылки.

Хор грянул плясовую, Тимоха защелкал ложками и прошелся, раздвигая круг.

– Помнишь, как Ванька Бердышов, тварь, тигр, все тебя выбирал? «Эх, Дуня, ягода моя, пошто любишь ты Ивана?» Под эту же песню.

– Эх, я за то люблю Ивана, голова его кудрява, – грянул хор.

Тимоха бил дробь, как бывалый лошкарь, и слегка пританцовывал. Дуня поплыла.

– Эх, я за то люблю Ивана, голова его кудрява! – повторила она.

– Гуляй, пока потоп! Вода спадет, кроме работы, ничего не увидим! – кричал Тимоха.

– Эх, я за то люблю Ивана, голова его кудрява! – словно молотами бил хор в перебой голосов.

– О-го-го-го-го-го-го! – басили мужики.

– Ух-хо-хо-хо-хо-хо... – подхватывали парни.

– И-ии-их! – взвизгнула Ксенька.

– Эх, Дуня, ягода моя, за что ты любишь Ивана... – повторял хор.

– А я за то люблю Ивана, голова его кудрява... – в голос разухабисто орали молодые бабы.

Студент вспомнил, как он говорил сегодня с Дуней о будущей свободе и равноправии женщин. Сейчас он чувствовал себя слабым среди этого вдруг забушевавшего моря человеческой страсти.

И это были те же люди, которых он часто видел, они рыли и рыли свою мокрую землю.

«Они готовы... Готов ли я? Не прав ли Камбала? Может быть, они все больше меня знают?» – что-то кольнуло его неприятно. Дверь распахнулась, и вдруг грянула гармонь во всю растяжку. С копной кудрявых волос сияющий спиртонос – Андрюшка Городилов. Сейчас даже Егор почувствовал себя на миг побежденным. «Без спиртоносов и спирта ни один прииск еще не жил!» Он уже это знал. Сейчас не гнать же его...

Андрею уступили место, подали табурет. От нечего делать на досуге, Ломов изладил мебель президенту.

Дуня низко поклонилась и выбрала Василия. Он ударил себя по сапогам и прошелся по избе. Дуня поплыла, как по воздуху. Она посмотрела на Ваську через плечо, и улыбнулась ему застенчиво, и выгнула плечо, и чуть заметно из-за другого плеча кинула лукавый взор сидевшему рядом с гармонистом Илье, а потом зажмурилась от восторга и скрытой нерастроченной силы.

Кто-то говорил Егору в ухо:

– Нация твоя разбежалась, Егор Кондратьевич! Курские сбежали. Сапогов уперся. Вся артель Никиты уехала отдыхать к нему на Утес. Народу стало меньше.

– Хлеба меньше идет! – сказал другой голос.

– Да, намыли, и хватит! Я тоже завтра помчусь с большой водой. А то далеко ли до греха!

Катька затянула концы платочка. Ее вывел Налим, И она скромно поклонилась.

– Ну, чертова кукла! – сказал ей Налим.

– А ну, покажи им зубки, сельдяная акула! – сказал отец.

Налим, заломив голову и подпирая ладонью затылок, заходил в присядке.

– Дай-ка мне гармонь, – обратился Федосеич к Андрюшке. – А ну, Катька, как отец учил, давай по-морскому. Налим, не мешай ей, она без тебя лучше спляшет. Не ты тут...

Катька легко запрыгала, разводя руками, и сначала слегка пробарабанила каблуками по всей комнате, а после забила в пол так, словно на ней были не легкие башмачки, а матросские сапоги. Она плясала, как мальчишка, все быстрее и быстрее и, не прекращая танца, успевала побывать во всех концах комнаты, словно работала, как паровая машина.

Сильно выпивший Налим и стеснявшийся Васька отступились. Теперь плясали лишь Катерина и Авдотья. То наплывая, то отступая по очереди, они, казалось, желали озадачить друг друга, отбивая ногами, как по телеграфу, вопросы и ответы.

То спокойно и плавно, то бурно, словно кидались они к новому оружию, потом разбегались порознь и забывали друг о друге. Дуня плыла по кругу, глядя на Ваську из-за плеча. «Мне все обидно, я не знаю почему... – как будто говорила она. – Но ты меня уж больше никогда не увидишь, далекий дружок, моя придуманная утеха... Но я пережила с тех пор много, перешла горы, хотя никто и не видел... Я уж не прежняя девчонка-плясунья!»

«А я жить хочу! – как огонь в костре билась Катерина. – Мне силу некуда девать, смотрите, какой я заморыш – сельдяной акуленок!.. Я забью тебя... Куда тебе, рожавшей бабе, тягаться!»

«Да, я нарожала детей, род целый от меня, и я еще смогу не хуже тебя!» – отвечала Дуня и выбила дробь не хуже Катьки.

– Давай, давай! – сказала ей Катя холодно, словно вызывала ее на неравный бой.

«Нет, меня еще никто не наказывал!» – отвечала Дуня. И руки и глаза ее опять плели сети и заманивали кого-то. Катька разозлилась. И ей хотелось играть, дразнить и заманивать. Эта красавица была опытней ее, коварней.

– Это я учил! – сказал матрос. – Видишь, у вас так не пляшут. А ты, цыган, чего сидишь? Иди спляши.

– Я цыган, дорогой, а плясать не умею. Всю жизнь в деле, господа, и некогда мне плясать. Молодой был не плясал...

– Катька, давай еще... Андрюха, на, возьми гармонь, бери с рук, пущай они хлещутся не переставая.

И, не прерывая музыки, Андрей перехватил плясовые стоны с рук матроса. Гармонь заходила бойчей.

– Ог-о! – воскликнула Катька, и еще быстрее заходили ее руки и ноги, успевая отбить такт.

– Дава-ай! Покажи имя всем! Всей империи Российской! А я тоже плясать любил, – рассказывал уставший матрос. – А еще драться. Мы всегда старались с англичанами. Куда ни приди – они. Гонконг, Шанхай – они. В Индию нас не посылали из-за них. Они Индию берегут, не любят, если мы туда заходим. Суэц – их же! Капский мыс – везде! Другие не так дерутся, как они. Но их все же трудно раззадорить.

– А вот, говорят, у них бокс?

– Да, это появилось.

– Раскручивают кулаки?

– Нет, бьют с поворотом.

– И получается?

– Как же... Как пятак или свинчатка в руке. Он бьет и телом поворачивается. Ловко попадет, и уляжешься... Другой даст руку и подымет. Смотря какой характер... С ними надо быстро бить, пока он еще не опомнился.

Как дашь ему хорошую оплеуху со звоном, ну, паря, он вспыхнет, обозлится. Тогда пойдет. С ними-то всегда драться интересно. Придем в порт, если их суда стоят – хорошо. Ага, ребята, драка будет. При встрече стоим в почетном карауле, лицом к лицу. Они еще не поймут, чо мы такое... Катька, давай! Хлещи!..

– А че хорошего, – сказал Спирька, – моя же родная дочь опять загубит кого-нибудь.

– Разве она загубила? – спросил Егор.

– Только ты, может, еще не догадался, – ответил Спиридон Шишкин. – Кого загубит, кому жизнь произведет...

– А ну еще чуть-чуть побыстрее! – ласково сказала Дуняша, подбежав к Андрею.

Пьяные зрители начинали уставать.

– Ты играй, – сказал Федосеич гармонисту, – а я лягу под скамейку. Устанешь – разбуди, как на собачью вахту. Меня в сон клонит. Я до сих пор засыпаю не вовремя и все просыпаюсь. Жизнь моя разделена на вахты!

Он залез под лавку и захрапел.

– Гляди, ну, гляди, че они вытворяют... Вода бы не поднялась опять! – удивлялся Силин.

– Доказывают друг дружке! – сказала толстая баба с родимым пятном и ушла.

– Че-то, видать, не поделили!

– Чо нам делить! – воскликнула Катя и развела рукой широко, как пьяный мужик, и обхватила Дуняшу на лету и поцеловала ее. – Вот как любим друг друга!

И, разводя руками свои широкие платки, с открытыми волосами, в широких больших развевающихся юбках, они покружились вокруг друг друга, как две огромные яркие бабочки.

Федосеич, видно, подремал и вылез из-под лавки. Андрюшка играл с закрытыми глазами.

– Ты ужо спишь... Давай еще я, – сказал матрос.

Васька откуда-то вернулся, вбежал в дверь и кинулся в пляс... Илья соскочил и пошел ползунком.

– Хватит, бабы! Дайте нам!

– Пошел ты! – сказала Катя.

– Иди, иди! Сдохнете! Все равно не победите.

– Да, нашла коса на камень...

Дуня кинулась к Илье, Катя – к Василию. Ее разбирала досада. Она очень давно ждала Дуню и хотела видеть, что же в ней может всем нравиться. Васька ей показался сегодня растерянным. Он выбежал, выпивал или сидел, как филин, и хлопал ушами, когда эта красотка разговаривала с ним глазами и ногами.

– Без сердца она с тобой! Играла с дураком!

«Разве этого стоит Васька?» – думала она.

Катя и Василий вышли из дому. Шумел ветер, и шумела река.

Катерина отошла немного, разбежалась и, размахнувшись, ударила Ваську изо всех сил по уху.

– Ты что? – удивился он.

Она ударила его с другой стороны.

– Я тебе как дам сейчас еще раз...

– Врешь ты, Ксенька, что они в грехе живут, быть не может, – говорили утром бабы у пекарни, – она его вчера так хлестала! Видно, уж давно обвенчаны, не год и не два.

– Мало еще ему! – сказала Татьяна.

«Будет знать, как баловаться!» – подумал Егор.

– Тятенька, что к завтраку велите приготовить? – подбежала Катюша. – А как работу, будем ли седне начинать? Забой-то сохнет.

* * *

За сопкой из ущелья, как из трубы, несся дым на утихшую реку сплошными клубами. Солнца не было видно, только огненное пятнышко в небе, как пяточок.

Егор, Гуран и Сашка отправились в поход по приискам своей республики. По слухам, почти по всей реке теперь стояли шалаши и палатки.

Вода спа?ла, и целые деревья висели высоко в ветвях тайги. Там же остались коряги, рассохи. Весь лес в полосах пены. А на возвышенностях опять обгорелая сопка, болота, белый багульник, пойменный лес в свежей зелени, но среди разграбленной, разбитой наводнением природы вид его печальный. А на сухой высокой сопке опять все горит. У высокого тополя белеет балаган.

– Егору Кондратьевичу! Почтение! – старатели в шляпах и платках и в длинных рубахах оставляли лотки.

– Кто же лес зажег?

– Не мы. Христом-богом, не мы...

Чем выше поднимались по реке, тем меньше было старателей. Начались почти безлюдные места. Весь лес переломан наводнением, а пески чисты, все промыто – и леса и острова. Трава, как скошенная, огромными сплошными копнами на целые версты лежит на островах.

А в горах бушует пожар, и никто нигде не признавался и не мог объяснить, отчего горит лес. Кто-то же поджег его?

Наутро Егор, Гуран и Сашка опять взмахивали шестами и забирались все выше, все ближе к снегам. Воздух стал чище, а солнце все еще без лучей, словно блин или крышка от медной кастрюли катится по сопкам.

Ломило ноги и руки.

«Будет дождь!» – подумал Егор.

Ночью началась гроза. Ночевали у страшных чудовищ на берегу, и молния озаряла их белые голые тела.

Утром небо очистилось и пожары утикли. Прошли самый большой кривун, перетасили лодку через завалы, видели лед на берегу, голубые и зеленые козырьки – остатки наледей. Целые уступы волнистого льда виднелись в ущелье.

– Ложись! – крикнул Егор.

– О-е-ха! – воскликнул Сашка и припал ничком.

Лодку стало сносить.

– Кто?

– Человек целился, – сказал Егор.

Подняли головы, загнали лодку в залив, взяли оружие и вышли на берег.

– Меня тут стреляют уже не в первый раз...

* * *

Когда Егор вернулся, собрав десятину с дальних приисков, дела как посыпались на него.

– Надо запрет на вход на прииск для каторжных! – говорил Силин.

Пришел китаец, помогавший Ксеньке в пекарне.

– Моя раньше работай на пароходе! – сказал он Егору. – На тот год моя хочу открыть ресторан. Можно японский ресторан. Привезу японская мадама.

– Что такое ресторан? – спросил Силин.

– Харчевка! – объяснил Камбала.

– Андрюшка опять спиртом торгует, – доложил Гаврюшка.

– Пусть живет, – сказал Силин.

– Че пусть живет? – рассердился Сашка. – Я бы его выгнал.

– Видишь, как он весело играет.

– Мало ли кто играет...

– Еще приехал японец, – сказал Гаврюшка, – у него русских денег нет. Есть иностранное серебро... Как ценить, какой курс? Черт знает! Он привез японские шелка. Хочет открыть магазин. Пускать ли его? Такие шелка, такой красоты, что все сойдут с ума!

Очкастый приехал за хлебом, а потом зашел в контору. Егор сидел там в одиночестве и шил сапоги.

– Я скажу, что я очень рад, что вас выбрали президентом! Егор Кондратьевич! Выбрали лучшего! Конечно, правда! Но, Егор Кондратьевич, постройка пекарни – умное дело, иначе что бы люди делали в такое бедствие! Но что-то я еще хочу вам сказать.

Егор любил шить сапоги, умел шить и любил слушать кого-нибудь в это время.

– Президент должен быть на высоте человеческого понимания. Но есть люди, которые не понимают вашего благородства. И это несправедливо.

– А ты хлеб взял?

– Да... Но у меня к вам есть вопрос. Народ встревожен.

– Чем?

– Люди говорят, что ваша Катя была замужем до брака с Василием.

– Нет, не была – ответил Егор.

– Вы, Егор Кондратьевич, очень смело поступаете. Как можно? Молодые у вас все лето живут невенчаны, и разговоры об этом идут по всем приискам. Все говорят, что свадьбу вы не хотите справлять, не верите в бога, упрекают вас в безнравственности и в богохульстве.

– В Сибири есть места, – ответил Егор, – где живут невенчаны по два-три года. Потом приедет поп и сразу совершит все обряды.

– Другое дело... – Очкастый при каждой фразе клонил голову к плечу.

– Бывает, поп болен, то пьет, то торгует, то сам у богатых, уедет верст за шестьсот и гуляет по неделям...

– То в Сибири!

– И у нас бывало на Каме.

– Но я вам скажу, ваше степенство, что ее отец пил... А вам нужно здоровое потомство. Я вам желаю добра. И, бог знает, здорова ли она сама, такая чахлая! И еще... Народ очень возмущается. Ее отец продал свой участок. А это несправедливо.

– Я с него взыскать не могу, – ответил Егор.

– А есть закон у нас же! Вы сами установили... Участки не продавать.

– Да, есть закон. Но наказывать его не буду!

– Почему? Видишь, как ты выгораживаешь своих! Так они и обманывают вас, ваше степенство. А вы своим спускаете...

– Как же у дегтя стоять, да в дегте не вымазаться? – шутливо отвечал Егор и воткнул шило в кожу.

Толстяка ждал старовер-лодочник. Мешок с хлебом положили на возвышение, на досках посреди лодки и закрыли ватными куртками.

– С сыном Егора невенчанная живет, – сказал толстяк, когда веслами заработали.

– Какая женщина?

– Катька!

– Да она жена.

– Невенчана...

– Пусть живут.

– Это безнравственно. Грех. Если бы он не был президентом, не стоял бы во главе у нас, тогда можно бы не обращать внимания. Он и десятину себе берет, а делится, говорят, со своими.

... Таня и Катерина укладывали рубашки Егора и белье. Сашка вычистил ему ружье. Василий наточил кинжал.

– Куда ты собрался, Копдратич? – спросил Ломов.

– Вода установилась. Все обратно приходят. Теперь я домой съезжу.

– А кто за тебя?

– Сашка и Силин. Они будут править вами всю осень.

Егор долго думал, брать ли Василия. Он замечал, что и Кате хотелось бы ехать. Но ведь надо их там сразу венчать... И с Натальей еще надо все уладить.

«Налетать прямо с хода, с лодки на тройки и в церковь по новой дороге?»

На прииске теперь все в порядке, и все будет хорошо, если кто-нибудь не выдаст. Конечно, пуля всегда может каждому прилететь. Но здесь сами все с ружьями и с характером.

Жаль было оставлять Василия. Но и дела без него нельзя оставить. Только пока Василий тут, Егор мог надеяться на Сашку и Тимоху. Они берегут его, и он помогает им. Егор чувствовал, что надо ехать домой.

«Сердце вещун!» – полагал он.

Приехал Никита.

– Да ты что? Куда это? – спросил Жеребцов.

– И я не железный! – отвечал Егор. – Домой поеду.

– Послушай, Егор Кондратьевич, – сказал Ломов, – мы же тебя выбрали, а ты уезжаешь.

– Да я что вам, нанялся? – рассердился Егор. – Вы на самом деле решили, что я городской голова или американский президент, нет, тут не республика...

– Егор, постой... Ну, дай, Никита, ему стихнуть! – сказал Силин.

– У меня же дом, пашня. Да и семья. К попу надо.

– Да мы же тебя выбирали...

– Я вам говорил, что не согласен. Я не казачий атаман!

– Просим! Не уходи! Порядка не будет... – сказал Никита.

– Будет и порядок. Остается Силин.

– Правильно, правильно! – сказал Камбала. – Поезжай домой.

Долго на прииске никогда не живи.

– Что же, я своих детей подведу!

– А как на тот год? – спросил Ломов.

– Да я еще, может, в этом году вернусь.

– Кто участки будет распределять? Люди ушли, места бросили.

– Участки за ними. На тот год к петрову дню не придут – забирайте...

– Мне, по моему характеру, трудно союзников найти! – сказал Никита. – Но я еще, Егор, с тобой поборолся бы...

На рассвете Сашка с Силиным провожали Егора до Гаврюшкиного караула.

На посту и Гаврюшка сел в лодку.

– Почему такое беспокойство? – спрашивал Егор.

Но ему никто не отвечал.

– Слава богу, вывезли тебя! – сказал Гаврюшка, когда виден стал Утес.

– Мотай дальше один! – сказал Силин.

– Иди! – сказал Сашка. – За Васю, Таню и Катю не бойся. Они работают и лучше без тебя намоют. Вернемся вместе. А ты ходи. Твоя не надо здесь зря быть.

Опять потянулись острова и берега, недавно вышедшие из-под воды с длинными рядами трав, поваленных буйными волнами в прибыль и непогоду.

На Утесе Егор узнал, что парохода на подходе нет и еще долго не будет. Егор пошел на телеграфный станок. Телеграфист сказал, что

раньше чем через месяц пароход не придет.

– Добирайся сам!

Долго плыл Кузнецов вверх по течению. Он шел протоками, стараясь сократить расстояние.

Попалось чье-то зимовье. Оно стояло на возвышенности среди дубового и липового леса. Давно Егор не видал липы и дуба. Приготовил на всякий случай ружье, зная, что может встретиться незнакомый, чужой человек.

Из зимовья выбежал человек и что-то кричал. Егор узнал сына Родиона Шишкина.

– Это наше охотничье зимовье, – рассказывал Митька, – нынче год холодный, все ветер и ветер. Я вас сразу узнал! Фигура ваша очень заметная. А как отец, моет?

– Моет.

– А я не могу... Не люблю этого дела.

Митька шел на зверя и не хотел возвращаться.

«Хорошие тут люди!» – подумал Егор. Он вытопил печь и нарубил дров, чтобы оставить их взамен сгоревших. Он уснул сладко и спокойно, как давно не спал.

Утром еще раз обошел зимовье, постоял под липами, посмотрел, вспомнил молодые годы, проведенные в бедности там, где хорошие липовые леса. А счастья там не было, и поэтому не жалко было старых мест и старой жизни. А липа была там красивая. И лыко было.

К ночи Егор добрался до Тамбовки и остановился в избе Родиона. А еще через четыре дня, не встретив по дороге ни одного парохода, намокший и промерзший, он вышел на родной берег напротив своей пашни и дома.

– Ветер встречный измучил совсем, – сказал он жене, входя с мешком в избу. В избе пусто. Никого нет, кроме жены. И она какая-то расстроенная.

– Васька женился!

– Боже ты мой! – всплеснула руками Наталья. – Да что это они, взбесились – все враз!

Егор не сказал, что живут молодые невенчаны.

– Говорят, в этом месяце не было парохода! А кто еще?

– И не говори! Петрован задумал жениться. Поехал седне к невесте. На Ольге – дочери телеграфиста. Ни че она! А Настя! Настя-

то... – Наталья вдруг горько заревела и долго не могла прийти в себя, – замуж за «пароходного помощника». Помнишь, с дикими глазами, чубатый гуран бегал на «Ермаке»? Ты вот раз приехал, он на тебя дорожкой все паялился. Вот он до помощника капитана дослужился. Призналась, к нему тогда верхом ездила.

– Надо всех сразу отделять! – решительно сказал Егор, грузно садясь и чувствуя, что нет отдыха.

– Дедушка вон идет. Недоволен, боится, что внуки из крестьянства выйдут...

– А ты знаешь, у нас рыжего попа под духовный суд отдали. Алешка Айдамбо написал на него донос, что берет взятки и вымогает у гольдов меха. И так, говорят, грамотно все расписал и форму знает, как составлять доносы, что нашего рыжака отставили и скоро выселят с семьей. Стан и приход перейдут Алешке. И школа.

Егор все эти долгие годы враждовал с рыжим попом. Поп брал много незаконных поборов. Но он охотник, рыбак, пахарь, мыл золото.

– А теперь кто будет? – спросил Егор.

– Айдамбо будет! Он шибко грамотный!

* * *

Егор поехал по всем делам в церковь. Отец Алексей стал объяснять ему:

– Я – русский! И ладно! А гольды? Кто их гольдами пазвал? Это все он! Что такое гольд? Это голь, беднота. Зачем он нас так звал? Наверху есть деревня. Савоська говорит, что он сказал Муравьеву: «Там Гольди», и не объяснил, что деревня. Нет, это поп стал всех звать «гольди».

«Вот человек как хорошо обучился грамоте!» – печально подумал Егор. Он возвращался верхом среди темневших вечерних полей. «Я теперь сам буду хозяин, – сказал ему на прощание Айдамбо. – И сам буду просвещать инородцев!»

Осенью Кузнецовы сыграли сразу две свадьбы. Самородки Егора ушли на гульбу и на обзаведение молодых. Для обоих строилось по дому, нанята была плотничья артель, для домов закуплено все лучшее и дорогое.

– Живите сами, с отца-матери больше не спрашивайте, – рыдая, говорила дочери Наталья.

Теперь уж знали в доме все, что придет Васька с Катей, их еще надо венчать.

С пароходом в Уральское прибыли полицейские. Молодой белокурый офицер, по виду немец, с тонкими выкрученными усами, пришел к Егору с двумя полицейскими.

«Вовремя и удачно!» – подумал Егор.

– Кто Кузнецов?

– Я.

– Где Барабанов?

– Нет.

– Где Силин?

– На огородах.

– Почему не дома?

– Он на речке.

– А Барабанов?

– Он торгующий. У них висит выбранный патент. Он за мылом уехал от общества.

– Где ты был все лето?

– Я работаю, – отвечал Егор.

– Тяжело?

– Всяко приходилось.

– Будет выставка сельскохозяйственных изделий края. Первая на Дальнем Востоке. От своего хозяйства ты назначен выставить сортовое зерно, которое посылал в город Хабаровку. Помнишь, Петр Кузьмич Барсуков брал у тебя образцы. Теперь запомни, что без спроса из деревни, дольше чем на неделю, не выезжать. Всем скажи. Новое приказание, чтобы народ зря не шлялся...

– Да что такое? – спросил дед.

– Есть подозрение, что где-то действуют тайные прииски!

Дед пошел во двор и разговорился там с полицейскими.

– Как же узнали, что где-то прииск?

– Таможня докладывает. Они там заметили, – ответил урядник. – Ввоз товару, видно, большой.

– А-а! – сообразил дед. – А этот год штормы на море и на Амуре.

– Контрабандой идет много, минуя таможню, – сказал урядник.

Егор проводил офицера и полицейских на судно. Он подумал, что мужики с прииска вовремя разбежались. Остались там староверы, китайцы и заядлые золотошники. Полицейские не узнают, от парохода они не отойдут. Егор почувствовал только сейчас, какое страшное преступление совершается по понятиям властей.

– А полицейские все новые! – заметила Наталья.

– Какой-то объезд, что такое? – отозвался дед. – Но уехали... В добрый час! Егор, ты не ходи больше. Хватит.

Хлеб был убран. Предстояла ловля рыбы. Ждали, что скоро должен явиться на своем пароходе скупщик с баржой. Идет зима, надо еще рубить дрова для пароходов.

Егор был здесь не президентом, а рядовым мужиком, виноватым кругом перед всеми. Но он уже втянулся в игру и не мог ее бросить. Слишком большое дело затеяно, и отступить поздно. Втянуты родные, дети. А началось все с пустяков, мыли когда-то дома, на огородах, тазами.

Катерина с Василием приехали с Сашкой и Ломовым на большой лодке с парусом. Бабка Дарья не могла нарадоваться на Катьку.

– Да и свадьбу не надо шибко справлять, – говорила она. – Поп обвенчает, и все. Погуляем своей деревней дня два. Никто и не узнает!

Федосеич остался с несколькими китайцами зимовать на приiske, караулить постройки от бродяг и склады от зверей. Говорил, что, когда все уйдут, он будет мыть потихоньку, если позволит погода.

– Полиция еще не рыщет?

– Никого не было, – отвечал Василий. – Становые должны чують. Только они не знают, где и сколько людей моет.

У Барабановых в магазине Катька на руках Дуняши увидела ее младшего сына Павку. Она не стала ничего покупать и ушла домой.

– Ах ты, зараза! Вот почему она тебе под гармонь плясала! А я, дура, думала, что она хочет меня переплясать! Думала, что я ее загнала... Едем отсюда! Ноги моей здесь больше не будет. А то перед свадьбой я тебя так разукрашу... Я не хочу, мне обидно, убить тебя могу из ружья. Васька, я хочу тебе сыновей нарожать, чтобы и от меня род шел не меньше, чем от нее...

ГЛАВА 12

В особняке жарко натоплено. После ванны Андрей Николаевич в ватном халате и в туфлях прошел небольшими шажками в спальню. Слуга помог ему надеть рубашку и лечь в постель. Губернатор попросил бьювар и очки. Он нацепил их золотые оглобельки к седым вискам и полулежа, медленно стал писать. С годами даже в ванне помнишь дела.

Барон Корф желал быстрее и свободного развития новых территорий, накопления капиталов, развития промыслов и промышленности. Он знал, каковы современные средства развития колонии, и старался привлечь на Дальний Восток отечественный капитал, не делая в то же время почти никаких затруднений иностранцам и ограничивая лишь американскую торговлю. Он впервые созвал Хабаровский съезд местных деятелей и подготавливал устройство сельскохозяйственной выставки. Открывал школы в городах, строил поселки. Но теперь следовало смотреть вперед. Пора, пора, полагал Андрей Николаевич, увеличивать штаты полиции, дать ей надежные средства передвижения.

Через Сибирь протянется железная дорога. По стране пройдет слух, что природа здесь богаче, чем в центральных европейских губерниях, и народ хлынет на вольные незапаханные земли. Что же будет, если поселенцы, вместо того чтобы жить в селах, разбредутся по тайге и каждый начнет заниматься чем ему захочется? Правительство пока что сознательно не желает заводить здесь большие разработки угля, железа, руд.

Подобные предприятия могли бы развиваться, по мнению государя и министра внутренних дел, лишь ставя себя в зависимость от иностранного рынка. Кроме того, нежелательно возникновение так называемого рабочего класса на окраине империи, находящейся на берегах отдаленного океана.

Андрей Николаевич составлял записку. Нужны новые должности и оклады. Это для полиции. Придется нанимать самоотверженных людей, удалых полицейских.

В край переселяются корейцы, они массами самовольно идут через границы, рассчитывая все на ту же вольную жизнь Дальнего

Востока.

Пароходы добровольного флота везут кругосветным путем все больше переселенцев с Украины в Южно-Уссурийский край. По всей границе процветает контрабандная торговля. Вывозится хищнически добытое золото в Китай и дальше идет в его южные порты.

В новый Приамурский край включена огромная территория, вроде Аляски, и территории бывшей Гудзонбайской компании, вместе взятых, да еще к ним присоединено нечто вроде Калифорнии в виде Уссурийского края. Население немногочисленное, но разбросанное, и нет никакого твердо установленного порядка.

Пока зима, пока чувствуешь себя здесь в особняке в Хабаровке, как на арктической зимовке, надо все подготовить, обо всем представить своевременно в Петербург. Зацветет липа, и завьется в тайге виноград, Арктика превратится на несколько месяцев в субтропики, тогда настанет время разъездов и деятельности, некогда будет заниматься бумагами.

Но и зимой нельзя сидеть сложа руки. Разъезды кое-где удобнее для полиции совершать по льду.

Барон сам выезжает иногда зимами. Он знает, что как военный человек не должен бояться суровости природы в крае, где возможны со временем военные действия в зимних условиях.

Утром генерал-губернатор вызвал к себе Барсукова.

Петр Кузьмич подъехал в кошевке, закрытый меховым одеялом. Дымились сугробы, словно кто-то взрывал их порохом при каждом ударе ветра. И дымились крыши низких домов, похожих на сугробы. Качались редкие деревья, оставшиеся от тайги. Петр Кузьмич думал, что в такую погоду никакой отряд невозможно отправлять.

– Помогите мне, Петр Кузьмич, – сказал генерал-губернатор. – Ввоз велик, импорт совершил скачок вверх, а обороты фирм и крупных и средних возрастают в значительно меньшей пропорции. Товары оседают в селах, минуя наши крупные торговые фирмы: Плюснина, Чурина, Кунста и Альберса. Куда, через кого идет все?

– Помимо рук торговых фирм и мелких торговцев ввоз не может совершаться, – ответил Барсуков. Он еще летом слышал, что ввоз в портах оживляется.

– Фирмы аккуратно предоставили ежегодные отчеты. Я их ждал все время и сам подробно ознакомился. Ответа в этих отчетах я не

нашел. Я собрал отчеты, но загадка не разрешилась. Кто-то действует без всякой аккуратности, минуя обычные каналы. Как вам кажется?

«Неужели новая Желтуга?» – подумал Барсуков. Это уже приходило ему в голову и прежде.

– Я постараюсь разобраться и все узнать, Андрей Николаевич.

– Хотя это и не ваша прямая обязанность, но вы наш лучший знаток края, – сухо улыбнулся Корф, и его жесткое лицо стало от этого неприятным – Мне сдается, что на этот раз все происходит не на Среднем Амуре, а в низовьях. Это ваши любимые места. Вы там отлично знаете людей. А где Бердышов?

– Он за границей, в Европе, Андрей Николаевич!

– Он деятелен и способен на операции, суть которых может ускользнуть... Кто у него управляющим?

– Его родственник Томоканов.

Петр Кузьмич сам заинтересовался тем, что происходило. Первый скачок обнаружился еще в позапрошлом году. Но прошлый год особенно! Произошел какой-то поразительный расцвет торговли в селах по низовьям реки.

Барсуков забрал все отчеты фирм. Это были скучные бумаги с обильными сведениями, составленные опытными людьми.

По сведениям, представленным таможенной, увеличилось количество задержанных на границе майм и лодок, идущих с товаром из Китая. Барсуков знал, что если задержанных стало больше, то прошло незадержанными еще большее количество. Губернатор Приморской области Унтербергер уверял, что зачинщиков дел, подобных желтугинскому, надо искать в городах. Он сказал, что, даже собираясь на «помочах», переселенцы обычно перессорятся и потом разойдутся в разные стороны и пишут доносы друг на друга и что они не способны к организации.

Домик у Петра Кузьмича поменьше и куда поскромней, чем у здешних генералов, но тоже тепло и «недурственно», как он выражается. Прошлой весной, в мае, посадил он облепиху в своем саду. Все тут растет великолепно!

Барсуков взял с собой со службы все бумаги и отчеты. Он знал, какой ввоз из Китая был в прошлое лето. Американцы, говорят, сидят нынче в Николаевске в пустой лавке. У купцов все раскуплено.

Барсуков вспомнил, как в свое время уральцы ссорились с ним, не хотели селиться на Додьге. А надо было селить их именно там! Приходилось оставлять равные расстояния между селениями. «Это теперь оправдало себя! При почтовой гоньбе. И при пароходном сообщении деревни снабжают дровами пароходы!» Принимались тогда в расчет и стратегические соображения. Мужики полагают, что у них свободная жизнь! А их равномерно распределили, растягивали по территории, не считаясь с их собственными удобствами.

«Но неужели они зарвались?» Кое в чем Барсуков сам давал мужикам поблажки. Но он не желал, чтобы они его подвели.

В свое время надеялся Петр Кузьмич, что они заживут на свободном новом месте тихой и согласной «расейской» общиной, честно и добросовестно увеличивая свой достаток. В свое время он даже старосты им не назначил, желая знать, как у них пойдет жизнь... «Неужели подвели? А с мелочей начали...» Он помнил, как они дома мыли золото.

Петр Кузьмич был вдвойне озабочен. Ему жаль было бы мужиков, если что-то откроется и их накажут. Но и порядки, как он полагал, нельзя уничтожать, основы расшатывать. И так не крепки. Да и заменить-то пока нечем.

Отчеты таможен были по-своему очень интересными.

Иностранные суда, приходившие с товарами, не желая уходить без груза, закупали в эти годы все, что можно, брали лес на Гавайи, рыбу для вывоза в Японию и в Китай. Петр Кузьмич чувствовал, что, видимо, откуда-то течет давно контрабандное, незаконно добытое золото. Но каким путем оно проходит, об этом он мог только догадываться. Быть не могло, чтобы такую массу товаров население сел смогло закупить лишь на средства от продажи муки, рыбы и мехов. Китайцы гнали целые баржи со своим товаром с реки Сунгари. Привозили растительное масло, крупы, муку, солонину, чесучу, дабу, даже английские изделия из Индии.

Весной, с уходом льдов, пришло обычное количество судов из-за границы, но вдруг появились новые шхуны, по большей части японские. Некоторые из них приходили по нескольку раз, чего прежде не замечалось никогда. Раньше японцы являлись лишь за кетой и горбушей, на этот раз их шкипера привозили множество мануфактурного товара. Николаевские торгаши брали лучшие,

дорогие. Американцы за последние годы доставляли все больше плугов, жатвенных машин. Немцы продавали оружие, невода, дель для сетей.

Из Забайкалья везли на пароходах и баркасах тулупы, валенки, кожу, тульское и уральское оружие, свинец, порох, ситцы, канифас, сарпинку, железные изделия, сукна, скот, коней.

Петр Кузьмич сам замечал, что и в городе Хабаровке люди стали жить получше. Уже совсем почти развалившийся Николаевск, наполовину брошенный своими обитателями, стал оживать.

Весь этот экспорт и импорт, по масштабам империи, конечно, мелочь! Но по здешним масштабам рост большой.

В прошлом году население купило больше товаров, чем, например, четыре года назад.

– Нет легальных причин для увеличения импорта, – сказал Петр Кузьмич Барсуков, сидя у генерал-губернатора, – источники наши все те же самые: субсидии правительства подрядчикам и частным лицам, оплата зерна при заготовке его интендантством и жалованье чиновникам! А ввоз стал значительно больше. На какие деньги? Вот совершенно точные данные таможни. Нельзя сбросить со счетов и необходимо добавить недозволенный ввоз.

– Кто же организовал такое предприятие? – спросил Андрей Николаевич раздраженно.

Унтербергер вчера уверял его, что дело не обошлось, видимо, без иностранцев. Полицейское управление на посланные запросы получает телеграфные отчеты и письменные отчеты станowych и окружных начальников о том, что в низовьях все население работало летом на полях, как обычно. Тягловые обязанности исполнялись. Отлучки были единичны.

– Неужели новая Желтуга, а мы ничего не знаем?

– Возможно, что тут нет Желтуги, но существует целый ряд незаконных приисков на разных реках.

Это было то, чего Корф опасался. В будущем такие зародыши могли обнаружить вреднейшие свои ростки.

Губернатор поблагодарил своего чиновника особых поручений и отпустил его. На другое утро он вызвал полицейского полковника Оломова. Когда-то служил он в Софийске исправником, много разъезжал, считалось, что знает хорошо низовья.

– Очень трудно добраться на эти речки. А зимой вообще невозможно, – говорил Оломов, тяжело дыша, почтительно согнувшись и не решаясь при генерале опуститься на локти на огромную карту на столе.

Губернатор хотел бы со временем и самого Оломова послать в разъезды. Пора бы все ему выяснить самому, чтобы прежде времени в дело не впутались жандармы, которых тут пока что более всего занимают хлопоты с иностранцами, особенно во Владивостоке, где надо и наблюдать, и не подавать вида, что наблюдаешь, даже еще как бы и заботиться об этих иностранных негоциантах.

Губернатор полагал, что если где-то опять собралась вольница, то надо ее распустить. Исполнять придется полицейским.

– Очень трудно пройти всюду зимой, ваше превосходительство!

– Как же ходили офицеры Невельского? Вы забыли, господа? Полицейские офицеры везде пройдут! Это наши исследователи! Где-то опять Желтуга! Найдите людей, которые выдали бы все. В крайнем случае, каких-то беглых каторжных, пьяниц.

– Пьяницы как раз и пьют там. Они такое предприятие ни за что не выдадут... Средства у нас для разъездов малы. Мы не можем объездить всех рек края, хотя бы раз в два-три года. Есть места, где полиция никогда не бывала.

– Полиция и коммерция должны прокладывать путь цивилизации! – серьезно сказал барон Корф.

* * *

В марте, когда стало чуть теплее, вблизи речки Уй среди островов брели две нарты, запряженные собаками. Впереди шел гиляк, не снимавший тяжелую доху.

Дорогу он знал и слез с нарт, уверяя, что скоро ночлег. На широкой протоке обледенели волны снега. Собачьи упряжки шли с трудом. Псы спотыкались, падали и коряжились. Люди часто останавливались.

– Не разберешь, где какая протока... Уже сотни протоков прошли.

– Вот юрта, – ответил проводник.

– Его юрта, твоего брата, Ибалка? – спросил урядник Попов.

Проводник ничего не ответил.

В юрту вошли четверо. Когда они распахнули дохи, заблестели золотые пуговицы.

– Полиция! – испугался хозяин.

– Че полиция? Свои! – входя, сказал Ибалка. Старик поцеловал его.

Гиляк Ибалка тоже в полицейском мундире. На ногах у него торбаса и ватные штаны.

– Нам надо попасть на Светлую речку, – сказал офицер.

– На большую или малую? – спросил хозяин.

– На обе. Проведешь нас? Там люди собираются у вас? – спросил урядник.

– Нет, я не видел, – ответил гиляк.

Патлатая старуха стала просить мужа, чтобы он рассказал, что летом туда много людей ходит. И есть люди дурные, крадут рыбу. Убили собаку выстрелом из ружья.

– О чем она говорит? – спросил офицер, улавливая кое-какой смысл по ее жестам.

– Она сумасшедшая, – ответил Ибалка, – че ее слушать!

Вечером офицер читал Жюль Верна, а потом пересказывал содержание фантастического романа Ибалке, а тот хозяевам.

– Тут мно-ого проток! – рассказывал утром старик. – Зачем тебе ходить туда? Там никого нет! Я и сам дороги не знаю. Даже зимой там водопады большие и люди туда не ходят ни зимой, ни летом. Зверей там нет, тайга выгорела...

– Что за водопады зимой? – спросил офицер.

– Не замерзает река и падает! – отвечал хозяин.

Ибалка переводил.

– Почему же ты сам не был? – спросил офицер у хозяина.

– А я не знаю, люди не ходят. Плохое место.

– Как же быть?

Ибалка лукаво улыбнулся и, глядя в лицо офицера, сказал:

– Воздушным бы саром туда! И сверху все видно! Тогда бы хоросо!

ГЛАВА 13

У резиденции Егора, около большого костра, сложенного из гнилушек и отгонявшего мошку в этот жесткий летний вечер, стояла целая толпа, и люди все время еще подходили и подъезжали на лодках. Весь день сегодня ждали, что вот-вот поймают и приведут преступника, в погоню за которым хлынула в разные стороны добрая полусотня старателей.

Утром с дальнего участка приехал старик старатель, работавший в одиночку в штольне. Заглянув поутру к соседу на участок одолжить сольцы, он оторопел, увидав там перерубленные тела целой семьи. Только маленький мальчик спасся, забравшись под перевернутую лодку.

Сашка разослал добровольцев в разные стороны и сам ушел на поиски вместе с Василием. И вот уже поздно, а их все нет. «Не на след ли напали? – думает Егор. – Дело не шуточное, преступник взял ружье. Он станет отстреливаться».

Разговор шел о жизни и смерти, можно ли казнить преступника, есть ли право отымать жизнь у человека.

Студент доказывал, что не преступники виноваты, а общество, в котором они являются. Преступник – сломленный человек, он из какой-нибудь несчастной семьи, порождение бедности, пьянства.

Он заговорил опять на свою любимую тему, что общество устроено плохо, а должно быть лучше.

– У государя и у его семьи в Петербурге два десятка дворцов.

– К чему бы это? – спросил Никита.

– А к тому...

– Смотри, парень! – мрачно сказал Жеребцов.

У всех тяжело на душе, и все ждали, что произойдет что-то еще более ужасное. Никто не обращал особенного внимания на суждения Студента.

На прииске и прежде шли подобные толки. Бывало, что старатели ссорились, дело доходило до драк.

– Это сахалинец! – сказал Никита.

– Может быть! Кто бы он ни был, это садист. Это вины с общества не снимает.

Студент пользовался случаем уязвить своих толстокожих слушателей, отнести все беды их темноте, неразвитости.

– Пусть он только попадет! – молвил Санка Овчинников. – Мы ему докажем обчество! – Санка опять приехал с тамбовцами на прииски и опять мыл отдельно от брата. – Вот наш Котяй, к примеру, – сказал он. – Разве ему не жилось на старом месте?

– Что тебе Котяй? Что Котяй? – отозвался из толпы старший брат, и Санка утих, чувствуя в его голосе угрозу.

– Послушай, президент! – улыбаясь, сказал Полоз. – Зачем ты для каждого хочешь справедливости, кому она нужна? Надо разрешить людям жить свободно.

– Убил? Дай с ним расправиться. Надо давить слабосильную мелочь. Что в природе? Дерево растет и глушит все вокруг. Кто слабый, все равно погибнет, вымрет или ослабнет, или будет замедлять развитие общества...

Говорил это на вид тихий улыбающийся человек, но от его слов по толпе прошел злобный гул, словно он кинул в души людям горсть горьких семян.

– Тут, на прииске, страсти обнажены, смотри, какие сильные артели в нынешнем году составились. Это уже развитое общество! Так пусть и будет все то, что есть в развитом обществе. Ведь все вы сильные люди! Вам ли бояться? – польстил Полоз.

– Что же должно у нас произойти? – спросил Голованов.

– Беспощадная злоба ко всякой нечисти! – сжимая кулак, зло выкрикнул Полоз. – И талантливый анархизм! – Он вскинул большие ресницы своих красивых, раскосых, телячьих глаз.

– Это все и так есть! – сказал Силин. – Зачем еще стараться? Вот тебе сегодня какая борьба! Только бы его поймать... Он еще может не одного стукнуть, пока его свяжут.

– А ты хочешь, президент, справедливости и задумываешься о естественном развитии, – продолжал Полоз. – Связываешь руки общества... Есть законы природы. Есть зима и лето. Не может быть летом зимы и наоборот. – Он косо поглядел на Студента. Тот пока боя не принимал. Мужики чувствовали, что Полоз грамотный и ученый и хочет объяснить обществу, что слаб Егор.

– Нет, бывает, что снег на петровки выпадает, – сказал Силин.

– А зимой оттепель, снег сойдет и покажутся почки, – сказал Егор.

– Это не закон, – сильно подчеркнув «не», сказал Очкастый, – а есть закон развития общества. Человек рождается, потом детство...

– Потом лениться начинается...

– И его строжить приходится...

– А уж потом борьба опчества, – сказал Силин, – из-за девок, за деньги. Кто за нож, кто кулаком, рублем... А кто тихо трудится и всех перетерпит.

– Современное философское ученье! В обществе должен развиваться капитализм, и насилие над народом неизбежно будет порождать борьбу во всем многообразии форм.

– Против насилия! – сказал Студент.

– Какое это насилие? – встрепенулся Пахом, впервые слушавший подобные разговоры.

– Это они так рассуждают! – сказал Голованов. – Власти быть не должно, а мы ее выбрали. Другие говорят, в государстве должна быть власть выбрана, как бы примерно у нас на приiske. А разве дело во власти? Не все ли равно, какая власть?

– И что же?

– Это какой человек! Какая душа у него!

– Бог-то знает! Нет власти не от бога! – сказал сектант Кораблев.

– Ты толкуешь, – заговорил Егор, обращаясь к Студенту, – что все обеднеют, и придется идти в рудники и на фабрики, что там будет труд на богатого и что так будет лучше. Люди наберутся гнева, сломят старое устройство. Это в других странах, это и у нас будет, говоришь. А как же человек может трудиться у машины, если он голодный? Вот на пароходе есть машина и при ней машинист. Его кормят хорошим обедом. Машина требует сноровки, человеку надо выучиться, чтобы она работала. Ему силу кто даст? Надо желать, чтобы человек всегда сохранил себя и семью. Ты думаешь, мы насилья не видали? Мы от него ушли. Мы видели, как народ на фабрики уходит.

– Богатые должны по природе своей делать насилье трудовому рабочему человеку. Это закон, от которого никому не уйти! – сказал Полоз. – Значит, все гибнет! Выживают сильные.

– Вы очень ловко применяете современные поиски социалистов к собственной выгоде. Да-да! Торгуете! – сказал Студент.

– Какие разговоры! – Пахом плюнул, надел шапку и ушел.

На его место вышел Илья.

– А кержаки не пьют и не едят из одной посуды! – сказал он.

– Да, мы так! – сказал Кораблев.

– А что же? – сказала молодая кержачка. – Из грязной посуды пить? Сравни кержаков с православным... Сравни свою руку с моей...

Кержачка забрала рукав ватной куртки. В кости ее рука была шире, чем у Ильи.

– Вот будет революция, и всех кержачек отдадут замуж за чувашей, – насмешливо сказал Очкастый. – Вот и будет насилье свободного капитализма над патриархальным крестьянством. Деревни разорят, возникнут фермеры, хуторяне. А мужики хлынут в города, начнут продавать девок в бардаки к богатым фабрикантам!

– Господа! Не занимайтесь провокацией! – сказал Студент.

– Нет, мы работаем. Нам ведь семьи кормить, – сказал Кораблев. – Мы не знаем новой грамоте. А по-старому только умеем. Что же смеяться.

– Кержачки выкидышей не делают, как в городе. В бардаки не ходят! – сказала богатырь-староверка.

– Разве кержаки царю не служат?

– Безропотно! И наград не просят!..

– Видишь, какая отсталость! Реакция! Кому они нужны, неграмотные дети! – сказал Очкастый, поглядывая на Студента.

– Работники. Тебя же кормят!

– Я прокормлюсь...

– Бумагой-то!

– Зачем, кому нужна ваша справедливость? Вон сгубили семью! – сказал Кораблев.

– А ты как понимаешь, что у нас за республика? – спросил Силин у Студента.

– Со временем все захватит капиталист. Это и я скажу. Капитал должен, он хочет все захватить, как более сильный, как угнетатель более умелый в современной жизни. Он поставит машины. Но если все вы будете эксплуатируемые, то это заставит вас объединиться. А пока...

– Пока держимся!

– Неустойчиво и не вечно, – подтвердил Голованов.

– А мы и вечно не хотим!

– А что вечно! Вон сама земля, говорят, не вечна. Солнце остынет...

Кто-то толкнул Студента кулаком в плечо.

– А что же ты сюда пришел? Если тут нехорошо?

– Я пришел мыть, как все! Я же человек!

– Я бы на твоём месте мотал бы отсюда к капиталисту в приказчики, – сказал матрос, обращаясь к Очкастому.

– Вы гнилье народники! – сказал Полоз.

– Нет, мы, неграмотные, эту землю раскопали, работали тут. Ничего не зная, каждый для себя. И не знали, что будет с землей и с нами, и хотели себя узнать, сможем ли мыть обществом, – сказал Силин, – не знали, кто прав, и допустили вас к себе, и еще Егор отдал людям, и я прошел его следом и не препятствовал... Мы запахали на Амуре, а теперь открыли золото. Конечно, теперь стали народники! За что такое оскорбление?

– Каким он людям отдал? Какому классу? – крикнул Полозу матрос. – Ты ведь в Америку на деньги и на золото можешь убежать... Предоставляем!

– Люди хотят жить, – ответил Силин.

– Что же обидного в слове «народный»? – спросил Полоз.

– Насмешка! – отвечал Силин.

– Может, еще всех загребут, как Стеньку Разина, – сказал матрос – А мы ни в чем не виноваты. Смотри, говорят, Амур ожил, во всем мире удивляются, сколько отсюда на Шанхай золота поперло через китайцев. И все идет куда? В английские банки!

– Английским и французским банкирам! – с возмущением сказал еврей, часовой мастер.

– У нас старики еще прежде говорили, что все идет к худу, – молвил Кораблев. – К анархии, словом!

– А если мы начнем вас всех самих вешать, что будет? – спросил у Полоза воронежский мужик. – Ведь мы пока сильнее.

– Вот это и надо! Какой бы мор на людей пустить, чтобы вымерло все, остался бы десятый, – сказал молодой высокий голубоглазый старовер, которого еще никто и никогда не видел на прииске.

– Дурак! С кем же тогда торговать! – ответил ему Никита. – Мы-то стараемся, везем товар. Грабим себе, но стараемся для всех! Подумай!

- Погоди, изобретут, что всех перебьют.
- Убить надо воров! А хороших оставить...
- Это от века бьют друг друга и доказывают, что бьют плохих, – сказал часовой мастер, – а надо нам самим понять, что есть разные люди.
- А воры не от воров рождаются?
- А вы? Вы? – спросил старовер. – Кто же черепа на речке развесил? Это пугать хотите? Нет, ваши черепа тут будут висеть.
- Все стали оглядываться на молодого бородача.
- Все произойдет само собой, – с чувством собственного превосходства заверил Полоз. – В обществе нужна свободная конкуренция и жестокая борьба. И я бы на твоём месте и не сдерживал, президент, страстей. Он убил. Хотят расправиться – пожалуйста... И так пусть идет! А ты связываешь всех своим понятием – справедливость.
- Эkleктика и демагогия! – сказал Студент.
- Обнищание слабых неизбежно! – заговорил Полоз.
- Почему мне обнищать, если я буду работать? – спросил Никита.
- Работать! Кто работает, тот и сникает. Надо не только работать, а маленько еще и жить! – сказал Тимоха. – Ты бы сказал не работать, а торговать!
- А торговля будто не работа?
- Конечно, наш прииск – дело временное. Пойдет все богатым! – сказал Егор. – Но все же это дает силу хозяйству, купим то, чего у нас нет, чего даже и не знаем, может быть, познакомимся с тем, что нам на золото привезут. Мы и ума на него прикупим. Нищий не может быть умен!
- Правда! – подтвердил мастер. – Кто на свете умен? Тот, кто богат.
- А куда этот бородатый делся, который про черепа говорил? – вдруг испуганно спросил Силин.
- Ускользнул! – ответил Егор. Все стали оглядываться и озираться.
- Чей он?
- Видишь, подходил чужой!
- Говорят, Бердышов знает, что мы тут моем, и дал нам сроку три года. Потом – разгон и все перейдет к нему... Это от него ходят.

– Но зачем нам нищать, когда вокруг богатства? У нас дети растут, мы хотим, чтобы они были умней, разумней. А станем нищими и оглупеем, кто-то нас тогда, конечно, закабалит... А мы сюда ушли от кабалы. Разве вреден тот, кто построился трудами? Ты сам был учен на какие-то добытые кем-то деньги, – обратился Егор к Полозу. – И сейчас пришел к нам. Свое дело ты не можешь совершить без золота, без денег и без нас, без общества. Какое твое дело? Анархия? Нет, анархия – это только отравка. Добыть себе на дорогу и то не мог бы...

– А спирт будет при социализме? – спросил матрос.

– Нет! – сказал Студент. – Спирт останется для лечения, а спаивать народ тогда никто не позволит.

– А кто там с таким разговором?

Студент, воодушевляясь, оттолкнул матроса и вышел из толпы.

– Егор Кондратьевич, ведь это никто не придумал! Это всюду есть так и неизбежно придет сюда. Мы не одни, мы не оторваны от мира. И ты – редкий человек, умный, дельный. При социализме ты мог бы стать президентом России, если дать тебе образование.

– Нет! – с возмущением оборвал Полоз.

– Да... – ответил Студент. – Силы выдвинутся из народа. Пока ты нашел место, где создал себе счастье. Разве мы зла тебе хотим? Нет, мы хотим счастья... И тебе...

– Нет! – резко перебил его Полоз. – Анархия не отравка, не яд!

– Оба ругают царя и хотят его свергнуть. а между собой не ладят, – сказал Силин. – Студент поласковой. Характеры разные... Хотят одного и того же, а друг друга не любят больше, чем царя.

Все знали, что Студент добрый и работает в артели безотказно. Поэтому ему прощали страшные речи против царя и богатых, как неразумному ребенку.

– Но ведь и сюда докатится та волна человеческих неурядиц и невзгод, от которой ты ушел. Что такое революция? Вот я верю в нее. – Студент ласково оглядел всех, как бы говорил: смотрите, добрые люди, я такой же, как вы! А я за революцию! – Ты тоже революционер, Егор Кондратьевич, и твое переселение – это твоя революция.

– И ты сам можешь убивать богатых и царя? – спросил возвратившийся Пахом. – Мог бы?

– Конечно! – спокойно ответил Студент.

Пахом посмотрел на его руки.

– Скажи, как он смылся! Как смылся! – сетовал Тимоха. Он ужаснулся: «Значит, череп, повешенный в верховьях реки, кто-то нашел. И еще задумал мстить...»

– А у китайцев свое обсуждение идет, они тоже вместе собрались и не спят, – сказал Пахом.

– Вот видите, значит, и в этом зверском убийстве есть свой смысл, – воскликнул Полоз.

– Есть? – иступленно закричал Голованов. – Ах ты... Ты!

Его никто и никогда не видал в таком возбужденном состоянии. Был он старичок тихий и работающий.

– Должно перегореть человечество, – сказал бывший батрак каторжник Яков. – И я за анархию!

Илья вдруг толкнул его в плечо так, что тот отлетел в сторону.

– Едут! – вдруг сказал Голованов.

Всех подрал мороз по коже.

У берега раздался треск.

– Ребята, – с тяжелым вздохом сказал Силин, – это Камбала!

Все хлынули, ломая кустарники, к берегу. Засветили головню. Камбала в разорванной рубахе и Василий Кузнецов как огромного, туго спеленатого ребенка вытаскивали из лодки обкрученного веревками человека.

– Он?

– Он! – ответил Сашка. – Сейчас рот ему откроем, он сам все скажет...

– Кусается, зараза! – подымая лежащего за волосы, подтвердил Василий. – Иначе его не возьмешь.

– Бить его!

– Бить нельзя! – ответил Егор.

Все стихли.

ГЛАВА 14

Василий с Катей уехали из Уральского рано на конях. Вблизи прииска они едва не погибли в сугробах.

Многие старатели начали мыть с весны, до ледохода. Прииск ожил рано, когда еще не оттаяла земля, пробивая ее толстый мерзлый слой и забираясь в теплую золотиносную толщу.

С уходом льдов среди островов стали появляться, словно всплывая из-под воды, халки и баржи с товарами и мукой, их хозяева торопили приискателей с разгрузкой. Артели отделяли по очереди работников на разгрузку. Перевал товаров был ниже шиверов и водопадов, окольными проточками товары доставлялись на лодках вверх. На прииске появился какой-то инженер, предлагавший изготовить сильное взрывчатое вещество и взорвать камни. Другие предлагали построить свою золотоплавильную лабораторию, провести телеграф и выпускать газету.

Егора часто спрашивали новички, как он все открыл.

– Меня несло по кривуну, и там завалы, – отвечал обычно Егор. – Место опасное. Я вылезал на берег и брал пробы. Нашел содержание. Чем выше, тем лучше, меньше замыто песками. Идите вверх, – советовал всем.

Составились многолюдные крепкие артели, все научились работать, ценили время. Артель следила, чтобы работники много не пили; с похмелья дело не идет, ущерб обществу.

Никита Жеребцов сбил самую многолюдную артель. Одна из китайских артелей работала с ним бок о бок и не уступала русским.

Десятая часть золота, сдаваемая китайцами, бывала не меньше жеребцовской.

А по ключикам и речкам все дальше расползались одиночки, несмотря на рассказы о злодейских нападениях на старателей.

Егор иногда ходил вечерами к костру, слушал споры и ссоры. Котяй всегда жаловался ему на брата и уверял, что Санка недоволен и может выдать прииск, написать донос.

– Сора из избы не выносить! – отвечал ему Егор. – Смотрите вы оба!

Воронежский Сапогов спросил однажды:

– Скажи, Егор Кондратьевич, сколько пудов золота у нас здесь в земле еще осталось?

Прииск нынче сыт, трудился и все глубже зарывался в землю. Болезни еще были. В жару многие запоносили.

– Ктой-то энтот Кузнецов? – услышал однажды Егор во тьме бабий разговор. Толковали мещанки, приехавшие с мужьями из города. Они все в артели у Никиты.

– Знаменитый человек! – отвечал кто-то.

– Чтой-то мы не знаем... Чтой-то у вас китайцев много. За что им такой почет? Мы нигде не видели! Уж мы везде, везде бывали, мастер мой-то всюду нужен... Чтой-то мы не видали еще, чтобы так с китайцами обходились! В городах жили! Уж все видели!

– Из какова города? – спрашивали их.

– Что это?

– С какова города?

– Везде жили! Да вот уж такого порядка нигде не видали.

– Чем плохо?

– Да неграмотный мужик стоит в главей-то! – ответила другая баба.

– Егор Кондратьевич хороший.

– Хорошего-то не видали. Да разве так можно поставить дело?

– А что?

– Да хоть бы вот сосед. Уж вот знает дело. Куды видит! Тут, скажет, бить... Ан и золото тут.

Егор ушел впотьмах на берег и уехал к себе.

У избы сидел Силин, горел костер. Женщины тихо пели. Иногда слышно было, как подтягивал им под пологом Вася.

– Ведь я самородок кинул в речку, – жаловался Тимоха, – и найти не мог, потом пожалел. С ума сошел, стал золотом кидаться. Что со мной было такое?

– Вот и посиди с Татьяной и Катериной. Ты от женского общества отвык, – сказал Василий.

– Нет, ты скажи, Егор, ведь это так! Действительно я череп повесил в тайге, чтобы напугать...

* * *

... С часовщиком на этот раз приехала его жена. Она оказалась высокой, полной и красивой женщиной лет сорока.

Супруга явилась к Егору.

– Семьдесят дней! Двадцать дней туда и семьдесят обратно, – бойко говорила полная носатая женщина с большими черными бровями. – Я была в Петербурге! И вот вам теперь его товар! Вот его товар!

Новые часы лежали в гнездах ящичка на красном бархате.

– Это уже не ржавчина! – сказал Тимоха.

– Боже мой! Откуда вы взяли, что он в прошлом году торговал ржавыми часами? Откуда ты их взял? – гордо спросила она мужа. – Я удивляюсь! Что ему вошло в голову! Ты – глупый гуран! Он же настоящий гуран из Забайкалья!

– Семья наша осталась в Иркутске на руках бабушки. Младшенький был болен, когда я уезжала. Очень болел. Доктора были. Но поехала, видя, что с делом муж не справится один.

– Надо было сразу закупать хорошие часы. Нас все упрекают, что цепочки фальшивые... Но ведь это только второй год работы. А потом доставят нам партию швейцарских часов.

– Вы слышите ход? Так нравится? Я вам дарю эти часы... Ни боже мой... Я обратно не возьму, – сказал Мастер.

Егор насыпал на весы золота, а на другую чашку положил часы. Он чувствовал, что часы хороши, теперь ему во всем приходилось разбираться.

– Когда у меня будет оборотный капитал, будет еще не то, – сказал Мастер. – И, Егор Кондратьевич, я вам скажу... Вам и Александру Егоровичу – Камбале... Из Иркутска уже едет целая ватага. Они хотят скупить золото и переправить его в Петербург. Не пускайте их... Ну их к черту...

Мастер попросил участок. Теперь и он мыл золото. Похоже было, что он мыл и прежде. Но Мастер клялся, что хотя он бывал на реке Лене, но никогда не занимался прежде таким промыслом.

– Но моя жена – голова! Правда? – встречая Егора, говорил Мастер. – Теперь все хвалят часы!

Мастеру пришлось всю зиму возиться с ребятишками. Он сам стирал пеленки. А его жена ездила по коммерческим делам. Она уверенно начинала большое дело. Иногда мастер думал, что она тоже

могла бы быть президентом. На прииске или в каком-нибудь обществе...

... Китаец открыл ресторан в шалаше и не пускал туда китайцев.

Японец опять привел две лодки с товаром.

– Красивые материалы! – показывал он цветастые шелка.

* * *

Шел дождь, и подковы сапог на косогоре обдирали слой игл, ноги соскальзывали по глине, желтизна пятнами оставалась между стволов. Егор видел лес из аянских елей. Стволы по пятнадцать – двадцать саженой, упавшие в бурю, легли вкось, зацепились, как в кольях, в торчащих от стволов обломках ветвей. Голубые и зеленые иглы на одном и том же суку... Дождь сеет...

У ключа земля обобрана. Сняты мхи. Сорваны лоскуты с земли, чуть тронуты пески, едва начат колодец и все брошено. Тут же огнище от костра и от него полосы дыма по земле, следы пожара. Задымленная ель без игл и дальше деревья, как копченые рыбины, висят под лохмами туч. Пожар занялся недавно от костра. Бросили все. Бродяги прошли.

– Рвали землю... Торопились... Пробы брали, слышали про богатое содержание, – сказал Егор сыну. – Жадность-то!

– Не умеют мыть! – ответил сын. – Может быть, сахалинцы?

По молчанию отца всегда можно почувствовать, согласен он или нет. Сейчас Егор не согласен.

– Отстань от меня немного, – сказал Егор, переходя гребень.

Василий снял винтовку и держал ее наготове, привычно слушаясь отца. Глаза Василия забегают вперед Егора, а сердце идет с отцом рядом. «Не было печали, попадем под обстрел!»

Хищникам продукты нужны.

Егор с Василием несут муку, соль и масло. Надо все перетаскать в новый табор. Будет у них новый участок. По камням текут ручьи, во мхах вязнет нога, тяжесть давит... Бродяги не знают, где мыть. На всех ключах рыто, рвано, схвачено... Зверье!

Внизу открылся пролом в скалах, деревья растут, как травинки, по отвесу камней и по венцам, а внизу шумит речка в сини и пене, с

камнями в волнах. Тропа набита сапогами. «Это мы шли, но не только мы».

Очкастый рассказал про Катю. Она будто бы была острижена в больнице, лежала там в городе в тифу. Отец ее – бакенщик, бывший матрос, пьяница. Василий все это знает. Пьяница отец и стриженная голова и синяк под глазом! И все чудо как хорошо! А глазки – василечки гордые в голубом огне.

Если смотреть со скалы на тропу под отвесом, можно подумать, что молодой бредет по следу бородатого, хочет его подстрелить.

Весь июнь стояла холодная дождливая погода с ветрами.

Больных на прииске мало. С устьев реки весной доставляли купленный на баркасах лук, сухую малину, а теперь есть и зелень, и ягоды...

... – Вешать его или стрелять? – обсуждали выборные.

– Вешать! – сказал Родион. – Удавить, заразу, пусть крутится.

– Это надо виселицу делать, опять от работы отрываться.

Гаврюшка доложил, что преступник – беглый каторжанин, рецидивист. Ему сорок лет. Гаврюшка его не пустил на прииск, но он обошел где-то тропой и, выйдя на реку, нанялся сначала к гилякам в работники на промысел, а потом ушел...

Егор почти не спал ночь. Не хотел бы он убивать человека. Сам как с тяжелого похмелья! «Я должен лишить человека жизни!» Впервые. Если бы не на прииске, сдать бы его властям. Но ведь это то же самое. Егор отступить не смеет. «А вот я винил Ивана».

– Я никогда не вешал. Как вешать? – спросил Егор. «Кто возьмется?» – спрашивал его взор.

– Я не вешал! – ответил Сашка. – Когда был солдатом – колол, рубил.

– Я видел, вы под Кантоном сражались, значки вынесли на пиках, – сказал матрос. – А у нас вешали на рее товарища. Жалко было. Он капитана ударил. Тот ему ухо откусил, зверь был.

«Сашка был солдатом... У каждого в жизни было что-то свое», – подумал Егор.

Повели убийцу. Егор посмотрел ему в лицо. Страшная, злая радость показалась Егору в его глазах, как будто мучения людей, приконченных им, не давали ему покоя и стояли перед глазами.

Словно сам он рад, что сейчас прикончат его и с ним все зло и в то же время что-то жаль ему себя. И он сам боится.

Бродягу привязали к дереву, он дернул руку, когда кто-то затянул ее грубо. Теперь виден только его затылок с патлами скатавшихся волос. Все молчали и спешили. А Родион спокойно, словно делая нужное и полезное дело, все затягивал веревки, как гужи на хомуте.

Вышло много охотников. Каждый видел вчера растерзанных.

– Живучий! – сказал кто-то после первого залпа.

– Жить хочет! – подтвердил Родион.

– Такова жизнь! – говорил Полоз, шагая с президентом к прииску.

А земля была уже утоптана и дерево сожжено.

– Жизнь – борьба, и борьба не должна сдерживаться... Все равно она происходит в обход законам и условностям.

Егора встретила Катька. Она прыгала, и он подумал, не с ума ли сошла невестка.

– Мамадя, мамадя! – кричала Катюшка, показывая на подходившую лодку.

– Моя жена приехала! – сказал Егор и слабо улыбнулся, как выздоравливающий.

У Натальи видней седина на висках, лицо свежее и загорелое, она жмурится от сильного солнца и от радости. Лодку пригнал Алексей – младший сын Кузнецова.

– Наконец-то добралась до твоего прииска, – сказала Наталья. – Федя скоро приедет. Медведя хочет привезти на прииск, говорит, бадью качать будет. А как ты тут, удалая голова? Голова ты моя! – ласково молвила она, беря два узла в руки. Но тут же Катя и Татьяна отняли их.

Алексей кинулся к брату Василию.

– Ну, пойдем в забой, я тебе покажу, как золото добывают! – обнял его за плечи Василий.

– Штой-то ты его в забой! – воскликнула Ксения. – Ты его своди в артель, где в карты режутся, на золото играют! Или в ресторан к китайцу. А трудиться ему еще всю жизнь придется, что там хорошего, в твоём забое? Че он работы в жизни не увидит? Иди к часовому мастеру, пусть поглядит!

– Мамадя, мамадя, – суетилась Катюшка.

Ксения выскочила из пекарни и низко кланялась. «Вот же льстивая стервенка, – думала она, глядя, как Катя вьется подле свекрови. – Морская змейка, схватила узелок!»

– Ну, веди к себе! – сказала жена Егору.

– Пойдем, Наташа.

– Что невеселый, иль не рад?

Наталье все низко кланялись.

– Как бы тут мне не оступиться! – приговаривала она и почтительно отвечала поклонами на все стороны.

– Вы, мама, им сильно не кланяйтесь, – сказал Сашка. Он стал отгонять любопытных. – Вы тут супруга президента!

– Федя наш сзади едет! – сказала Татьяна. – С медведем!

* * *

– Егор! Скорей! Беда, – закричал, распахивая дверь избы, Федосеич. – Скорей на выручку! Перепились артели! Вот кто-то боялся, что за кровь бог накажет. Вот люди не выдержали казни и перепились! Так всегда! Сволочи! Пьянчуги!

... Егор хотел после обеда показать жене штольни и шахты, свои и чужие. Он ни словом не обмолвился о том, что случилось.

– Иди скорей, Никита сгоняет китайцев... Там драка! Тимоха с Сашкой не могут справиться. Китайцы меня послали. Там артель перепилась.

Быстро пошла лодка к Силинскому берегу. «Никита спяну не вытерпел... Давно эта китайская артель ему покоя не давала», – думал Егор.

Прииск почти не работал. Из лодки вслед за Егором выпрыгнул Федосеич, Илья, Васька и пьяный Ломов. Навстречу Егору из-за отвалов вышел китаец Литюфан. Он придерживал рукой левый глаз. Не сказав ни слова, китаец прошел мимо Егора к реке.

– Зверь, антихрист! – кидался Силин на Никиту. – Уходи!.. Только тронь, и тебя на виселицу! – Сплин тоже был пьян.

Теснились пьяные мужики из артели, тут же старoverы, китайцы с дубинами и лопатами.

Никита еще рвался в драку с Сашкой, а Тимоха не пускал его.

– Не лезь, – сказал Сашка.

– Тварь, образина, я еще достигну тебя.

– Приехал? – спросил Котяй Овчинников. От него пахло водкой, как из донной бочки.

– Собака! За нехристей? Против бога! Против царя! – Егора взял за горло низкорослый Рыжак с дико дерзкими пьяными глазами.

– Кто собака?

Кто-то ударил Егора сзади по голове. Засверкали топоры и лопаты.

– Ты палкой сзади? – спросил Егор.

От сильного удара шляпа слетела у мужика с головы. Егор кинул Терешку на землю. Рыжак лег поперек Терешки, сбитый Егоровым кулаком. Егор вырвал у кого-то лопату и махнул вокруг себя.

Раздалась пальба. Илья и Васька выстрелили вверх из револьверов.

Егор подошел к толпе староверов.

– Из-за чего драка? Вы зачем здесь?

Староверы кинулись бежать.

– Давать всем! – крикнули из толпы.

У Егора разорвана рубаха, голова в крови. Китайцы сбились плотно и угрожающе подымали лес лопат и ломов. А мужики кидались, пытаясь вырвать кого-нибудь из их плотной массы.

– Межу не переступать! – сказал Егор Никите. – А то погоню.

– Меня?

– Тебя! – сказал Егор, взял его руками за рубаху и за ремень и поднял. – Я тебя разопну!

Толпа разошлась.

Егор велел выборным и артельным на трезвую голову собраться на другой день утром на резиденции.

... На заре первым пришел Силин и сказал, что люди отрезвели и хотят Никиту совсем выгнать.

... Наталье уже все рассказали, и она сидела на президентском табурете у окна с печальным лицом.

– Че у тебя зубы болят, кума? – спросил Тимоха.

А сыновья ее еще спали головами к железному ящику с общественным золотом. Пришел Гуран.

– Стих народ! – сказал он. – Сегодня Никита не приехал.

– А другие? – спросил Силин.

– Собрались все.

Солнце уже взошло. Егор опоясался, взял карту и вышел следом за Тимохой.

... Опять цвела сирень и пели птицы на все голоса. Где-то щелкнуло негромко.

Егор хотел сойти со ступеней крыльца, но оступился и упал, чего с ним никогда не бывало.

– Ты че это? – удивился Силин.

Егор не мог встать и, казалось, улыбался.

– Чему смеяться? – недовольно сказал Силин.

– Я не смеюсь, – прохрипел Егор. – Мне не встать...

– Ты... Боже ты мой!

Откуда-то появился перепуганный Никита.

– Кто убил? Кого?

* * *

Даже у тех, кто злобился на Егора, в голове не укладывалось, как могли убить такого сильного мужика, от которого, как им казалось, стонал весь прииск.

– Кончилась твоя власть! – говорила Наталья, когда Егор очнулся. Он лежал в той же избе, которую сам строил. Грудь его перевязана чистыми лоскутами. Взор мутен и слаб. – Повезу тебя домой, – сказала жена. Хотелось бы ей отсюда взять всех своих, но она понимала, что уж это будет бегство, позор делу мужа.

– Убили тебя, как царя! – сказал Тимоха.

– Поедем, поедем... Мама вылечит... Завтра же поедем... Правой рукой не владеешь, не сможешь управлять!

Пришел Камбала.

– Сашка, кто стрелял? – спросил Силин, сидевший в углу на корточках.

Сашка устало уселся рядом.

– Чужой! – сказал он.

– А Ваське голову не сломят? – спросил Илья.

Сашка был расстроен.

– Я найду, кто стрелял! – сказал вдруг Василий.

Сашка остро покосился на него.

– Кто в тебя стрелял, дядя Егор? – стоя перед ним на коленях, спрашивал Ильюшка.

– Не знаю... – еле-еле проговорил Егор.

– Таких много, кто мог пуститься на это дело, – сказал Федя. Он только что приехал.

– Стрелял чужой, – твердо сказал Сашка. – Надо узнать!

– Егор, – ворвался в избу Никита.

– Иди, иди! – вытолкнул его Сашка.

Ночью Егор бредил. Он очнулся, когда солнце взошло. В лодке над его головой натянули парус, чтобы лучи не томили.

– Я здесь вылечусь, – чуть слышно говорил он, – стыдно уходить...

– А не стыдно тебе в могиле лежать? – возражала жена.

– Кто это? – спросил Егор.

– Твой сынок! – ласково ответила Наталья.

Чужой мальчик с испуганными глазенками сидел на корме. Федя и Алексей взяли за весла. Наталья правила. Федор оставил медведя на прииске и возвращался домой с братом.

Облака сирени на кручах, стук лопат, амбар с мукой, пекарня, Вася и Катя на берегу, Ксения с мужем и сотни старателей, провожающих своего президента, – все поплыло у Егора перед глазами, исчезло.

Сотни лопат и ружей подымались на обоих берегах, и началась стрельба вверх. Словно люди чувствовали сейчас себя заодно со своим тяжело раненным президентом на быстро и безмолвно уходящей маленькой лодке.

– Вырастет, будет ему еще один работник! – сказал на Кузнецовской стороне Полоз, стоя в толпе.

– Мне его очень жаль! И я еще вам скажу: теперь уже не будет того порядка... – сказал часовой мастер.

Полоз саркастически улыбнулся. «Теперь можно кое-что начинать!» – подумал он.

Мимо шел Камбала и быстро глянул, так что Полоз невольно смутился. С Камбалой плелся пожилой китаец, которому во вчерашней драке выбили глаз.

ГЛАВА 15

В городе стоит такая жара, что Петру Кузьмичу даже в сад не хочется выходить. Дом у Барсуковых опрятный и просторный. В кабинете – шкуры зверей, туземные изделия, книги, гербарии, альбомы. Но Петру Кузьмичу все это надоело.

Барсуков мог бы свести знакомство с иностранными купцами. За последние годы в Хабаровке появились представители крупных фирм. В порты края идет все больше судов под германским флагом. Новый губернатор ведет свою политику, чувствуется, что он старается потеснить американскую торговлю и не дает ей позиций во Владивостоке.

Но Петр Кузьмич не гонится за знакомствами. Он любит природу, предпочитает отправиться на острова порыбачить или поохотиться. Он заказал себе недавно по почте новейший фотографический аппарат.

Под вечер воздух тих, но все еще стоит жара. Жена возится в саду, который она развела на косогоре. Арестанты, присланные из тюрьмы в позапрошлом году, огородили садик. Разрослась черемуха, вишня, жена вырастила несколько каких-то редчайших японских цветков. Вдоль забора густая смородина и малина, отлично привилась облепиха.

Жена Петра Кузьмича – иркутянка, привыкла к Приамурью. Дети у Барсуковых подросли, уехали учиться в Петербург.

Петру Кузьмичу хочется в низовья реки, побывать в городе Николаевске на устье Амура, где он долго жил. Когда-то населял он по низовьям крестьян из европейских губерний и до сих пор любит бывать в их деревнях.

Жаль ему Николаевска. Захирел городок с тех пор, как в Хабаровку переведено областное правление. Теперь тут центр Приамурского края. Назначен генерал-губернатор, приехали многочисленные чиновники. Десять генералов живут в Хабаровке! Стоят войска, построены казармы для солдат и для матросов. По реке ходят военные суда. Проведены дороги. Обсуждаются проекты постройки железной дороги от Владивостока до верховьев Усури.

Из белого камня в Хабаровке один за другим возводятся модные особняки. Разбиваются сады. Главная улица раскинулась широко, еще

по мысли Муравьева она должна напоминать Елпсейские поля. Но пока что все это тонет в море деревенских изб и лачуг на косогорах и в оврагах.

Барсуков знал, что он тут нужен, может быть, больше, чем кто-нибудь другой. Он до сих пор не отказывается от дальних командировок. Генерал-губернатор любит и ценит его.

В Хабаровке все еще упорно идут слухи, что и в низовьях Амура и в верховьях Зеи хищники открыли несколько приисков с богатейшим содержанием золота в песках. По данным таможни, цифры ввоза опять растут. Вывоз увеличивается лишь в одном направлении – в Маньчжурию. Туда стали отправлять вина, апельсины, консервы из Владивостока. Барон согласен теперь, что порт может стать транзитным, для перевала грузов в Китай нужны лишь хорошие дороги. Все поддерживают проект, по которому Владивосток должен быть соединен с Петербургом железной колеей через Северную Маньчжурию. Только Петр Кузьмич не согласен с этой затеей аферистов. Он помнит, как Тифунтай в угоду им выступил с речью на съезде.

Барсукову показалось, что под окном прошел знакомый гольд. Через минуту послышался стук в дверь. Китаец слуга пошел открывать, и вскоре послышалась перебранка.

– Цо таки? Цо таки? – пищал голос старого знаконца.

Это был Писотька Бельды из деревни Мылки.

Барсуков вышел и провел его к себе, обрадовался, ходил по кабинету, потирая руки. Усталости и скуки его как не бывало.

С Писотькой в это лето произошли необыкновенные приключения. Он возвращался из Маньчжурии из города Сан-Сина, с ярмарки. Ему там все не понравилось, и он сожалел, что ездил туда и зря потерял время.

Старых маньчжур почти не осталось в Сан-Сине. Все молодые говорили по-китайски и похожи были на китайцев, Город разросся и оставался очень грязным, всюду сновали воры и жулики. Даже в ямыне губернатора Писотьку встретили не маньчжуры, а китайцы, плохо говорившие по-маньчжурски.

На обратном пути в Хабаровке на базаре, там, где парходная и лодочная пристань, под глинистым высоким обрывом, на котором

высится собор и попы играют в колокола на весь Амур, Писотька повстречал своего односельчанина Улугушку.

Они выпили по маленькой чашечке ханьшина и по другой... Улугушка рассказал Писотьке, что жил все лето на прииске и здорово греб золото. Теперь приехал, чтобы продать все китайцу.

Писотька слушал, и его зло разобрало. Писотькины глаза так и буравили собеседника. Он и сам мог бы золото мыть и возить в Китай на перепродажу рыжим. Туда разрешали ездить, по дороге ни русские, ни маньчжуры гольдов не обыскивали, об этом были указы и договоры русских и китайских властей.

Писотька не обращал внимания на разные рога, луки и шкуры в кабинете Барсукова. К русским, которые собирали подобные предметы не для дела и не для продажи, он относился с насмешкой и презрением. Писотька стал рассказывать про прииск, всячески приукрашивая подробности.

– Здесь, в Хабаровке, живет теперь Гао, – сказал он, – все это золото скупает!

«Гао! – подумал Барсуков. – Гао теперь взлетел высоко, ему и горя мало, что бы там ни было!» Гао своего старшего сына женил на дочери ссыльного, венчал в православной церкви. Он строил двухэтажный каменный особняк на соборной площади. Рабочие у него русские, китайцев он не берет. Умеет заставить каждого работать и поит водкой щедро. Жертвует на церкви, на благоустройство и на благотворительные цели.

На прииске Писотька бывал. На границе прииска стража смотрела зорче, чем на границе России с Китаем...

Человеку, которого в лучших намерениях постигла неудача, который испортил глупой поездкой все свои воспоминания о прошлом, не остается ничего иного, как сорвать на ком-нибудь свою досаду. Писотька решил, что теперь пусть всем будет плохо.

– На прииске порядка нету, власти настоящей нету, наших там ограбили... Меня тоже... Там беглый моет... Конечно, так ходит ево! Политичка ходит!

Писотька знал, что так называют каторжников, охраняемых строже всех, и что этих политических больше всего боится начальство.

– У-у! Какой политичка! – пугал он Барсукова.

– А где Егор Кузнецов? – вдруг спросил Петр Кузьмич.

– Егор? У-у! Ево дома! Ево всегда дома... Никуда не ходит. Хлеб пахает.

Долго еще говорили про прииск и про жизнь в Мылках и про Сан-Син. Писотька все не мог прийти в себя, он чувствовал, что лгать не умеет как следует. Досидели до ночи. После ужина Писотька ушел. Он отправился вниз по оврагу на берег спать под свою лодку, а Петр Кузьмич отпустив слугу, зажег свою зеленую лампу в кабинете, поднял плетенную из соломы штору, закрывавшую днем окно от жары, опустил сетку из марли и уселся при вечерней прохладе за бумаги.

А через несколько дней барон Корф опять вызвал Барсукова к себе.

– Донос! – сказал оп. – Тамбовский крестьянин Овчинников прислал донос на своего брата. Сообщает местонахождение многолюдного прииска. Пишет, что не в силах более терпеть беззаконий, которые творит его брат с товарищами. Речка Ух... Создана выборная власть, и главу именуют президентом. Прочтите, пожалуйста, может быть, найдете знакомые фамилии, тут целый список приложен. Как быть? Если это сбор крестьян, то надо выслать полицию и приказать разойтись, не впутывая пока жандармов... Вы предлагали для сельскохозяйственной выставки первого поселенца Кузнецова, тут, оказывается, замешан какой-то Кузнецов...

– Однофамилец, вероятно.

Губернатор похудел. Жесткое лицо его загорело. Кабинет на полуторном этаже. Под окнами расчищенный кусок тайги с аллеями и с посаженными молодыми липами. Большое окно под полосатым тентом открыто и затянуто сеткой.

Губернатор сказал, что если все подтвердится, то прииск надо немедленно разогнать. Он просил Барсукова быть готовым выехать немедленно в Николаевск.

В приемной Петр Кузьмич повстречал Оломова. Барсуков недолюбливал его. Оломов старый амурец, когда-то брал взятки с китайцев и с мужиков, а теперь считается честнейшим из полицейских чиновников.

– Богатые прииски открылись! – улыбаясь, сказал ему Оломов.

В тот же день пошла телеграфная депеша в Николаевск-на-Амуре начальнику округа Складковскому и в окружное управление полиции

Телятеву. Губернатор приказал Оломову ехать с первым же пароходом в низовье.

После встречи с губернатором Оломов заехал в гостиницу к надежному человеку, к уполномоченному золотопромышленной компании Левашова, который только что приехал из Петербурга.

В тот же день к Барсукову зашли золотопромышленники Бенарцаки и Гинсбург. Бенарцаки заметно постарел, но еще весел и крепок. Пухлые пальцы его в кольцах с драгоценными камнями, на манжетах бриллиантовые запонки. Гинсбург рослый, красивый, одет как лондонский денди.

Оба золотопромышленника вели с Корфом переговоры об отводе им площадей для производства поисковых работ на реках, впадающих в Амур. Еще в прошлом году их уполномоченные приезжали сюда. Нынче доехали до Амура хозяева.

Барсуков пригласил их к себе домой. Бенарцаки заехал на почту и послал в Петербург телеграмму, смысла которой в конторе никто не понял.

... За столом у Барсуковых Бенарцаки рассказал, что он познакомился с господином Гинсбургом на пароходе, который переправляет пассажиров через Байкал.

– Какие виды там роскошные, лучше, чем на Женевском озере! А в Петербурге, господа, этому не верят, я тысячу раз говорил!

Вспоминая, какие в столице слухи и как они там знать ничего не хотят о здешних местах, Бенарцаки закидывал голову, как гоголевский Бетрищев, от души хохотал и хлопал по коленке воспитанного в Иркутске молодым джентльмена.

– Дайте Приамурье американцам или немцам, и за десяток лет здесь будет то же, что в Калифорнии. Владивосток станет не хуже Сан-Франциско. За честь посчитают наши господа из Петербурга приехать сюда на модные курорты. А пока своего знать не хотят, представления не имеют! Дикари! Им кажется, что здесь море холодное! Ха-а-а...

Он рассказал, что лишь недавно узнал, как один знаменитый сибирский миллионер, умирая, завещал всю свою огромную библиотеку в Красноярске не городу...

– Кому бы вы думали?

– В императорскую публичную?

– Ни боже мой! Библиотеке конгресса в Вашингтоне! Американцы вывозят ее вот здесь, по Амуру! – «У вас под носом!» – хотел бы он сказать.

Гинсбург играл на рояле. Потом он рассказывал про Англию, куда недавно послан был отцом. Он восхищался Дизраэли, говорил, что только благодаря ему страна достигла такого расцвета и величия.

– Как смело действуют англичане в Индии, Китае, Африке... Дизраэли создал современную Английскую империю!

Старый золотопромышленник в это время угрюмо молчал. Он знал, что отец Гинсбурга получит, несмотря на свое происхождение, баронский титул от государя за заслуги в золотой промышленности.

А Писотька уж вернулся в Мылки и рассказал все Денгуре, который тоже недавно побывал на сан-синской ярмарке.

Денгура все еще сохранял подвижность и жажду жизни во всех проявлениях и даже сам удивлялся этому. Косая Исенка несколько лет тому назад родила ему сына. Вот уже много лет прошло, как Денгура наголо облысел. Ну, что сделаешь!

– Хотелось бы и мне еще почета! – сказал он. Сорок лет тому назад Денгура был старшиной рода Бельды, халадой. А теперь? После Сан-Сина, не осталось и у него никаких надежд на маньчжур. Он уже давно отвык от этой массы бедняков и нищих, от вони и грязи и от рубки голов. Ставят человека на колени, свяжут руки. А он покорно голову нагнет, палач подскочит, размахнется... Тьфу!

У маньчжур там все валится, и сами они как гнилые! А что делают рыжие в портах – страшно! Денгура нашел много своих старых знакомых. Но не было в них былой силы!

Народ недовольный, порядка нет, вся торговля в руках ловких китайцев, они и ремесленники, и земледельцы, полицейские чиновники. Неужели и моя жизнь зря прошла? Неужели Удога прав? Нет! Денгура не желал уступить Удоге. Тот хоть и моложе, а выдвинул себя и очень в большом почете, все старается. Да, он работал, хотел быть честным, давно научился молиться в церкви, косу отрезал. И вот явился Песу и сказал, что был в Хабаровке, жаловался. Скоро весь прииск разгонят.

Денгура решил жаловаться, но не губернатору. Ведь летом все ездят. И Корф, наверно, в разъездах, если хорошая погода. Да и от высокого начальства нет толку. Песу пожаловался, а я что? Денгура

знал, что в Николаевске начальником управления назначен Телятев. А прииск находится на его земле. Денгура знал Телятева хорошо. Он решил ехать в Николаевск и сделать донос Телятеву, и перехватить славу у Писотьки. Он надеялся, что его за верный донос наградят. Денгура не поленился и вместе с молодой женой отправился вниз по реке на лодке. Денгура лишь боялся, что кто-нибудь уже донес прежде него и Писотьки! Поэтому Денгура спешил и волновался. Такая штука, как своя власть, выбранная простым народом, не понравится всем одинаково – и русскому начальству, и китайскому. Денгура слышал, как на Желтуге китайская полиция и войска окружили республику... А говорят, что и на речке Ух есть желтугинцы...

Мести мужиков Денгура не боялся. В старые времена Денгуру не раз пугали, грозили ему, но он знал, если стоишь за закон – пугаться нечего...

ГЛАВА 16

Ночью луна светила между скалами, словно ее повесили для освещения долины. Василий и Катя возвращались тропой с нового далекого участка, на котором хотел мыть Егор. Внизу серебрилось множество деревьев и слышалось, как журчит ключ. Ночь начиналась жаркая и тихая, и на душе было тихо и грустно.

Когда завиделись огоньки вдаль, Катя тронула руками плечи мужа, словно от усталости, заглянула ему в лицо. Ее глазенки сверкали.

Васька вдруг провалился и загрохотал по камням, исчезая в кустарнике. Серебристая зелень оставляла на себе его след. Катя кинулась за ним. Васька скатился к самому берегу. Среди исполинских деревьев появился человек.

– Вася? – спросил он.

– Я! – Вася разглядел знакомого китайца.

– Ходи обратно... Сегодня худой человек есть...

– Че про отца слышно?

– Папка живой! – ответил китаец. – Приехали люди. Сказали.

– Пойдем быстрее отсюда, – сказала Катя, – это Сашка поставил караул.

Молодые не были на старом прииске всю неделю. У костра на чурбане сидел Ломов с ружьем, и тут же на бревнах несколько старателей слушали, как спорят опять между собой Студент и Полоз.

В бревенчатой избе Кузнецовых темно. Дверь скрипнула. Татьяна вскочила и зажгла огонь.

– Что отец?

– Племянник Ксеньки приехал, видел его, лежит пока, – ответила Татьяна.

– А вчера ночью опять подходил какой-то человек и его стреляли. Кровь была на траве. Собаки нашли утром и показали.

– В тайге живут люди! – сказал Василий.

– На ночь вокруг прииска расставлены Сашкой караульные. Федосеич говорит, что в китайских артелях недовольство, ропот начинается, жаловались ему, что мало зарабатывают. Сашка их караулить в тайгу посылает.

– А он стрелял?

– Ответил. Пулю нашел Илья. Такая же, как отцу досталась. Спирька собрался в тайгу, обещал его подловить.

«Выживет ли?» – думал каждый на прииске, но при детях Егора никто об этом не говорил. Люди ездили с Амура и на Амур и часто привозили новости из Уральского, Егор, видно, все еще был плох.

– У Спирьки характер известный! Как он его поймает? Не зима, следа не видно! По речке прошел, и нет следа, где искать? А Спирьку самого стрелил бы, где его искать потом?

– Силпн жалуется, мол, в деревне жили пятнадцать лет, ни разу не дрались! А казнить, мол, опять придется... Потом скажут – самосуд... Выдавать тоже нельзя, закроют прииск. И простить нельзя. А Сашка говорит, китайские люди не боятся, только надо сказать, что делать. наших людей много, говорит, наша люди не жалеет!

Утром Василии слышал, как пришел Сашка.

– На молитву! На молитву! – кричал он. – Богу молиться! За царя, отечество, за папку с мамой! За маленьких ребятишек! За бабушку и дедушку! Всем молиться!

– А я – еврей, господин Камбала! – говорит Мастер. – Свой бог есть! В пятницу золото не скупай, часы не продавай! Молись, проси простить. С понедельника опять торгуй! – отвечал Камбала. – Политичка! На молитву! Пошел на молитву! – Сашка вытягивал Полоза за ноги из палатки.

Полоз любил утром поспать.

– Я не православный...

– Пошел, пошел... Католик – в Христа веруешь. Иди молись за царя!

– За царя?

Полоз знал, что если сейчас сказать Сашке, что не веришь в бога и в царя, то он погонит с припека. Скажет: «Все несчастья твои изо рта!» – и выгонит без всяких разговоров. А за его спиной – сотни старателей, со всей их темной верой и силой. Сашка приказывал и ему, и Студенту вставать рано и строиться на молитву в шеренгах со сбродными артелями из богобоязненных мужиков.

– Действительно, за болтовню приходится расплачиваться! – сказал Полоз.

– Че, не веришь? Иди! Иди! Становись!

Сашка погнал Студента.

– Молись, чтобы простил за глупости! – Сашка замахнулся бамбуковой палкой.

– Сашка, я же тоже за счастье людям! – сказал Студент.

– Знаю! А я за что? Ты говоришь, когда будет хорошо? Потом? А мне надо порядок сейчас. Порядка нету? Иди работай! Мне некогда!

– Порядок должен быть не религиозный...

– Хорошо! Другой порядок будет – будем другой исполнять. Пока нету. Пока такой. Исполнивай такой! Иди, живо!

Сашка всем нравился. С ним никогда не бывало скучно. Ему прощали его грубости.

Сашка после ранения Егора стал поосторожней. Но свое беспокойство он прикрывал шутками. Он знал, что и его, и любого из старателей в любой момент может настичь пуля. Могли явиться опасности и похуже... Он готовился ко всему.

– А бога нет! – склябсь, сказал Ломов, становясь вместе с Ксеньей. Он запнулся за корень дерева и обматерился.

– Мой папка всегда говорил – все болезни к человеку входят в рот. Все несчастья выходят у человека изо рта! Ты что сейчас говорил? – спросил Сашка.

– Вася, читай молитву, – сказал Ломов. – Ты грамотный... Бери, Вася, молитвенник.

– На той стороне монах читает. Ты – тут! – сказал Сашка. – Завтра молитву читать тебе! – сказал он Студенту.

Васька взял новенький молитвенник и стал читать. Все истово крестились.

– А царя-то, говорят, опять... того... – не утерпел Ломов после молитвы.

– Царь тебе мешал? Мой золото и молчи! – отвечал Сашка. – Наслушался! Дурак! Они уйдут, а тебе жить на месте. Тебя в тюрьму, а они скажут – мужик дурак, темный!

– А я, Вася, собрался домой! – сказал Ломов.

– А как же пекарня?

– Я-то остаюсь! – сказала Ксения. – Он пусть едет. Хозяйство нельзя бросать. Тут я и одна управлюсь. Без меня он много не моет, а я на пекарне занята. Доля-то мне идет... А он-то один не управляется. И

пески поднять, и возить, и мыть... Куда же одному-то... Пойдем уж сразу, собирайся да с обеда и езжай...

– А у тебя, Ксенька, с кем ребята? – спросила Таня, взяв лопату.

– С кем? Дома, старший там, да брат мой... Бабки, поди.

– Сколько ребятишек-то?

– Осмеро, как у китайца! Надо ехать, че поделаешь! – почесывая затылок и сдвигая шляпу на лоб, говорил Ломов. Ехать ему, кажется, не очень хотелось.

– Езжай, езжай, – говорила Ксенька, – не раздумывай! Не тяни! Дело-то, дело-то тамока стоит, поди... А тут че и случится, какой с бабы спрос? Осмерых-то не осироти!

– Ты думаешь, разгонят? – спросила Таня.

– Куда такую ораву разогнать! Придут, так, поди, сами рады будут.

– А без лодки-то ты как потом? – спросил муж.

– Я одна! Делов-то! Каждая семья возьмет в загребные! Грести, поди, смогу... Отработаю...

Пришел китаец-ресторатор.

Ксенька оставила пекарню на него и пошла в свою низкую бревенчатую зимовьюшку собирать мужа в дорогу.

Староверы привезли в лодке связанного молодого парня и стали объяснять Сашке, в чем его вина.

– Пори! Пори сам! – сказал Камбала. – Второй раз – я! Это дело артельное... Сколько пороть – решайте. Убить нельзя. Пороть можно, сам виноват – сам пусть отвечает.

Камбала уехал на другую сторону реки и нырнул в штрек, он пошагал, согнувшись, в глубь его. Во тьме горела одинокая свеча.

Тимоха бросил кайлу и сел на тачку. Президент и начальник полиции закурили.

– Худо! Казну стали обманывать! – сказал Тимоха. – Реза не дают, процента банкового. Утаивают. Знаешь, кто утаивает? Никита Жеребцов! Че делать?

– Пугай надо.

– Ничего не сделаешь. Народ порчен. Надо бы поймать Никиту.

– Можно! – сказал Сашка.

– Как?

– Надо шпиона посылать. Узнать!

– Какого это еще шпиона?

– Ну тайное дело делать. И тогда поймаем. Только надо чужого сначала поймать. Надо людей пугать. Все узнают – шпионы ходят, следят... Шпиона ходит, шпиона есть, будут бояться. Надо обязательно. Будут платить хорошо!

– Думаешь, Никита струхнет?

– Да... А если не поможет, поймаем.

Подслеповатый Фып явился в гости к маленькому русому чувашу с бородкой. Этот чуваш, по прозвищу «Чилимсик», был старшиной в небольшой смешанной артели из русских и китайцев.

– Хороший заработок! – говорил Фын. – Можешь мне продать, хорошо зарабатываешь! Не плати налога! Егора нет – зачем платить! Я лучше куплю и плачу тебе дороже всех. У меня есть деньги.

Он купил добычу. Чилимсик и его товарищ Лян пожаловались Сашке, что у них плохой съём с бутары, нет ничего, что участок негодный, видно, надул их волосатый Егор. В тот же вечер Лян и Чилимсик опять продали Фыну золото.

Однажды Лян сыпал горячее золото со сковородки, а мимо шел Сашка, Лян испугался, что узнает все, но Сашка Кузнецов, казалось, не обратил внимания и прошел.

Сашка нес столб на плече. Он вошел в резиденцию и запер дверь. Силин и Камбала стали рассматривать столб. На нем была выжжена буква «Ж».

– Сволочь! Это он! – говорил Тимоха. – Двести шагов от речки!

– Да, это Жеребцов... Застолбил место, чтобы захватить, когда нас погонят. Ево хитрый!

– Хитрей попова теленка. Он машину заказал в Америке. Я думал, он врет. Сапогов все жалуется, что дорогая покупка, как, мол, доедет. Я думал, Никита просто обчистить задумал артельных...

– Он – честный, – сказал Сашка.

– Честный, если карман тесный, то раздерет да влезет! – ответил Тимоха.

Китайца Ляна поймали Гуран и Сашка на месте преступления, когда он продавал золото.

– Будем тебе рубить руку! – сказал Сашка.

Пойманного привели на Силинскую сторону. Сбежались все китайцы. Они стояли мрачным полукругом. Потом все о чем-то заговорили. Целый день Фына со связанными руками и с доской на

шее водили по прииску, и каждый мог его пнуть или ударить. На доске было написано: «Не платил налога!»

– Что ему за это? – спрашивали бабы.

– Руку отрубят! – говорили китайцы.

Чилимсика вывели перед огромной толпой старателей и выпороли березовыми прутьями.

Ляна лупили бамбуковыми палками.

... Сашка ругался со Спирькой Шишкиным.

– Я не желаю признавать этих порядков, – сказал ему рыжий тамбовец, – и ты мне не навязывай... Я – охотник. И я иду на смерть или отомщу за товарища. Егор помер, а его злодей расхаживает по тайге и смеется над тобой! А ты богу молиться нас выстраиваешь, когда тебе политички ясно объявили, что бога нет! Я себе подчиняюсь, а не тебе...

– Нет, не ходи...

– Из-за какого то несчастного золота я тебе не буду угождать. Да я плюю на золото.

– Плюй! В тайгу не ходи...

На шум собрался народ, и бабы уговаривали Спиридона не ходить. Шишкин наконец согласился, но заявил, что в таком случае завтра же утром уберется с прииска. На прощанье он задумал досадить Никите Жеребцову, которого подозревал давно во многих плохих делах.

Жеребцов не ждал к себе раннего гостя. У Никиты была полна голова забот. Ночь его прошла в тревоге.

В прошлом году он ездил в Николаевск и заказал гамбургскому купцу локомобиль для своей артели. Задаток дал. Скоро должны были этот локомобиль привезти на Утес. «Такой контрабандой еще никто не занимался», – думал Никита, и эта мысль радовала его.

Для локомобиля нужна, как он полагал, большая площадь песков. Поэтому Никита хотел согнать китайскую артель и занять ее место. Сначала он тихо враждовал с китайцами. Потом пробовал уговорить их добром, просил уйти, объяснял, что придет машина и будет тут работать.

– Твоя сама машинка! – отвечали соседи.

– Нет, я не мошенник. Я правду говорю.

Дело кончилось дракой в день казни сахалинца, когда весь прииск перепился. С той поры Никита чувствует себя не в своей тарелке. После покушения на Егора он сразу сообразил, что станут подозревать его. Он больше всех ссорился с Егором открыто. Жеребцов перепугался, приехал тогда к Кузнецову, пытался хоть как-нибудь пособить.

– Ты знаешь, что тебя хотят повесить? – спросил Спирька. – Нет? Имей в виду! Ты почему налог не платишь?

Он словно ударил Жеребцова обухом по голове.

– Я? Да ты... Это ты...

– Твоя артель выработку не уменьшает, а десятина у вас усохла. Китайца помиловали, который золото на сторону продавал. А теперь все кивают на тебя. Ты знаешь, что по прииску ходят шпионы, они ищут виноватых и найдут. И еще на тебя есть доносы... Сашка устроил все, как в образованном государстве, и все узнает. Я сам ухожу, тут нет уважения личности... А ты всех кормишь баснями, что какую-то машину привезут, но это поняли все... Я ухожу сегодня же... Но ты смотри, отплывай осторожно. Велено тебя схватить, если побежишь ночью, все отнять и внести обратно на общество. Лучше иди и расплатись честно.

Никита уже слышал, что по прииску ходят шпионы.

– Кто приуменьшал? Ну и что?

– Вот ты себя и выдал! Дурак! – ответил Спирька. – Я с тобой не хочу больше разговаривать. Ты смотри не разнеси, дырявое решето, что я тут был у тебя и открыл...

Не говоря больше ни слова, Шишкин ушел на берег. Лодка у него всегда была наготове. Мешки он давно сложил. Спирька сходил попрощаться с Родионом и отплыл.

Взъерошенный Никита явился к Силину.

– Послушай...

– погоди! Видишь, я занят...

У Тимохи сидели гости. Они поднесли ему шелковую рубаху и бочонок меда.

– Слыхал и хвалю. Так вы и хотите мыть? – говорил Силии.

– А ведь хищничать – грех! – со злостью сказал Никита.

– Это не хищничество, а вольный промысел... – отвечал старовер. – Хорошее, угодное богу дело... Мы не хищники, а вольные

старатели.

– Слово в слово, как наш батюшка православный нас учил, – сказал Силин.

– Пожалуйте, ваше степенство, нам участок! – просили Тимоху приехавшие.

– Где не занято – берите! У нас теперь строго. Где нашел – мой. Не шляйся с места на место. Есть святые и революционеры, они моют артелью, их называют коммуна. Весь вечер считают, чтобы была справедливость, точно. А вы как желаете, но чтобы с места на место не шляться и чужих участков не отымать. Где есть зарубки – десять дней хозяина нету – можно занимать участок.

Пришел и сел китаец в пышном халате. Это младший племянник Гао. Он пригнал лодку с товаром для китайцев, раскинул палатку. Сидя с поджатыми ногами, обмахиваясь веером, он вешал на аптекарских весах золото.

Курский мужик Тонкой, явившийся в прошлом году на прииск в лаптях и свитке, пришел в рубашке с крахмальным воротничком, в пиджаке, шляпе и с тросточкой.

Никите было очень обидно уходить с прииска. Но и оставаться тут он не решался. Ему уже не раз намекали, что его подозревают, считают причастным к убийству Егора. Никита еще ночью сегодня проснулся и подумал, что его ведь могут в любой момент схватить и повесить или прикончить каким-то другим способом. Он похолодел, и кровь отлила у него от головы. Он долго лежал во тьме без движения, помертвевший от страха.

Никита подождал, пока Силин останется один, и сбивчиво стал жаловаться ему.

Силину неясны были его речи. Никита заикался и порол какую-то чушь. Жаль стало этого здоровенного мужика. Тимоха вспомнил, как на гулянке в Утесе Никита, радуясь, что выкачал золото у гостя, прыгал под гармонь. Он казался тогда драконом со своей черной мохнатой бородой и с такими же волосами.

«А золото у меня ты все же забрал...»

Однако обижать его, мстить Тимоха не желал. Он подумал, что у Никиты семья какая-то бестолковая. А у Котья еще хуже...

– Знаешь, мотай-ка ты отсюда, пока живой и здоровый, – добродушно посоветовал Тимоха.

Жеребцов обмер.

«Ах, и ты туда же!» – со злом подумал он.

– Ладно, я уйду! – сказал Никита. – Но тут локомотив должен прийти. Люди его доставят, однако, на плоту.

– Ладно, это ты не беспокойся. Мы эти сказки слышали.

«Вот когда он со мной рассчитался!» – решил Никита, зловеще поглядывая на Силина. Большая артель и хорошо слаженное дело должны были теперь остаться на произвол судьбы, а самому Никите приходилось убираться восвояси...

– А ты знаешь, что Голованов исчез? – спросил Тимоха. – Пропал куда-то... И Мастер уехал. И кто-то столбы поставил в тайге и выжег твою фамилию? Че перепугался? Да, Голованова след простыл, и никто его не видел, как и куда он уехал. Мне донесла полиция, что тайно отлучался с прииска Советник и опять вернулся. Как ты думаешь, что все это означает? А ты такую чушь мне порешь, какой-то еще локомотив... Машина паровая? Конечно, мысль эта, может, и есть у тебя! Но это не ты первый, а Ванька Бердышов стал покупать паровые машины для приисков. Она, знаешь, как паровоз, я еще в детстве видел, только не бежит, а стоит на месте... И прыгает от своей силы, дрожит, вернее, трясется. Выпей со мной на дорогу... Я ведь помню твоё угощение... Нынче пришел один ко мне и говорит, что, мол, президент, у тебя в зимовьишке полы грязные, я тебе пришлю бабенку, она приберет... И я вспомнил, как вы меня принимали на Утесе... Да... Знаешь, Егор упустил много. Он жалел людей... А мы с Сашкой сами простые и не хотим, чтобы нас убили, как его.

– Нет, я пить не буду, я не могу! – не выдержал Никита. – Но попомни!

– Я завсегда не забываю. А знаешь, что про тебя говорят?

А по реке вверх опять поднимались какие-то люди с товаром...

* * *

Силин сказал Татьяне Кузнецовой:

– Собирайся-ка ты завтра домой. Едут завтра Сизовы к себе в Хабаровку, и доберешься до Уральского. Я слышал, муж о тебе скучает. Василий с Катериной домоют до осени. Все равно не разбогатеешь.

Забирай металл и мотай с надежными людьми. Я Егору пошлю лекарство, и гостинцев отвезешь моим, они там мучаются и меня жалеют. Скажи, приеду скоро слушать ругань. Я бы и сам с тобой уехал, но тут люди, их, скажи, не могу бросить.

ГЛАВА 17

Как ни жесток был Никита, но и он просветлел, завидев зелень родного Утеса и убранные пашни. Семья у Никиты большая.

Отец с ума сходит от жадности к золоту, а сын к этому делу не пристрастился. Он – старательный, хотя еще и неумелый хозяин. Одна из дочерей уже старая дева, скоро девятнадцать лет, а все не замужем. Жена и девки управляются с хозяйством лучше мужиков. Не пьют, не шлятся.

По семье Никита не так соскучился, как по дому. Жена приезжала к нему за лето дважды: после покоса и после уборки. С докладом, как и что, за советом, чинить и стирать и поглядеть...

Ливни отлили, наступила наконец сухая осень. Глаз радуется, глядя на свои пашни, хотя и убранные. Никита не бродяга, не голь перекатная, всегда будет чем прожить!

«Неудача, и бог с ней!» – решил Никита. Спирька растревожил его своими разговорами. Артель была недовольна. Силой взять, отбить хороший участок у соседей не удалось. Никита втянулся в ссоры. Кажется, что зря его обидели, плохие люди – развернуться не дали. Нет на свете справедливости! Однако Никита сказал, что еще вернется. Он сейчас чувствовал, что его запугали. На всякий случай он застолбил хороший участок, но полиция у Силина все пронюхала.

Никита вспомнил, как один мужик обрадовался прежде времени, что приехал домой, ему вот так же оставалось перевалить Амур. Он у рыбаков выпил. И не доехал, только порадовался! Рыбаки потом его нашли.

Никита Жеребцов перекрестился, стал налегать на весла и больше уже не оглядывался.

Он перевалил реку, поравнялся со своими пашнями, обошел мыс Камень и увидал опять эти же пашни с другой стороны.

Вдруг он услышал пыхтение и свист, оглянулся и увидел, что под желтыми утесами, как раз под его домом, торчавшим белой крышей из яркой садовой зелени, стоит низкий плоский пароход с большой трубой и как бы опухшими боками. За ним видна не то баржа, не то халка. На берегу много людей в шинелях или в белых рубахах.

На песке стояло черное чудовище с трубой.

«Локомотив! Боже ты мой! Какой срам! – подумал Никита. – Куда я теперь с ним!» Никита узнал быстроходный казенный пароход из Николаевска. На нем обычно ездило военное и портовое начальство. Он заметил, что наверху ходят люди в мундирах со сверкающими пуговицами. «Полиция? – подумал он со страхом. – А может, к лучшему... Теперь мне можно не бояться! Полиция и солдаты! Зачем столько полиции? Неужели из-за локомотива?»

Никита все же решил, что не вовремя принесло его домой. Он хотел повернуть, но с парохода дали несколько коротких гудков: «Не смей!» Оттуда следили.

Никита сделал вид, что ничего не слышит. Со злом вытащил лодку на камни, выскочил на скалу, споткнулся, больно ударившись бедром.

Никита подумал, что перед отъездом с прииска надо было проверить свои столбы выше Сивой поляны. Он столбил не одно место. На карауле Никита узнал от Гаврюшки, что теперь многие разъезжались по домам. Почему Голованов скрылся? Неужели чуял? Никита искал его перед отъездом, но Гаврюшка говорит, что даже его не видал.

Наперерез Никите вышел полицейский небольшого роста, смуглый и улыбающийся. Даже страшно было видеть гиляка с неласковой улыбкой при таком мундире. Никита узнал Ибалку.

– Пойдем ко мне! – позвал его Никита.

– Не-ет! – ответил Ибалка. – А ты с прииска? – как бы невзначай быстро спросил гиляк.

«Что тут ответишь? Врать же не будешь!» – Никита и не ответил. И пошел, кляня себя. Хоть и свой человек гиляк, а все полицейская душа, тварь насквозь, иначе бы не взяли бы Ибалку. «Сразу меня поймал!»

Никита вошел в свой двор. Солдаты жгли костер. Двое сидели на бревне и никакого внимания не обратили на хозяина. Тут же какие-то рабочие в ичигах и длинных рубахах что-то носили. В полутемном проходе, разделявшем кухню старой избы от новой, сытый солдат с наеденной рожой, видно, чей-то денщик, заступил дорогу старшей Никитиной дочери. Она перешагнуть не могла через его погу и словно вжалась в стенку. Денщик опешил, завидя хозяина. Отдал честь. Дочь как ветром снесло.

В горнице обедали Оломов, Телятев и с ними молоденький пехотный офицер. Фуражки их висели чуть ли не под иконами.

Никита подумал и кинулся в ноги. Некоторое время стояла тишина, потом слышно было, как постучали ложкой.

– А ну, встань! – строго сказал Телятев своим приятным тенорком.

– Встань, да и рассказывай, братец! – сказал Оломов.

«Долгонько меня в ногах заставили валяться! – подумал Никита. – А мое жрут!»

Телятев встал и прошелся по комнате бойко, петушась, словно намереваясь расклевать. У него вялое и бесцветное лицо.

Оломов что-то бурчал, как бы изображая из себя зверя или машину. Телятев еще разок повернулся на каблуках и опять ушел на лавку.

Никита, только глянув на начальство, заметил своим мужицким хозяйственным взглядом, что они тут веселые и живут в свое удовольствие. Едут на разгон, что же не радоваться!

– Мой прииск заняли хищники! – заговорил Никита. – Я открыл прииск-то. Хотел заявку делать, а захватили другие.

– Почему же этот прииск стал твой? – спросил Телятев. Он сидел под полицейскими фуражками на бревенчатой стене.

Полина, красивая девушка пятнадцати лет, подавала кушанья, бегая через обширную горницу по крашеному полу.

– Там, говорят, смута, разврат, пьянство? – загудел Оломов.

Пехотный попялил zenки на Полину.

– Почему же этот прииск стал вдруг твой? – повторил Телятев.

– Я открыл! – сказал Жеребцов с таким видом, словно это всем давно известно. – Средства имею сделать заявку. Я даже бутылку там закопал с бумагой, засечки сделал на лесинах и столбы поставил. Вон локомотив заказал...

– Ага! Так, значит, это твой! Что же у тебя дома не знали этого? Никто не признавался, чей это локомотив.

– Да я и не говорил никому, сам не верил, получится ли...

– Садитесь, хозяин, к столу! – сказал Оломов. – Мы – ваши гости, уж не обессудьте нас.

– Да что уж это... Да я...

Полина давно отцу накрыла. Он неловко присел на табурет. Пехотный цвел, Полина с ним опять переглянулась. Никита хлебал

жадно.

– Что же за артель? – спросил Оломов, когда обед закончился.

Никита начал сбивчиво врать. Но, как назло, сразу чего надо не придумаешь.

– Ты не знаешь ли на прииске какого-нибудь бывшего чиновника на пенсии или разжалованного? – спрашивал Оломов.

– Был один, по прозвищу Советник!

– Советник? – воскликнул Оломов.

Телятев получил еще в городе анонимный донос. Автор подписался неразборчиво. Написано было грамотно. Приискатели обвинялись в противозаконной политической агитации. Автор сообщал, что среди крестьян ведут пропаганду анархисты.

– Ты знаешь этого Советника?

– Да, видел раз, может, и не узнаю.

– Пойдешь проводником! – сказал Телятев. – Говорят, туда почти невозможно подняться на лодках?

– Да их можно и голодом выморить, – сказал ему Никита.

– Нет, у них есть запасы. Мы все знаем. Их голодом не выморишь.

– У них амбары там стоят, – сказал Оломов.

Пехотный офицер полагал, что надо разведать все подробно, и попросил начертить ему план прииска.

Пришел Ибалка. Откозырял, щелкнул каблуками и доложил, что гольд явился. Вошел Денгура.

– Где ты был?

– В гости к соседям ездил, – ответил Денгура.

Когда Денгура приехал в Николаевск, явился к Телятеву, привез ему подарки. Поднявшись с кресла после разговора и как бы собираясь уходить, он, озираясь по сторонам, сообщил, что был на речке, на прииске и что там худо...

– Что же там такое?

– Там революция! – сказал Денгура.

– Какая революция? – как на пружине подскочил Телятев.

– Еще царя один раз хотят убить!

– Откуда ты это взял? Да ты что?

Телятев знал Денгуру, как почтенного и богатого деревенского торговца.

– А че я! Я не знаю откуда! Я не исправник! Все знают! Я сейчас хоть в Петербург поеду и скажу: «Политичка!» Революция знают, а никто не глядит... Моя русский начальника шибко любит! – вдруг ласково и кротко добавил Денгура нараспев: – Моя государя императора, – тут старик сложил молитвенно обе руки и поднял взор на огромный во весь рост портрет Александра Третьего, – моя царин любит, подарки хочет ему таскать...

«Я им, мерзавцам, покажу! Неужели?» – подумал тогда Телятев. Разговор этот происходил две недели назад в Николаевске. Телятев тогда только что получил известие, что Оломов выехал. Из Хабаровки то и дело шли телеграммы.

– Уй, ну как ты не боялся, – говорила мужу косая Исенка, глядя на губернаторский двухэтажный дом со шпилем и флагом, сверкавший верхним рядом стекол, поверх множества прибрежных халуп и землянок.

Муж и жена расположились на берегу у знакомого богатого гилыка, жившего в городе.

– Русский начальник или маньчжурский начальник – разницы нет! – поучительно говорил жене Денгура. – Каждый любит, когда хорошо обходишься.

– А ты знаешь, как с русским начальником обходиться?

– Все равно! Одинаково! Это все понимают.

Жена сопровождала Денгуру в Николаевск из Мылки, она взяла с собой запасы лучшей юколы, сушеных чебаков, масла, консервов.

– Скоро на Ух поедем, – говорил Денгура, – всех будем там разгонять. Меня сегодня высшее начальство хвалило.

Старик повеселел. Он ходил не сгибаясь, как в былые годы.

– Погоди, я еще сам большой начальник буду, – хвастался он. – Я власть люблю и начальникам нравлюсь всем, так хорошо буду жить!

– Это мне скажи спасибо, – говорила Исенка, – если бы не я, ты бы все сидел в Мылках.

– Я своим умом живу, – отозвался старик.

– Когда я тебе парня родила, ты повеселел. Сразу стал ездить, искать начальников, кому служить лучше. Молодой сразу стал, – смеясь сказала жена.

Денгура сам удивлялся себе. Ему было давно за семьдесят. Он чувствовал себя бодро. Жена его рожала детей. Правда, в кишках его обитало множество разных червей. Денгура был худ и сух, но зато деятелен, и только изредка стреляло ему в спину и болел живот, а больше он не чувствовал никаких немочей.

«Нет, я не похож на своих сородичей. Они все дохлые, а я какой здоровый и высокий. Конечно, я особенный человек, не такой, как все», – думал он, с жадностью хватая и разрывая зубами вареное собачье мясо, которое прислал ему в подарок гиляк-торговец.

* * *

Жеребцов выскочил во двор как ошпаренный. Лицо его было красно и борода всклокочена. Завтра с гольдами и полицейским-гиляком Ибалкой, который родом из здешних мест, ему предстояло вести отряд на прииск. «В компанию я попал!» – подумал Никита.

Похоже было, что прииск хотел захватить кто-то другой. Впотьмах на желтых песках, как огромная черепаха с поднятой головой, чернел локомотив.

ГЛАВА 18

Из клубящегося тумана, поодаль друг от друга, как кулисы в театре, плывут ржаво-темные с просинью скалистые мысы, разделенные обширными полукруглыми бухтами с гористым крутым берегом, обступившим их ровной, словно выведенной циркулем, чертой. В бухтах вода зеркально чистая.

Огромный изветренный мыс висит над пароходиком. Падающие мохнатые деревья на его скалах, а от мыса в глубь мелкого озера ушла рябая полоса вся в острых зубчатых обломках скал, как будто размыт каменный гребень.

Туман над водой рассеивается. Громадное желтое озеро блестит на утреннем солнце. Где-то далеко видны голубые гряды, увалы. От мыса экспедиция пошла на середину озера.

Оломов, Телятев и пехотный поручик сидят на белых скамьях капитанского мостика, курят сигары и наслаждаются видом.

Впереди по мелкому озеру плывет в оморочке старик, брат Ибалки, а за ним, на расстоянии выстрела, тихо бредет маленький пароход.

– Сюда не ходи! – кричит проводник, то и дело оборачиваясь в оморочке и обращаясь к пароходу. – Сюда ходи! – показывал он дорогу по озеру. – Тут канава...

Из тумана за озером всплыл острый камень.

– Сюда не ходи... Лево ходи, – как бы переводя проводника, крикнул Денгура, стоя подле рулевого.

За пароходом на буксире тянется баркас с солдатами, а за ним, как черные звенья цепи – несколько лодок. Солдаты втыкают в дно жерди, чтобы на обратном пути не сесть пароходу на мель.

Длинный ряд редких вех, как остатки какой-то городьбы, протянулся сзади по озеру вдоль голубевшей к горизонту воды.

Денгура вдруг пошел на нижнюю палубу на носу парохода и что-то тонко заверещал, обращаясь к проводнику, и тот так же тонко отвечал ему. Казалось, что у них пошла перебранка.

– Он следит за проводником, беспокоится! – сказал Оломов.

– Удивительно деятельный старик, – сказал молодой офицер, – сколько ему лет?

– Писотька и Овчинников жулики! – сказал Оломов. Он пустил табачный дым и покачал тяжелой толстой ногой с блестящим голенищем. – Но Денгура Бельды не такой. Это почтенный и знаменитый человек.

– Да, он как будто из идеальных побуждений, – с оттенком обычной двусмысленности, ответил Телятев.

– А тех выгнали с прииска за жульничество и разбой, – ответил Оломов.

Оломов мысленно входил в сложные задачи выборной власти на прииске, и хотя не признавал ее и ехал разгонять, но как власть с властью готов был соглашаться с некоторыми ее распоряжениями. Он был солидарен с таежными республиканцами по части охраны порядка. Котья выгнали, значит, не зря. О Жеребцове, Писотьке и Овчинникове он судил, как и самозванные президенты. В то же время все они вместе были для него не более как преступниками.

– Денгура в прошлом староста, – пощипывая ус, тупо глядя на воду и, казалось, думая совсем об ином, говорил плосколицый Телятев. – У него есть опыт. Это уж политический деятель опытный. Те действительно жулики, а этот ищет деятельности.

В присутствии власти Денгура сиял от удовольствия. Вот они красивые мундиры, блестящие пуговицы, оружие, шпоры. Он, старый Денгура, трудом, умом достиг, добился, что его допустили к высшим начальникам, приблизили, позволили одному из всех простых – из солдат, полицейских-гольдов и проводников стать на мостике, в святом месте парохода. «Добился? Я добился! Что теперь Удога скажет?»

Денгура живо соображал, что тут можно делать, а что нельзя, он принаравливался к новым порядкам. Отдавая команду проводнику в оморочке, он не кричал от руля, через головы начальства, а не ленился каждый раз сбегать вниз по трапу и по борту к носу, кричал оттуда и возвращался тем же путем, становясь между капитаном и рулевым. С рулевым Денгура хранил вид спокойствия и достоинства, но при Оломове и Телятеве таял от счастья. В его лести, ласковости к властям была наивность, восторженность, и он это знал и умело притворялся. Он радовался тому, что наконец нашел! Он давно целился, но были все неудачи. «А теперь маньчжуры мне не нужны!» Денгура с беззаветной преданностью готов был служить полицейским властям: «А чем эти

хуже? Еще лучше начальники, чем амбань! Пусть амбань керосиновым лампам радуется и удивляется!»

– Вы прекрасно понимаете людей, – сказал поручик, любезно обращаясь к Телятеву.

– Что же! Ваше замечание льстит мне, – как-то странно, с оттенком затаенной дерзости ответил тот. – Да, это талант должен быть, чтобы узнавать людей... Талант человеческий! Можно сказать, талант полицейский! – Высказав это, Телятев с любопытством посмотрел на собеседника, как бы желая знать, нравятся ли ему такие суждения.

Румяный, толстощекий и голубоглазый поручик, свежий и счастливый, соглашался со всеми сегодня, потому что и вокруг в природе и на душе у него было очень хорошо, и хотя он тревожился за предстоящую операцию – все же будет разгон, может и пальба, но эта операция сулила и ему солидные выгоды. Он был так счастлив, что с радостью смотрел сейчас на полицейское начальство, ведущее его к счастливой будущности.

– А какие места!

– Да, – сказал Оломов. – Швейцария!

* * *

За озером в голубом тумане, стлавшемся в вершинах пологих сопков, теперь уже высоко торчал острый камень. Оломов вызвал всех проводников наверх.

– Вон воронье-то гнездо! – залезая на мостик, сказал, показывая на утес, Жеребцов. Он в ичигах, одет потеплее и поэтому грузен.

– Какое утро! Какой воздух! – восклицал поручик.

Пароход слабо шумел колесами. Денгура что-то говорил Телятеву. Офицер курил сигару и волновался, зная, что сейчас все станут глядеть на него и что настанет пора ему действовать и показать себя.

Оломов посмотрел в подзорную трубу. Никита тоже вытащил подзорную трубу из-за голенища.

– Вон флаг-то на утесе! – сказал он.

– Где ты видишь флаг? Там нет никакого флага... – недовольно ответил Оломов.

Жеребцов дал ему свою трубу, и Оломов увидел, что на скале действительно виден флаг. Он удивился, что труба Никиты была лучше его собственной.

– Откуда у тебя такая труба? Зачем тебе она?

Жеребцов ощерился. Сказать исправнику, что купил он эту трубу у американцев, чтобы наблюдать с Утеса за бродягами, которых заставлял он работать на пашне за рекой, он не желал. Федька Барабанов научил всех...

– Так что из любопытства купил. – Он не решился признаться, где купил, полагая, что знакомство с иностранцами может начальству не понравиться.

– Новая труба! – заметил офицер.

Всем понравилась труба Жеребцова. Она лучше казенных.

Проводник в оморочке вдруг быстро поехал к пароходу. Денгура что-то говорил капитану. Раздался звонок.

– Дальше мелко – нельзя идти! – сказал капитан.

Пароход чуть слышно шлепал плицами.

Оломов с большим любопытством всматривался в местность. Помимо всего прочего, его интересовала эта таежная республика: устройство власти, наказания, ее законы. «Черт возьми, надо все это разузнать, – думал он. – Я ведь юрист! Юрист! Когда-нибудь, если действительно, как говорят нигилисты, всех нас по шее, то будет же какое-то народное устройство. Правда, во главе будут образованные люди, но и они будут все подводить под так называемый вкус народа. Что же это за вкус?» Он желал повидать главарей и поговорить с ними по душам... «Но уж пока моя власть, то я их растрясую, толстопятых, толстокожих!»

– У них есть наблюдение за озером? – спросил Оломов.

– Как же! Тут вот и вышка, шалашик под камнем, часовой сидит, – ответил Никита. – Да, извольте, тут нам... Мы сейчас...

Денгура на этот раз одет был в истертую бобриковую куртку, в бархатные штаны и ичиги. За поясом у него виднелись револьверы и нож. Всякий сказал бы, глядя на него, что это простой охотник, а не богатый купец.

– Наса могу перед ходить... Конечно, там человек сидит...

– Можно снять часового! – сказал поручик.

– Давай его совсем убиваем! – ласково обратился Денгура к Жеребцову.

– Нет, убивать не смейте! – оборвал Оломов гольда. – Вы что?

– Издали им не видно, что за люди приехали, – серьезно заговорил Жеребцов. – У нас купцы бывают, на пароходе сюда заходят, а к берегу также не могут пристать. Перегружают товар в лодки, не доходя до берега. Тот раз вода совсем малая была, быков по воде бродом верст пять гнали, да завечерело. Купец ночевал в лодке, а быки стоят в воде и ревут...

– Проводник один не надо ходить, солдат надо, – тихо сказал Денгура.

– Да, нельзя их пустить одних, – согласился пехотный офицер. – У меня есть разведчики. Снимут любого часового, приведут языка... Позвать Сукнова! – крикнул он, радуясь случаю отдать дельное распоряжение и выказать качества своих солдат.

– Нам нечего опасаться за солдат. Хищники увидят форму и не посмеют...

– Ну нет, там такие головорезы, что и пальбу откроют, а сами потом разбегутся.

Денгура льстиво поклонился.

– Обход надо, – сказал старик, – а то уйдут... золото унесут...

– Тут кругом на сотню верст болота, мхи, – сказал Никита.

По трапу поднялся унтер-офицер Сукнов и вытянулся перед офицерами.

– Пойдешь в разведку на лодке. С собой возьми проводника и двух солдат. Переоденься, и не спугните их.

Жеребцов знал, что на прииске о приближении отряда узнают заранее.

– У них два караула. Тут первый, а дальний на протоке стоит. На втором часовым живет Гаврюшка. Вот дока! Оттуда и телеграф проведен! – рассказывал Никита.

– Что же ты молчал?

– Да ведь что с него, с телеграфа. Забава! Он, что настоящий, государственный, словом, что и у них – одинакова...

– Как это одинакова?

– Ну, не работает...

Жеребцов знал, что Гаврюшке, может быть, уже сообщили, что идет полиция.

– А вода-то, вода, как круто валит, – замечали солдаты.

Мутный с густой желтизной поток шел из ущелья.

– Видно, там гребут золотишко.

– Да, там золотую-то тянут жилу!

Лодка с разведчиками быстро отошла от парохода.

– Будем ждать сигнала, – уверенно сказал поручик. – Какой воздух, какой воздух, господа! Чудесная амурская осень!

Через час заметили человека на скале, он махал флагом. Оттуда несколько раз выстрелили.

– Ну, господа, путь открыт! – густо пробасил Оломов.

Все засуетились.

От парохода и от баркаса отвалили четыре лодки, щетинившихся ружьями.

Сопка стала терять голубизну, желтеть, хвойная зелень и желтый березник проступали на ней, и вскоре утесы ее надвинулись к лодкам, а острый камень, видный издали, скрылся за увалом. Стуча сапогами по гальке, отряд выбирался на сушу и строился на каменистом берегу.

Сукнов подвел схваченного часового. Это был вятский мужичонка. Он караулил дорогу на прииск с дробовым ружьем.

– Стрелять хотел! – показывая его оружие, со злом говорил Ибалка.

– Батюшка! – кинулся мужик в ноги Телятеву.

– Вот вам первый образец таежных республиканцев!

– Сукнов! – сказал Оломов. – Поезжай на баркас. Говорят, можно в большую воду баркас провести на шестах. Начинайте с оставшимися людьми перегрузку в лодки и складывайте все тут на берег. Выставь часовых. Осадка будет меньше – подведешь баркас на шестах наверх. Не задерживайся с разгрузкой.

Сукнов оставался охотно. Он знал, что на прииске много крестьян-переселенцев, и ему не хотелось участвовать в их разгоне.

Подле утеса заночевали. Утром лодки пошли вверх по реке.

Неподалеку от Гаврюшкиного караула вперед отправилась угда с полицейским урядником, Ибалкой и пятью солдатами. Жеребцов стоял в ней на корме с шестом.

Гаврюшка вышел из травы.

– Стой! – прицелился в него урядник Попов.

– Беги бегом! – весело крикнул Ибалка и вынул револьвер.

– Здорово, Никита! – сказал Гаврюшка.

– Здравствуешь! – мрачно ответил Жеребцов.

Подошла вторая лодка с Телятевым.

– Проведешь нас дальше! – велел окружной Гаврюшке.

– С полным удовольствием! – гаркнул Гаврюшка. – Здрав желаю, ваше высокордие!

На прииске работа шла как обычно и слышался дружный стук и грохот, когда по берегу пришел посланный от Гаврюшки, его товарищ татарин Малай, и сказал, что прибыла полиция.

– Да вот они, братцы! – вдруг с отчаянием крикнул чей-то голос.

Из-за утеса вышли лодки. На носу передней солдаты в белых рубашках и в белых фуражках с красными околышами сидели с ружьями.

– Смотрите, как на празднике! – сказал Илья. Он бросил кайлу и с облегчением вздохнул.

«Неужели все? И можно будет уехать домой?» Двое схваченных по дороге старателей толкались в солдатской лодке шестами. На другой лодке толкались сами солдаты и двое гиляков.

– Шабаш, братцы!

Множество народу высыпало из штолен и колодцев на берег, на бугры и холмы и на поваленные деревья. С любопытством и страхом смотрели на подходивший отряд.

Илья пошел к берегу веселый, словно к нему ехали гости. Многие старатели еще мыли, они разгибались, не оставляя своих бутар, и глядели из-под ладоней на лодки долгим, тоскливым взглядом.

– Так вот она, таежная республика! Амурская Калифорния и Эльдorado! – сказал Оломов, оглядывая ряды балаганов, бутарки, шалаши, колодцы, черные входы в штольни, весь этот мирок, тесный, набитый мужиками, перемазанный глиной и золотоносным песком, лязгающий лопатами.

– Вон и скот у них, и кони. По-хозяйски все заведено! Вон и амбары, склады на той стороне! Да чье же это, господа?

Полицейские офицеры и поручик в белых кителях сошли на берег.

Никите стало жаль штрека. Хороший был ход! Какое крепление поставлено! Как на шахте! Сам же он со своей артелью вел этот ход и

хотел поставить тут локомотив для откачки воды. А пока качали бадьей и ведрами. Сколько силы зря ушло! Никита посетовал, что в простоте души и со страха перед полицейскими начальниками, которые все время были около него, он и привел-то их прямо на свой участок.

Напротив стояли товарищи, смотрели на Никиту, как на мученика, и ему становилось все совестней.

По берегу, шагая крупно, шел в болотных сапогах Оломов. Мужики стали снимать свои картузы, шапки и американские шляпы. Другие стояли не шелохнувшись.

– Ну? – подходя к толпе, спросил он. – Кто старшой у вас?

Толпа молчала.

– Есть же у вас артельный староста?

– Тут много разного народа, мы не знаем...

– Где же ваша выборная власть? – спросил Телятев.

Все почувствовали, что этот что-то знает.

– Нет такой! – живо ответил молодой парень.

– А где Силин?

– И его нет!

– Откуда же ты это знаешь? Ты всех по фамилии разве знаешь на прииске?

Парень смутился и спрятался в толпе.

Мастер просовывал между рослых мужиков свою маленькую голову, ему хотелось вступить в разговор, он дрожал от нетерпения и от многих мыслей, приходивших в голову. Но боялся. Жена велела ему молчать.

Старатели на отдаленных участках оставляли работы, и густые толпы их стекались к поляне. Послышался душераздирающий крик многих людей, женский визг, вся толпа пришла в движение. Видно было, как часть толпы вдруг полегла. Опять начался крик, потом раздался хохот.

Телятев со страхом оглянулся. Поручик живо выстроил свой отряд. Сорок человек солдат встали в две шеренги. Пехотный поручик шурился, испуганно глядя на сбившуюся толпу.

– Вы не беспокойтесь, – молвил Никита, видя, что поручик чуть ли не собрался стрелять. – Это штрек обвалился и люди под землю посыпались. Их сейчас оттуда подымут, и все установится.

Сзади раздался новый вопль. Береза треснула и повалилась вместе со своими зрителями, которые забрались в ее ветви и теперь запрыгали с нее, как голуби.

Все это было так страшно и необычайно. Поручик отдал команду, и ряд солдат проредел и превратился в двойную цепь. Ружья теперь взяты были наперевес.

Из толпы кто-то со страха запустил камнем.

– Какие-то жуткие, трагикомические происшествия, – сказал поручик, немного придя в себя.

– Нет, это они нарочно! – сказал озабоченный Оломов. Он был как в лихорадке, раздумывая, дать бы залп! Камень запущен, повод есть. Но все хуже в тысячу раз, чем предполагали. Сколько их тут, кто знает! Что будет, если вся эта орава начнет ответную пальбу? Известно: «Страшен русский бунт!» Тревожить их было опасно. У многих за плечами ружья. И эта была не вражеская армия, это свои, подданные империи, нельзя было приказать тут разоружиться, как военнопленным. Но и в грязь лицом не ударить и не переборщить! С какими трудами населяли здесь людей и берегли их. Не стрелять же по ним!

Из-за острова вышли еще две лодки с полицейскими. Подходила подмога. «Но что значит тут горсть солдат и полицейских!» – думал Оломов. На озере осталась халка и там полувзвод с унтер-офицером Сукновым. Оломов решил, что выхватывать виновных придется осторожно и не сразу. Надо действовать хитростью.

– Если совести у них нет, пусть стреляют! – кричал, обращаясь к толпе, сектант Кораблев. – Разве можно разойтись, такое богатство бросать!

Оломов подошел к нему.

– Я им постреляю! – сказал Андрюшка Городилов, перезаряжая револьвер.

* * *

Тимоха Силин сидел в своей зимовьюшке и рассматривал план нового участка, вычерченный Гураном на бересте, когда прибежал старовер Микешка и крикнул в окно:

– Кончай работу! Полиция пришла!

Силин и Гуран выскочили из своей конторы.

– А кто был в карауле? Как пропустили?

– На нижнем-то Макар был с Алешкой. Алешка, видно, мыть ушел, понадеялся на Макара. Макар-то им попался, не успел предупредить. А на верхнем карауле заметил их Гаврюшка, послал Малая, уж лодки подходили, Малай плыть-то уж не мог, травой пошел берегом, да вплавь, да вброд. Ночью не шли лодки, так и он не мог! А седне еле поспел. И тут же они выперли и ружья навели.

– Эх, подлость людская! – молвил Тимоха.

– Слабость! – сказал Гуран.

– Атаман, как теперь уйдем с прииска? – подходили старатели.

«Теперь крах всему! – подумал Тимоха. – Но я должен смотреть вперед!»

– Мы можем эту полицию перебить! Шутя! – сказал он. – Я видел, как в Расее бунтовали. Это – раз плюнуть! Но тогда откроют стрельбу, а тут бабы и дети.

– Нет, тут нельзя тягаться! – отвечал Микешка.

– Надо, надо стрелять в них! – сказал другой староввер. – Пусть убьют нас. И жен и детей! Пусть! – голос его дрожал от гнева. – Я первый кинусь!

– Тебя не выдадим, Тимоха, скрывайся, – сказал Микешка.

– Нет, я не побегу. Я только сначала к себе зайду переодеться и живо надо Ваську сюда...

– Да вон он едет...

– Мы тоже сразу не уйдем! – говорили старатели Силинской стороны. – Пусть гонят!

– Нет, надо идти! – подходя, сказал Сашка. Он был в черной шляпе и красной рубахе.

– Ну, Тимша! – сказал прибежавший Илья, спрыгивая с помоста, по которому возили тачки. – Революция началась! – Он усмехнулся. – Власть свергают!

– Ты чему радуешься! – накинулся на него старик раскольник.

– Ни че не будет никому! Сказали, по домам отпустят, и слава богу! Шут с ним, с металлом. Они выборных вызывают. Ты не ходи, скройся.

– Нет, мне отвечать! Я пойду за всех...

– Какая нужда! – сказал Микеха. – Надо их сбить с толку. Они не узнают никогда.

– Пароход пришел, предатели! Кто-то выдал!

– Зря не лезь... Если надо будет – они найдут, – твердил Микеха.

– Нет, я не хочу подводить общество. Сашка там?

– Вот он сидит, ждет тебя.

Сашка, понурившись, сидел на корточках.

– Выпустят людей с добычей или отберут? – спросил его Микеха.

– Черт не знает! – ответил Камбала.

Василий молодецкато выпрыгнул из лодки. За ним шел Ломов с ружьем.

– Мы тоже подготовились! – сказал Василий. – Саша, пойдём! – сказал он.

– Я выйду вместо тебя! Там пока говорят еще... – сказал Илья и, как в детстве, козлом запрыгал через отвалы, желоба и бревна.

Тимоха тряхнул головой, глядя ему вслед, и поплелся в зимовье за Василием и Сашкой.

– Живо надо, ребята! Микеха, ты тоже зайди сюда! – сказал молодой Кузнецов, закрывая окно. – Сколько мошки у тебя! И мухи!.. Сашка, забирай всю артель китайцев и мотай через Джанду и через хребет на Левашовский прииск... Китайцев могут замести и выдать в Китай, там им срубят головы. И сам уматывай от Левашова прямо домой к отцу! Управляющему все скажешь, как есть. Дома иди к себе. И все. Картошку как раз копать.

– Че уматывай! У меня паспорт!

– Нет, иди... А мы управимся. Дорогу знаешь? Китайцы и нас подведут, их надо спрятать...

– А че, не знаю, что ль?

– Смотри, чтобы с кекуров вас всех на Джанде не перебили староверы, которые в тайге живут... Отца стреляли, похоже, как они.

* * *

Стоя среди разрытых песков, Оломов отечески разговаривал с обступившей его толпой. В душе он слегка потрухивал и от этого старался казаться уверенней и строже.

– Прииск оцеплен и я приказываю всем разойтись! – громко говорил он. – Оставляйте работы и ступайте по домам...

В ответ кто-то засмеялся с дерева. Но на все эти дерзости и реплики Оломов пока не обращал внимания.

– Даю вам сроку до послезавтра на сборы. Я вижу, вы тут большим хозяйством обзавелись. Коровы у вас.

– Это для детей. Ребят не с кем оставить! – добродушно отвечала толстая баба с родимым пятном в поллица.

Оломов замечал, что в толпе нет никаких подозрительных личностей. Не видно интеллигентных физиономий, нет каторжных.

Вокруг стояла многолюдная крестьянская толпа. Но именно эта, на вид пассивная масса могла оказаться очень упрямой.

– А послезавтра чтобы никого тут не осталось!

– А хлеб-то как теперь?

– Кто теперь хлеб отдаст?

– Голодом два дня сидеть?

– А где же вы брали хлеб до сих пор?

– Да, эвон, пекарня-то на Кузнецовском, – показал Кораблев.

– Даром-то никто, поди, не даст...

– Вызовите мне сюда людей с... Кузнецовского! – сказал Оломов. – Живо. А ну... кто поедет?

– Я! – крикнул парень в картузе и быстро пошел к лодкам.

– Да где же ваши выборные? Что не идут?

– Пошли за ними.

Пехотный поручик недавно перевелся в Приамурье из Москвы. Он впервые присутствовал при разгоне хищников. Он представлял, что все это произойдет по-иному, выйдет полковник и скажет: «Именем государя! Приказываю...» – и пойдет! Толпа опустится на колени. Вместо этого шел какой-то несуразный разговор. Оломов не впервой разгонял и умел это делать. Но поручик почувствовал, что хищники здесь сильны. Он оглянулся на полицейских. Те, сняв рубахи, таскали из лодки грузы и разбивали палатки. «Все наоборот! Солдаты разгоняют, а полицейские работают!»

Ибалка распорядился в лагере вместе с урядником Поповым.

– Сколько же их! – разговаривали солдаты за спиной поручика.

В толпе кто-то урчал время от времени.

– Ты, сволочь, утихни! – истерически крикнула молодая баба.

– Ребята, уймите мишку, а то слушать не дает, – сказала другая.

Двое глупых парней сдавленно смеялись, подталкивая ручного кузнецовского медведя подальше от начальства.

Медведь сердился, ему, видимо, тоже хотелось слушать, он чувствовал, что всех, как и его, занимают эти приехавшие новые люди в красных украшениях. Как каждый медведь, он умел отличать новое от старого и всем новым интересовался. А люди, которые всегда его заставляли все делать по-своему, лишали его даже этого удовольствия. Медведь поплелся по толпе и скучал, зная, что со слабыми людьми даже пошутить нельзя как следует.

– Тоже слушать хочешь? – обнимая его ласково, спросила Катерина.

Медведь услышал знакомый голос и знакомый запах и улегся, скаля пасть и желая пожаловаться.

– Где же ваша власть? – подступая к толпе, спросил Телятев.

– Сейчас уж... они...

– Поди-ка сюда! – велел Телятев бородатому староверу.

Телятев старался показать, что совершенно не боится старателей. Он получал взятки с них и сейчас не желал, чтобы мужики подумали, что он с ними заодно. Но глухо побаиваясь губернатора и ревизии, расправляться с мужиками он все же не желал.

Старик шагнул к нему.

– Где твоя власть?

Старовер показал на небо.

Телятев взял его за бороду и дернул вниз.

– Глупости мне не говори...

– Жги огнем! – покорно отвечал старовер. – Кланяюсь богу единому!

– А государю?

– Государю! – ответил старовер. Еще подумал, снял шапку и поклонился.

– Так кто твоя власть?

– Господь наш! – ответил мужик.

– Я спрашиваю, мужики, где ваша выборная власть? – заговорил Телятев громко. – Мы должны сделать выгодные для вас распоряжения. Передать их выборным.

– Вот мы здесь все.

– Ясно, что выгодные!

– Иначе не приехали бы!

Медведь опять заурчал. Катька гладила его.

– В такую воду старались против течения...

– Это на Амуре прибыль, оттуда подперло. Видишь, и течение стало тише.

– Спасибо вам. Столько служивых с собой!

Глядя, как народ все подходит и раздаются все новые вопросы и слышатся насмешки, Оломов подумал, что если начнется сейчас сопротивление, то даже двумя ротами солдат тут не справишься. Он замечал современные дорогие ружья на плечах у старателей. Народ изрядно одет... «Так вот куда шел загадочный импорт!»

– Тихо! – зычно крикнул Телятев.

Он хотел пойти на толпу, но оторопел, столкнувшись лицом к лицу с Ильюшкой. Тот его однажды так припугнул, что Телятев его до сих пор боялся.

Сапогов, Бормотов и Микеха вышли из толпы и поклонились.

– Ваше высокоблагородие! – сказал Сапогов. – Вот мы...

– А-а! Ты? – обрадовался Телятев.

– Как же... Какое распоряжение надо – мы передадим. Все исполним, если что...

– Их высокоблагородие объявит! – сказал Телятев.

– Именем его величества государя императора нашего Александра Третьего, – громко заговорил Оломов.

В толпе стали снимать картузы и ружья с плеч. Старик с бородой встал на колени, многие слезали с деревьев, другие вставали с бревен.

Разговоры стихли. Сапогов приосанился и с важностью прошелся.

– За производство хищнической промывки золота закон карает тюрьмой! – продолжал Оломов. – Мы даем вам завтра день на сборы, и если станете все исполнять беспрекословно, то разрешим вам выйти беспрепятственно, оставив все производства промывки, а также инструменты на месте... А теперь надо действовать, – тихо сказал он Телятеву. – Глядите в оба! – велел он поручику. – И начинайте... Уклоняющихся будем преследовать! – снова повернулся он к толпе.

– Братцы! Все закончили! – объявил Силин, выходя в красной рубахе и лакированных сапогах. – Теперь надо разойтись...

– Послушай, эй! А чья это пекарня? Чьи амбары? – спросил его Оломов, показывая за реку.

– Это не наши... Иван Бердышов нас теснит, он выстроил, – ответил Силин. – Везде проник.

– Как это! Вы слышали что-нибудь подобное? Бердышов оказывается!

– Да... Что-то... – замялся Телятев.

– Вы можете затребовать их, там приказчик бердышовский живет...

– Кто это?

– Да Васька Кузнецов! Такой пройдоха! Из молодых да ранний.

– Отойдем-ка... Что же вы? – спросил Оломов у пехотного поручика.

– Р-ружь-я к бою! – скомандовал офицер так, что в тишине слышно было далеко и во все стороны. – Р-за, два, три!

С каждым его словом послышался дружный лязг оружия. Толпа, как вода с берега, откатилась, оставляя полицейских и офицеров.

– Ат-ставить! – скомандовал офицер. – Вольно!

– Фу, ты! – говорили перепуганные женщины.

– Наверно, еще будут стрелять, надо уходить отсюда скорей, – говорили в толпе.

– Нет, это они только пугают...

– Да это ничего.

– Семакины вон хотели ехать, да их задержали, велели возвратиться. Видишь, они сразу-то тоже не пускают... Еще неизвестно, что будет...

– Да нам с голоду помирать, продукта нету! – кричала какая-то женщина. – А они говорят, выезда до послезавтра с прииска нет. А мы собрались...

– Они заморят! Два дня! Столько ждать...

– Пекарня будет ли работать?

– Кто знает?

Тимоха поднял руку и показал, что надо отступить еще. Теперь цепью подошли полицейские. Они мрачно наблюдали.

Солдаты теперь стояли, опираясь на ружья. Караульные в белых рубахах виднелись у разбитых палаток.

– Так ты, значит, атаман? – спросил, подойдя, Оломов.

- Я атаман! – ответил Силин.
- Скажи, чтобы завтра приготовились отходить.
- Я уж объявлял.
- А где ты был до сих пор?
- Я? В шахте... Потом переоделся...
- Может, не все слышали... Народу много.
- Я обойду всех.

Тимоха забежал на холм песка и крикнул:

- Все слышали, что велено?
- Попятно!
- Как пекарня?
- Какое это имя производство оставлять?
- Кайлы, бутарки!
- А грохота?

– Грохота покупные! – отвечал Силин и покосился на полицейское начальство. – И ртуть тоже покупная.

Оломов где-то видел его, но не мог вспомнить. Вообще, ему казалось, что он всех этих хищников уже видел где-то.

Раньше ему казалось, что у всех китайцев одинаковые лица, теперь и у хищников они все представлялись похожими друг на друга. За последнее время Оломов вообще часто путал людей, с которыми встречался, и всем это было так заметно, что он не решался больше кого-либо опознавать вслух.

Память его слабела, и часто не хватало сообразительности, особенно в делах новых. Но вид его был свежий, и никто не догадывался, какая разрушительная работа шла в его душе.

Оломов осмотрел Силина от лакированных сапог до ключев на голове. «Так вот каков президент!» – подумал он.

– Что же это ты придумал? Что у тебя за порядки?

– Да у меня как следует! – ответил Тимоха. – Надо разойтись! Попросим, ребята, начальство, они за нас радеют, без пекарни не оставят...

– А ну, скажи, что это за амбары и строения на той стороне? – тихо спросил Телятев у Жеребцова.

– Это не прииска. Там какая-то разведка. Мы туда не касаемся, – уклончиво ответил Жеребцов. – От компании, видно.

– Что же это за компания?

– Да я даже и не знаю. Тут ведь многие поиски ведут...

– Те-те-те-е... – протянул Телятев.

«Первое пенсне!» – подумал он, глядя на вдруг появившегося Советника. Широкое лицо Советника с голубыми глазами было желтое, отечное, губы посинели и вздрагивали.

Оломов отвернулся.

Советник засеменил короткими ногами, догоняя его. Заглядывая с подобострастием ему в лицо, он спросил серьезно:

– Вы получили мое письмо, ваше высокоблагородие?

– Так это вы... – обрадовался Оломов.

Советник, чувствуя всю опасность своего положения, забегал глазами по сторонам.

– Где же вы были? – спросил Оломов.

– Я случайно оказался на дальнем прииске.

– Идемте!

– Я, знаете, стесняюсь... – Советник подхихикнул и, потупясь, осторожно огляделся.

– Только не исчезайте, – ответил Оломов и пошел к себе.

– Да, я... Я тут и все доложу.

* * *

– Ваша фамилия? – спросил Телятев.

– Кузнецов! – ответил Василий.

– Что вы здесь делаете? – спросил Оломов.

– Я уполномоченный фирмы Бердышова. Ведем поиск на золото.

Оломов вопросительно глянул на Телятева.

– Где ваша партия? – спросил тот.

– На той стороне.

– Сколько человек?

– Осталось десять человек. Другие оказались слабы и, пристав к старателям, ушли на промывку.

– Как же вы потерпели? Почему отпустили их?

– Я читал, что в Калифорнии с военных кораблей, присланных для разгона хищников, экипажи кинулись за борт и, вплавь достигнув берега, бежали на прииски.

– Что вы хотите сказать? Вы заметили, что кто-нибудь из наших солдат пытался хищничать?

– Нет, я говорю это в оправдание себе, что не мог задержать.

– Почему вы называете их старателями? Они хищники. Предъявите мне ваши документы. Паспорт и свидетельство.

– У меня нет документов.

– Почему?

– Когда мы шли сюда, то лодка моя перевернулась и часть инструментов и бумаги погибли в шторм.

– Хорошо, мы все проверим.

– Я послан Бердышовым из села Уральского.

– Вы оттуда?

– Да.

– Это у вас работает пекарня?

– Да, выпечка есть свежая, прошу вас прислать людей, я выдам хлеба для команды.

Оломов невольно смягчился. Он и сам давно не ел свежего хлеба. Оломов замечал, что Телятев теперь смотрел с недоумением, как бы что-то еще не совсем понимая. А до сих пор он ничему, бестия, не удивлялся и все понимал отлично. Кузнецов поставил его в тупик. Оломову за одно это понравился молодой человек.

– У меня пекарь отличный! Есть и другие запасы, которыми я могу поделиться.

– Мы расписку вам выдадим! – сказал Оломов. Он совсем сбавил тон и, казалось, устал.

– Позвольте... – окружной Телятев встал на обрубок дерева коленом, – начертите-ка мне план прииска. Где работали хищники, а где ваш участок?

– Мой за рекой, так называемый старателями – Кузнецовский. Вот здесь у нас амбар, склады, – стал рисовать Василий.

– Хищники не посягали на вашу территорию?

– Были случаи.

– А вы?

– Мы старались объяснить. К тому же пекарня у нас и мука завезена для большой партии еще в том году. А нынче весной должны были подойти рабочие. Но Бердышов зимой не вернулся из

путешествия, и люди не подошли. Либо шли и разбежались по приискам.

– Так вы мукой на них действовали! А они ведь могли всех перебить и забрать муку?

– У всех у нас есть среди них родственники и знакомые. Да у них и смелости нет такой. Это только вид, оттого что ружей накупили! Пока свежий хлеб, посылайте людей, а я поеду отдам распоряжение пекарю.

– Да, пожалуйста! Мы еще побываем у вас. Покажете нам все свои планы и постройки.

– Планов никаких нет. В этом году была вода высокая, и на перекате все погибло, как я уже говорил. Действуем по своему усмотрению.

– И как? – поднося лицо к его лицу, грозно спросил Телятев.

Василий улыбнулся.

– Промывку ведем второй год.

«В самом деле, из молодых, да ранний! – подумал Телятев. – Могли быть непредвиденные неприятности. Неужели бердышовский выкормыш?»

– Вы тут на холостом положении? Тут девицы, впрочем, есть?

– Нет, я с женой, – ответил Василий.

* * *

– Вася, я тебя хвалю! – сказал Советник, встречая молодого Кузнецова на переправе. – Что ты им сказал? С каким уважением тебя проводили! Никита, здорово! И ты?

– Да, пойду в свою артель, – ответил Жеребцов.

Он последнее время недолюбливал Очкастого и решил, что встречи с ним не к добру.

Старатели обступили Жеребцова.

– Кто же выдал? – спросил Кораблев. – Ты?

– Нет. Это скотские доктора! Видишь, стала, говорят, попадать рыба, брюхо ей взрежут – все хорошо, а голову начнут чистить и в жабрах находят золотой песок. Говорят, мол, мелочь, как пыль. Это

мне полицейский объяснял. Ну, здорово, Тимофей! – сказал Никита, видя среди своих слушателей Силина.

– Привел себе подмогу? Силы у тебя не хватило? – спросил Тимошка.

Жеребцов остолбенел, и пена выступила у него в углах рта, но от волнения он не мог вымолвить слова.

– А были еще приятели... Я еще тебя так угощал. Речку тебе открыл... Гулял как со своим.

– Это ты предатель! Ты весь прииск погубил! – закричал Жеребцов. – Ах ты ирод! Погубил такое дело, людей перессорил, спирт в реку выливал! Сволочь ты! Из-за тебя порядка не было. Погубил, все погубил. Меня унизил, опозорил, изгнал. Меня поймали, пришлось мне на старости лет прийти врагом на свой прииск. И-и... – взревел Никита, и слезы вышли у него из глаз. – Родная! – протянул он руки, как бы желая обнять и всю артель, и прииск, и тайгу. – Гибнем!

Он шагнул к Тимохе и вдруг ударил его зло, но несильно кулаком по шее.

– Ты че?

– Какое дело ты мне погубил! – кричал Жеребцов, не в силах удержаться и чувствуя, что еще больше позорит себя, что его слушают с неодобрением, что он не вовремя сводит счеты. Но обиды Жеребцова были слишком велики. – Ты мои столбы вырвал! – со слезами на глазах орал он. – Тварь! Ты думаешь, я не понял, когда ты меня с прииска выгонял, про какие столбы ты намекал? Мои они, мои! Какое дело ты погубил! Локомотив-то мне куда теперь? Он стоит, народ смешит на берегу, вот, мол, Никита, че хотел сотворить, а Силин-то ему дело все испортил... Да я тебя, сразу... Удавить тебя!

Медведь подошел к Никите сзади и обнюхивал его штаны. Никита почувствовал, что кто-то ткнул его под ноги. Медведь тронул мужика лапой за зад.

– О-ох! – осел Никита.

У лица его ощерилась пасть, черные, узко поставленные глаза уставились лукаво. Подбежал Илья, ударил медведя по морде. Васька стал гнать его пинками.

– Уже вырос! – молвил Гуран.

– Р-разойдись! – раздался крик, и полицейские стали расталкивать толпу.

Жеребцова подняли. Штаны у него были изодраны. Телятев икал от удовольствия.

– Р-разойдись! – кричал урядник Попов.

– Силин, ты пойдешь с нами! – сказал Телятев.

– Так говорите, он мужичка за гузно? – расхохотался Оломов, услышав о том, как арестовывали Силина. – За гузно? Мужичка? Ха-ха-ха...

День прошел сегодня благополучно, и старатели успокоились. Оломов велел пригласить к себе и осторожно арестовать президента, чтобы не скрылся ночью. Телятев не сказал старателям, зачем он приглашает их атамана.

Узнав о драке с Никитой, Оломов приказал:

– Жеребцова тоже арестуйте! Пусть он не лезет, куда не надо. И держите их порознь. Никиту на голодном пайке, на хлеб и на воду. А Силину пусть все подают, как и нам! Отдадим долг демократии!

* * *

– Они еще милостивы. Могли бы в два счета тут все расшибить. А на сборы время дали, говорили обстоятельно! – расходясь, толковали старатели.

– Как же! Сколько мы им переплатили на своем веку... Приготовишь калугу или осетрины лучшей – и к рождеству. А китайцы их одевали. Он прежде в Софийске был и ездил налог с нас собирать.

– Как бы атамана выручить!

– Я сам думаю, его били и его же посадили.

– Кузнецов, поди, не дурак, смягчал их все эти годы, – сказал Сапогов.

– Ты думаешь?

– Конечно. Он же совету отвечал, куда рез шел. Держали же мы посла в городе. Нет, тут кто-то еще по злобе затесался.

– Вот тебе и вольные старатели!

– Атамана били. А мы? Дураки русские, за себя не можем постоять без приказа!

– Всех побьют! – ответил старик старовер.

Утром старатели поднялись до рассвета. Женщины стирали белье. Кое-где начали промывку. Бывшие товарищи Никиты собирались кучками, рассуждали, что же будет.

С Кузнецовской стороны в артель Жеребцова приехал от Василия Кузнецова посланный Микеха.

– Живо, ребята, складывайте добычу и мешочки покрепче, перевяжите потуже, бирку свою каждый приладьте, значок ли какой. Мы это вывезем отсюда. Очкастый тут ходит пьяный. Очкастому не говорите.

– Куда же вы? Когда получим!

– На рождество в церкви на Мылках раздадено будет. Коли доведем. А то, говорят, при осмотре станут металл отымать.

Поздно вечером пьяный Очкастый бродил по берегу. Ему сегодня не спалось. «Выдал, и все!» Он любил доносы. Вся его жизнь здесь была не только накоплением золота, но и накоплением сведений для составления огромного доноса. Он наконец решился, составил такой донос и отослал с Дядей.

«Ура! Донос получен! Счастье! – хотелось кричать ему. – А после нас хоть потоп! Теперь прииск больше не нужен никому! Будет и прощение и благодарность начальства. И все встанет на свое место». Сейчас он чувствовал себя, как и Акула и Полоз, сверхчеловеком. «Я смею все! По моему мановению падает вся эта республика! Ха-ха! Люди пойдут в тюрьму! В полицию! Следствие! Ах, какие словечки! Началось крушение-с! Пожалте бриться, господа! Пора! Пора!»

Донос писался, когда еще все здесь процветало, еще можно было мыть самому, мыть и пить, и были девицы. Но Очкастый опасался, что все может лопнуть. Он чувствовал, что вот-вот все может выдать кто-нибудь другой, тот же Полоз, захочет выслужиться. «Идеи жадности, верность идеи доносов, осквернения человек, необходимого им, подлецам, для раскаяния!»

– Шкар-ла-ти-на! – вдруг истошно воскликнул он. – на весь прииск зараза, болезнь! Начали лечить! Поэт доносов!

Он был совершенно пьян и от спирта и от радости.

Кто-то подошел и сильно ударил его по глазам. Очкастый упал. Что-то подломилось под ним, и он провалился в рыхлую землю.

«Цел, кажется? – подумал он через некоторое время. – Не-ет, меня не так легко в могилу закопать! – подумал он, роясь в земле и стараясь

вылезти. – Что же! Всех заодно! Тем больше прав у меня, но куда я попал? В колодец? В штрек? О боже...»

ГЛАВА 19

Оломов и Телятев ночевали на раскладных койках в тщательно закрытой просторной палатке, в которой огнем были выпалены денщиками с вечера все комары.

Между коек устроен стол, на нем чашки, бутылки, дорожные приборы, сумки, походные чернильницы и револьверы, все навалено еще с вечера.

Оломов в серой мгле оделся сам, напялил, кряхтя и задыхаясь, болотные сапоги.

Возвратившись после прогулки с ружьем, когда уже вошло солнце, он увидел, что Телятев сидит и пишет за прибранным столом и в палатке полно мошки и комарья.

– Заходил ко мне этот отставной статский советник, – сказал Телятев, не отрываясь от пера. – Он уверяет, что никакой бердышовской конторы на той стороне нет, что молодой Кузнецов самозванец. Просит его арестовать и обещает представить свидетельство.

– Не может быть! – сказал Оломов, разряжая ружье и ставя его в подставку, чтобы было под рукой.

– Я не сразу поверил!

Телятев положил ручку и поднял голову.

– Почему вы его не задержали?

– Он очень спешил и боялся. Говорит, что вчера его столкнули в колодец, и он еле вылез ночью.

– Не может быть, чтобы жулик... Смотрите, какой отличный хлеб вчера на всю команду прислали.

«За один этот хлеб в тайге, – полагал Оломов, – можно скостить бог знает что!»

– Да, предпринимательство чувствуется!

Вчера вечером, видя, какая масса старателей собралась здесь, Оломов послал записку на пост на озеро Кизи с просьбой срочно выслать полуроту солдат из укрепления.

– Советник, его фамилия Модзолев, или, не помню точно, Судалев, какая-то очень сложная, он просил пока звать его Советником. Говорит, что амбары и пекарня все это республиканские

учреждения... Мол, дух противоправительственного протеста дышит там в каждом бревне.

– Надо, конечно, допросить Кузнецова как следует. Пошлите туда людей. Вечером заедем вместе, как бы в гости, и посмотрим сами. Но пока он кормит, не будем тревожить. Допросим перед отъездом, и если надо будет, то заберем с собой до выяснения и бердышовского управляющего. Во всяком случае, он на виду.

– Конечно, можно потом извиниться перед Бердышовым, – сказал Телятев.

– Подозрительно, как у него документы утонули. Это ведь он вчера говорил, что лодка перевернулась?

– Да, он...

Телятев тоже еще не во всем сразу мог разобраться. Он на свою память еще надеялся. Но масса людей, проходивших перед глазами, сливалась. Трудно было найти виноватых.

* * *

Обоих полицейских офицеров угнетало чувство опасности. Прииск как бы давил на них, некогда еще было заниматься отдельными личностями, могло вспыхнуть что-то вроде восстания.

– Вы слышите, они опять моют! – сказал Оломов. – Они опять моют! Опять моют! – возмущенно повторил он.

– Да, стучат! И пусть! Нам же лучше...

– Нет, это недопустимо. Я объявил именем...

– Мало ли что именем... Вы ничего не сказали, чтобы не мыть. Вот они и моют, вместо того чтобы собираться...

– Как же быть?..

– Ибалка! – крикнул Телятев.

Вошел гиляк.

– Бери отделение, пройди по прииску и прикажи, чтобы не смели мыть, – сказал Телятев.

– Да сломайте там что-нибудь... Вот у них вчера обвалилась штольня, может быть, это можно самим сделать?

– Там люди могут оказаться. Родные на вас же напишут жалобу.

– А вы действуйте осторожно. Жизнь жалейте и бейте, не ломая костей, за исключением крайности. Может быть, послать Попова? Он – артист, умеет бить, не ломая костей! Надо немножко оживить прииск, а то мы чувствуем себя, как их соучастники...

– Да скажи, чтобы привели на допрос их президента.

– Какой толк в нем? Пустышка, мужик совсем неграмотный!

– Нет, тут что-то есть... Именно что неграмотный!

Около палатки загремели кандалы.

– Заковали тебя? – спросил, выходя, Оломов. – Теперь надолго. Первый раз?

– Я?

– Ознакомишься, своих в тюрьме встретишь. Будешь умничать – пойдешь на Сахалин, на каторгу. Говори лучше всю правду, а то пойдешь, как политический...

– Я и так, как перед богом истинным! Мы каждое утро молились за его величество ныне царствующего...

– Молчи лучше... Смеешь своим поганым ртом произносить! Говори, ты был? Ты что не отвечаешь? Ты или кто-то другой?

– Не знаю. Как будто я.

– Или ты только подставное лицо?

– Полиция мне подчинялась, порядок наводили, а политики не было никакой. Мы хозяйство хотели укрепить.

* * *

Мимо палатки, гремя оружием, отправился на прииск Ибалка вдвоем с пожилым полицейским. За ними пошли еще двое.

... Утром Советник пробился в палатку и представился Телятеву.

– Действительный статский советник, достиг в молодые годы высокого положения, но уволен без пенсии и чинов, отставлен от службы. Могу дать полную информацию. Вся правая сторона такой же прииск, как и левая, Силинская. Васька Белый – самозванец... Никакой бердышовской поисковой партии не существует.

– Где же вы раньше были? – спросил Телятев. – Мы здесь второй день.

– Я не мог пробиться к вашему высокоблагородию... Залог – мои седины, лысина... – Он поклонился, потом поднял голову, снял очки, показал свои бледные глаза навывкате. – Особые приметы, – ткнул он пальцем на шрамы на щеках, – паспорт! К вашим услугам.

Телятев терпеть не мог таких личностей. Склизкая бестия! Доносил сейчас ему, но мог донести и на него.

– Да, это я... Я вам все расскажу. Их лозунг – государь не отец народу. Они за республику. За свержение самодержавия... Есть крамольники приезжие, а есть из собственной среды. Разрешите мне еще некоторое время побыть среди них. Там готовят бегство. Прячут золото, и часть их скроется в тайгу. Я все узнаю! Не держите меня, а быстро отпустите. Я буду эти два дня подавать известия. При проверке мы задержим их.

* * *

На другой день все поднялись перед зарей. Солдаты и полицейские строились с оружием в руках. Две лодки с полицейскими пристали к острову посередине реки.

Ни одна лодка старателей не прошла бы вниз по течению без проверки.

– Они не идут! – входя в палатку, сказал пехотный поручик.

– Сами и не пойдут! – отвечал Телятев.

– Теперь не церемониться! – сказал Оломов. – Политических так, однако, и не обнаружено...

Выйдя из палатки, Телятев позвал урядника Попова.

– Живо цепью по прииску. Гоните всех прочь. Ломайте все начисто. Рубите и разбивайте бутары, обваливайте штольни, а то они работают...

– В случае вооруженного сопротивления пустим солдат, – сказал Оломов. – Зарядите ружья!

Урядник вдруг посерел. Приказание все ломать и громить прииск до прихода подкрепления было для него неожиданностью. Он было надеялся, что после позавчерашней разминки и ареста Тимошки хищники, которые и не противились особенно, совсем не станут спорить, а начальство не станет затевать побоища. Хищники эти

вообще-то казались ему не задиристыми: ночи прошли тихо, казалось бы, должны все покориться.

– А тех, кто ведет промывку, сгоняйте на отдельную поляну, – говорил Телятев.

– Стр-ройся! – выходя, крикнул урядник.

Впереди был огромный табор – может быть, до тысячи народа. «Легко сказать их бить! А если они остервеются?» – в досаде думал урядник, слушая наставления Телятева.

Вся трудность разгона, все грязное дело ложилось теперь на урядника.

Попов – хитрый кареглазый человек, жилистый и коренастый.

Любимым занятием его было сидение в полицейском управлении в Николаевске. Сидеть умел он особенно, с важностью и достоинством. Он любил читать переводные французские романы и на службу всегда брал с собой книжку.

С юных лет мечтал он служить в полиции. Служба полицейская еще тогда понятна ему была, как сидение у красивой, полосатой будки или на крыльце в форме, с оружием, с усами, в верности начальству, как бы соблюдение самим видом, сидением закона и порядка.

За годы службы Попов привык к приятному бездельничанью.

На Амуре, ниже Софийска, если не считать трех-четырёх вольных сел, был мир каторжников, ссыльнопоселенцев, бесправных туземцев, где всякого, кто без формы или без отличий, можно было осадить, обругать, – полицейским было раздолье. Но особенно Попову нравилось находиться в управлении на дежурстве, где все прокурено махоркой, оконца для просителей маленькие, кругом строгости, посетители робеют и, кроме грубых отказов и насмешек, ничего не слышат.

А сейчас душа замерла. Тут столько вольных мужиков! И надо их гнать! Попов всегда ненавидел вольных, и охотно поднес бы каждому плюху-другую. Каждый свободный человек, не арестант и не ссыльнопоселенец, не солдат, казался ему опасным, ненадежным человеком. Но тут их было этакое множество! Тут уж кулак собьешь на половине!

Попов был драчун, но он понимал, что его ждет, если эта ватага рассвирепееет.

Пришла пора отслуживать начальству, расплачиваться за безделье, за сидение в полицейском управлении, за важничание, за всегда сходявшие ему издевки. Урядник стал готовиться с досадой, с обидой.

– Если бы верхами! – сквозь зубы процедил он. – А то как их тут взять?

– Пустяки! Как это нельзя взять! – спокойно, словно его это не касалось, ответил Телятев. – Да поживей! И без всяких объявлений идите и ломайте их балаганы, бутарки... Ибалка! Ты живо помоги!

Гиляк сверкнул глазами. Он вдруг с деланным раздражением прикрикнул на Попова:

– Че копаешься?

Попов поспешил. Цепь полицейских и десятских, как называли мужиков, вызванных из табора в помощь полиции, тронулась к прииску.

Телятев усмехнулся вслед Попову. «Сейчас всю свою досаду выместит на мужиках! Зажирел, сукин сын, полицейская собака!»

* * *

Полицейские стали быстро разгонять старателей. С криками, неся на руках детей, вдоль берега побежали женщины. Треск ломаемых балаганов, брань, вопли, плач поднялись над долиной. Мужики не сопротивлялись, патрули подвигались быстро.

– Вот самая-то смута, самое гнездо, – подводя полицейских к балагану староверов, сказал какой-то мужичонка.

Злобно оглядывая толпу, шагал низкорослый урядник. Солдаты подрубили жерди у балагана, и все рухнуло.

– Собирайтесь живо! Эй там, на бутаре! Кончай промывку! – крикнул полицейский.

Мужики столпились, угрюмо глядя, как ломают их табор. Валами подходили вятские, тамбовские, староверы. Толпа густела. Живая стена людей преграждала дальше путь полицейским. Началась перебранка.

Попов видел, что тут, кажется, кладется ему первое препятствие и что сразу же, не теряя времени, надо здесь же его и разбить. Он понимал, что должен пример подать сам.

– Замолчать! – крикнул Попов.

Цепь смело двинулась на мужиков. Оглядывая их испуганными детскими синими глазами, шел, замахиваясь прикладом, румяный молодой солдат, с лицом, перекошенным от ужаса. Он видел, что это обычные люди, крестьяне, как везде, но его уверяли, что это злодеи, и он боялся и ждал какого-то зверства от них.

Урядник зашел в воду и, подойдя к бутарке, схватил Микеху и, размахнувшись, ударил его кулаком по лицу.

Толпа дрогнула.

Из штольни вылез Илья Бормотов. Он с ног до головы перепачкался в глине. Толстым слоем желтой грязи было покрыто лицо его. Он увидел, что мужиков били, толкали, гнали, полицейские и солдаты шли цепью и как бы очищали землю, все ломали, рубили, бросали в реку. На болоте, за редким перелеском виднелась цепь солдат.

– Да что же это, братцы! – вдруг отчаянно завопил какой-то старик. – Гляди, уж и одежду дерут – в реку сбрасывают!

Кто-то сорвал с него старую ватную куртку, и она плыла по быстрой воде.

Илью толкнули в плечо.

– Живо ступай!

Он было уперся. Развернувши широкую грудь свою, Илья выступил вперед. И как бы радуясь, что промывка закончилась, он подскочил к уряднику и так схватил его, что с полицейского мундира посыпались пуговицы.

– За горло! – захрипел урядник, хотя горла его никто не трогал.

– А хотя бы и за горло! – краснея до корней льняных волос своих, выступил спиртонос Андрюшка. Зажав в кулаке свинчатку, он двинулся под штыки и приклады и сразу же дал такую затрещину одному из полицейских, что тот повалился, как бык на скотобойне.

Подходили солдаты.

– Эй, амурские вояки! – засмеялся Андрюшка. – Они няньками у офицеров служат, казармы строят, рыбу для начальства ловят – у них ружья-сабли можно поотбирать.

– Эй, не трожьте солдат...

– Молодые, еще не битые, полиции не знают! – кричали старики. – Покоритесь, ребята... Отступитесь! – просили они.

– Нет, как ты смеешь! – орал на Илью урядник. Он искал на боку револьвер, но в драке кто-то оторвал его оружие.

– Мы тебе не то что пуговицы – голову оторвем! – сказал Налим.

Мундиры, оружие, плети, кокарды были вокруг него. Его как бы пугали всеми этими признаками власти, чтобы не сопротивлялся.

– За что? За что? – заорал кто-то из мужиков.

– Да брось ты! – смело толкнул урядника в грудь Андрюшка.

– Не давайся, ребята, и золота не отдавайте!

Налима ударили так сильно по голове, что у него сразу же искры брызнули из глаз. Он закачался, но тут же получил новый удар еще сильнее. Он почувствовал тупую силу и хитрость кого-то, подобравшегося к нему, услышал вокруг себя злорадный смешок и, оглянувшись, увидел широкое красное лицо пожилого полицейского с пристальными острозлыми голубыми глазами.

– Разбойник! – слабо молвил Налим. – Но ты меня не собьешь.

Голова его кружилась. Удар как бы расстроил все тело. Налим потряс головой и кинулся вперед.

– Бе-ей! – истошно заорал Попов.

Полицейские кинулись на толпу и стали бить всех подряд прикладами.

– Избива-а-ают!

Налим схватил какого-то полицейского за лицо, закрыв ему глаза и рот своей широкой ладонью, и с размаха швырнул его на урядника так, что оба повалились.

Андрюшка Городилов чувствовал себя сегодня не одиноким контрабандистом, как всегда, а заодно с народом. Отчаянный драчун и смельчак, он цепко хватал своих давних врагов – полицейских и бил их, пинал своими коваными сапогами.

– Ловко ты их!

На прииске Андрей боялся президента, боялся Камбалы и старателей, а тут с ним заодно был весь приисковый мир. Сейчас Андрюшка никого не боялся. Все за него! А самого себя он надеялся выволить из любой беды.

– Я их сегодня покрошу!

– Аа-а! Вот ты где! – вдруг признал его какой-то краснорожий в мундире. – Тебя давненько ищут.

– Я не скрываюсь! – гордо ответил Андрюшка. – А вот я тебя тоже давно ищу, – схватил он краснорожего за рыжие усы, – пробить тебе башку ливорвертом?

– Илья! – вдруг воскликнул кто-то из солдат.

– Свой? – спросили солдаты у товарища.

– Свой!

– Вот, ребята, свой... Эй, не трожьте их.

– Ребята, не дерись! – крикнул Илья, меняясь в лице. Полувзвод солдат, только что прибывших с разгрузки баркаса, составлен был из бывалых солдат, ходивших не раз по границе за шайками хунхузов и участвовавших в стычках.

«Боже ты мой, да ведь это наши!» – думал Сукнов, торопясь вперед и оглядываясь на Илью, который сбросил картуз и кинулся умываться.

– Братцы, да братцы! – кричал Сукнов, вмешиваясь в свалку, – покоритесь! Себе же хуже делаете! – умолял он мужиков.

Но и солдаты и мужики ожесточились, и его никто не хотел слушать.

– Не жалей! – кричал ему унтер. – Это хищники, бродяги!

– Тут, ребята, братья встретились! Не бейте их! – говорили солдаты.

Высокий, мертвенно-бледный и вялый на вид старатель, с безумным взором блеклых бесцветных глаз вдруг ударил Сукнова палкой. Андрей увернулся, удар пришелся по ложе ружья.

– Ах ты, бродяга! – Сукнов ловко ударил мужика прикладом и сбил его с ног.

Раздался рев. Сшибая мужиков, солдат и полицейских, в толпе на две-три головы выше шапок поднялся перепуганный громадный и мохнатый кузнецовский медведь и развесил лапы над головами. Пасть его была оскалена, с длинного тонкого языка текла злая слюна.

– Эх, вот это зверь! – воскликнул кто-то.

– Братцы! Спасайся...

– Мужики озверели!

Раздался выстрел, но зверь схватил чье-то ружье и надвое переломил его. Толпа пришла в ужас.

– Не злоби его! Не стреляй!

– Всех погубит!

– Он ручной, служивые, не тронет!

Все кинулись врассыпную. Среди расступившегося народа весь в слезах бежал Васька.

– Миша... Миша... – кричал он. – Не любит, когда дерутся. А так он спокойный...

Но медведь его не слушал.

– В речку бегите, он воды не любит, – крикнул Васька двум полицейским.

Те спрыгнули с берега, и следом за ними забултыхались мужики. Один из полицейских понесся по быстрому течению.

– Тону-у! – орал он.

Медведь подбежал к споткнувшемуся уряднику.

– Братцы! Братцы, спасите! – заорал Попов, обращаясь к мужикам. В драке его подмяли, и кто-то из солдат, перепрыгнув через пень, нечаянно попал ему на ногу и, как видно, сильно ударил кованым сапогом.

Мишка задумчиво швырял урядника, как бы выбирая, где лучше ухватить его. Подскочил Илья и дал пинка зверю. Он хотел помочь уряднику подняться. Илья теперь с вымытым лицом, в нижней рубахе.

– Ладно, лежачего не бьем, вставай...

– Братцы, не могу... не трожьте! Помираю... – хрипел Попов.

– Давай руку, – сказал Илья, – ничего, отойдешь! Вставай!

Подошло начальство. Мужики расступились, снимали шапки и кланялись.

– Покоряемся! Прости, отец!

– Что значит покоряемся? И не думаем...

– Батюшка, господин ваше высокоблагородие, мы уйдем... – говорили многие старатели, уже пугаясь сейчас того, что сами наделали.

– Золото сдавать! – объявил Оломов. – Подходите семьями, будем проверять. Сразу усаживайтесь в лодки и отваливайте. – Он обратился к урядникам: – Тех из них, кто дрался, если запомнили, отделяйте... Отправим в город.

– Ружья к бою! – снова скомандовал поручик.

– Уйдем, батюшка! – Многие из них падали на колени.

– Стреляй! – насмешливо кричали Оломову из толпы старателей.

– Тебе, толстомясый черт, еще отольется, – крикнул Андрей Городилов. – Встретимся в тайге.

– Когда будут уходить, задерживайте тех, кто сопротивлялся, – повторил Оломов полицейским, – кого опознаете из этих крикунов – арестовать!

– Да вот уж погнали десяток! – ответил Ибалка.

Мимо провели Налима со связанными руками.

– Надо бы их всех в тюрьмы! – сказал пожилой полицейский.

– Пусть уходят, – серьезно заговорил Телятев, возвратившись в палатку, – лишь бы золото сдали. После такой потасовки кому охота отстаивать прииск... Они знают, что за сопротивление подлежат наказанию. – Телятев помолчал и с потаенной гордостью добавил: – В сознании вины теперь охотно и как можно скорей уйдут с прииска и все золото отдадут.

Где-то поблизости ласково баюкала женщина хныкавшего младенца.

«Провокация никогда не вредит! – подумал Телятев. – Я сразу всю округу, весь стан превратил в виноватых! Мужички совестливы, когда рыльце в пушку. В округе, где все виноваты, очень выгодно. Каждый захочет замолить, замять свое преступление, это ли не удача! Виновный мужичок совестлив и податлив!»

Еще утром никто не хотел уходить с прииска, а теперь, напротив, все спешили убратся поскорей от греха, чтобы не пришлось отвечать...

Полицейские обыскивали каждого, и писарь всех записывал. Многих отводили в сторону. Прошедшие обыск садились в первые попавшиеся им на берегу лодки и отъезжали.

Илью окружили солдаты.

– Поедем с нами! – говорил ему Сукнов. – У нас халка на озере и пароход на буксире. Ты протащишься на лодке три дня, а тут как выйдем и к обеду будем на Утесе.

– А возьмут?

– Я скажу поручику. Он говорит, что видел, как ты стоял и уговаривал не драться.

– Да, я домой собрался... А что Настя?

– Дома... Так поедешь?

– Я пожалуй. Когда надо?

– Да завтра, наверно, уйдем, когда всех перепишут.

– Иди-ка сюда! – позвал Илью пожилой полицейский.

Он стал что-то говорить.

Илья поехал с Василием на Кузнецовскую сторону.

– А староверы ушли сразу, как полиция появилась. И шкуры, и кресты, и золото на себе унесли, – рассказывал Василий, – я только утром след по траве видел – роса обита. А лодки изрубили и сожгли. Тайгой, тропами ушли.

– Древний-от род-от – староверы-то! – говорила Ксения. – Раскольники они! Все по-своему думают. Века в лесах спасаются, знают, как тайгой ходить. И политические-то сразу пропали. Они, верно, переменялись и с мужиками вышли, лапти надели – свое-то дело сделали...

* * *

Пропуск уходивших с прииска стал замедляться. Начальству хотелось взять больше золота, поэтому обыскивали тщательней, вычесывали золото из волос, вытаскивали самородки из-под щек, из носа, распарывали швы, резали подкладки. Большинство приискателей были люди неопытные, робкие, впервые пришедшие на прииски, они всему покорялись, ожидая своей очереди на обыск и не решаясь отойти от берега, чтобы скрыться в тайге. Они боялись тайги, спиртоносов, охотников на горбачей больше, чем полиции и голода.

В таборе кто-то умер, говорили, что начались болезни.

– Ну, кажется, порядок на Амуре восстановлен! – похаживая по траве, говорил Телятев.

Все полицейские набрали себе золота. Ибалка отнял себе несколько самородков.

– А ты, Жеребцов, освобожден и теперь уходи отсюда! – говорил Телятев. – А то мы тебя должны будем судить как хищника. Я тебя предупреждаю. Если через час след твой не простынет – пеняй на себя!

– Кто будет претендовать, пытаться заявки делать на прииск – арестовывайте и отправляйте в город, – сказал Оломов.

– Ведь обещали удовлетворить! – бормотал Жеребцов. – Ну хотя бы дяляночку, – опустившись на колени, молил он. – Одному-то мне... за службу. Ведь я столбы ставил.

– Я сказал, претендентов всех отправлять в тюрьму.

– Ну, погодите... – отходя к лодке, рассвирепел Жеребцов. – Дай срок!

* * *

Андрюшка ночь проспал в штольне, а на восходе солнца выбрался наружу. Он решил уйти с Силинской стороны последним. По доброй воле он как бы прикрывал отступление всех старателей.

Утро было холодное, тихое. На полотнищах бересты, на сломанных балаганах блестел иней. Сегодня прииск был пуст совершенно. Ни дымка не видно, не стукнет весело лопата. Зияют полуобвалившиеся входы в штольни, чернеют пепелища от костров и огромные пожарища от сожженных самими старателями амбаров. Разбиты балаганы, шалаши, свалены жерди, на которых, бывало, весело полоскалось стираное белье.

– Эй, вороны! – вдруг крикнул он бродившим вдали полицейским и дико засвистел: – Я здесь! Куда идете?

Из-за горелого амбара бежали прямо на него двое полицейских.

– Лови! – крикнул один из них.

Андрюшка выхватил револьвер, выстрелил.

– Хватит тебе прятаться! Попался! – кричали набежавшие полицейские.

Андрей вытянулся. Он гибко завился направо и налево, как бы ища исхода.

– Нет, еще не попался! – краснея до ушей и сверкая голубыми глазами, крикнул он и могучим прыжком вскочил на помост.

Пока полицейские опомнились, Андрей уж был на берегу и, с разбегу прыгнув на завал, бежал по нему и грозил перестрелять их.

* * *

Андрюшка ночевал на озере и утром, перевалив его, ехал узкой протокой, держа путь к Амуру. В кожаной суме на груди у него толстым ровным слоем золото – песок и самородки. Сума двумя ремнями крепко пристегнута к телу.

Тихая, бледная протока широкими загибами медленно вьется среди густых низких берегов, поросших высокой пожелтевшей травой. Сопок не видно, кругом поймы, бескрайние болота, и среди них водная дорога, путь к большой реке. Над поймами мгла. Во мгле солнце ослабло.

«Я их на прощание угостил все же как следует!» – думает Андрей.

Вдруг на берегу трава зашевелилась. «Что за чертовщина, ветра нет... Зверь или человек? – подумал Городилов. Сердце его замерло. – Бросить весло?.. Ружье схватить?» Колосья заколыхались, трава раздвинулась, и из луга вниз сошел на песок человек с ружьем.

– Чего сжало тебя? – спросил он.

Голос его, ясно доносившийся по тихой воде, был знаком Андрею.

– Терешка! Здорово! – воскликнул он и повернул лодку к берегу.

Контрабандисты крепко обнялись и трижды поцеловались.

ГЛАВА 20

Чуть забрезжил темный рассвет над синим переливом гор, как в окошко постучали, и Катя, вскочив с пола, заглянула под занавеску. В избе на полу Ксения, Василий и Федосеич.

Илья накануне назначен был в проводники небольшого отряда полицейских и солдат, который ушел на двух лодках в верховье реки, чтобы удалить оттуда старателей.

– Сашка пришел! Господи! – сказала Катя и зевнула. Она откинула запор, и Камбала, с мешком за плечами, в шляпе и с палкой в руке, тихо вошел. Он сел в углу, снимая свои дорожные сапоги. Сейчас он не похож на важного и видного Камбалу. Сашка стал щуплый, маленький и худой, скулы его плотно обтянуты кожей.

– Ты пришел? – спросил Вася.

– Да.

– Людей довел?

– Довел.

Василий подивился, что человек в одиночку вернулся по тайге. Он подумал, что за такую дорогу не мудрено исхудать.

– Никого не встретил?

– Нет... – неуверенно ответил Сашка. – Я не знал, че тут, маленько боялся...

– Пока ничего.

– Придирались?

– Маленько.

– Мне кажется, что Советник – шпиона.

Не хотелось Ваське вставать. Так тихо и хорошо и все так дружно спят, все свои и во сне забылись неприятности.

– А ты не зря пришел?

– А че? – встрепенулся китаец.

– Может, не надо было...

– Егор думает, мы вместе.

– Это так... Но ты уж не показывайся, Саша, на прииске. Докажет кто-нибудь. Еще не все ушли. Народу оказалось еще много, они еще переписывают. Илью взяли, он повел их к Каменным бабам. Ты уж тихо будь.

– Я тихо, – сказал Сашка, – не бойся.

– Я не боюсь.

Сашка вернулся не только потому, что дал слово Егору быть вместе с Васей. Он уже привык к этой семье, к людям и поэтому вернулся. Сашка исполнил долг, отвел китайцев, и все они теперь в безопасности. Станут разбегаться по приискам. Он мог бы организовать их в новую артель, даже банду, мог бы затеять любое новое дело. Но смелые и предприимчивые люди найдутся там и без него.

Ксенька вскочила и протирали глаза.

– Мне пора печи топить.

– Я тебе помогу, – сказал Сашка.

– Да, иди... Я спину отмахала вчера! На такую прорву дров нарубить! Пойдем, будешь мне помогать.

– Мы теперь солдат кормим, – сказал Вася.

– Это хорошо, – ответил Сашка.

– Че приехал? – очнулся Федосеич. Он высек огонь и сразу закурил.

За дверью стучал умывальник, прибитый к дереву.

Затрещал огонь в плите под навесом. Сашка пошел рубить дрова.

День начинался.

Стоя навтыжку перед иконой, Федосеич помолился.

Старый матрос встретил вчера знакомого фельдшера, который звал его к себе посидеть за чаркой солдатской водки.

«А на прииске спирта уже нет», – думал Федосеич. Хлеб и сухари у приискателей заканчивались. Без подвоза прииск долго прожить не мог. Главная масса старателей ушла, но оставалось еще сотни полторы и еще люди подходили с верхних разработок, куда ушли два бата. Восемь полицейских отправились выгонять хищников из верховьев. До их возвращения экспедиция, как полагал Федосеич, не уйдет, ничего теперь уже не случится и можно недурно провести время. Смутно стояла в голове какая-то тень, словно Федосеич еще чего-то опасался, более за Ваську, чем за себя. Но он полагал, что зять ловкий, его голыми руками не возьмешь. Тем более теперь, когда Сашка вернулся и будет здесь.

– Ты куда? – спросила отца Катька.

– Я поеду на Силинскую сторону, там еще вещи надо забрать. – Он не сказал, что едет в гости.

Через полчаса подошла двухместная оморочка. Ибалка крикнул из нее:

– Кузнецов!

Василий вышел.

– Садись и поедем! – сказал гиляк.

– Куда?

– Узнаешь... По службе!

Василий подошел к очагу и сказал Кате:

– Меня опять зачем-то полковник вызывает.

– Что такое? – встрепелась Катя.

– Меня не провожай и не подавай вида, – сказал Васька и тихо пожал ее руки, когда она хотела обнять его.

Он весело подбежал и прыгнул с разбега в оморочку, вытолкнув ее из-под берега на стремнину.

– Ты так утопишь, – сказал Ибалка.

– Ты забыл, что прежде был гиляком?

– Конечно! Раньше-то был, – ответил Ибалка.

* * *

К полудню на досках отдыхали длинные ряды круглых караваев. Выпечка закончилась, и Сашка с Ксеньей могли отдохнуть.

Обед был готов, а Василий не возвращался.

– Че ево ждать, садись обедай! – сказала красная от работы у печи Ксенька, уплетавшая похлебку из солонины.

Сел за стол Сашка.

Катя побродила вокруг, посидела у костра, оглянулась на реку. Никого не было видно на другой стороне. Лагерь военной экспедиции перенесли вчера еще ниже, он теперь в трех верстах от прииска, там скученно живут задержанные старатели, которых опрашивают и переписывают. Там начались болезни среди детей, как слыхала Катя, людям не разрешают оттуда ездить в пекарню, обыскивают их, требуют золота, в чем-то всех подозревают. Кого и почему

задерживали – никто толком не знал. Говорили, что целый баркас с арестованными готов был к отправке в город.

– Катя, садись, – сказала Ксения.

Катерина налила себе похлебки, взяла ложку, но не стала есть и положила ее.

– Лодка идет! – сказала она.

Подошла лодка. В ней четверо солдат. Василия с ними не было. Катя быстро отнесла похлебку, не прикоснувшись к ней, вылила в котел.

Ксенька пошла отпустить солдатам хлеб.

– Его, наверно, для расчета вызвали, квитанцию дадут, чтобы потом в интендантстве получить деньги, – сказала она. – Вася сам говорил, что квитанции с них попросит.

Солдаты прошли с мешками. Они сложили все на крыльце и вдруг бегом кинулись за пекарню, где бил родник. Попили воды, поплескались и зашли в дом. Унесли мешки с хлебом, и лодка их ушла.

– Они че-то обратно идут! – сказала Катерина через некоторое время.

Двое солдат остались в бате, а двое старших, оба с нашивками на погонах, возвратились.

– Хозяйка, зайди в пекарню, – сказал старший. Ксения и Катерина живо вошли в дверь. Катя настороженно поглядывала то на одного, то на другого солдата.

– Саша! – крикнула Ксения, опасаясь, как бы не случилось чего плохого.

Сашка вошел в пекарню.

– Поедешь с нами! – сказал ему солдат.

– Зачем? – спросила Ксения.

– Маленько надо помочь, а то разобьем лодку.

Катя чувствовала, что солдат врет.

– Ладно! – сказал Сашка.

Катерина стояла в дверях и как бы не хотела выпускать Сашку. Он отстранил ее своими мягкими, осторожными руками и вышел. Молодой солдат пошел за ним.

– Вот так-то, барышня! – сказал Кате усатый солдат.

– Зачем он вам? – спросила опять Ксения.

– А ты его знаешь?

– Знаю.

– Кто он?

– Рабочий у нас. А что? Куда вы его?

– С нами уедет! – ответил молодой солдат загадочно. Он хотел идти, но задержался. – Мы на родник пошли и встретили его за амбаром, – сказал он порадушной. – Товарищ его признал. Мы когда поехали, я спросил: «Ты видел китайца?» Он говорит: «Видел. А ты узнал?» Я говорю: «Похожий». – «Давай, – говорит, – вернемся». – «Неужели он?» – «Кажись, он». Он что у вас делал тут, этот китаец? Далеко он забрался.

– Да он не китаец, а русский, – сказала Катя.

– Мы его встречали. Это хунхуз! Его искали.

– Какой хунхуз! Он русский!

– Ну, спасибо, бабоньки, мы поехали! Больше уж не придем. Завтра с утра домой! Осторожней в другой раз работников берите. Кого тут только нет у вас! Он мог бы и вас тут всех перерезать на резиденции и уйти с добычей.

Хмурые горы стали еще сумрачней, и как-то ненужно и чуждо было яркое солнце. Под сопками виден мыс и разоренные разработки с уничтоженным городом приискателей на Силинской стороне. Жерди торчат там, где был веселый ресторан и магазин японских шелков. Не дымят трубы плит, сложенных на особицу. «Нет Ильи, увезли Сашку, нет мужа, отец ушел... – думает Катя. – Что делать?» Катя почувствовала себя беззащитной.

Она взяла лопату и пошла нагружать тачку. «Я поеду отца искать!» – вдруг решила она.

Ксения встретила ее на крыльце.

– Ты знаешь, меня что-то страх берет, мне кажется, что сейчас кто-то в кустах бродит, подходил сюда...

Катерина, казалось, не слыхала ее.

– Я сейчас уеду, – сказала она.

– Катька, мне че-то страшно, – молвила Ксения. – Дрожу, как осиновый лист.

– Но бойся, это кажется. Я живо съезжу, отца привезу.

– Я боюсь, как бы староверы не подошли, которые отца стреляли.

Катя села в лодку, убрала весла, пустила ее вниз по течению. По правому берегу солдат не было, и там никого не гнали.

Солдаты были по левому берегу, проверяя, не остался ли кто. Они шагали следом за последними старателями и торопили тех, кто задерживался.

– Два дня дадено было! Что же ты, чертова кукла, думала? Где была? – кричали они на толстуху с родимым пятном. – За двое ден не схлопоталась!

– А на лодках есть проезд?

– Лодки задерживают и проверяют... Списки пишут. Иди! Задерживаешь! Скоро обедать уж надо, а мы с вами возимся...

– А ты откуда? – спросил солдат Катю, вышедшую на берег.

– Я с резиденции! За отцом приехала. Он тут больной ждет меня, – ответила Катя.

Солдаты пропустили ее.

– Беги...

– А что будет тому, кто не уйдет? – спросила Катя.

– А таких уж, кто сопротивляется, целый баркас уже отправили сегодня в тюрьму в Николаевск, – сказал солдат, опираясь на ружье и закуривая.

Катя побежала на участок китайской артели.

* * *

Федосеич сразу нашел своего знакомого в большой толпе.

– Земляк! – воскликнул он.

– Служивый!

– Не стреляй своих! – Федосеич шутя поднял руки вверх.

– Знакомый? – спросил поручик.

– Да, свой... – отвечал фельдшер.

Шумела толпа, ожидая проверки. Некоторым разрешали садиться в лодки и уезжать.

– Свой, матрос! Приятель мой, ваше благородие, – сказал фельдшер, – служили вместе на конверте.

– Кого только сюда не занесло! Пропусти его! – сказал офицер фельдфебелю.

– Там ничего не станется, не беспокойся, – говорил фельдшер. – Еще солдаты подошли. Всюду теперь стоят войска, и никакого насилия

или безобразия быть не может. У меня и заночуешь.

Федосеич прошел через цепь солдат и подошел к большой лодке, около которой был в двух палатках госпиталь для больных. На берегу стояло множество лодок.

Солдаты дали Федосеичу котелок, и он с удовольствием стоял в очереди за солдатскими щами.

– Вот, хунхуза поймали! – сказал усатый солдат.

– Ты кто? – спросил урядник у Сашки. – Как фамилия? Есть у тебя вид на въезд в империю?

Урядник Попов но очень верил солдатам. Сам он много лет прожил на Амуре, китайцев встречал, но с трудом отличал их друг от друга и полагал, что солдат зря хвастается.

– Зачем мне в империю? – отвечал Сашка. – Я русский.

– Паспорт есть?

– Есть паспорт.

– Гляди, у него паспорт! – сказал урядник Попов писарю.

Тот посмотрел документ и с уважением отдал его Сашке.

– Мы знаем его! Сыми с него рубаху, у него должны быть знаки на груди, – сказал усатый солдат.

– А ну, подыми! – велел урядник.

Сашка поднял рубаху. На груди у него что-то выжжено.

– Вот, видишь! – сказал усатый.

– Задержим тебя! – сказал урядник.

Сашка еще подержал поднятую рубаху, как бы предоставляя всем удостовериться. Потом опустил ее, поднял ремень с земли и подпоясался.

Урядник опять развернул паспорт.

– Александр Егорович Кузнецов. Место рождения Фылинха! Где это?

– Это Филониха! – сказал с лодки Силин, сидевший в кандалах на корме и слышавший весь этот разговор. – В Орловской губернии, где Ливны и Елец.

– Мы тебя задержим! – сказал урядник. – Проходи сюда, – добавил он.

Писарь записывал мужиков, но что-то надумал и крикнул:

– Эй, Кузнецов Александр, иди сюда... Дай-ка еще раз паспорт... Какое вероисповедание, я не посмотрел... – Он взял паспорт. – Православное, – прочел он. – Иди! – сказал писарь. – Садись. Долго тебя не продержат.

– А ты знаешь, кто это? – сказал усатый солдат. – Ты хорошенько проверь. У него знак на груди: «Святая борьба за свободу!».

– Откуда у тебя такой знак? – спросил писарь.

– Хунхуз, хунхуз! – подтвердили солдаты. – Мы его признали!

– Где-то русский паспорт добыл.

– Да, ребята, он русский!

– Тоже Кузнецов!

– Сколько их тут, этих Кузнецовых?

– Кого это задержали? – подходя, спросил Телятев.

– Да вот, солдаты говорят, что хунхуз. А у него паспорт русский. Знак на груди, объясняет, что отец был солдат и жил с китайцами и они его украли в детстве и поставили знак на груди.

– Ну, это мелочь! – сказал Телятев. – На баркас его и отправь с уголовниками. Задержать до наведения справок. До выяснения личности.

– Баркас ушел, ваше высокоблагородие.

– Отпустить его, может? – сказал урядник.

– Да нет, если русский паспорт у китайца, то задержите до выяснения личности.

– Пока выяснят, человек года два в тюрьме вшей покормит, – сказал Тимоха.

– А где Сукнов? – спросил Телятев, покосившись на Тимоху. – Он всех китайцев на Амуре знает.

– Сукнова срочно отправили на озеро! – ответил поручик. – Там халку чуть не разбило, вода прибыла, и была волна.

* * *

На отвале песка, лицом на солнце, сидел Советник. Он был трезв и, чувствуя себя потому почти совершенно больным, нервничал, и не знал, как поступить. Он сидел здесь уже давно, иногда вскакивал, как арестант в камере, и бегал взад и вперед. Он знал свою мягкотелость,

нерешительность. Он должен был идти и обличать молодого Кузнецова, лицом к лицу говорить с ним. Но для этого, во-первых, надо было выпить. Во-вторых, надо как можно дольше затянуть время, чтобы не погубить себя, преждевременно открывшись. Он чувствовал, что старатели еще в чем-то сильны и что его подозревают. Пока еще он боялся их. Иногда думал, что это только кажется, и опять чувствовал, что ничего не может решить, и сетовал, что загубил свою жизнь из-за этих постоянных колебаний и что чем дальше, тем больше он разрушается.

Открывать все подробности он все же не решался. Слишком много спирта было выпито со старателями, слишком вошел он в их жизнь, привык подчиняться их законам. Нелегко сразу отказаться от этого. Если бы все они сейчас схлынули бесследно, то вдогонку им, может быть, он посмел бы все выложить, все их секреты и темные дела, зная, что их уже не встретит больше. Мог бы он сделать это и на бумаге, зная, что она сохранена будет в крепком шкафу, и сила ее подействует. Он ненавидел сейчас всех, и полицейских, и старателей с их крепким здоровьем, с их радостью жизни, с уверенностью в будущем. С каким удовольствием он подвел бы Ваську под неприятности. Сытого, молодого, с Катькой вместе. Но пока он все еще не решался смотреть ему в глаза. А смотреть придется. И отступления не было. «Лучше попозже»... Мало ли что еще могло случиться, мог проболтаться кто-то из полицейских, и тогда какой-нибудь Андрюшка пустит пулю в затылок. Советник перебирал пухлой, дрожащей рукой петли куртки, уверяя себя, что не следует падать духом и начатое дело надо довести до конца. Вдруг он увидел под самой отмелью лодку с Катериной.

Как это часто бывает с больными людьми, настроение его вдруг переменялось. Советник мгновенно юркнул в ветельник. Он понял, Катя приехала не с Кузнецовской стороны, а откуда-то сверху. Она загнала лодку в бухточку, вытащила ее и быстро пошла туда, где торчали остатки китайского ресторана.

Советник следил за нею, перебегая и прячась за холмы, скрываясь за остатками строений. Прииск сейчас был уже совершенно пуст. Она кого-то искала.

Он почувствовал, что теперь уж она не ускользнет от него, но он и перед ней не желал появляться раньше времени. Он замечал, что она

волнуется, ее охватывает отчаяние, она сжимает руки и ломает их, как благородная дама.

Катя обошла участок, заглянула в штольню, где работал иногда отец.

Она, кажется, решила ехать вниз, туда, где поставлен пост и идет проверка. Может быть, она и ехала туда, но не хотела появляться там без отца?

Катя вышла к бухте. Лодки не было. Она удивилась.

Из головы Советника напрочь вылетели все сомнения. Тревога и колебания сменились бурной радостью. Василий надежно упрятан, отгорожен. Прииск совершенно пуст. Она уже почти принадлежала ему...

Катя услышала, что кто-то быстро, мелкими шажками шел сзади. Она обернулась. Очкастый подходил с улыбкой.

– Я спасу тебя, Катюша! – сказал он.

Глаза ее стали большими и злыми, словно накалились добела. Она отбежала, выгнув плечи, вся белая, похожая сейчас на лебедя. Быстро сорвала со своих ног тяжелые сапоги, она мгновенно перевязала их петли веревочкой.

– Катя! – воскликнул очкастый.

Она перекинула сапоги через шею и бултыхнулась прямо в ледяную воду. Река снова была чистой, никто больше не мыл в ней золота, и природа быстро справилась с временной, разведенной людьми грязью.

Катя плыла спокойно, борясь с холодным течением ровными взмахами рук. И с каждым взмахом она оглядывалась назад.

Толстяк забегал по отмели. Лодку он спрятал где-то так, что сам не мог ее сразу найти и вытащить.

«Прииск как умер и только такие шакалы еще бродят по нему!» – подумала Катя.

Дрожа от холода, в мокрой одежде, облепившей все ее тело, она вышла на берег и оглянулась. Враг еще возился там с лодкой. Он смотрел на Катю через очки зорко и зло. Катя кинулась бежать к резиденции. Она минула два мыса, прежде чем увидела крышу.

– Вася! – истошно закричала Катя. – Вася! Тятя! Где вы?

«Тятя! – отозвалось эхо. – е... ы-ы... Тятя... Вася...» – прокатилось по горам.

Она кинулась в пекарню, но там никого не было. В избе – пусто... «Где же Ксенька?»

Из-под куста появился огромный человек с блестящими черными глазами, разъехавшимися на тяжелых скулах.

– Никого нет. Нигде! – сказал черный Полоз. – Все ушли. Всех изгнали. А я скрывался в тайге. Я умею ждать... Я всю жизнь ожидаю... А ты? Что с тобой?

Он взял ее за руку, и от улыбки лицо его стало еще шире.

– Могу взять тебя в жены, Катька. Ну? Чего молчишь? Я тебя заметил давно! Я человек с характером. Себя не выдаю прежде времени. Ты заметила, что нравишься мне?

– Заметила, – сказала Катя. – Отпусти руку!

– И кошка отпускает мышь! – ответил он и поднял свои красивые густые брови.

– Спасибо... – ответила она.

– Все ушли, и никого нет. Всюду пусто. Муж твой арестован. Отец пьян, его не выпустят. Правда, как интересно? Теперь ты бессильна! Трепещешь? Да здравствует анархия, Катюша. Я сильнее тебя! Выбрось из головы предрассудки, венец, мужа! Мир наш, и мы одни... Дай я тебя помну, Катюша!

Будь это пьяная матросня, каторжане, рабочие с промыслов Бердышова или китобои, Катька, может быть, нашлась бы, что сказать. Но сейчас она растерялась.

Образованные, умные люди хотели изнасиловать ее, а может быть, и убить. Она знала, за что на Сахалине сидят убийцы и насильники.

Сквозь белые зубы этот высокий человек с черными глазами мудреца цедил страшные слова с улыбкой. А Славный Дяденька тоже замышлял что-то страшное. Как учил ее старый моряк, она ударила изо всей силы Полоза новым кованым сапогом между ног и кинулась бежать. На ходу выхватила из колоды топор.

– Ксеня... Ксеня... – отчаянно кричала она.

– Катька... – услышала она шепот над своей головой. Ксенька была, кажется, где-то под крышей. – Беги в амбар, дверь открыта, и заложись топором.

Полоз хотел было перехватить Катерину.

– Уйди! – замахнулась она топором. – Уйди! Руки отрублю...

Она махнула топором. Полоз увернулся. Катя вбежала в амбар, захлопнула дверь, засунула топором. Она упала на единственный мешок с мукой и в ужасе подумала: «Я буду жевать муку и не пить. Но не выйду!»

– Можно сломать любую дверь! – крикнул ей Полоз. – Что ты думаешь, я не найду топора?

– Я убью себя! – крикнула Катя. – Разобью себе голову о стену.

– Что ты хочешь, негодяй? – вдруг послышался голос Советника. Он перебрался через реку и, кажется, спешил на выручку.

– Куда ты лезешь? – отвечал Полоз.

Катя глянула через бойницу.

– Я вам говорю, что она моя! – сказал Советник. – Погодите, пустите! Я пойду к ней. У вас нет на нее никакого права.

– Куда вы пойдете, дверь заперта!

– Не толкайте меня... У меня в кармане револьвер.

– Не толкать?

– Да, да.

– А хочешь водки?

На некоторое время все стихло.

– У меня револьвер, – угрожающе повторил Советник.

– А у меня золото... Хочешь спирта?

– Дай! – любезным тоном сказал Советник.

– Какой ловкий! Но сначала...

– Что сначала? – истерически воскликнул Советник. – Я застрелю тебя и возьму сам.

– Ты никогда не осмелишься сам стрелять в человека! – уверенно сказал Полоз. – Ты не из того теста! Ты даже изнасиловать не решился бы, если пришлось бы отвечать.

– Ну, дай... дай.. Обещаю...

Что-то забулькало, и Советник тихо и удовлетворенно засопел.

– Слушай, давай разобьем дверь бревном, – сказал Полоз, – как мы читали в учебнике истории... У меня есть золото. Я тебе дам фунт. Есть весы? У них в амбаре есть. Мы там возьмем. Я дам золото, но пусти меня к ней первого.

– Скоро сюда придет полиция, – отвечал Советник.

– Тогда надо скорей...

Катя стояла у двери, внимательно слушала и дрожала, как в ознобе.

Они долго еще спорили и отошли. Катя все время помнила смуглое широкое лицо с крутыми щеками, как тесанное из камня, и что на скулах разъехались глаза, косившие в разные стороны, и черные волосы. Лимон, Цитрон, Анархист – звали его. Он говорил: «Долой всякую власть».

– Ну, скорей! – закричал Полоз с нетерпением. – Теперь я буду президентом, а она республикой. Потом – ты!

Они подняли бревно, которое недопилили отец с Сашкой. Дверь дрогнула под тяжелым ударом.

– У меня нож, и я себе перережу горло! – крикнула Катерина.

– Красоточка! – ласково ответил Полоз. – Речь про тебя, но не с тобой.

– Ты думаешь, что ты избежишь ласк и объятий? – воскликнул быстро опьяневший Советник. Он протер очки и сказал серьезно: – Давай-ка еще раз.

– Мы хотим разбить твою дверь!

– Зарежусь!

– Еще хуже оскверним тебя, – сказал Полоз. – Ты не знаешь обычаев свободного общества!

В углу стояла банка с керосином, но спичек не было.

«Схитрить?» – подумала Катя. Она согласна была сжечь себя с амбаром вместе, но как-то надо достать огонь.

– Мы не хамы и не неучи. Мы – образованные люди! Ха-ха! Шкарлатина! – заорал Советник.

Где-то неподалеку раздался выстрел. Полоз страшно обругался, обматерился. Катя увидела в бойницу, что он сел на крыльце, а потом согнулся, улегся под свайкой и хватал воздух ртом.

– Ты, бешеная баба! Что ты наделала! – закричал кому-то Советник.

От избы с ружьем в руке шла Ксенька.

– А ты уйди! Уйди скорей! – сказала Ксения. – От греха уйди.

– Подыми ружье! – ответил он. – Ты же в живот целишься.

Хлопая ладонь о ладонь, очищая их от опилок и улыбаясь, он пошел к избе уверенными шажками.

Ксения стреляла в Полоза с чердака. Советника она не хотела убивать. Сама себя не помня, она спрыгнула с чердака, сняла оттуда заряженное ружье.

– Уйди!

Ее ружье было опущено, но он шел прямо на нее. Ксенька почувствовала опасность.

– Ты меня обманешь, обманешь, – забормотала она в страхе, всхлипывая и отступая к дверям.

– Подыми ружье... Ну...

Она сама не знала, что тут и как получилось. Советник хотел что-то достать из кармана. Ксения готова была поднять ружье, но тут раздался выстрел.

Советник сбросил пенсне, упал на колени и воскликнул:

– Ты же, дура, мне в живот... Что же это?.. В живот... – И он заплакал, закрывая лицо руками.

* * *

Телятев вышел из палатки, оставив в ней Кузнецова в одиночестве. Он опять прошел по толпе, посмотрел, что делают урядники и писарь, глянул на дальние холмы. Советник не шел. Советник исчез! Опять, на этот раз под предлогом, что хочет выследить бывшего начальника полиции в старательской республике. Но не было ни начальника полиции, ни его самого.

Телятев все отлично понимал. Доносчики вообще трусливы. Но такая крайняя робость начинала приводить его в бешенство. Никаких улик действительных против Кузнецова у самого Телятева не было. Держать человека зря нельзя. Это не такая личность. Следовало сразу обрушить на него силу свидетельств. А их-то и не было.

– Все говорят, что вы – самозванец! – заявил Телятев, входя в палатку с таким видом, словно он только что переговорил о Кузнецове с важными свидетелями.

– Позвольте, – встал Василий. – К чему бы это все? Что за странные обвинения! Я чувствую, что вы недоговариваете.

– Ты, брат, у меня вот где! – показал Телятев кулак и похлопал по нему ладонью другой руки. – Говори, что вы тут сварганили с

Бердышовым?

– Мне сказано Иваном Карповичем Бердышовым, – холодно говорил Кузнецов, – что при всех недоразумениях я должен ссылаться на него и просить обращаться лично к нему, чтобы обращались только к нему и лично к нему. К этому я не могу добавить ничего!

– Вы говорите несусветную чушь! Бердышов уехал в Европу по делам фирмы. Как я могу обратиться к нему?

– Он должен возвратиться к зиме этого года.

– А где отец? – быстро спросил Телятев.

– Вы знаете, что отец в деревне.

– Он был подставной президент?

– Я не буду отвечать на такие вопросы.

Телятев знал, что Иван Карпыч взлетел высоко. С ним очень опасно ссориться. Даже Оломов, не любивший Бердышова, советовал быть поосторожней.

Иван вел дела с иностранцами. Он не прогулку затеял, отправившись в Европу. Он там дела заварит. В Калифорнии его знали. Его не припугнешь и не упрячешь. У него есть международное имя. Выпустили мы птенчика! А был когда-то молодой, разбитной казачишка-охотник, тогда надо было подрубить его, выскочку, самоучку-капиталиста...

«И где этот Модзель... Суздаль... Как его? Не идет... А прииск пуст. Он скрылся? Оклеветал всех. Сочинил донос и исчез?»

Пришел Оломов и опять поставил ружье в угол.

– Благодарю вас за ваше содействие, – сказал он Кузнецову. – Мы завтра отбываем! Желаем вам успеха, Василий Егорыч.

Телятев посмотрел вопросительно на Оломова. Тот кинул свирепый, приказывающий взор.

Оломов налил Василию рюмку коньяку. Телятеву пришлось чокаться. Офицеры вышли проводить гостя.

Василий отказался от лодки, он пошел берегом, намереваясь дойти до старого прииска и видеть, что делается на Силинской стороне, а оттуда крикнуть своим, чтобы подали лодку. Он не хотел лишний раз приводить полицейских домой.

Дойдя до развалин ресторана, он увидел, как пошла лодка с Кузнецовской стороны. Гребла Ксенька.

– Где же ты? – крикнула она.

– Что такое?

– Катька с ума сошла, – ответила Ксения. – А амбаре заперлась и никого не пускает. Умом рехнулась... Меня не бросайте, меня саму лихорадка бьет.

– Зачем бросать? Что такое? Ты-то что?

– Иди сам, смотри... че там стряслось! Катька, Катька! Вот рехнулась! Кричит – дайте спички, я сожгусь... Иди скорей к ней, а то еще покончит с собой, голову бьет о бревна.

Васька сел на весла и навалился изо всей силы.

У амбара лежали тела Полоза и Советника.

– Подходили из тайги, кто-то стрелял, – сказала Ксения. – Два выстрела было. Я не утерпела, выглянула, а они лежат. Это все те же старoverы, они тут бродят.

– Открой, это я... я – Вася! – крикнул Кузнецов, стучась в дверь.

Катя некоторое время стояла у бойницы и не открывала. Взгляд ее был грустный.

– Катя, Катя, подойди!

Потом она исчезла.

– Катя! Катюшка! – закричала Ксения.

Катерина подбежала и открыла заложку.

Дверь распахнулась.

Катька подняла руки и засмеялась. Потом слезы у нее хлынули, и вдруг она отступила в ужасе от Васьки, словно опасалась, что это все подстроено.

– А кто там? – в ужасе шепнула она. – Слышишь?

– В самом деле... – поддаваясь ее настроению, сказал Вася.

Ксения говорила с кем-то. Отвечал мужской голос.

– Это Илья приехал, Катя, все свои, – сказал Василий.

– Сашку за что взяли? – входя, спросил Илья. – Ко мне по дороге привязывались. Я сам не рад. Здорово, Катя!

– А че у тебя дуло дымное? Че ты врешь! Какие старoverы! – послышался голос Федосеича.

Все вышли. Матрос рассматривал Ксенькино ружье.

– В штольню их давай! – сказал Василий.

Он поднял за ноги Полоза.

Советника следом оттащили в штольню. Федосеич помог обвалить покрытие длиной сажени две... Земля рухнула...

Ксения утешала рыдавшую Катерину, сварила отвар из оставленных Натальей трав.

– Сашку взяли как хунхуза. Чего-то взбрендило им. И не знают, что он Камбала. Все Камбалу ищут, а он у них сидит, сжался, маленький такой, – рассказывал Федосеич. – Я приехал сказать.

– Человек десять лет живет у нас в деревне. Какой же он может быть хунхуз? – ответил Вася.

– До выяснения личности, – сказал матрос. – Теперь покормит вшей. Тимоху я видел. Он кланяться велел. Говорит, кормят хорошо, отказа нет. Чарку ему солдаты дали. Только, говорит, с непривычки трудно в кандалах.

Илья все сильнее скучал о доме. Он начинал как-то странно беспокоиться, и душа его болела. Ему теперь хотелось убраться отсюда поскорей.

– Завтра и я с Андреем Сукновым уеду, – сказал он. – Андрей на хорошем счету, ручался за меня. С ним никто не тронет.

Первое время на этом прииске Илья очень старался и мыл охотно, не жалея себя кайлил породу и катал тачки. Он знал, что Дуне хочется богатства, и старался для нее. Но теперь началась какая-то непонятная кутерьма, ему даже показалось, что у жены пропал всякий интерес к золоту. Что-то угнетало Илью, словно стерегла беда. Он все время помнил жену и все больше о ней беспокоился. Полиция его не пугала. Голова его занята была совсем другим, и никакая предосторожность не казалось ему нужной. Ему хотелось домой, себе на спасение и жене на выручку.

ГЛАВА 21

– Я говорила, что станет холодно и оздоровеешь! Вот и не бьет тебя больше, – улыбаясь во все круглое лицо свое, сказала сыну Дарья.

Долго лечила она Егора своими снадобьями и травами, обещая, что к осени ему полегчает, а зимой он станет таким же, как был. Сегодня первый холодный день.

– И кончилась твоя лихорадка!

– Золотая-то лихоманка! – сказал дед и спустил с печи белые ноги в портках в голубую елку. Крепки еще нога у старика. Тонки в щиколотке, но длинна ступня и узка. Стойко стоял Кондрат смолоду и теперь еще не валится.

А у племянников уж не та нога. У Татьяны все ребята толстопятые. От Кати тоже, наверно, будут толстопятые. Нога у невестки, однако, не ломкая. Плетеная бадья свалилась ей на лапу, она поплясала и пошла своей дорогой, с тачкой покатила, маленько все же похромала.

– Да, лихоманка золотая потрясла тебя! – Старик бога благодарил, что сын остался живой. Но немного злорадствовал в душе, при всей любви к Егору, что пробили ему плечо, больше в президенты не захочет, хватит, не наше это дело.

– Вот капуста постоит и скиснет как следует, и ударит мороз, тогда и встанешь. С брусничкой-то капусту... В пост будешь здоровый. Люди кровь пьют, все мясом хотят удержаться. А со слабости нельзя много мяса, сердце его не переносит так хорошо. Пост и вылечит, – говорила мать.

Дуня прибежала в теплом оренбургском платке козьего пуха, в бархатном камзолчике, в яркой юбке. Сразу видно, приискателя жена. Завтра праздник, можно бабенкам языки почесать. Егор долго слышал их молодое гудение в соседней комнате.

– Уезжаю, дорогой сосед. Выздоровливай без меня! – сказала Дуня, взойдя к Егору.

– Куда же ты?

– К Илье!

– Опять на прииск... уж поздно. Не надо бы.

– Нет, поеду, что-то сердце вещает.

– Одна опять погонишь?

– Ребят возьму в Тамбовку.

– А непогода?

– Я не боюсь. Еще будут хорошие дни. А за день от Тамбовки дойду. Поеду, и все! Твоим следом, дяденька! Сперва к мамане поеду погостить, а не дождусь своего дорогого – поеду сама, может подхвачу...

– Непогода будет, – сказал Егор.

«Грудь у него опять болит!» – подумала Дарья.

– Тут близко. Ребят полную лодку насажу. Разве впервые... И поедем к бабке Арине, в старую нашу Тамбовку...

Какой-то пароход загудел под берегом.

– Слышишь, пароход, – сказал Егор. – Иди-ка живо, может, возьмет.

Дуняша еще поговорила и ушла. Татьяна, смотревшая вслед ей, вдруг всплеснула руками.

– Смотри, Иван приехал!

С берега шагал рослый человек в шляпе и в теплой куртке, быстрый на ногу.

– Идет как на прошпекте, – молвил дед.

Иван встретил Дуню, остановился. «Видно, все шутит! Так и льется у него речь! За словом в карман не полезет».

– Что он там ей заливает? – сказала Таня. – Опять из Америки или откуда-то его принесло. Это он на своем пароходе.

– Торопится, казенных не ждет! – сказал дед. – По делам-то! Наездился, все, поди, проверить надо, сколько недоделано, растащили, поди...

Дуняша мягко и застенчиво склонила свою красивую голову в светлом платке. Они оба были хороши в этот миг над опустевшей рекой. Дуня приосанилась и поклонилась вежливо.

– Пошла! – сказала Таня.

Немного отойдя, Дуня побежала, как девушка, и видно было, что ей приятно, что она словно счастлива.

– Как коза поскакала, – сказал дед и пошел встречать Ивана.

– Здорово, Кондрат!

– Здравствуй, Иван.

– Где сын?

– Простреленный лежит.

– Че такое?

– Президентом выбирался, теперь не отойдет никак. Твой был совет.

– Кто же это хлопнул, там и хунхузов нету?

– Сам не знает. Нашелся хороший человек! Все уважали и слушались. А кто-то, видно, позавидовал. Он всех работать заставлял, даже сучки городские трудились, плакали, как он уезжал.

– Паря, народ врать научился.

– Пойдем к нам.

– Иду... Да это че за беда? А я-то думал, на Егора износа нет, и шкуру у него пуля не пробьет...

Иван стал скоблить грязные сапоги о железку, когда в сенях кто-то сказал ему:

– Надо будет, и твою шкуру пробьют!

Иван рассмотрел. Говорил Петрован, старший сын Егора. Вымахал детина под притолоку. Показалось Ивану, что он какой-то недобрый.

– Здравствуй, Петьша.

– Здоров, дядя Ваньша!

Таня проскользнула мимо.

– Чего пел моей подружке?

– Она спросила, откуда приехал.

– А ты че?

– Из Парижа.

– А она че?

– Смеется, читала! Как, говорит, съездил.

– А ты че?

– Я сказал, мол, сравнивать ездил, кто лучше. Только ее там вспоминал... А она надулась!

Егор приподнялся. Иван уселся подле его кровати, и оба они тихо посмеивались, словно на некоторое время к обоим вернулась их ранняя молодость.

– Я сам виноват, – сказал Егор, – думал, что людям хорошо и никто не тронет. Не берегся. Сашка говорил мне, хотел телохранителей приставить, а я не послушался.

* * *

– Паря, надо слушать. Что смеяться, скажу, что надо все знать и ушами нигде не хлопать. Мало что нас на приисках бьют, рвут в ключья, топчут. Я бывал на бирже, золото идет рекой, бумаги, акции. Егор! Вспомнил я, что не зря мы тот год с тобой говорили. Скажу, надо открывать банк. Золото роем, добываем и его не видим. Мало что это золото пропиваем. Этим золотом нами же потом управляют. Я и прежде знал это, сколько мне раньше Барсуков говорил. И когда я в Калифорнии был, видел много золота. Но такого потопа еще не видел. Война, дележ, ссора от всего, идет своя выгода. Хватают острова, негров, кричат «свобода» и тут же всех и хлещут, и давят, и стреляют, и грабят чужих и своих.

– А разве можно свой банк открывать? – спросил дед.

– Богатому все можно! – ответил Иван.

Вошел Петрован. Что-то буркнул, попочтительней хотел поздороваться. Взял ружье и ушел.

– Под праздник у стариков гулянка, а у молодых – стрельба, – сказал дед. – Бабам – разговоры, у ребят, орехи, семечки...

– Я омовился в Иркутске сибирякам, что хочу открыть банк, так сразу нашлись охотники и стали предлагать войти в дело. Жалуют, что доступ иностранным коммерсантам у нас ограничен. Говорят, надо транспорт, проводить железные дороги, и надо менять законы империи. Открыть широкий доступ иностранного капитала! Почему, мол, к золоту иностранцев не допускают! Мол, глупо! Весь мир открыт, а Сибирь закрыта. Они бы отсюда много выкачали! А прииск без тебя не погибнет?

– Нет. Я им говорил, чтобы мука всегда была. А остальное подвезут и сами добудут.

– Кто же тебя?

– Не знаю. Там кто-то живет в тайге. Не инородцы, а какие-то лесовики, сектанты. Где-то ходят. Их не найдешь. Может быть, теперь Сашка их изловит. Меня еще три года тому назад на той речке первый раз стреляли, да промахнулись. Человека я сам видел.

Ничего подобного никогда и никому Егор до сих пор не говорил.

– Ты не бредишь? – спросил Иван.

– Нет. Я Александру сказал еще первый год, чтобы Ваське не позволял от прииска далеко отходить. Когда разгонят, то сами все уйдут.

– А когда разгон?

– Не знаю. Но будет. У людей все же золото останется.

– Этого золота надолго не хватит. Товар этот у мужика не залежится. Его живо выкачивают. Он уйдет все тем же путем, через границу, в Шанхай, а оттуда во французские и английские банки, все на те же весы, чтобы нас же своей тяжестью перетянуть.

* * *

– Я теперь всем говорю, что не хочу быть богатым после того, что видел, – сказал Иван, сидя вечером с Егором. – Но это неверно, Егор, я зря говорю. Надо быть богатым. Богатство двигает все, золото удержит тот, кто хочет добиться своего. И нам надо быть богатыми, Егор. Я уж жалею, что на сотни тысяч рублей сдавал золота, за бесценок, и оно пошло все туда же. Даже государственные казначейства во всех странах должны банкирам, банкиры дают субсидию на войну, и ловко это делают. Я был в гостях у банкира. Их дома в нескольких государствах. Жалко отдавать им наше золото после этого. Надо бы его держать, собирать. Казна задумала сделать золотой рубль. Значит, за песок можно будет брать золотые. Куда мы без денег! Я еще до поездки задумал с Афанасьевым открыть частный банк. Надо бы сделать его как-то общим, чтобы крестьяне несли вклады, золото, песок, самородки. У нас была бы сила, со временем мы ворочали бы большими делами. Подумай, Егор.

– Куда же эти капиталы? – спросил дед.

– Рядом океан. Он ничей. Вернее, все зарятся... Азия не чужая нам! Я же азиат, уж сколько поколений мы гураны! О своем беспокоюсь. Помнишь, паря дедка, ты меня бичом оттянул?

– Это помню еще, – сказал дед. – Старое лучше помню.

– Ты думаешь, за кого тебя чуть не убили? За справедливость? Нет. За банкиров! И все! Люди боятся кабалы...

– А бога забываем, – сказал дед.

Бабка поставила перед гостем деревянную латку с кедровыми орехами. И все стали щелкать орехи, как когда-то давно, в первые годы.

Стемнело. Вошли Татьяна и Дуняша. Иван продолжал рассказывать... Потом спросил Дуняшу про Пахома.

– Оп в отъезде. Бабушка зайти вас просила.

– Как же! Даже непременно! – обрадовался Иван. – Я так и хотел. Завтра?

– Как вам угодно будет.

– Закон старый! Петербургу удобно, чтобы серебрянка шла из Иркутска. Там сплав золота. А могли бы тут свой сплав золота произвести, – продолжал разговор Иван.

– На прииске печь для сплава хотели строить.

– Паря, слышал! Петербург все вожжами к себе притянул и качает золото. А ведь из-за этого еще больше его уходит контрабандой на Кантон, в Шанхай. И оттуда опять в те же банки, только не через Сибирь, а кругосветным. Я золотыми дорогами проехал. Калифорнию тоже вытряхивают так же. Правда, у нас так же, но не для себя. Все лучшее у нас выскользает, а строят у нас винокуренные заводы, народ обучается пить. Паря, считается государственной обязанностью. За трезвость тебя исправник еще прежде не любил. С трезвого так не сорвешь. Герцог Лейхтенбергский, граф Игнатъев... В Париже – Ротшильд. Смешно, паря, и страшно, как люди губят друг друга из-за золота, рвут из рук, трясутся. И гибнут и продаются... И хорошие женщины гибнут зря. Паря, я даже подозреваю, не зря ли война. Я посмотрел и подумал, за что они там воюют. Пишут в газетах – война не для народа, для богатых. Все прочитают и опять же воюют, опять погонят народ, обуют, оденут, выкормленных. А кто-то же их родил, нянчил, дураков. Да мы лошадей больше жалеем. Кого убили в тайге, так уже все знают, столько разговоров...

* * *

Иван пошел к Бормотовым. Там появилось угощение. Старики просили Ивана довести Дуняшу до Тамбовки на пароходе.

– Ильи-то нет, скучает. К матери гостить собралась, а непогода, – толковала Анисья, – сделай угодение. Любил, поди, когда-то дивчину, окажи ей покровительство, а то ей с детьми-то в лодке...

– Поезжай с ним! – сказала Арина. – Он тебя довезет.

– Да я за день сама доберусь! – отвечала Дуняша.

– Да что уж ты! Поди-ка, свой человек – обидишь! Он просит тебя. Не шути, осеннее время! С детьми-то не шути. Какая удалая нашлась!

ГЛАВА 22

Под железным бортом бухала желтая вода, и время от времени веер брызг обдавал палубу. Китайчонок водил ребятишек Дуни на палубу, показывал вентиляторы, рубку с дымившейся трубой, их окатило водой. Стекла рубки обливались, словно на них плескали непрерывно из ведер. Дети ушли.

В рубку вошел капитан и, приподнявшись на цыпочки и прищелкнув пальцами, сказал с восторгом:

– Какая красавица с нами едет!

Капитан из забайкальских казаков, ростом невысок. Усы и борода плохо растут, ключья густой черни торчат под скулами.

Иван стоял у штурвала. Он не ответил. Дуняша с детьми устроена в отдельной каюте. Оттуда все имущество Ивана вынесено и духа его нет.

Китайчонок с косой пособляет Дуняше, приносит кушанья с камбуза, все убирает, играет с детьми, как нянька. Он живо снял с ребят мокрые рубашки, выстирал, выгладил, принес перед обедом накрахмаленные.

На пароходе знают, что Иван взял в своей деревне пассажирку, какую-то свою родственницу. Баба сочная, молодая, гладкая.

Механик поднялся, постучал к ней в дверь, зашел в каюту. Он с черной головой в проседи.

– Как переносите качку? – спросил у Дуни.

– Мы привычны! – вежливо ответила Дуня.

– Пароход наш морской, ходим к Сахалину на промысла морской капусты. Бывали в Японии. Ведь это только говорят, мол, Япония. А на пароходе близко. Как отсюда до Николаевска. От Сахалина до их порта... Грузим капусту, идем во Владивосток и, если шторм, зайдем к японцам... Какой ты беленький! Смотри, тебя сороки украдут! – сказал он Павке. – Видите какая качка. Иван Карпыч у нас сам у руля сегодня. Он как вам приходится?

– Дяденька мой! – ответила Дуня.

«Одета в бархатное пальто с собольим воротником, не каждая барыня в таких мехах! – подумал механик. – Бердышов выказывает ей полное уважение, в каюту не заходит, позвал ее старшего парня в

рубку, давал ему штурвал в руки. Велел зайти и спросить, не тревожит ли машина? Кажется, родственница из богатенькой семьи...»

Механик спустился к себе, где лязгали и бегали шатуны и поршни.

– Ну как, видал? – спросил его помощник.

– Видал.

– Теперь я пойду, вот я игрушку отнесу ребятам...

В рубку заглянула Дуняша.

– Здравствуйте! – сказала она.

Все заулыбались. И рулевой, и капитан, и сам Иван.

– Заходи, живо, а то снесет и прыгать за тобой придется, – ответил Иван.

Мальчик тер глаза.

– Уведи его, да побаяюкай, – сказал Иван рулевому, – видишь, как его укачало. Посиди с ним.

Рулевой повел Семена в каюту. Капитан ушел отдыхать.

– Ты что грустна? – спросил Иван.

Дуня не ответила.

– Уходи ко мне от мужа, – сказал он.

– А разве так можно?

– А разве ты не видела, как на прииске люди живут?

– То на прииске!

– И всюду так. Теперь все можно...

– Нет, – ответила Дуня. – Нельзя.

– Все можно. Я уж тебе говорил, попы продажны. Мы с тобой уехали бы... Куда хочешь. Ну, скажи...

– Нет.

Иван видел, что она не гневается. Лицо ее не обманывает никогда. Ей приятно слышать все это. Казалось, она даже радуется – и словно отдыхает.

– Хочешь, я переложу руль, и пароход пойдет обратно, прямо в Хабаровку, полным ходом... На пароход – и во Владивосток... А оттуда...

Она молчала.

– Детей твоих бы я любил, как своих. Вместе с гнездом тебя выкраду.

– Поворачивай! – вдруг сказала она улыбаясь.

Иван стал переключать штурвал так старательно, словно он доставал воду из колодца. Волна рухнула в борт, рубка накренилась. Пароход обошел большой полукруг, Иван подал какую-то команду механику. Паровая машина заработала тяжелей, постепенно ход выравнялся. Опять застучало внизу веселей.

– Ты знаешь, я тебя всегда любил. С ранних лет.

Дуня подняла голову и смотрела куда-то далеко-далеко, поверх всего, островов и гор...

А Иван чувствовал, что его начинает бить дрожь и охватывает страх от небывалой робости.

Пароход на самом деле шел в другую сторону. Голубой огонь метнулся из ее глаз.

– А теперь... – сказала она, улыбаясь и ласково и печально, и положила свою руку в кольца на его волосатую лапу на штурвале, – поиграли, и хватит... Давай обратно!

Иван крепко держал руль.

– Пусти, – сказала она и, ласково овладев его пальцами, отвела руки Ивана от штурвала и оттолкнула его.

Она сама встала к штурвалу, умело стала разворачивать судно и засмеялась. Подобрала юбки и как провалилась в люк.

Вошел капитан, а снизу, оттуда, где исчезла Дуня, появился рулевой.

«Паря, Дунька! – подумал Иван. – Осрамила меня перед всей командой! Хотя, кто что знает! Я учил, показывал, хвастался... Всем известно, что хозяин-промышленник, значит, купец, то есть самодур! Так показывают нас в театре, так знают все люди!»

Холодный ветер у Тамбовки в устье Горюна стал еще сильнее. Под вечер пароход бросил якорь. Перекинули трап на берег. Китайчонок, посадив на спину Павку, запрыгал на холодном ветру по палубе, а потом, осторожно ступая разутыми ногами, пошел вниз по мокрому трапу.

– Это че же! Не мой ли внук? – воскликнул Спирька.

– Тятя! – обрадовалась Дуня.

– Иван! Эй, Иван! – крикнул Сильвестр.

– Ты заезжай к нам. Погости! – звал Родион Шишкин.

– Нет, некогда. Пароход ждут внизу.

– Отправь пароход. А сам оставайся, – сказал Родион.

Иван увидел, что к трапу сбежались женщины и девушки. Они обнимали Дуняшу.

Она повернула голову и посмотрела на Ивана, словно что-то хотела сказать ему своим долгим взглядом.

– А водка есть? – спросил Иван.

– Когда у приискателей водки не было!

– А вы давно оттуда?

– Да кто когда!

– Я только что! – сказал Родион. – Иди, друг!

– Что там? Кого еще убили?

– Никого больше... Да ты, чудак, сойди, погости у нас...

– Да лучше вы ко мне...

Мужики охотно пошли на судно.

– Это можно.

Поваренок расставил в салоне рюмки, закуски и графин с водкой.

– Слушай, ну зачем мы тут в клетке с тобой будем сидеть. Это же срам, пить из рюмок. Стыдно. И выйти нельзя. Живот схватит, и не втиснешься в этот ватер... Пойдем, слушай, ко мне, – говорил Родион пропустив несколько рюмок.

– Ну, ладно, паря! Уговорили! Я и сам по твоей Тамбовке соскучился. Пойти? А как пароход? Ведь я могу у вас загулять! Пароходу надо спешить на промыслы.

– Ну вот и хорошо. А то уж люди говорят, что ты боишься Горюна, что тебя, мол, бог тут когда-нибудь накажет...

Бердышов надел свою куртку с накладными карманами. У трапа он сказал капитану:

– Пусть команда сегодня отдохнет. Свежей рыбы возьмем утром в деревне. Здесь рыбачат еще. Если я задержусь, к своим поисковщикам поеду на прииск, то дам знать. Завтра пойдете без меня прямо в лиман к Петру Ильичу. Я сам доберусь до города.

Иван вошел в знакомую избу Спиридона, где так любил он, бывало, посидеть за столом... Тут все по-прежнему. Чистые стены из гладко отесанных бревен, та же самая лавка еще живет, тянется от дверей до переднего угла с иконами в тамбовских полотенцах. Дверь открыта в высокие новые комнаты в пристройке, и там слышатся детские голоса.

Спирькина жена Арина подала ему красную руку. Арине уже за шестьдесят. Ее лицо в глубоких дряблых морщинах, но она тонка и легка, подвижна, как девица. Лицо ее ожило и засветилось, как у Дуни. «Износа ей нет!» – подумал Иван.

– Тут плечами за стены не заденешь, как на пароходе, и дышится легко, – сказал Родион.

– Печь у нас всегда топлена. Давай вспомняем старое время, нам еще жить надо! – сказал Спирька.

– Нет, Иван любил гулять не у тебя, а у меня, – ответил Родион.

– Ну, это пустяки! Это вы тогда дурили... Что же у тебя хорошего! Только что он с Горюна пьянствовать к тебе приезжал...

Дуня вышла и что-то шепнула матери.

Арина уже заметила, что дочь словно не в себе. Принесли кислой капусты с брусникой, грибов, ягоды. На столе появились открытые консервы, сушеное и копченое мясо, рыба. Задымились горячие пельмени.

Мужики чокнулись и выпили по стакану.

– Мне на прииске не нравится, – сказал Спиридон и стал закуривать. – Больше на золото не пойду. Грязная работа. Да и все говорят, что скоро бражку разгонят. Там преступления начались.

Мужики разговаривали то шумно, то тихо... Время шло. Дуняша исчезла, отвела детей в баню, вымыла их, уложила и сама прилегла. А в избе все говорили и говорили. Помянули, что делается и как живут люди в тех городах, где был Иван.

Но разговор все возвращался к здешним событиям.

Дуне не спалось. Мать пришла и прилегла на кушетку под зеркалом. Дуня услышала через открытую дверь, как Родион вдруг громко воскликнул:

– Давай, зови девчонок, девок ли... Пусть поют. Давай гулянку устроим, помнишь, как тогда...

Арина вздохнула, как бы говоря дочери, чего, мол, только пьяные не затеют. Тяжкое это дело, управляться с пьяными мужиками.

– Но тогда у нас и девок не было песни петь, девчонок маленьких согнали, как в полон. И они нам пели. А теперь Тамбовка славится на весь Амур... Какие красавицы у нас произросли.

– Высватанные, – сказал Сильвестр, – то есть привезенные.

– Нет, свои... Ну, давай, соберем всех песни петь и посмотрим, какие лучше. Пусть поют!

– Нам уж недолго жить осталось, пусть ублажат! – поддакнул Спирька.

Дуня всегда помнила, как еще девчонкой однажды подняли ее ночью со сна. В избе у Родиона была гулянка, и пели хором и плясали, кто-то играл на бандурке. Иван, вернувшийся с Родионом с Горюна, сильно пил, но пьян не был, как всегда, и потянул вдруг ее плясать. А потом...

Только лишь потом узнала Дуня, почему в тот вечер мужики были какие-то странные, как чудные.

А Иван тогда так разгулялся, развеселился, так ожил, что стал шутить с ней, с девчонкой, как с ровней, как с девицей. Он был и красив и удал, ловок. Она помнила, как его качнуло, пьяного, как он потянулся к ее шее, и она поняла, что он бы хотел ее поцеловать. И ей захотелось испытать этот поцелуй. А он отвел голову и разогнулся. Сам же Родион тогда крикнул: «Молоденькая, а как ожгла!» В самом деле, сама того не зная, она и его и себя ожгла. А пьяные мужики подогревали ее своими шутками. С тех пор она стала многое понимать...

Ветер стихал на дворе, но было холодно, Дуне казалось, что сейчас опять все так же, как было в тот вечер. Но теперь уж она не неразумный птенец, не босая белобрытая девчонка с тоненькой шеей и детскими ручонками. Она еще в детстве слыхала рассказы про Ивана, как он первый пришел сюда, когда еще никого не было, и как жил. Ей казалось, что сейчас словно вернулось то время.

«Куда ни шло!» – подумала она.

– Я, мама, выйду, – сказала Дуня, и, глянув на себя привычными к потемкам глазами в висевшее на стене над кушеткой большое зеркало, она расправила платье и вышла к мужикам, немного жмурясь от света.

Их было пятеро, и с ними сидел гольд Дюка.

– Смотри! Дочь! – с гордостью сказал Спиридон.

– Отец у нее Лосиная Смерть, а она Смерть Мужикам, – сказал Иван Карпыч и махнул рукой с таким видом, словно Дуня вошла, чтобы всех сокрушать.

Подымая оба плеча, как бы еще не отойдя от сна и поеживаясь, Дуня взглянула на Ивана. Она хотела взглянуть, как тогда, просто, но

синяя молния ударила из ее глаз и обожгла сухое дерево.

– Эх, Дуня, ягода моя! – поднялся Иван, как на пружине, и прошелся перед ней, разведя руками.

Дуня засмеялась и, разводя руками концы шали, мягко поплыла в плавном танце.

– Я за то люблю Ивана, – горячо пропела она, останавливаясь около него, – да, голова его кудрява...

– Э-эх-ма-а! Забайкальские казаки... – воскликнул Иван.

Дуня подошла к столу и выпила стакан водки.

– Зови девок, девчонок ли, пусть поют! – кричал Родион.

Все пили и кричали и никто не обращал внимания друг на друга. Появилась гармонь. Дуня пела и опять плясала с Иваном. Потом они сидели на лавке у двери. У лампы кричали и спорили мужики. На Ивана и Дуню не смотрели, их не видели или, может быть, видели, но ей это было все равно. Она обняла и поцеловала Ивана и стала долго целовать его и не позволяла повернуть ему голову.

– Уйдем со мной, – просил он. – Уйдем!

Она молчала.

– Уйдем на пароходе. Теперь уйдем...

– Я тебя люблю и всегда любила.

– Уйдем...

– Что же тогда? Брось богатство, дядя Иван, тогда уйду... Ты был наш и будь наш. Что же я опозорюсь, на богатство польщусь.

– Что тебе это богатство...

– Ты не со мной наживал.

– Брошу все!

– Нет... Нельзя лукавить. Ты врешь!

– Пойдем...

– Нет, ты меня погубишь...

Она встала и отошла к огню. Там хором грянули под гармонь печальную песню, словно хотели что-то забыть или похоронить или что-то прощали. Мать Арина запевала тут же, оказывается, сидела она на лавке. Дуня любила ее голос. Согласный и сильный хор забредил ее душу или звал куда-то... И казалось, тем сильнее были эти желания, чем быть, лучше совсем не жить. Дуня вдруг поняла все, как прозрела. Она готова была все сорвать с себя и кинуться куда-то... И казалось, тем сильнее были эти желания, чем грустней и протяжней песня.

Ивана увели к соседям. Он вскочил рано. Родион и Сильвестр повели его к Спирьке опохмеляться.

В избе было как-то странно пусто, тихо и чисто и пахло свежим хлебом, словно тут уж отработали целый день.

– А где же дочь? – спросил Иван.

– Утром ее уже не было, – ответил Спиридон.

– Она уехала к мужу на прииск, – сказала Арина, подавая блюдо с кислой капустой. – У нас Тамбовка опустела. Все на приисках с семьями, все моют, рыбу нынче не ловили. У нас скучно... А я золота мыть не иду, бог с ним!

– В лодке. Она поехала. Не боится. Пасмурно, а погода тихая. Она лучше меня погоду угадывает, как барометр, – сказал Спиридон.

Иван, глядя на Арину, подумал, какая красивая старуха, уж дочерей выдала и вырастила парней, а все легкая и за словом в карман не полезет. А у самого в сердце захлопнулась какая-то крышка, как на карманных часах.

«Я ушла бы открыто», – вспомнил он ее слова.

«Неужели вся эта красота будет со мной?» – «Я буду с тобой. Невенчана. От Ильи уйду, скажу ему сама в глаза». – «Лучше бы я сказал», – отвечал Иван. «Нет, он тебя убьет. Но я его могу убить... А без тебя не будет жизни мне. Кому погибать? Я тебя всегда боялась... Я знаю, что сделаю, и знаю, что закон преступлю... Теперь всех учат, что грех не так велик. Я грамотная, я думала сама и слыхала...»

А день был сумрачный, и, немного выпив, мужики вышли на улицу.

Дюка, который пил вчера с мужиками, прошел и крикнул, чтобы рыбы на пароход он отвез, самой свежей, утреннего улова. Он было отошел, но потом вернулся.

– Спирька, – сказал Иван, остановившись у изгороди, за которой ходили кони, – а у тебя поскотина уж сколько лет стоит все та же. И не меняешь жерди?

Он почувствовал, что пароход сейчас уйдет без него, что он останется здесь...

– Я все делаю как следует, – ответил Шишкин. – Новых изб не строю. Почему ты думаешь, что я не меняю стоек. Где надо, и жердь перемену. Вот новая жердина.

Иван налег рукой на поскотину. Толстая листовенная жердь не поддавалась... Спирька в самом деле ладил все основательно. А сколько ни был с ним знаком Иван, он никогда не видел Спиридона за работой. Всегда Лосиная Смерть представлялся каким-то бездельником.

– Я знаю про что ты... – вдруг сказал Спиридон. – Я же баран. Ты давно ладишься перескочить через эти жерди! За Илью тебе спасибо... А поскотина уже другая. Все сменилось, только на том же месте. Может, пойдём и выпьем? Утешения тебе не будет все равно. Ты, Ванча, – проклятый... Я тебя люблю... И кажется, не только я... Но за грех – грех!

Дюка стал звать Ивана к себе.

– Иди, посмотри, какой мой новый дом. Такого нет в Тамбовке. Парижаны! – подмигнул он. – Тебе, Ванча, надо бы гольдом родиться! Помнишь, как мы пели:

«На моих собаках лоча едет, ханина ранина!»

Иван помнил. Они вместе стреляли там, на Горгоне, с Дюкой приезжих.

– Нет! – сказал Иван. – Пароход ждёт, труба дымится. У меня дела стоят. Ты, паря, не забыл, что я миллионер, приехал с Парижа? Ково же это ты? И тебе нельзя, паря Спирька, так опиваться... У меня тысячи убегают, надо их ловить... Че привезти из города, наказывайте... Утешил ты меня, паря Спирька, я молодость вспомнил... Дочь твоя вечно у меня в сердце, за это не кори... Я поохал... Я же... Люблю и тебя и...

Подошли отставшие Родион и Сильвестр.

– Знаешь, мы тоже на днях поедём. Если погода будет хорошая, мы ещё раз съездим на прииск, – сказал Родион, – все равно вся наша жизнь перевернулась.

Иван перецеловался со всеми и поднялся по трапу. Трап убрали сразу. Пароход быстро отошел. Иван стоял наверху.

Спиридон долго ещё смотрел вслед ему, а Родион и Сильвестр ушли. По Тамбовке гулял расходившийся ветерок.

Потом и Спирька повернулся и зашагал домой.

* * *

У Красного мыса, отойдя от деревни верст двадцать, Иван велел спустить шлюпку напротив гольдского стойбища.

– Тут есть новый прииск, хищники моют, – сказал он капитану.

Иван взял оружие, плащ и в охотничьих сапогах сошел в шлюпку.

– Ох, зверь! – говорил капитан. – За новым миллионом поехал! Тут ведь знаменитые тайные прииски. Он, видно, знал давно, еще до отъезда, а прежде времени не трогал...

Иван сошел на берег. Шлюпка возвратилась на судно. Пароход пошел. А вровень ему шел Иван по берегу. Гольды вышли из деревни встречать его.

– Бердышов! – со страхом переговаривались они.

Иван купил у них лодку, поел талы, посидел в фанзе, потолковал, рассказывая по-гольдски о Франции и Германии. В полдень он уже гнал лодку под парусом через Амур и, налегая на весла, вошел в протоку и помчался между островами. А ветер крепчал и становилось все холодней...

ГЛАВА 23

Дуня правила парусом, а когда ветер переменился, стала толкаться шестом. Она шла под самым берегом, и удары ветра приносили какую-то желтую шелуху из густых, ложившихся, как волны, трав.

Дуняша мчалась вперед, а мысли ее несло против желания назад.

Начался дождь. Она успела загнать лодку в знакомое озерцо и пристала к берегу, где стояло старое охотничье зимовье. Ветер разгулялся и завывал все сильнее, казалось, продувал насквозь лачугу. Дуня достала из-под нар сложенные дрова и посуду, выбежала на дождь, набрала в ведра воды и затопила железную печь.

У нее с собой был свежий хлеб, копченое мясо, хорошая сушеная рыба, консервы, сахар, чай и ягода.

Она разделась, вымылась и, надев чистую рубашку, развесила свою одежду по избе. На улице становилось совсем темно, и казалось, что наступили сумерки.

Одеяло и постель у нее были с собой. Она все расстелила. Ей все время чудилось, что скрипят уключины весел, в шуме волн слышался чей-то голос. Она почувствовала, что все время ждет кого-то, и подумала, что не едет на прииск, а бежит.

Тихо горели дрова. Дуня стояла над постелью как бы в нерешительности.

Дверь распахнулась и хлопнула, словно от сильного ветра. В зимовье вошел Иван.

Дуня обняла его, ее горячие руки скользнули по его тяжелой мокрой одежде. Она поцеловала его и, расстегивая пуговицы, прильнула к его груди, и опять стала целовать горячо. Мгновениями она с удивлением рассматривала его лицо, словно никогда не видела его.

– А где же твой пароход?

– Я все бросил! Как ты велела. Нету у меня парохода. Я молодой, бедный. Никакого языка, кроме гуранского, не знаю. Я вольный охотник...

Он быстро сорвал с себя плащ и куртку, бросил шапку.

– Пока ты росла, я ждал, как охотник... Добаловался до богатства... А теперь – опять к тебе! На лодке, один. Я тебя нашел,

нашел... Мне, кроме тебя, никого и не надо!

– Если бы ты был бедный! – зажмурившись от восторга, сказала Дуня и отступила. – Ах, если бы!

Дуня и Иван спали обнявшись под тяжелым меховым одеялом.

– Я, как собака, много лет хожу за тобой, – говорил он ночью. – И доходился.

Утром буря стихла.

– Осень! – сказал он, слыша сухой звон листвы.

– Да, осень.

– А был тогда март. Перед весной.

– Так же у отца, как теперь, за поскотиной табунились жеребята.

– Я печь затоплю!

– А я на что? На что у тебя парень молодой? Живо, давай, Иван, крутись! – крикнул он себе.

Ловко и наскоро приодевшись, он налегке выскочил из зимовья, стал что-то крушить топором. Внес охапку дров. Умело и не торопясь затопил.

– Сухие поленья! Диво!

Огонь запылал. Ее лицо смеялось радостно из-за вихров медвежьего одеяла.

Он словно пронырнул надо всем одеялом, и мохнатая бурая голова со ртом до ушей появилась рядом с ней на ее подушке. Теперь меховое одеяло на китайском шелку закрывало половину ее лица.

Дуня притихла. Ее глаза стали серьезны. Иван прильнул к ее груди, мягко положил руку на плечо. Она поцеловала его долгим поцелуем, словно говорила о чем-то очень важном. Но ее серьезность вдруг растаяла, открылись ровные зубы, ее лицо изменилось, и руки оплели его шею.

Пылал очаг в зимовье, и было тихо.

* * *

– А че будем жрать? – вдруг сказал Бердышов.

– Мне не хочется.

– А я отощал. Я ли не Ванька-тигр. Сейчас сгребу себе добычу... Хозяйка моя! Хозяйничай! А я пойду добывать пропитание!

Он затянул ремни на сапогах, надел пояс с револьвером и патронташем, взял ружье и ушел.

Куча смятой одежды лежала перед ней. Она стала все разбирать. Первый раз в жизни она держала его рубаху. Ее надо было повесить, все высушить и распрямить на горячем воздухе над печью.

Дверь скрипнула.

– Только ты не убеги! – сказал Иван, просовывая голову.

Она засмеялась.

– Я никуда не убегу!

Послышались глухие шаги, удалявшиеся в мокрую траву. Вскоре раздались выстрелы.

Когда-то Дуня хаживала в это зимовье. Спиридон охотился здесь на лосей. Лосиная Смерть подолгу бродил по окрестностям. Но кажется, что и место стало другим, и зимовье не то...

Дуня достала из-под нар котел, отнесла его на берег, вычистила песком и мелкой дресвой.

Иван тихо брел по глубокой, осенней траве.

– Сбежал твой сохатый? – спросила она.

Он вышел, обвешанный дичью.

– Чу, ты пойдешь за меня замуж? – спросил он тревожно.

– За бедного!

– Какой перелет! – сказал он, подымая голову и глядя на массу птиц. – В несколько этажей летят!

– Осень! – отвечала она.

– А тогда была зима!

– Нет, тогда была весна, – ответила она и заглянула ему в лицо.

– Дерзкие глаза у тебя, озорные! – сказал Иван.

Они вошли в свой дырявый, но жаркий дом.

– А помнишь, как я тебе дорогу перебежала?

– Помню...

– И жеребушку молоденькую помнишь?

Она пристально смотрела ему прямо в глаза. Она тронула щекой его щеку и замерла на миг, чувствуя, как часто бьется его кровь.

– Гуся жарить? – тихо шепнула она на ухо.

– Ково это?

– Гуся, я говорю, жарить?

– Паря, не знаю, жарить ли...

– Ты и обалдел! Эй, Иван! – постучала она по груди его, как в дверь. – А уток на похлебку? Ты – хозяин. Вели, что хочешь... Я все исполню...

– Погоди маленько... Я опомнюсь...

* * *

Бердышов вспомнил, как с Ильей и Васькой был он когда-то на озере Эворон. И показалось ему ночью, что он отторгнут от своего места в жизни.

Он вспомнил это, когда в открытом кабриолете катил с Жаннет по бульвару Мадлен, и она все показывала ему. Он с белой, накрахмаленной грудью, с бантом на лацкане, с розой в петлице, в котелке и перчатках. И рука на трости с золотым набалдашником.

– У кого есть деньги, тот не бывает стар. А ты молодой и сильный. И рост высокий и ты красивый! – говорила она ему.

Весь бульвар в цветах и подоконники на этажах тоже в цветах. Кто-то бросил им в экипаж эту красную розу. Даже большие розовые и светло-желтые дома кажутся Ивану каменными цветами.

Они познакомились случайно, в магазине. А на другой день он послал ей цветы и подарок.

– Сибирь! О! Строганов! – говорила она. А Иван еще не знал, кто такой Строганов. «Строганов, идемте танцевать!» – говорила она.

Он чувствовал, как радуется эта маленькая девушка. Ей вдруг стали доступны удовольствия ее родного города.

Он познакомился с ее матерью. Он бывал с Жаннет в кабаре, среди богатой публики. Она повела его в Большую Оперу на балет. И там он вспомнил, как когда-то небогатым торгашом в ночь на озере Эворон мечтал о другой жизни и ждал...

Жаннет сначала испугалась: уж слишком дорог был первый его подарок.

– Остайся у нас... – нежно и тихо заговорила она, и ему чудилось в ее слабом голосе далеко спрятанные слезы. Она знала, чувствовала, что он не одинок. И мать ее это понимала и говорила ей.

Иван понемногу учился говорить по-французски. В кабаре все смотрели на высокую молодую даму на сцене.

Иван видел, как она выгибает ногу, как выгибает вперед бедро, подхватывает платье. И еще выходило пять девиц... И еще пяток...

Жаннет здесь выросла, но еще не видела всего этого.

– Что у тебя в Сибири?

– Меха и золото!

Они ездили в казино и пробовали играть. Иван видел на зеленых столах груды золота и руки с драгоценными перстнями.

Он чувствовал, что здесь собраны великие богатства, что весь город украшен, всюду трудились умы и руки. Казалось, тут вечный праздник, но только люди не чувствовали этого, словно не видели окружающей их красоты.

– Мосье Бердышов! – здоровались с Иваном в кафе.

Он бывал на бирже. Он встречался с коммерсантами.

Богатейший банкир, узнав, что он сибиряк, пригласил его. За обедом один из гостей подозрительно оглядывал Ивана и наконец сказал, что он походит на американца.

– Нет, я не американец!

– Вот наше золото... – говорил ему на другой день банкир, спустившись после осмотра банка в подвалы.

Иван видел в Петербурге в государственном казначействе, как хранится золото. «Где же наше, амурское?» – думал он и в Петербурге и в Париже.

– Вы сами добывали золото? – спрашивал банкир.

– Да, я сам мыл, как рабочий, а теперь сам хозяин приисков. И я хочу открыть банк.

– Вы еще молоды и могли бы успеть зарекомендовать себя в Европе, – говорил банкир. – У нас не считается, кто стар и кто молод. Важно, есть деньги или нет.

Высокий, приветливый француз с узким лицом и седыми усами разрешил Ивану познакомиться с банковскими операциями. Однажды он полушутя сказал:

– Может быть, вам стоит здесь жениться. Мы найдем вам подходящую невесту. Вам нужен компаньон для пробуждения Сибири!

– Может быть, вам надо отделиться от империи! – посоветовал Бердышову в тот день за обедом один из гостей.

Ивана попросили показать на карте места, где происходит добыча золота на Дальнем Востоке. Новые знакомые довольно верно знали,

сколько золота добывается на Амуре и куда оно идет.

– А Сахалин еще не отдельная республика? – спросил хозяин.

Но это тоже была лишь горькая шутка. Он знал о каторжном острове.

По улицам маршировали французские солдаты.

В книгах писали, что и товар точно так же марширует, как солдаты, он завоевывает, застаивается и то побеждает, то терпит поражения и подавляет, всегда подавляет целые народы.

– Зачем же эти подарки, Бердышов? – сказала на прощанье Жаннет. – О! Бердышов, как же ты сможешь мне писать! Я буду учиться по-русски и уеду в страну золота! Ты не обманешь меня?

– Нет!

– Я тебя люблю, Бердышов.

– Я тебя тоже люблю.

А борцы за свободу, которых они с Жаннет видели не раз на сборищах, казались Ивану дельцами. «Все те же дельцы, но они ставили на других лошадей!» Жаннет горько и неподдельно рыдала. «Ты такой ласковый и добрый!» «Я никогда не любил такой женщины!» «Да, я знаю это. У тебя – жена, и ты христианин!»

... – А ты ловко поваришь! – сказала Дуня.

– А как же! Я насмотрелся! Могу соус приготовить...

– А дичь там едят?

– Да, любят. Лес такой же. И трава. Хорошие садовые цветы.

Она замолчала. Он видел лишь ее спину и понял, что она не хочет говорить об этом.

– Я им там рассказывал про Горюн, про гольдов, про шаманов.

– Неужто им любо?

– Еще как... – Он вспомнил, как Жаннет сказала ему однажды: «Ах, Бердышов! Ты ведь живой, ходячий театр!»

– А на Горюне нынче будет много дичи... У вас под Тамбовкой, на островах.

Они стали варить обед.

– Уедем с тобой и будем жить всегда, – сказал Иван.

– Я сбежала бы к тебе.

– Чем же плохо? Разве ты не хочешь иметь свою парохода? Приисков? Поехать, куда хочешь...

– Нет! – ласково ответила она.

– Разве что!

«Не думай, Иван, что я рот разину на богатство, – подумала она, – я сама золото мыла, гребла его с бутар, умею торговаться и сбивать спесь с людей... Я сказала Илье, что не люблю его... Да и зачем я ему?»

– Если бы ты был охотник? – снова говорила она ему под утро. – Я не хочу думать, что ты богач... Ваня! Нет, ты приехал с Горюна – и весна, а не осень... Ты вошел – и нет осени... Оставь все – я уйду с тобой на край света.

– Я бы отдал все Илье.

– Отдай! – с восторгом и крепко обнимая его, воскликнула она, уже зная где-то в самой глубине души, что и она и он лгут. Но она будет любить его еще крепче, вечно. И он ее не забудет теперь никогда. Она знала это и чувствовала, что начинается буря, что ни он, ни она не остановятся...

Почему он не взял ее тогда? Она виновата сама? Да она и не думала, побоялась бы и не знала, что любит. Он? Он не вырвал ее силой у отца с матерью, он удачлив и умен, но тут не решился! Люди? Молва людская помешала?

Иван! Да с ним весь свет будет ее. Нет, ей не надо... Сегодня у нее есть то, о чем она не смела мечтать. Но, видно, сильно желала этого еще раньше, на своей заре играя с ним. Она хотела сразиться с ним, таежным царем, великаном ума, силы, богатства, смелости – с тигром.

– Ваня! – она встала, босая, со светлыми распущенными волосами, как тогда, в избе у отца, после того как Иван убил... Она еще не знала тогда, что он убил... Но это ведь она спасла его тогда, судьбой самой посланная ему, чтобы забыл первую пролитую им людскую кровь, разбой. И отец был пьян не вином, когда поднял дочь из горячей постели, чтобы плясать перед чужими разбойниками. Почему выбрала его? Почему мгновенно ожила от его мельком брошенного взора – он стоил того, чтобы отдать ему свою жизнь.

Она потом, потом, гораздо позже все поняла. Большая жизнь ее сложилась из этих женских дум в одиночестве. И сейчас казалось, что она всегда только и ждала Ивана, что и не было ее четырех родов, огромной жизни с Ильей, любви с ним и труда, и счастья у нее не было никогда...

ГЛАВА 24

Оломов шагнул своей сильной ногой на поперечины узкого трапика и взялся за поручень. Дрогнул и качнулся весь железный черный борт, словно на него нацепили якорь от океанского парохода.

Оломов с утра в белом кителе, с белой кисейной накидкой под красным околышем полицейского картуза. Он очень доволен, что пароход поднялся до лагеря. В каюте можно отдохнуть от мошки и комарья. Не придется теперь спускаться на лодке вниз по бурной реке. Пароход сам пришел за ним.

Капитан взял под козырек.

– А вот говорили, что прииск так спрятан, что до него вообще невозможно добраться, – сказал Оломов и почтительно откозырял в ответ и подал руку капитану. – Каково? – обратился он к окружному начальнику Телятеву, который беззвучно и легко, как мотылек, вспорхнул на палубу.

– У нас лоцман из здешних республиканцев... Вот он и совершил сие чудо! – ответил скуластый капитан, невольно щурясь, как от солнца.

– Ты привел, Гаврюшка? – с нарочитой грубостью спросил Оломов косматого старателя в цыганских шароварах с картузом в руке.

– Я-с! – густо ответил мужик.

– Почти до прииска дошел! А меня, братец, уверяли, что двести верст надо подыматься на шестах до главных разработок! Нет, я чувствовал, что приютились где-то близко от Амура.

– Да никакого особенного прииска, ваше высокоблагородие, тут и не было! – ответил Гаврюшка. – Собирались мужики поплескаться. Для себя старались. Из золотника голодали, на обратный билет на пароход намыть не могли!

– Судходная река оказалась! А на карте не значится. Вы, Терентий Ксенофонович, – сказал Оломов капиталу, – обязательно составьте опись. Ведь это целое географическое открытие.

– Она не судходная, ваше высокоблагородие! – продолжал Гаврюшка, покручивая ус. – Просто вода большая сейчас. А ведь обычно-то – так себе речушка. Только шумит. Тут безлюдье, никто не живет и никогда не жил. Дурная река, все ломает, сносит избы. Гиляки

сюда не ездят. Спросите Ибалку, он знает. Это ведь глупый народ сошелся, золото, мол! А нет ничего. Вот обыщите, никто ничего не намыл, нищие пришли и нищие уходят!

Телятев шмурыгнул носом. Он знал не хуже Гаврюшки, какие тут нищие.

– Молодец! – сказал Оломов.

– У нас, ежели по-свойски, из уважения, то все можно! – сказал Гаврюшка. – И пароход проведем. И все... Завсегда жизни для вас не пожалеем, вашескородие.

– Даже республику по-свойски составили и три года держали в секрете? – спросил Оломов. – По-свойски и десять лет еще никто бы не знал?

«Если бы какому-то дураку не взбрендило в голову обвинять старателей в подготовке революции!» – подумал Телятев.

Гуси шли так низко, словно хотели сесть на пароход и устроить на нем птичий базар. Капитан проворно ринулся в рубку. Труба рывкнула трижды. Волнистый строй гусей заколебался и разбился.

– Спасибо, брат Гаврюшка! А не хотел бы пойти на службу в полицию? – спросил Оломов.

– Премного благодарен, вашескородне, даже в мыслях не было.

– Подумай. Да пособи, брат, мне. Тут надо кое-кого вывести на чистую воду.

– Это я с полным старанием.

– А ну, скажи, кто же на самом деле был у вас президентом?

– Я ведь не касаемо этого... Только в газетах слово такое вычитал, а у нас нет. Этого и не было.

Гаврюшка забормотал какую-то чушь. «Почему бы мне в полицию, – полагал он, – когда я при вольной республике был в таких чинах! Теперь меня ничем не удивишь! Хотя, конечно, там харч, аммунпция! Жалованье!»

«Все как сговорились, подлецы, – рассуждал Оломов. – Лгут!.. Какая-то круговая порука у нашего народа.»

– А может быть, ты можешь еще выше пароход поднять?

– Можно! – ответил Гаврюшка.

Осеннее солнце всплыло и улеглось на елках. Начинало припекать. По вершинам елок солнце словно двигалось к пароходу.

«Что же кисель разводить! – подумал Оломов. – И окружной какая-то размазня, медуза... Но я все чую, как полицейская собака!»

Чемодан и пальто денщик пронес в каюту. Опять летел караван. На этот раз они шли высоко, гуськом и походили в небе на столбец черных иероглифов, отпечатанный на голубой бумаге.

Оломов подумал, что, пожалуй, напоследок надо бы еще поохотиться.

«Конечно, Гаврюшка – артист, – полагал он, фыркая и брызгаясь над тазом в каюте, – нашел протоку, которая, как по щучьему велению, наполнилась водой. Хочет прощение заслужить! Так и скажу, что прощаю, но при условии, если пойдешь в полицию! Тут они все артисты собрались... Серая кобылка!»

Оломов и прежде разгонял старателей, выбиравших себе власть на приисках. «Но эти чуть ли не министров себе выбирали. А Телятев делает вид, что тут нет ничего особенного».

Машина глухо заработала. Колеса еще стояли, и пароход, не трогаясь, вздрагивал. Денщик убрал мыльную воду. На черной сетке, натянутой в окне каюты от москитов, все ярче и шире расплывалось желтое пятно солнца.

Завтракали в маленьком салоне. Крахмальной салфеткой Оломов вытер усы.

– Ну, вот и домой! – сказал довольный Телятев, наливая легкое вино. – Сегодня закончим! Может быть, где-то еще есть отдельные личности, но и те сами с голоду передохнут, если не уйдут.

Лицо окружного стало ярко-розовым, как обычно у бледных и болезненных горожан, которые вдруг попадут в тайгу в солнечные дни.

– Сотня людей, верно, разбежалась! – заметил Оломов.

– Не более десятка!.. Одна сторона реки занята бердышовской партией, а другая свободна, но, верно, обе попадут одному хозяину...

– Что же это за разгон! – перебил его Оломов. – Да нас с вами бог знает в чем заподозрить могут! Это какой-то сход волостной попросили разойтись. Разве это разгон республики! Китайцы, вон, Желтугу разгоняли, так они только русских отпустили, но честно несколько сот голов срубили своим... А может быть, несколько тысяч! А мы? Что мы, я спрашиваю вас? Старатели вышли спокойно, золото сдают сами, каторжников не оказалось, слухи о революционной агитации не подтверждаются, политических нет, самосудов не было...

Мало ли что барон Корф либеральный генерал-губернатор. Мы не смеем злоупотреблять. Не нравится мне это! Обманывают нас, и мы что-то недоглядели...

Телятев посмотрел с удивлением, вытер платком пролысни и обожженное лицо. Что тут может не нравиться?

– Не в наших же интересах злобить мужиков, которые нас...

– Надо бы схватить еще двух-трех, – сказал Оломов. – В назидание. А то все это очень скучно и неестественно. Чинно разошлись. Схватили какую-то китайца с русским паспортом. Словно нет других преступников. Этакая идиллия мужицкая! Подозрительным не покажется? Не орудует ли там банда хитрецов. Скажут, не подкуплена ли полиция?

– Пойдите-ка... – нелюбезно ответил Телятев и, отложив салфетку, быстро вышел, словно вспомнив о чем-то.

В маленьком салоне становилось жарко.

– Скажу вам, что я, кажется, сдал за этот месяц, – сказал Оломов, когда собеседник возвратился.

Бойка^[5] подал чай.

– Полегче чувствую себя! Нет худа без добра. Так вы полагаете, что весь прииск возьмет Бердышов и никого не допустит на другую сторону реки? Его уполномоченный Василий Кузнецов из молодых, да ранний!

Прежде Телятев недолюбливал Бердышова. Про Ивана Карпыча говорили, что никому не дает взятку. Но он избегал лишь прямого вознаграждения. Стол в его доме всегда накрыт, меха лучшие в продаже, и дешевы... Сам Бердышов радушен, шутлив, весел.

«Еще посмотрим!» – сказал себе Телятев.

«Еще найдет коса на камень!» – подумал Оломов. Он не стал пить чай и вышел на палубу.

– Почему не поднимаешь судно дальше вверх по речке? – спросил он у Гаврюшки, выходя на палубу.

– Ждем, когда позавтракаете, ваше...

– Ну, начинай... Терентий Ксенофонович, пожалуйста...

Пароход тихо захлопал плицами и тронулся. Гаврюшка, перегибаясь через борт, измерял шестом глубину и подавал знаки капитану.

Гаврюшка велел дать задний ход. Он долго тыкал шестом вокруг. Течение сносило пароход. Вскоре опять раздались гудки, и судно наконец пошло.

* * *

– Что это рывкает? – спросил молодой старовер с винчестером. Он сиял старую поярковую шляпу и стал креститься.

Вольные старатели, ожидавшие решения своей судьбы, вылезали из шалашей и палаток.

Вдруг все увидели, что знакомый казенный «Лиман» с толстыми кожухами над колесами, как с опухшими боками, вылез из ветельников на разлившуюся протоку, похлопал плицами и с грохотом отдал якорь.

– Гляди, пароход куда дошел!

– Боже ты мой!

– Гаврюшка хвастался, что может сюда океанский пароход привести со всей контрабандой? Это, наверно, он.

– Только он! – подтвердила рябая Анфиска.

Загруженные инструментами и мешками, лодки старателей теснились на полузатопленной отмели. Отполированные волнами плахи бортов с набухшими сучьями, как с зеркалами, поблескивали.

– А ну, ребята, – сказал Гуран, вскидывая ружье, – первому пароходу, который вышел на нашу реку!

– Ура батюшке царю, братцы, во славу империи! По милости его величества государя императора нам послано первое русское паровое судно! – подхватил Федосеич охрипшим голосом. – Во славу российского мореплавания и полицейских адмиралов. Салют двадцать один выстрел кораблю-первооткрывателю, вошедшему в наш порт из-за границы!

На груди старого матроса сегодня нацеплены медали и Георгиевский крест.

Молодой старовер выстрелил вверх из винчестера, старатели грянули «ура» и со всех сторон загремели залпы.

С Кузнецовской стороны, где высился бревенчатый амбар и белели крыши пекарни и конторы, шла лодка. Худенькая Катюшка в платке гребла. На корме правил Василий Кузнецов в широкополой

шляпе и в широком полосатом поясе. На скамейке, в косоворотке и картузе, с ружьем и с мешком в коленях, сидел Илья Бормотов.

– Вот бы на пароходе поехать! – сказал он.

Илья сошел на берег. Васька перекидал ему на руки багаж и оружие и сам перепрыгнул.

Катюшка быстро затянула платок покрепче, вскочила, схватила тонкими ручонками шест, судорожно упираясь худыми и сильными, как пружины, ногами, загнала лодку на затопленную низину между двух отвалов породы.

– Видишь, какая высокая вода подошла! – рассеянно говорил Василий. – На Амуре большая прибыль. Течение давно ослабевало, а никто не замечал.

Василий с тоской посмотрел на товарища. Он признавал, что и сам сильно виноват перед ним. Может быть, потому не мог найтись, настоять на своем, убедить Ильюшку не уезжать.

– Илья, – крикнул он вслед.

Но Илья шагал туда, где поставили стол и полиция вела проверку и перепись. Ваське невольно бросилось в глаза, что старатели рослые, рослей солдат и все одеты хорошо, с оружием. Стуча сапогами в гальку, он пробежал по отвалу и догнал товарища.

– Право, пошли бы вместе, как только отряд уберется. Ведь я уговорюсь. Вернемся вместе, как будто поисковая партия от фирмы Бердышова.

Илья на миг приостановил ход своих тревожных дум.

Баржу до Амура поведет на буксире пароход. Солдат и полиции Илья не боялся. Ему все надоело тут. Он не хотел задерживаться.

Вася заметил, что тревожный взор Ильюшки опять метнулся куда-то далеко-далеко.

– Ты меня провожать не ходи! – сказал Илья.

– Все равно они вниз в Николаевск пойдут, а не к нам, вверх. Ты выгадаешь немного.

Илья сам понимал, что с Васькой под видом поисковщика от богатой фирмы было бы спокойней. Но ему не хотелось тут оставаться, его тянуло домой.

– И надо Сашку подбодрить!

– Сашку выручим, – ответил Вася.

Простившись, Илья почувствовал себя наконец свободным. Теперь он отстал и от артельных обязанностей, и от товарищей, и от погони за выгодами и золотом.

«Домой!» – подумал Илья и впервые за все лето заликовал. Только сейчас он почувствовал, как изболелась тут его душа.

Илья надеялся шепнуть Сашке с Тимохой, что их в беде не оставят, обратятся к Бердышову и к знакомым чиновникам.

Подошел сбоку полицейский-гиляк Ибалка. У него темные усы, растянутые черной редью по губе.

– Иди! – улыбаясь велел он.

– Куда?

– Сюда!

– Зачем?

Илья с высоты своего роста посмотрел на маленького полицейского. Ибалка отступил шаг и, тараща маленькие глаза, неловко стал доставать из-под пуговицы полицейский свисток с запутавшейся цепочкой.

Когда Ибалка засвистел, подошел пожилой полицейский и взял Илью за левую руку. На правой повис Ибалка. Илья почувствовал, что гиляк сильный.

– Что вы? – удивленно сказал Илья.

– Арестованный! – ломая ему руку до боли, ответил Ибалка.

– Я же не бегу...

– Знаем! – ответил старый полицейский.

– Пустите меня! – вдруг сказал Илья и оттолкнул обоих.

– Да-да! – тихо сказал Ибалка, словно он этого и ждал.

– Ты что это! – подходя, рывкнул урядник Попов. – Ждем тебя давно. В кандалы его!

– Нет кандалов! – сказал пожилой полицейский.

– Сколько кандалов привезли на Сахалин, понимаешь, – сказал Ибалка, – а не хватает! Почему не бежал? – обратился он к Илье. – Бежал бы, и за тебя хорошие деньги получили. – Он засмеялся. – Беги!

Илья знал, что за пойманных беглецов платят. Даже за убитых беглецов платили. Генерал Корф приказал гиляков нанимать в полицию. Ибалка сам, говорят, убивал беглецов не раз.

И вот теперь обессиленный Илья сам попался ему. Попал, когда ни до чего нет дела. И хочется лишь домой. Его, кажется, покинули

находчивость и смелость, сошла удаль. Схватили в самое неподходящее время. Он вспомнил каторжных, пересыльную тюрьму в городе. Илья ужаснулся. Вместо того чтобы поскорей попасть домой, он сам попал под арест.

Илья надеялся, что, может быть, его отпустят.

– Отдай! Это мое! – закричала в толпе женщина. Илья увидел, как полицейский схватил рябую Анфиску за руки, а урядник вытащил у нее из-под фартука тяжелый мешочек.

– Твое! – с насмешкой сказал урядник Попов.

– Я мыла, мыла сама...

– Пстой! Пстой! Да тебя из Перми хозяйка разыскивает. Дай-ка я погляжу на тебя. Приметы есть. Рябая!.. Знакомая личность. Живо их на пароход! В трюм!

Анфиску схватили крепко и потащили. Анютка пошла сама. Анфиска пыталась грызть руки. Полицейский ударил ее по обеим щекам. Ей живо закрутили руки назад и связали.

– Я тебе покажу кусаться!

– Убей! Убей! За свое, это трудом нажитое.

– Ага, признаешь сама, что хищничала.

– Мы не бежали и в Перми не были никогда, – стала объяснять Анюта.

– Бежали обе из заведения. Хозяйка розыск объявила! – пояснял Попов, обращаясь с трапа к толпе. – Мы так и знали.

– Так не с каторги, а из бардака! Отпусти их! – сказал Илья.

– Как золото открылось, люди стали всюду исчезать!

Женщин отвели на пароход. Анфиска там истерически заголосила.

– Бьют их! – говорили женщины в толпе.

– Этых можно бить! Сколько хочешь! – сказал Ибалка. – Видишь, как завыла. Врезали ей как следует! Они еще притворяются больше, знают свое дело. Ей еще не то будет!

– Их не бьют! Кому они нужны, – сказал Попов. – Руки о них пачкать. Это у них золото вытаскивают. А им жалко! – Урядник засмеялся.

Шаркая голенище о голенище, подошел Телятев.

Он не подал вида, что заметил Илью. Телятев не хотел бы зря попадаться ему на глаза. Он знал, что всех арестованных, видимо, освободят со временем по многим причинам. Губернатор не захочет

огласки, которая неизбежна, если начнутся суды. Кроме того, Телятев не желал ссориться со здешним населением. Но он сам велел задержать Илью, желая, чтобы тот знал, как опасно задираться с полицией. Но загонять Илью в каторгу, сводить с ним счеты Телятев не собирался.

Он полагал, что отечески управляет округой и это лучший, хотя и опасный, способ, при котором с лихвой восполняется недостойное жалованье, а мужики в обмен получают внимание и заботу.

– Пусть все проходят! В лодки садитесь, переписывать больше не будем, все по домам! – объявил он толпе.

– Силину отведите каюту, – распорядился на пароходе Телятев. – Поставить при нем часового! Остальных на корму с часовым.

– А если дождь! – спросил урядник.

– Ночью, если начнется дождь, то пусть на трапе устроятся, на ступеньках. Часового поставь надежного!

Илью привели на корму. Там сидел на скамейке Сашка.

– Ты здесь?

– Да. Садись.

– Я не хочу сидеть.

– Че делать! – ответил Сашка.

Пароход отвалил. Гаврюшка вышел через некоторое время из рубки, уставился на Илью и на Сашку, печально сидевших на самом солнцепеке рядом с солдатом в шинели и с ружьем.

– Теперь будем сами подчиняться... – подмигивая, молвил Гаврюшка.

Он вынул кисет с табаком и предложил конвойному. Солдат достал трубку, и красноватые, в прожилках, щеки его вздулись.

– Как тебе не жарко? – спросил его Гаврюшка.

Курить конвойному солдату не запрещалось. Он знал, что сам теперь вроде арестованного.

– И куда это Камбала делся? – спросил Гаврюшка, оборачиваясь спиной к солдату и опять подмигивая Сашке. – Ты его не знавал? Нигде найти не могут! Даже Силин не знает!

Солдат закашлялся. Гаврюшка обернулся.

– Это египетский табак. У меня любовница была, ей капитан привозил из Египта. Шел Суэцким каналом и купил на берегу. Эх, была баба!

Солдат поднялся, харкнул за борт, вытер усы, Гаврюшка нагнулся к Сашке и тихо сказал:

– Никто про Камбалу не знает!

– Чего они меня схватили? – безразлично молвил Сашка через некоторое время. – Черт знает!

Он встал и тоже харкнул за борт.

На Илью, казалось, никто не обращал внимания. А у Ильи все сильнее ныло сердце. Ему хотелось уехать с прииска. Но он никогда еще не бросал дела ради капризов. Он знал, что важнее работы нет ничего на свете.

Иногда он думал про Телятева. Не мог же бывший становой пристав забыть, как выбросил его Илья на лед, нарочно разогнав коней. Неясные, глухие думы непривычной чередой шли в Ильюшкиной голове.

– Че думаешь? Че думаешь? – толкнул его локтем Сашка. – Че, терпения, что ли, нет? Ночью, наверно, дождь будет... Как будем?

Илья безразлично пожал плечами. Он рад был бы разговориться, но не мог.

Провели Силина в кандалах. Тимоха кивнул своим. Илья подумал, что также и его самого закуют в кандалы и посадят в тюрьму.

«Запутали меня!» – подумал он, и ему захотелось вырваться, как птице из силков. Он сознавал, что его должны выручить, что он ни в чем не виноват. «Но когда еще это будет!»

Он не хотел в город, в грязную тюрьму, к каторжникам. Ему надо ехать вверх по реке домой, а пароход скоро выйдет из озер и проток на реку и повернет, и с каждым ударом колеса Илья станет все дальше и дальше от дома.

«Мне надо доехать до Амура и сойти, а теперь мне не позволят!» – мысль эта привела его в отчаяние.

Холодная ночь с ветром прогнала всех с палубы. Илья и Сашка устроились под ступеньками трапа в ногах дремавшего часового.

Телятев прошел мимо. Он опять не подал вида, что знает Илью.

Пароход встал на якорь на всю ночь. Телятев вернулся. Сашка встал. Илья продолжал сидеть.

– Ты у меня не выйдешь из тюрьмы, подлец! – спокойно сказал китаец Телятев, не обращая внимания на Илью. Тот ждал плюхи, что Телятева прорвет.

«Нет! – подумал он. – Даже и не смотрит на меня! А ведь не забыл! Видно, вот меня-то он сгноит».

– Ты, знаешь, Сашка, – сказал Илья через некоторое время, – мне мерещится наяву, что она где-то близко.

В переборке круглый люк в трюм. Пришел Гаврюшка и сунул туда через решетку пачку табаку и хлеба. За решеткой появилась голова Анфиски.

– На тебе трубку! – сказал Гаврюшка.

Они разговорились. Илья невольно вслушивался.

Гаврюшка сказал женщинам, что до весны их никуда не отправят, а что сам он поступает служить в полицию и еще увидит их в городе.

Послышался слабый женский смех. Илья не понял, о чем говорили дальше. Слышно было только, как Анфиска сказала:

– Конечно, я дама солидная!

У Ильи стало легче на душе, и он уснул.

Утром золотистые острова уплывали назад. Илье опять подумалось, что он, может быть, никогда больше их не увидит. «Скоро Амур и поворот вниз! И конец!»

– Она, Сашка, звала меня ночью во сне! – виновато пробормотал Илья.

Подымаясь, он споткнулся и упал на ступеньки. Сашка помог ему подняться и вытер грязь на его лице.

– Вот спасибо! Я здорово стукнулся, – сказал Илья.

– Ни че!

У солдата отросла щетина. Он стал старше на вид.

Солдат провел арестованных на их скамью на корме и сам присел, ежась от прохлады. Достал из ящика котелки и велел Ильюшке сходить на камбуз. Есть Илье не хотелось. Он подумал, что баржа с солдатами ушла куда-то раньше парохода, и Андрей, наверно, тревожился.

Гаврюшка отвязал от кормы лодку, подвел к борту и сошел. Никто его не задерживал.

Сашка встал и лег животом на борт.

– Ты куда? – спросил он, когда лодка проходила мимо под бортом.

– За вещами.

Пароход пошел очень тихо. Острова расступились, и видны стали желтые горы за Амуром.

«Вот и поворот!» – подумал Илья, и отчаяние снова охватило его.
День был жаркий, словно не осенний.

«Домой так и тянет, так и рвет душу...»

Залязгали кандалы. Опять повели Тимоху. Заметно было, что Силин не боялся. «Тщедушный, малорослый Тимошка не боится, а я...»

* * *

– Так ты президент? – спросил Оломов, когда с Тимохи сияли кандалы и он уселся.

– Нет, этого не было, – кротко ответил Тимоха.

Его чистые глаза смотрели открыто и с оттенком ласковости, у Тимохи бывало иногда нежное выражение лица. Он по натуре был человеком добрым и мягким. Несколько редких рябин на лбу и щеках чуть поблескивали от едва проступавшего пота. Тимоха сидел, закинув ногу на ногу и крестом сложив на колене освобожденные, но бессильные руки. Ему нравилось, что разговаривают с уважением, как с равным. Солдат приносил ему сегодня теплой воды и хорошего мыла, такое же продавалось на прииске. Тимоха помылся впервые с тех пор, как его арестовали. Все было бы хорошо, но его тревожило здоровье сына, его грыжа, и что теперь парню придется много работать, семья останется в бедности.

– Как же не было, – сказал Оломов, – когда мы знаем, что был у вас избран президент.

– Это в шутку так называли. Вот, примерно, Бердышова зовут Ванька-тигр. Не растет же на нем шерсть на самом деле, не в клетку же его сажать. У нас и слова этого никто не мог выговорить. Президент! А все говорили «презвидент»! Думали, что вроде хозяин на резиденции.

– А ты выговариваешь?

– Я – когда как.

– А знаешь, чье это слово?

– Взято с американского языка.

– Вот видишь! А ведь у них в Америке нет императора. У них власть выборная и во главе стоит президент.

- Скажи пожалуйста!
- Вот какие подлецы! – добавил Оломов.
- Да-а... Это... Прямо... А в газетах пишут, что, мол, президент.
- Да. Такие сообщения печатаются.
- Люди начитались, имя в диковину, давай смеяться. Высмеяли меня.

– Нет. Это подражание тому самоуправству, что было на Желтуге. Стремление выразить противозаконность.

– На Желтуге было много городских. Они на самом деле Голованова в президенты выбрали. У них в Благовещенске газету печатают.

– А для чего ты мыл? Какая цель?

– Хотел разбогатеть.

– Зачем тебе?

– Нанял бы батраков, а сами могли бы не работать.

– А другие зачем?

– Да все так. Каждому надоело. Отдыхали бы. И лечились. Теперь спирт дешевый. Была бы установлена справедливость.

– А у тебя не было городских?

– Нет. Этих не было.

– А куда же делся статский советник?

– Кто же его знает... Ему, наверно, совестно, он сбежал, доказательства у него не было. Он, видно, зря побеспокоил ваше превосходительство.

– Ты откуда слышал, чем он и как побеспокоил?

– Просто так. Думаю, че бы вы вспомнили его.

– А может быть, его убили? Свели счеты? Ну, быстро отвечай!

– Конечно, может быть. Но ведь зря не убьют. Значит, была грёза.

А скорей всего жив, сам сбежал. Мне бы доложили наши, если что...

– Ты же под стражей.

– Это не мешает, – ответил Тимоха и невольно вздохнул.

Он и сам думал, что толстяка по кличке «Советник» кто-то стукнул. «Значит, не зря. Доносчиков как-то всегда люди узнают...»

Вошел Телятев и втиснулся на диванчик за столом.

– Черт вас возьми, слиберальничали мы с вами! – с досадой сказал Оломов. Он взял из раковины и сунул в рот окурочек от сигары. – Так кто Камбала? – обратился он к Силину строже.

– У Камбалы нос приплюснут, от этого широк лицом. Скулы у него. А есть еще человек – Скула. Был еще Чилимстик – рыженький такой. Молодой Горностай, сед, с клочьями чернявыми в бороде и ходил в черной рубахе. Еще Акула.

– Ты был мирный пахарь! – сказал Телятев. – Ведь я знал тебя! Я тебе как отец был!

– Живо завелась у них мода – широкие шаровары, как у цыган, и длинные рубахи.

– И сигары?

– Да, манильских этих сигар было дивно! – кивнул Тимоха на раковину с полукольцами пепла.

– Как же ты три года жил рядом с человеком и не знал его? Как его зовут хотя бы, имя и отчество? Говорят, он китаец?

– Я как-то не отличал. Вроде смугловат. Я в лицо не смотрел, нужды не было, и не присматривался.

– Рядом жил и не смотрел. И ни знал имени и как величают!

– Это верно. Да ведь мы дело делать собрались, работать, а не величаться. У нас мало разговаривали. И нам мало важности – кто. Верил бы в бога и был царю слуга.

– А выбрали власть?

– Власть для порядка, а не для разговоров. Они что надо – сделают, а дела нет – пройдут мимо, и все. Полиция у нас сами были работники, трудились сами, каждый старался. А вот про инструмент вы спросили. Но ведь не видно сквозь землю, чем он там роет. Может, кто и пятерней, и пальцами схватит! А с людьми мы знакомились и не пускали, если какое подозрение. Вот вы же, ваше превосходительство, тоже стараетесь произвести справедливость, мы это понимаем.

– Понимаешь, а путаешь. Ты мне ни на один главный вопрос не ответил.

– Руки о тебя пачкать не хочется! – вдруг краснея, сказал Телятев. – Да от своего не уйдешь...

– За что же?

– За революцию.

Тимоха стих, повесил голову и убрал руки с колена.

– Кузнецовская сторона почему так названа? – спокойно продолжал Оломов.

– Васька Кузнецов там приказчик от фирмы.

– Он сын Кузнецова? А что вы скажете? Вы знаете эту семью?

– Я их всех не могу упомнить! – ответил Телятев.

– Я паспорта не смотрел, – сказал Силин. – У нас полприиска, может, Кузнецовы, кто их разберет! Еще, наверно, Ивановых много, Лемеховых...

– А Силиных?

– Я один.

– А где сын твой? – спросил Телятев.

– Сын грыжу нажил.

– Лишнего много болтаешь, а главного все не говоришь!

– Намолчались, поэтому... Спрашивайте еще, я в аккурат отвечу, ваше...

– Мыл золото? Сам мыл?

– То есть почти не мыл. Разговору больше.

– А как же у тебя отняли пять фунтов рассыпного золота?

– Нет, это артельное.

– А кто в артели был?

– Да Акула был, Хорек, Гуран...

– Кто Акула, как? Фамилия его?

– Я не знаю. Так звали. Крестьянин.

– А имя?

– А мы по именам не звали друг друга.

– Что же вы, всегда кличками обходились?

– Мы ведь не украли, это все было свое, собрано по крохам.

– А как же разговаривали?

– Да вот так и говорили, с китайцами по-китайски: «Моя-твоя».

Они тоже по-нашему учатся. На приисках у всех клички. Вот у нас был сторож у въезда, в шутку звали начальник пограничной стражи. Кличка – Пристав.

– Русский он или китаец?

– Русский вроде. Не кержак. Но, может, гуран. Тут, кроме меня, настоящих расейских не было.

– А как же Кузнецов Егор? Вот говорят, что он был президентом. А у нас сведения, что он жил себе спокойно в семье все прошлое лето. Может, кто-то другой взял его имя и фамилию? Не был это самозванец?

– Нет, это сами люди желали, чтобы был порядок, слух пустили, будто он. А он и не знал. Говорят, приезжал сына женить.

– У нас есть сведения, что он на прииске строил амбар. Не мог же он сразу быть в двух местах?

– Да, он плотник хороший.

– Что он строил?

– В артели, наверно, был. Только как же он в атаманах оказался? Он ведь смирный, его, может, запутали? Вот Мастер и мещане из Благовещенска, они все кричали, что надо выбрать его.

– Так Кузнецов не был главой?

Тимоха вытаращил глаза и стал заикаться.

– Значит, ты был?

– Я неграмотный...

– А Камбала? Говорят, что он в родственных отношениях с Кузнецовым? Не была ли одна шайка?

– Даже и не слыхал. Был бы свой, они вместе мыли бы, как сыновья с отцом. А Камбала мыл с китайцами.

– Может, он сам китаец?

– Не-ет... Он просто смуглявый такой, вот его прозвали «Камбала».

– Так Камбала он не по паспорту?

– Право слово, мы паспорта не смотрели, это мы не знаем. Паспорта дома в порядке сохраняем. Как честь свою.

– У нас значит скрывшимся с каторги Сысой Камбалин. Может быть, он это?

– Скорей всего! – со вздохом облегчения отвечал Силин.

– А он по-китайски не говорит?

– Да маленько мог. Как все!

– Понимали его китайцы?

– Как же! Он с бамбуком ходил всегда, как хлестанет по икрам, по щиколоткам ли, – и сразу не хочешь, да поймешь. Убили его, наверно, не зря.

– Думаешь, убили солдаты?

– Нет, его свои все хотели убить. Может, его и ухлопали.

– Почему же считалось, что два года был головой Кузнецов, а в прошлом году он дома оказался, есть свидетельство очевидцев. И

нынче его не было на прииске? Может быть, он сбежал, бросил всех вас и скрылся? Или он тайно руководил?

– Нет, он товарищей никогда не выдавал. Да при нем бы и не застали бы нас. Он бы эти амбары сжег, а бревна раскатали бы. А наша пограничная охрана стала пить и Камбалу не слушались.

Оломов все более убеждался, что пленный президент хитрый преступник и что о нем придется запросить Оханское уездное и волостное начальство.

«Узнать бы, почему он ушел со старых мест, кто заразил его здесь такой вредной агитацией?»

– А где Голованов?

– Нет его. Он тихонько исчез.

– Он не заодно с часовщиками?

– Нет. Тот часами торговал. Первый год ржавые привез. Его чуть не убили. А Голованов без вреда жил.

– У вас был суд?

– Нет, не было.

– А как же человека повесили?

– Разве было?

– Того, который вырезал семью.

– Ну этого нельзя щадить!

– Я тебя и не виню. Мы не можем действовать в таких случаях по закону. Мы считаем, что это не преступление, а возмездие за совершенное преступление, по приговору артели, там, куда представитель власти не может быть доставлен. Мы в таких случаях утверждаем справедливые решения выборной власти.

– Так, может, меня ослобоните?

– Нет, тебя будет судить суд.

Послышался гудок.

Оломов поглядел в окно. Судно вышло на Амур.

– А демократ с бородой, верно, ушел по следу Бакунина, – сказал Оломов, когда Силина увели.

– То есть на иностранном судне, вы хотите сказать? Нет, у меня невозможен такой побег. – Я повторяю: такой побег не-воз-мо-жен!..

– Он из-за этого и на прииске жил, чтобы бежать в Америку. Два года мыл... И не удержался, начал проповедовать анархизм... Если бы не эта проповедь, то и прииск бы, может, еще просуществовал годы.

Телятев терпеливо сносил град упреков и делал вид, что не понимает их сути.

– Он мыл на Силинской стороне, под покровительством этого президента! Вот за одно это Силина надо на Сахалин, в каторгу. Так бы мы и удивлялись, куда же, мол. идет импорт! И у казны закупки все те же.

Телятев подвинулся на стуле, словно что-то ему мешало и он хотел устроиться поудобней.

– Они теперь слышали про одну идею.

– Пока не надо упоминать об этом, – посоветовал Оломов. Теперь он заерзал на стуле.

– Да, опасный преступник, ловкий очень! – подтвердил Телятев.

– На Амур вышли. Прикажете спустить шлюпку, и если Мастер еще в Утесе, то надо найти и задержать. Он далеко не ушел, наверно ждет парохода на пристани. А если уехал, то надо телеграфировать в Хабаровку, чтобы сняли его с парохода.

Судно сбавило ход. Со шлюпбалок спустили шлюпку.

Оломов выпил водки и пошел в каюту к арестованному президенту. Тимоха, было улегшийся после допроса, вскочил с полки.

– Так ты вел агитацию, оказывается? – сказал Оломов. – Царя убивать, всех бунтовать и все взять самим? Революции хотел! Революция тебе?

– У нас молебны о здоровье его величества государя императора служили, был порядок, – прижимаясь к переборке, забормотал Тимоха. – Сами же вы у нас эту революцию на прииске произвели! Власть свергли!

Оломов мазнул его по щеке и вышел. Он молча и мрачно прошел по палубе и по корме, мимо Ильи и Сашки.

Телятев тоже заглянул в каюту президента.

– Все было бы хорошо, если черт не попутал бы политику! – сказал он. – А это все... глупости. Как будто мы не знали, что бывают выборные старосты.

– А знали?

– Все знали. Только хотели, чтобы вы разведку произвели как следует. И передать все капиталу.

Тимохе хотелось бы спросить: а как же вы сами-то? Тоже ведь пользовались?

Но он постеснялся, не желая обидеть человека. И только смотрел на Телятева так, что тот все прочел в его глазах.

– А если в тюрьму? – спросил Илья.

– А че в тюрьму? Надо – и в тюрьму пойдём. Терпения, что ли, нет?

Солдат сидел, слушал и, казалось, ничего не понимал.

– Тебя найдут...

– Пусть найдут. Я дома побуду хоть немного. А потом – не жалко!

Пароход опять вошел в острова.

– Илья, не убегай, – тихо твердил Сашка. – Не надо. В городе тебя освободят. Там Федор. Егор поправится – приедет хлопотать. Иван Карпыч там есть. Васька сказал – дракой помогать нельзя. Там Иван сильнее всех. Сильней Корфа. На речке золота на миллион. Он все сделает.

– Я не хочу в тюрьму! – отвечал Илья.

– А че тюрьма? Че тюрьма? Терпения нету? Страшно, что ль?

– Нет, в тюрьму не хочу. Я вырос на телеге, в Сибири... – дрогнувшим голосом ответил Илья.

– Ты не виноват, тебя отпустят.

– Паспорта нет. Я убегу, и все! Я домой хочу. Лучше пусть убьют!

Илья огляделся. Сизая гряда ветельника на обрыве подплывала по солнечной реке к пароходу, Илья встал.

– Мне ее так жалко, – молвил он, все еще оглядывая даль. Слабости его, кажется, как не бывало. Илья расправил плечи. Он опять выглядел орлом.

Илья истово перекрестился, быстро перескочил через борт и прыгнул в реку.

Задремавший часовой очнулся, увидел пустое место на скамье, потряхнул головой, словно отгоняя остатки сна, и подошел к борту, подняв ружье. На палубе послышался чей-то крик. Пароход тревожно загудел.

Некоторое время казалось, что Илья утонул. Но вот стала проступать рябь и появился след плывущего человека.

Голова вынырнула далеко, шагах в ста от судна.

Солдат старательно целился, держа на мушке мокрую блестящую голову. Сашка смотрел со стороны. Его крепко держали

чьи-то руки. Глаз солдата напрягся, казалось, от него свет шел по дулу ружья, как от свечки. Наконец он выстрелил.

Голову на воде тряхнуло, словно кто-то ткнул Илью в затылок. Голова его ушла в воду. Потом появилась судорожно согнутая рука. Видно было, как Илья перевернулся под водой.

По щекам Сашки потекли слезы, и он весь дрожал от забившей его нервной лихорадки.

– Тоже прыгать собрался? – безразлично спросил солдат.

Он щелкнул затвором.

Конвойного солдата сменили и вызвали к полицейским офицерам.

– Ты слышал, о чем говорили между собой преступники? – волнуясь спросил Телятев.

– Знакомы они были между собой? – спросил Оломов.

– Незнакомы, ваше высокородие! Чужие были.

– Как же ты узнал?

– Заметно было, высокородие.

– А говорят, они приятели и свои?

– Никак нет. Я же рядом был. Мы ели вместе.

– Неприятный случай!

Солдату велели уйти.

– Зря человек не побежит, – сказал Оломов. – Значит, пойман был настоящий преступник. И убит. Тут уж никакие адвокаты не помогут.

– В воду кануло.

Пароход встал на якорь.

Мимо шла лодка. Гребли две молодые гилячки. Дети, женщины, мужчины и старик улыбались, глядя на пароход. На носу его стоял Ибалка с цепочкой от свистка, растянутой по мундиру.

Он тоже улыбался. На мостике ходил капитан в форменной фуражке.

Поравнявшись с кормой и завидев на скамье Сашку рядом с вооруженным солдатом и полицейских, садившихся в шлюпку, гиляки переглянулись и стали грести прочь от парохода.

ГЛАВА 25

Погода предвещала бурную зиму с жестокими морозными ветрами. Теплая, затяжная осень перемежалась злыми ненастьями.

Пронесся небывалый тайфун, полосами лес повалился вокруг Уральского. Перелегли через речку Додьгу или уткнулись в воду по самые вершины ильмы, пробковые дубы и клены, и не ветер, а вода шумела в их еще зеленых ветвях.

Когда-то, прибыв сюда и войдя впервые в тайгу, глядя на эти деревья, удивлялись крестьяне.

– Какие дубы повалились! – рассказывал Федор Кузнецов, возвратившись с заимки, – когда еще молодые такими вырастут.

Местами тучные лесины с поднятыми корнями прилегли на сучья ближних крепких еще деревьев. Лес, которому бы еще стоять и жить, прочесала буря и вырвала все, что удалось. Мостами упали совсем молодые кедры, а уцелели могучие старики.

Пароходы еще ходили. В низовьях стояла хорошая погода.

Кузнецовы перегнали скот на заимку. Коровы мычали зло, видя дорогу, загороженную буревалом. Их обгоняли целиной, по мелкой чаще.

Кета прошла.

Ночью кто-то взошел на крыльцо, потоптался, видимо, почистил сапоги, прошел сени, распахнул незапертую дверь в избу, прошел через кухню, зная куда идти.

Егор не спал. По смутным очертаниям фигуры, он узнал Василия и почувствовал, что-то случилось. Васька напряжен, словно в страхе.

– Отец? – неуверенно спросил он.

– Тут я, – спокойно ответил Егор.

Сын прошел в густую тьму к кровати, на которой лежал отец. Егор, почти не видя его теперь, почувствовал, что страх и напряжение покинули Ваську, и словно невидимые лучи сыновьего тепла обдали его душу.

Быстро спрыгнула с кровати мучившаяся весь вечер ногами Наталья.

– Что случилось? – спросил отец.

– Разогнали.

– И слава богу! – сказала мать и стала чиркать спичками.
– Илья убит, хотел бежать. Плыл через Амур, солдат стрелял его, – сказал Василий. – Я пиджачок его привез...

– Боже мой! – ужаснулась Наталья.

– Кто, ты говоришь, кто убит? – спросил из последней комнаты дедушка Кондрат и стал подыматься.

Загорелась лампа.

Наталья подошла к Васе и посмотрела в его лицо, оно изможденное и грязное, словно жизнь обезобразила его до неузнаваемости.

– Катя где? – с потаенным страхом и нетерпением спросила она.

– Идут...

– Вы не одни? – спросил отец. Он поднялся и, жалея, горько поцеловал Василия.

– Как ты? – спросил сын.

– Стою!

– Полиции нет? – спросил Василий с беспокойством.

– Что делать! Пусть все идет, – ответил Егор понимающе.

Василий вышел на улицу и негромко присвистнул. В избу завалилась целая толпа оборванцев.

– Ур-ра, президент жив! – закричал Студент, подымая ружье.

– Здорово, сват! – прохрипел Федосеич. – Старый дуб, долго пролежал в своей бухте?

– Мы очумели, президент, озверели, но... – воскликнул Студент. Последние дни были самыми счастливыми в его жизни.

– Мыться? Баню топить? – растерянно спросила Наталья.

Где-то слышались женские голоса.

– Утром – на заимку, – сказал Егор, – потом решим, что делать.

– Мы общественное золото привезли, – сказал Василий.

– Че у вас творится? – пригибаясь, в низких дверях кухни стоял Петрован. – Вернулись? Заразы! На заимках у нас не то что артель, роту упрятать можно...

– К Сашке, может?

– Нет, не надо. На заимке лодки есть, – ответил Егор.

– Погиб Илья...

В грязных шелковых шляпах и в ватниках поверх городских жакетов со стоячими воротниками появились с чемоданом и мешком

Ксенька и Катерина. На прииск приезжала портниха и нашла золотишницам модных нарядов. Была там и шляпница.

– Маманя, че топить? – сразу спросила Катерина, обхватив Наталью за шею и целуя ее.

– Уж топлю, доченька! – ласково ответила Наталья.

– Зачем на заимку? Айда ко мне, – сказал Петрован. – У меня изба новая, три комнаты...

– Отец че-то у нас боязливый стал, – говорил он, уводя по невидимой тропинке гостей через траву и рытвины.

* * *

Ночью Катя всех перепугала в доме Егора. Она вскочила и стала истерически рыдать, потом кинулась к Наталье, залезла под одеяло, уткнулась ей в грудь.

Василий вскочил, подбежал босой, спросонья не разобрав, что случилось.

– Что с тобой? – спросил он жену.

– Не трогай! – закричала Катька. – Убью топором! Я всех вас покрошу! – кричала она и в страхе прижималась к Наталье, стараясь спрятаться к ней под одеяло с головой.

– Ты ее не тронь! – прикрикнула на сына мать и закашлялась.

Катя стихла. Через некоторое время она сказала:

– Мама, зачем вы его так... – она поплакала, заслезив Наталье грудь рубахи, и уснула.

Утром Василий сказал Татьяне:

– Я привез его вещи... Иди отнеси Дуне.

– А че же сам? – спросила Таня.

Васька не знал, что сказать.

– Иди, гляди ей в глаза, – сказала Катя. – Вот так! Теперь уж не стыдно!

– Вместе пойдем, – сказала Татьяна. – Страшно, брат! Она тревожится. Тут пароход приходил, и нам сказали, что кого-то убили полицейские... А из Тамбовки приехала она такая повеселевшая, свеженькая, как грибок.

Вася и Татьяна зашли в дом молодых Бормотовых. Дуня разливала горячее молоко детям, усевшимся за стол. Она не видела мешка в руках Василия. Ей не хотелось смотреть на него.

Василий заметил, что она посвежела лицом и стала тонкой и гибкой, как в девичестве. Но показалась она Васе невеселой.

– Вот его вещи! – сказал Василий.

Дуня схватилась за голову и глянула на Ваську, выкатив глаза, лицо ее перекосило в таком ужасе, словно на нее навели дуло, и она пятилась, ожидая выстрела.

Дети расплескали молоко. Старший кинулся, к матери и со злом оттолкнул Василия.

– Не трогай маму!

– Уходи, Василий! – сказала Таня, видя, что зря привела его.

Дуня вдруг утихла, словно что-то вспомнив. Она закрыла глаза кулаками, потом чуть слышно молвила:

– Это я его убила...

Она встала, развязала мешок, достала пиджак Ильи, сморщенный и измытый в воде и высушенный товарищами на солнце, увидела навитые на пуговице свои волосы. Горько скривилась и села, повесив голову.

Таня молча обняла ее...

* * *

Отец Алексей отслужил панихиду по Илье. В церковь съехались крестьяне и гольды со всех окрестных селений.

Дуня с детьми стояла сумрачная и замкнутая. Проблеском серебра сверкали ее пышные волосы. «Раненько бы!» – подумал Егор.

– Ты не знаешь, где Бердышов? – спросил Егор на другой день, зайдя к ней в избу.

– Не знаю, – ответила Дуня. Она обняла детей за плечи и, помолчав, добавила сухо: – Наверное, в городе...

* * *

Егор, начавший было ходить, в эти дни опять слег. Он был слаб и не мог поехать в город.

Василий послал телеграммы Бердышову и Барабанову, получил от них ответы и решил ехать в город сам, распутывать все дела, постараться выручить людей, а если придется, то и отвечать за себя и за отца. Егор соглашался.

– Надо ехать! – сказал он сыну.

– Поеду к богачам! – ответил Василий. – К тем, ради кого мы убивали друг друга и сходим с ума!

– Ты рос у него на руках! – сказала мать. – Он тебя не выдаст. Поезжай, выручи людей и отца, раз он сам не может. Да он и не схитрит, а ты уж уловчись, пособи отцу с матерью. Видишь, мы теперь...

– Я выздоровлю и приеду на суд, – сказал Егор. – Дело мое, я открыл и я отвечу.

– Что ты, отец! – возразил Вася. – Перед кем ты будешь говорить? Перед Телятевым? Перед Оломовым? И где! В каторжном, пропойном, развалившемся Николаевске, который только один ты еще поддержал на год-два!

– Послушай, Василий! Я – отец. И я строго тебе говорю: скажи Ивану в городе, что я отвечу сам. Скажи это и Телятеву, и Барсукову. Я вот поправлюсь и сам пойду в тюрьму.

– Я скажу... Но зря это. Там глухо, пьяно. Пусто. И начинать подвиги надо не здесь.

– А Иван хочет начинать дело здесь.

– Для него тут есть золото.

«Что же ты хочешь, чтобы за меня судили мальчишек-студентов или безграмотных моих товарищей? Пусть, сын, никто об этом не узнает в пьяном городе. Но ты узнаешь, какой у тебя был отец. И я буду знать себя. Это ведь не обязательно прокричать народу. Человек живет только раз и сам себе должен ответить» – так думал Егор.

Васька понурился, сбитый с толку. Отец не хотел, видно, идти на врага в обход и хитростью, как теперь было принято. Васька почувствовал себя низким по сравнению с ним.

– А если никого не тронут и всех отпустят, тогда и я не приеду, – сказал Егор.

У Васьки отлегло на душе. Оказывается, отец не без головы со своей честностью.

Наталья стряпала пироги.

Катя старалась помогать ей и рассказывала, волнуясь, бесконечные истории о разных приключениях на приисках, вновь как бы переживая все и торопясь так, что язык ее иногда заплетался.

Наталья услышала, что на прииске после ухода отряда остались полицейские, с гиляком, которого имя не вспомнишь. Видя, что никого нет, они поснимали форму и стали тоже мыть золото. А Родион Шишкин, не зная, что стряслось и что всех разогнали, вдруг появился, вернулся с тамбовцами на прииск. Полицейские не пускали их, хотели задержать. К ним к тому времени приехал урядник Попов и тоже мыл.

Тамбовцы решили, что вместо Гаврюшки поставили каких-то самозванцев и что те хотят с них содрать и поэтому не пускают. Родион и его товарищи стали ломиться силой.

Дело кончилось дракой. Полицейских избили прежде, чем все разъяснилось.

– Арестовать-то уж никого они не могли. Сами хищники оказались, попалась полиция. Так и мыл Родион с ними рядом. Да мы когда поехали домой, то и тамбовцы подались с нами... Побоялись без Василь Егорыча оставаться. Все же полицейские могли их перебить... Так мы и шли. Студент говорил, мол, свободные люди, идем вольным отрядом. А Родион Шишкин сказал: «Какой же свободный, когда ото всех прячемся!»

Алешка сидел за столом и старательно переписывал из книжки в тетрадь.

– А где же вы такие кофты и платки купили? – спросила Наталья.

– Все привезли. Это какие-то моды заведены. Да и своя портниха была. И я уже рюшки делать научилась. Эту без полей шляпку в сборку могу сама сделать, это нехитро. Портниха говорила, стриженным такие хорошо носить.

– Бог ты мой! Стриженным!

– Да. Говорила, блондинкам идет очень этот цвет! Приискателки кофт пошили со стоячими воротниками. Шляпки носили вместо платков. Другая с кайлой идет в шляпке, стриженная как парень, молодка. А это девка!

В открытую дверь слышно было, как на крыльцо Ксенька спросила Студента:

– И куда же ты решил?

– К родным в Благовещенск.

– Опять, как малое дите, на чужие хлеба!

– А ты куда?

– Куда я! Не с тобой же! У меня восемь душ! Хлеба просят, а мать с городским таскается. Ломов места себе не находит. Он и мужик-то настоящий, не то что ты...

– И тебе совершенно не жалко расставаться?

– А тебе будто жалко? Какая жалость! Сам же учил, семья не нужна, жить всем свободно, отцов свергнуть, жен ревнивых тоже! Открыли философию, а это уж давно известно. Разврат называется.

– Я, знаешь, Ксения...

– Ты хоть дверь-то прикрой, а то люди слышат... А монахи допрежь тебя...

Через некоторое время вошел расстроенный Студент. Он посидел рядом с Алешкой, глядя, как он пишет. Спросил у Кати:

– А где Васька?

– Василь Егорыч? – переспросила Катя, – Они вон в той комнате. В зальце. Собираются.

– Я замечаю, – заговорил Студент, заходя в зальце, – что крестьяне знают все философские и нравственные теории, которые проповедуют образованные люди, но по-своему. Я убеждаюсь, что не существует монополии образованности. Не только через книги.

Быстро вошла Ксения.

– Коряга, иди-ка живо! – крикнула она. – Вон пароход вышел из-за мыса. К обеду тут будет. Собирай всех, мотайте, заразы, на заимку...

ГЛАВА 26

В легком утреннем тумане проступили три голые мачты. За длинным лесистым островком открывался город.

В цвет воде и туману на дальнем рейде слабо дымил большой океанский пароход.

На высоком берегу маячили квадраты каких-то строений. Под берегом старый знакомец казенный пароход «Лиман», с набухшими боками, сегодня не дымил. Посередине реки виднелся трехмачтовый военный корабль с трубой под всеми парусами.

Судно уже тронулось и тихо скользило по гладкой реке.

«В далекое плавание!» – подумал Василий.

Утро было исполнено свежести, спокойствия и тишины, вид реки и гор, украшенный тонкими видениями мачтовых судов, как бы замер.

«Море близко!» – подумал Вася. Он смотрел туда, где река расступалась все шире, ниже города мыс от мыса отходили все дальше. А между ними лишь небо и вода.

Когда Василий вернулся с прииска в Уральское после полутора недель подъема против воды в ветер и непогоду, он так измок, замерзся и устал, что ему казалось, он никогда в жизни не захочет больше подходить к воде и станет приучаться к берегу.

Но сейчас, при виде далекого голубого горизонта, он почувствовал, что где-то тут близко выход в мир. Вид был хорош, сулил надежду, что и жизнь тут может быть хороша.

Он вспомнил, как мальчишкой попал с гольдами на охоте на высокую сопку, с которой видно было море, и точно такое же чувство охватило его тогда.

Пароход дал свисток и пошел прямо на город. Застроенный берег расширялся, тихо подплывал к пароходу, как бы норовя окружить его толпой домов, старых и свежих амбаров и пристаней со множеством лодок, халок и барж.

Где-то раздавались сильные удары по железу, видно клепали паровой котел в затоне. За полуостровом виднелись два небольших парохода у причалов.

Казалось, что город снова оживал с тех пор, как его обескровили, увезя отсюда все... Прииски уже закрыты, народ разогнан, но еще

товары везли по старым заказам, золото из мужицких карманов еще не выкачено, надолго его хватит, и люди еще будут делать дорогие покупки. Отец дал новую жизнь этому городу.

Барабанов-отец ждал на мелях берега на тележке, запряженной буланой кобылой. Правя вожжами и понукивая лошадку, он расспросил про Егора и домашние дела.

– А Тимоху, кажется, нам не вызволить. Петр Кузьмич Барсуков сюда приехал. Оломов тут. Вцепились крепко, не оторвешь.

– И Петр Кузьмич? – удивился Василий.

– И он!

– А Санка здесь? – прищурившись от солнца и невольно улыбнувшись, спросил Вася про друга детства.

– Санка, брат ты мой, калинка, уходит в плаванье.

– Куда?

– Ты его сам спроси. Он меня не слушает и хочет жить по-своему... Иван Карпыч как раз тут. Он только что вернулся из лимана. Нынче опять огреб капитал, рыбой торговал. У него в Японию – рыба, в Китай – капуста, в Америку – меха, в цареву казну – золото.

– Так и воротим к нему, дядя Федор.

– Пошто не ко мне?

– Дядя Ваня сам просил. Может обидеться. Он всегда приглашает. Прошлый раз у него же останавливался.

– Конечно, тогда обидишь! – ответил Федор недружелюбно. – И Банзаровну знаешь?

– Как же! А Санка... не в Сан-Франциско ли собрался?

– Санка, брат ты мой...

Дом у Бердышова окнами на реку, со свежепокрашенным тяжелым забором. На стук лязгнула цепью собака. Мягко открылось высокое окно, и выглянула черная голова пожилой бурятки-экономки.

– Здравствуйте, Василиса Банзаровна! – сказал Вася.

Барабанов привязал лошадь к коновязи. Дверь распахнулась, мальчик открыл ее и поклонился. По широкой лестнице сбежал Иван.

– Че такое? Че случилось? Я только что вернулся. Я это время здесь не был. Я шел сверху и заглянул сюда на день. Получил телеграмму. Че такое? Ни че не понял! Егор живой?

Василий спокойно рассказал все.

– Отец хочет, чтобы его судили. Сказал, чтобы я объявил об этом здесь.

– Зря. Из этого ничего не получится, – сказал Иван.

– Что же делать? Я обещал сказать.

– Слово Егора – закон. Исполни и объяви, как он просил.

Барабанов, полагая, что у Василия найдется рассказать еще кое-что, и что Васька – не Егор, сразу всего не выложит, решил ради своей же пользы и дела лучше уматывать.

– У меня еще дела, прости, Иван Карпыч!

– Сиди.

– Ну мы, люди свои, в одном городе торгуем! – с важностью погладив свою темную бороду, ответил Барабанов. – Всегда встретимся! Прощения просим.

Федор опасался, что если начнут все разматывать, то могут добраться и до него. И даже до Телятева. Жаль ему было старого соседа, но, полагал он, все от бога. Не будь он ранен – явился бы сюда, протянул бы сам руки под кандалы и сказал бы: «Я был президентом. Всех освободите! Я один виноват!» Умен он на дело, а честностью не всегда умен, – думал Федор. Он надеялся, что Васька, однако, сладит все лучше его и уж, конечно, не станет зря объявлять, что Егор был президентом.

Иван все выслушал. Глаза его заиграли. Ставка, как он почувствовал, была велика, игра в самом разгаре. Как обухом по голове долбануло его, когда дошла весть о гибели Ильи. Он слышал об этом еще в лимане. Он по привычке притворялся, уверяя Васю, что ничего не знает.

– Да, меня тут два года не было. Я ждал, что так все случится.

Ивана давно уже поздравляли, что он взял миллион на новом прииске, который разведали для него старатели больше, чем его поисковая партия.

Шел слух, что вообще все тайные прииски до последнего времени принадлежали ему, а что теперь он вдруг захотел от них отказаться.

Приезжали в лиман старатели, просили его взять прииск, дозволить им не ломать построенные избы.

– Я прииск не возьму! – отвечал Иван.

Все молили его: «Возьми!» На Бердышова были доносы губернатору и в Петербург, о чем сообщил ему по поручению Корфа

приехавший в Николаевск чиновник Барсуков.

Бердышов послал мальчика с запиской к Петру Кузьмичу, и тот ответил, что ждет Василия Егорыча вечером.

Петр Кузьмич принял сына своего старого знакомца в бывшем губернаторском доме, в комнате, которая заставлена шкафами с книгами. На стенах – шкуры зверей, оружие у окна – аквариум с красными в полвершка рыбками. Здесь жил теперь начальник округа Складовский, женатый на родной сестре Петра Кузьмича.

– Боже мой! Ах, ну зачем же беспокоился Егор Кондратьевич! – всплеснул руками Барсуков. Егор послал ему тючок соболей в подарок и такой же жене Складовского.

– Ольга, посмотри, какой роскошный тебе подарок! – пошел он показать сестре.

Василий засмотрелся на огромную картину. В золотой раме море, горы, белый город под ними, розовый туман и корабли. Немного походило на сегодняшний вид с парохода, но город богаче, большие каменные дома громоздились друг на друга, лодки разъезжали по заливу, судов больше и все было как-то веселей. Но и Николаевск стоял на видном высоком и красивом месте и порадовал Василия.

– Дело серьезное! – заговорил Барсуков, хмурясь. Он встал, прошелся и пересел на другой стул. – Губернатор объявляет решительную борьбу хищникам.

– Будьте отцом родным! – сказал Василий. Он почувствовал вдруг фальшь своих слов.

Так мог говорить его отец, когда жил еще на старых местах, но не теперь, и ему стало стыдно. Ему ли так говорить, сыну президента таежной республики, мечтающему о социализме.

– Что-нибудь постараемся сделать, – сказал Барсуков.

Он добавил, что очень сожалеет об убийстве Ильи.

– Это само по себе преступление. Человека взяли ни за что... И дернуло его бежать. Почему, зачем он бежал?

– Нрава горячего был, – ответил Василий. Он густо покраснел не в силах еще что-то сказать.

– Но вы действительно вели разведку от Бердышова? – спросил Барсуков у Василия.

– Конечно, мы для него старались.

– Как это понять?

– Прииск, мы знали, перейдет к нему, – ответил Василий. – Он его заберет запросто. И он, видно, ждал. И мы знали, что не минует.

Барсуков не стал дальше расспрашивать. Законы, он сам знал, устарели, негодны для нового края, задерживают его развитие. Он и прежде полагал, что все это не так, как значится на бумаге. Теперь, видя, что самые лучшие из здешних жителей, его знакомцы и их дети, замешаны, он решил окончательно, что надо стать на их сторону.

Сделать это, как он полагал, надо умело, не выказывая протеста, а доказательно, законно, пользуя все, что представится возможным.

Он сказал себе: дети переселенцев выросли, нельзя запрещать им пользоваться богатствами этой земли.

– Что же вы хотите? – спросил он.

– Силина винят, как политического. Можем ли мы требовать расследования, – спросил Василий. – Отец хочет приехать и объявиться.

– Вы не соизмеряете желанную вами справедливость с тем, что есть на самом деле. У вас свои понятия, но у нас свои, и шутки здесь нельзя шутить! – раздраженно заговорил Барсуков.

Вошел японец-слуга и, улыбаясь, сказал:

– Приехали Иван Карпыч!

– Отправил пароход! – входя, сказал Бердышов.

– Надо нам выручить Силина. Вот и все! – сказал Барсуков.

– И Сашку! – заметил Василий.

Иван не стал поминать о делах. Полчаса прошло в разговорах, которые Василию казались пустыми.

– А что же Дуня Бормотова? – вдруг спросил Бердышов.

Васька опять покраснел до корней волос и замешался. Иван потрянул головой, как ошалелый бык, словно отгонял тучу вьющихся слепней.

– Она... – сказал Василий, – с детьми... Я ей привез его вещи. Мы нашли его. Собственно, не мы, а гиляки... Похоронили его... Она переменялась очень, но не плачет... Сумрачная...

Иван ждал всего самого плохого. Поэтому он без волнения и без жадности, как ему казалось, брал прииск, словно принимал его в наследство.

По уходе гостей Барсуков пошел к сестре. Она была в восторге от соболей. Складовский, ездивший за город в крепость, где поставлены

новые орудия, вскоре вернулся. Ужинали втроем, и Барсуков рассказывал шурина о семьях Бормотовых и Кузнецовых, и какое теперь там горе.

– Какой молодчина молодой Кузнецов! – говорил Петр Кузьмич. – А ведь отцы были нечесаны, в лаптях. А сына можно ввести в любую гостиную. Отец – идеалист, хочет все взять на себя, что было и чего не было.

Петр Кузьмич впервые стал объяснять суть дела, как оно ему представлялось.

– Они вели разведку от Бердышова, но не могли преградить путь на целую огромную реку старателям. Туда хлынуло крестьянство... Им предстояло ехать в город и все объявить и тогда стать врагами своих же братьев и всяческих свояков. А Бердышова в это время не было, он скитался по Парижу, а потом, кажется, дочь свою, полугольдку, помещал в Петербурге в частную гимназию. А они тут воспользовались древним обычаем старателей и организовали правление, выбрали свою власть, чтобы на прииски не попадали преступники... Их надо было бы поощрять, они в любом государстве были бы великими людьми и о них писали бы в газетах! Можно подозревать их в чем-либо согласно формальным законам, но тогда надо заключать под арест десятки людей и ослаблять многие семьи. Ведь на прииски шли самые здоровые и сильные...

– Нет, об этом и речи быть не может! – сказал Складовский. – Но была ли политическая агитация?

– Нет, не было.

– Вы уверены?

– Я совершенно уверен.

– Нигде не могут найти доносчика. Пропал без вести. Может, с ним расправились?

– Кто же мог знать о доносе?

– Не понимаю, как все это получилось... Да, если бы не эти разговоры про социализм!.. Тогда все ушли бы мирно! – отвечал Складовский.

– Я полагаю, что можно бы не наказывать, если не было тут политики и если прииск возьмет Бердышов, но надо найти законные основания, чтобы не привлекать их. Я полагаю, они совершенно не виноваты с одной стороны, но с другой стороны, юридически,

совершенно виновны, и тут без законов не обойдешься! Тем более что случаи с выборной властью были, и мы даже не арестовывали никого, и это уже прецедент. Почти закон! Наш!

– Да, если бы не эти разговоры про социализм! – повторил Складовский.

* * *

– Планы мне привезли на бересте! Позор, да и только! – восклицал Иван Карпыч. – А где, где моя бумага? Что же это ты, Василий Егорыч? Я столько бумаги вам давал... И все инструменты!

– Да я же говорю вам, что лодка перевернулась! Как сами остались живы!

– А на Еловом ключе были глубокие шурфы? – спрашивал Иван.

– Десяток пробили. Я нашел китайцев, у них контракт закончился в Де-Кастри на казенные работы. А русские не соглашались глубокие шурфы бить... А теперь они разбежались, что я могу с ними сделать. Вы же сами распугали их.

У Ивана Карпыча в соседней комнате собрались гости. Китайчонок с косой пронес туда вино и закуску. Бердышов вошел, браня Василия.

– Вот дикари! – сказал он, обращаясь к Оломову. – Бумаги у них не было, человека в город не послали! Знакомьтесь, мой управляющий!

– Мы уже знакомы! – сказал Оломов, чуть заметно приподымаясь, и подал тяжелую руку Кузнецову.

– Мы давно знакомы! – сказал Барсуков. Телятеву дернуло щеку, словно ему задела больной зуб. Что тут ложь и что правда, он не мог понять. Запутывали все или распутывали очень ловко, пока трудно сказать. Он стоял в стороне, у шкафа, и ему страшно было шагнуть или протянуть руку. Он боялся, ему хотелось спрятаться.

«А Васька с характером!» – подумал Иван. Ясно, что уральцы считали Телятева виновником гибели Ильи.

Василий повторил, что отец просил его сказать, что он был президентом на прииске, что он один во всем виноват, просит не судить молодых и безграмотных, что он явится в город, как только

окрепнет его здоровье, и готов держать ответ. Молодой Кузнецов радостно почувствовал, что никто ничем этим не интересуется и сейчас до его отца никому дела нет.

На Ивана обрушились сразу две заботы. У него появился новый прииск, быстрее, чем он предполагал. Погиб Илья. Оба эти происшествия сильно заботили Ивана. Он чувствовал, что еще миллион сам шел в карман... А она говорила: «Если бы ты был беден...» Все делалось наоборот... Казалось бы, и миллиона не жалко... Иван сам себя чувствовал запутанным в свои же дела, как в силки. Всегда он был хозяином дела, он гнал его, а теперь получалось все наоборот, дело гнало его.

– Река порожистая, – сказал Василий, – таких больше нет.

– Где у вас лодка перевернулась? – спросил Оломов.

– На втором пороге, как раз против Сухого Дола, – ответил Василий. Он не врал. Одна лодка там в самом деле перевернулась.

Оломов далеко в глубь этого дела не хотел забираться. Бердышов никакой политикой не интересуется, его имя покрывает все грехи и недоразумения, которые неизбежны.

Телятев не сумел вовремя разобраться. Может быть, не случайно, – и его придется удалять. «Но арестованных, – полагал Оломов, – надо судить. Часовой по уставу должен был стрелять, он прав».

Китайчонок с косой раскладывал ломберный столик.

– Хорошего парня я купил! – сказал Иван. – Смышленный!

Китайчонок всем улыбался одинаково вежливо.

– До сих пор в Китае людьми торгуют! Да и не только там!

В гостиной у Ивана в шкафах на полках не книги под стеклом, а руды и самородки. Есть такие самородки, что только взглянешь на желто-бурую громадину и невольно почувствуешь уважение к хозяину и спорить с ним не станешь. Как крепостные орудия, наведенные, со всех сторон, смотрели на Оломова выставленные богатства.

– Вообще в своде законов империи нет законов, которые соответствовали бы истинному положению вещей на Дальнем Востоке, – заговорил за картами Барсуков.

– Да вот, например, как с китайцами поступать. Если подвести их под положение об иностранцах, прибывающих для временного

жительства, то вообще черт знает что получится! – отозвался Оломов. – А мы продаем им билеты на границе по рублю! И все!

– Как в театре! – сказал Бердышов и задымил сигарой.

– Так мы руководствуемся тут либо прецедентом, либо здравым полицейским смыслом, – продолжал Барсуков.

– Мы ждали в свое время, – сказал Оломов, – что в Сибири и на Востоке разовьется здоровый человек и обретет благосостояние. А что получилось? Если в Америке сильно религиозное чувство и вера там основа общества, то у нас в выросшем здесь поколении религиозное чувство ослаблено. Священники приглашаются для исполнения треб, на праздниках церкви полны, но все жалуются, что нет того, что было там... Вот не раз я замечал по вашим намекам, Петр Кузьмич, что вы желали бы ради опыта предоставить поселенцам некоторую свободу. И вот они по три года мыли золото и отчета не давали, и мораль их пала. Да разве возможны все эти поступки, если бы было сознание греха, если уж нет сознания преступления перед законом. Мы ждали, что из них получатся фермеры, а они общину бросили и фермерами не стали.

Утром Бердышов послал телеграмму генерал-губернатору в Хабаровку.

Через три дня пришел ответ.

Генерал просил Барсукова тщательно во всем разобраться, решить все на месте, считая возможным освобождение рабочих и старателей, трудившихся для золотопромышленной компании Бердышова. Одновременно Оломов получил телеграмму, где генерал-губернатор благодарил его за проявленное рвение.

* * *

У буфета среди хрусталя и фарфора мелькали официанты, стуча рюмками и посудой. В тяжелых канделябрах светло горели свечи.

Складковский сохранял общественное собрание во всем блеске с тех пор, как оно было построено при губернаторах. Сегодня здесь играл духовой оркестр моряков.

Иван сидел в кресле, обхватив резные ручки из мореного дуба, и щурился, глядя куда-то.

– Какая вольная земля! Что вы, господа! Какого развития вы желаете? – твердил про свое подвыпивший Оломов. – Переселенцы посланы сюда не умничать, а хлеб сеять!

Рослый, степенный, с мягкими светлыми глазами, сидел напротив него Василий Кузнецов. Он сказал осторожно и твердо:

– Золота моют много, но уходит оно контрабандистам...

– Я сам золото китайцам продавал, – подхватил Бердышов.

А Ваське было легко сегодня на душе. Экономка подушила ему накрахмаленный платок. Дорогой запах! Покпе и Савоське пришлось бы ползать по хребтам за флакон таких духов...

И он вспомнил, Катька его ждала, Федосеич поступил в школу сторожем. Старик крепится, не пьет пока. И Василий купил сегодня в модной лавке такие же духи.

– Господа, ваш поп попался! Его духовный суд будет судить! – вдруг сказал Телятев. – Целых полтора года тянулось дело.

– Поделом! – заметил Оломов. – Это он учил крестьян заниматься хищничеством и проповедовал социализм. Этот поп вылетит теперь с Амура как пробка.

Пришли николаевские американцы: Торнтон, бледный и невысокий молодой человек, и толстяк Бутсби.

– Мартын Васильевич, знакомься! – сказал Иван. – Мой приятель, Василий Егорыч Кузнецов... Охотник! Отец его на ноге вытянул медведя из берлоги. Сын прошел с отцом пешком через всю Сибирь.

– Я тоже охотник! – хлопнул Василия по руке мистер Бутсби. – Я слышал про вашего отца! Это мой покупатель. Мы знакомы! Здравствуйтесь, Василий! Завтра ваш товарищ Александр уплывает на шхуне в Америку. Вы знаете это?

У Бутсби толстые тугие щеки на узком лице и голубые глаза слегка навывкате. Он не стал поминать, что Василий когда-то купил у него конные грабли.

Бердышов заказал дюжину шампанского.

– Вы, Иван Карпыч, употребляете английские меры! – сказал Торнтон.

– Ваш отец Кон-дра-тье-вич! – весело глянув в лицо Василия, сказал Бутсби и перевел взор на Ивана, как бы сравнивал их. Васька ему больше нравился.

– Мартын не скучает, забыл свой Бостон, – сказал Бердышов. Он поднялся и, разводя руками, притопнул. – Мы с ним камчатскую восьмерку танцевать тут научились. Кто хоть раз амурской воды попил, отсюда не уедет.

– Да, да! – Бутсби тоже подскочил и топнул дважды, и они стали обниматься с Бердышовым.

– Он открыл богатый прииск! За открывателя, – сказал Иван.

– Но что-то там случилось? – спросил Бутсби.

– Не успели открыть, как старатели нагрянули! – ответил Кузнецов.

– Хищники! – пояснил Оломов.

– В хабаровской газете есть статья, – сказал Торнтон, – Кузнецов Василий Егорович, сын поселенца, открыл богатейшие залежи золота. Подпись Корягин.

– Это студент из Петербурга, он был летом у нас на приисках.

Все валилось из рук Оломова. Час от часу не легче. Студент из Петербурга, на которого было сильное подозрение, теперь писал в газету открыто. А Оломов оказывался в дураках!

Барон открыл газету на свою беду!

– Он племянник благовещенского губернатора, – сказал Василий.

«Возмутительно! – думал Оломов. – Сам генерал-губернатор мешает полиции исполнять долг. Бердышов, вот кто тут хозяин, а не мы! Корф ничего не может и не хочет сделать, он покрывает сам все темные дела Бердышова. Всех заинтересовал золотопромышленник. Добился освобождения преступников, показал себя благодетелем перед народом, заступником. Близорук Корф, сам роет себе яму!»

Оломов давно уже не брал взятки и честно служил на высоком посту. Теперь не было никакого смысла в мелких выгодах. Надо было вывести преступников на чистую воду. А все смазали! Такое дело! Провалили! Верное дело! Из-за боязни, что не будет желаемого развития, что ограничат промышленников. Купец сильнее полиции!

Утром за Василием заехал на тележке Санка Барабанов. Он вошел, в клетчатых штанах и в шляпе, во двор к Бердышову.

– Где же ты был? – воскликнул Васька.

– Вещи мои уже на корабле. Едем за Тимохой и за Сашкой. Выпускают их.

Васька с Санкой всю дорогу весело разговаривали.

Урядник Попов вывел в прокуренную пропускную комнату Тимоху. Силин был бледен, словно обескровлен. Бороденка, скатавшаяся на нарах, походила на клочья пакли.

– Васька! – кинулся он к Кузнецову.

– А где же Александр? Где Кузнецов? – обратился Василий к уряднику.

– Чего еще ждете? – грубо ответил Попов. – Ступайте.

– Ждем Кузнецова Александра.

– Нет приказа. . . И нечего ждать!

Кони бежали все так же весело. Тимоха слабо расспрашивал о своих, а Васька сидел как пришибленный.

Во дворе Бердышова огромные рыжие собаки подбежали к Тимохе и стали недоверчиво обнюхивать его.

– Иван все может, – толковал Силин, входя в дом. – Он тут всех кормит, и одевает, и обувает! Я уже наслушался! Перед ним дворяне ходят на цыпочках. Они тут, кроме казенного пайка, ничего не получают.

– Ты че, паря, меня страмишь? – вышел Иван из кабинета. – Зараза, мало тебе всыпали!

– Сашку не отпустили. . .

– Паря, я уж все узнал, – ответил Иван. – Оломов говорит, что он хунхуз, но теперь они услышали, что Сашка был политический в Китае. Это ему помогло. Выдавать его не станут в Китай, присудят, говорят, ему два года каторги, а за что – не знают сами. . . Паря, приходится китайцу за всех отдуваться. . .

Иван знал, что и с прииском еще не все решено, что появятся другие претенденты, генерал-губернатор посоветует поделиться золотоносными площадями.

– Так ты хочешь хлопотать за Сашку? Попробуй. Иди сам. Он тебе брат – у тебя право. Они тебе откажут, но не бойся. . . Даже если бы они и узнали все. . . Ничего бы не сделали. . . Все знают комедии Островского, есть купцы-самодуры – творят, что хотят. Но пока меня никто за это не тронет. Между прочим, паря Васька! Ты взялся роль играть, играй до конца. Я там тебя и оставлю управляющим.

– Да я не хочу. . .

– Васька! Что ты! Жена твоя будет женой управляющего! Ради одного этого я бы на твоём месте зубами бы все узлы перегрыз!

Василий вспомнил Катьку и улыбнулся.

– Но не навсегда же...

– Какая речь – навсегда. Ты еще мал, со временем меня перегонишь... Это я тебя ставлю для начала карьеры.

– Дядя Иван, а как же судьба «кобылки»? Надо всех отпустить. Там задержан Налим. Иначе я не возьмусь управлять. Что же я, получается, предал товарищей? Да и в тебя вера разрушится!

– Паря, ты вроде отца. Тот китайца колотил и уехал, а потом еще раз за варежками вернулся.

– Без варежек мы руку себе обожжем. Не берусь без варежек!

– Да, пожалуй, надо! И для упрочения славы!

* * *

Начальнику округа накануне пришло от генерал-губернатора из Хабаровки еще одно телеграфное распоряжение. Корф требовал прекратить следствие и арестованных организаторов прииска освободить впредь до особых распоряжений.

– Телеграмма какая-то странная. Видимо, Корфу причудилось что-нибудь, – полагал Оломов.

Он сказал Складовскому, что напрасно генерал уступает капиталисту. «Черт знает что! В конце концов честному полицейскому чиновнику переходят дорогу и заставляют прекратить дело!»

– Корф зависит от Бердышова! – сказал Оломов в досаде.

– Почему? – испугался Складовский.

Сам он тоже зависел. Что же еще оставалось ему. Складовский мог только желать, чтобы Бердышов поскорей уехал из его округа и взял бы субсидии и подряды на постройку владивостокских портовых и крепостных сооружений, как ходили слухи.

– Птичка вылетела, надо было раньше давить. Упустили мы! – объяснил Оломов. – Теперь уж ничего не сделаешь. Корфу нужны капиталисты, и Бердышов это чувствует!

Доложили о приходе управляющего бердышовским прииском.

– Я приехал с покорной просьбой, ваше высокопревосходительство и ваше высокоблагородие, просить за моего нареченного брата... – заговорил Василий.

– Ваш отец, скажите, на самом деле был президентом? – вдруг спросил Оломов.

– Какое это имеет теперь значение? – перебил его Складовский. – Отец приехал к сыну. Так?

– Совершенно верно, ваше...

– Там масса старателей. Кузнецов – известная личность.

– Началось с того, что к нему стали все обращаться, чтобы рассудил! – добавил Василий.

– И сами же стали звать его в шутку президентом. Может быть, даже был сход. Это мелочь, пустяки! От этого до демократического строя еще очень далеко... А столбы у вас там поставлены?

– Да, как же... Место застолблено, вся Кузнецовская сторона теперь за Бердышовым. И полиция ведь там теперь моет...

– Как это полиция моет? – подскочил в кресле Оломов.

– А брата вашего мы пока не можем освободить, – сказал Складовский.

Оломов полагал, что если Сашка и Камбала одно лицо, то через него по крайней мере можно узнать, куда делся доносчик. Тогда все можно будет начинать сначала. Жаль, что придется путать жандармерию!

– Мы знаем, что он политический преступник, но не против нашего государя, а против богдыхана, участвовал в движении, – сказал Оломов. – Может быть, он некоторое время проведет за решеткой...

– Так ведь китайская политика не наша! – возразил Василий.

Он простился и пошел к Барсукову. Тот старался успокоить его, сказал, что Сашка только формально будет задержан на некоторое время и что его освободят, но хлопотать не надо и ждать не надо.

– Что делать?

– Мне кажется, Оломову просто неудобно от всего отступить и он делает вид, что не уступает Ивану. Со временем все успокоится и забудется. Может быть, Оломов опасается сам, если замешана политика...

* * *

Тихий осенний день. Сопки уже совсем пожелтели, и над городом, по высокому хребту, среди светлых пятен черней проступают кедррачи.

Между земляпок и лачуг, настроенных и нарытых городской беднотой, на вешалах и под крышами сушится юкола.

На изгороди развешен невод, словно кетовая ловушка – заездок расставлена на берегу, и опять весь огород с перекопанными осенними грядками, кажется, поймали в Амуре и вытащили. Кое-где остались сухие стручки бобов на стеблях. Бабы в ватных куртках докапывают лопатами картошку. На чьем-то большом огороде двое арестантов с тузами на халатах руками нагребают картошку в тачку.

«А вблизи – не город, а ерунда! – думает Василий. – И хлама много. И место красивое!» Ему как-то обидно было, что на его родном Амуре нет настоящего города у самого входа в океан: «На этом бы высоком берегу построить бы!»

У американцев длинный деревянный дом, обшитый дощечками в елочку и покрашенный в зеленую краску. Во дворе под навесами стоят ящики с плугами, предназначенные для отправки в Благовещенск.

– Это не нашей фирмы! – сказал Торнтон. – Мы исполняем поручение Мак-Кормика.

– Пойдем поглядим, как мои меха отправляют в Америку, – сказал Бердышов. – Гляди, вот стоит шхуна. Они ее набивают моими мехами! Но самые лучшие я отправляю не только к ним. Выдры – в Китай, на курмы генералам. Там они ценятся дороже всех мехов. Но и им даю сортовые.

Бутсби, увидев Василия, схватил его за плечи и стал трясти.

– О-о! Очень рад!

Он повел гостей в магазин и усадил их на стулья. Тут были винчестеры, револьверы, музыкальные шкатулки, шерстяные и бумажные ткани, консервы, посуда и кожи, такелаж для шлюпок, пилы и разные инструменты, стопы бумаги и разная обувь.

От множества товаров в магазине было глухо, как в ветвях старой ели.

– Я в эту лавку сколько пушнины перетаскал! – говорил Иван, покуривая сигару. Он сидел, развалясь в мягком и глубоком кресле, которое продавлено было многочисленными покупателями. – Вот это и есть заветный магазин, откуда сукно с жирафами. А вот стоит пароход, – приподымаясь, показал Иван сигарой в узорчатое окно

коттеджа на бледную реку, – пришел из Америки, привез товары. Они за зиму все распродадут, набьют тюки пушниной и отправят к себе в Америку. А купцы развезут товары по Амуру. Побрякушки тоже... Их спиртом мы гольдов спаиваем!

Бутсби, казалось, был привычен к насмешкам Бердышова. Иван приезжал в этот магазин молодым человеком, еще небогатым и так же всегда подшучивал. Бутсби всегда был радушен с ним. Он не переменился после того, как Иван съездил в Калифорнию, не пользуясь услугами никого из знакомых иностранцев. Он там был довольно долго, быстро «схватил» язык и бегло разговаривал. Бутсби почувствовал, что этот бывший поставщик мехов перегонял его. У него уже тогда были свои прииски. А когда-то Бутсби сомневался, сможет ли Бердышов соперничать с богатыми, опытными в торговле фирмами.

В соседней комнате за открытой дверью Торнтон уже щелкал на счетах. Иван, хлопнув Бутсби по плечу, пошел к нему.

Усевшись на столах, они там громко разговаривали, мешая русскую речь с английскими словами. В лучах солнца из конторы клубами повалил в магазин табачный дым.

Бутсби осторожно поглядывал на Василия Кузнецова, когда тот не замечал. Его занимало, что это за новая величина всходила. Иван очень приветлив с молодым Кузнецовым. «Это не без причины! Молодой человек! Совсем молодой человек!» Старому торговцу становилось немного грустно.

Сам он уезжал на два года в Бостон, но пришлось вернуться, слишком хорошо знал Бутсби здешние условия, рынок, меняющиеся вкусы покупателей. За последний десяток лет появились его соотечественники, торгующие плугами, боронами, сельскохозяйственными машинами. Бутсби также немного торговал плугами. Но в низовьях слабо развивалось земледелие, к тому же в Сибири умели делать плуги, их доставляли из верховьев реки на баркасах. За последнее время фирмы стали открывать свои отделения на юге края. Торгует в Благовещенске Мак-Кормик. Торговля Бутсби сразу стала чахнуть, как только уменьшилось население в низовьях. Теперь Бердышов развивал промыслы, у него было прииски, несколько тысяч рабочих, а может быть, и несколько десятков тысяч людей зависели от него. И постепенно так получилось, что Бутсби,

ослабленный конкуренцией с соотечественниками и с германцами, по сути дела, зависел от своего бывшего покупателя.

Скупку мехов Иван вел и по-прежнему доставлял в магазин Бутсби пушнину. Он держался так, словно ничего не переменялось.

После поездки в Париж Иван сегодня впервые зашел в магазин. На вид он был все тот же. Бутсби выдвинул из стола ящик, бросил туда пачку денег, встал и поблагодарил его. Выпили по стаканчику рома. Вышли.

Шлюпка ждала под обрывом. Несколько арестантов в кандалах и пожилой солдат с ружьем сидели без дела, ожидая чего-то.

– Налегай... Раз-два... О, молодцы! – восклицал немного покрасневший Бутсби. – В ваши годы, – сказал он Василию, – я тоже бродил в портах! Но не в таких... И у меня были такие же волосы и такой румянец!

Все выше и выше под Василием рос темный и щербатый, избитый и разъеденный солью борт.

Отсюда вид на город был хорош. Несколько славных домов, горы, леса, огромная река, как морской залив, голубой горизонт за ее устьем, белые форты крепости на скалах – все нравилось Ваське, он радовался, как в детстве, и чувствовал себя мальчишкой.

На смоленом борту двухмачтового парохода, словно трещины на стекле, перемещались отражения волн. Рыжеватые нерусские матросы в беретах, с бачками и с короткими трубками в зубах, с ножами у кушаков ворочали на палубе громадные шкуры с толстым слоем жира.

Василий залез на палубу и с удовольствием смотрел загрузку трюмов. Кто-то тронул его за плечо.

Темное, опухшее лицо Бутсби улыбалось.

– Вам интересно? Не хотите и вы, как Сана?

Санка Барабанов повел Василия вниз, показал свою каюту. Он уходил в далекое плавание. Отец посылал посмотреть божий свет. Знакомые обещали устроить его на работу. Санка хотел выучиться, узнать машины.

– А ты не привыкнешь? Вернешься ли? – спросил Василий.

Санка хитро засмеялся. Он все мог бы. Но отца подводить не будет.

Отец затевал большое дело, и он решил переезжать во Владивосток.

Васька вернулся на берег и посмотрел сверху на далекий пароход. И жалко и грустно ему было, что уезжает Санка, старый товарищ детства.

– Да, умеючи можно получить любое позволение, – сказал Иван.

Василий подумал, что за такие богатства, какие Иван туда отправляет, конечно, они благодарны ему, приняли как гостя.

Но не богатства и не новые невиданные края заботили Василия. Он хотел не нового края, а нового устройства жизни в том краю, где сам он был новоселом, куда привели его в детстве родители. Не в далеких странах искать счастья! Надо было идти помогать Тимохе. Дома отец с матерью, Катька... «А как мы сойдем с парохода без Сашки?»

... А на сопках в вершинах лежит уже снег. В Уральском еще тепло. «Казакевич» гудит, отходит в Хабаровку. Уезжает все начальство, производившее разгон прииска.

На прощание Барсуков зашел к Ивану Карповичу. Он сказал, что дело Сашки будет представлено генерал-губернатору.

Накануне вечером Василий провожал его.

– Отец мой не читал книг о социализме, но он как-то дошел до всего сам, – говорил Василий. – Нам с детства об этом говорил. Когда мы ему рассказывали, то он не удивлялся, словно знал уже современные взгляды... И глядя на него, мне казалось, что существует как бы совпадение поисков. Поэтому даже простые люди, как мой отец, быстро понимают то, что хотят революционеры.

– Да. Есть закономерность в развитии общества, – отвечал Барсуков.

– Мы и об этом говорили.

– Вы будете переписываться с вашим товарищем?

– Да, мы обещали не терять друг друга из вида. Теперь он в Хабаровке.

* * *

Тимоха и Василий везли на телеге новые жернова, когда их приостановил какой-то человек. По бороде и по виду он принял Силина за кержака.

– Нет, я православный! – ответил Тимоха.

– Своих никак не найду... Мы проездом, – сказал бородач.

– Куда же вы?

– В Америку.

– Что это, куда несет? Кто вам рассказал? Как вы дорогу нашли?

– Пароход повезет! В России жили да перешли в Сибирь, а братья мои со старого места с поляками уехали в Америку. Выслали мне деньги, паспорт. Пишут, что там утеснения нет – нашей вере свободней...

– Расею-то не жалко ли? – спросил Тимоха.

– Да надоело маяться. Все всегда виноваты, чего ни сделай! А там свобода!

– Н-но! – вдруг хлестнул коня кнутом Тимоха, и телега с жерновами тронулась, гроыхая на глубоких выбоинах и на засохших комьях грязи. – Н-но! Зараза! Из-за старой веры хочет на чужбину идти! Ты попробуй тут проживи... Тасканный же народ, эти староверы... А начальство все им разрешает... кто-то и об их переселенье хлопочет. Кому в Америку, а кого за одни разговоры – в каторгу.

– А в Америке красивые люди? – спрашивала Ваську дочь экономки, молоденькая, крещеная бурятка в русском сарафане.

– Есть красивые, – отвечал он и невольно залюбовался пристальными ее черными глазами, – а есть черные, как чугун!

Вася думал, что он не завидует Санке. Он хотел бы не в Америку.

«Отец заронил во мне другие желания!» – думал он, возвращаясь с Тимохой на последнем купеческом буксире. Приходилось помогать во всем команде, стоять с шестом, охраняя борты от наносных лесин, приходилось рубить и грузить дрова на остановках.

Васька вспомнил, как Катерина однажды слушала проповеди Корягина и в знак согласия кивала головой, но не вниз, а вверх, словно ее вздергивали удилами или она сильно изумлялась.

А Илья сидел тогда довольный, смотрел пристально, лицо его было степенным, он сложил руки на брюхе, в любимой своей позе, закинув одну ногу под скамью, а другую выставив.

На рождество должны съехаться в церковь хищники, и последние их заработки в мешочках, недомытые их мечты и богатства надо было

раздать, чтобы несли кабатчикам, торгашам и контрабандистам, а оттуда все стекалось бы в золотые груды, в подвалы.

После этого надо было отрабатывать Ивану Карпычу.

Потом он вспомнил, как Катя говорила его матери: «Когда я его встретила – удивилась. Я думала, все пьют. Я с самого малолетства среди пьяных, матюкаются и пьют. И Васька меня тот год все отучал и останавливал».

* * *

Весной губернатор просматривал списки крестьян, назначенных принять участие в осенней выставке. Он вызвал Барсукова и любезно обратился к нему:

– Петр Кузьмич, вы включили пермского Кузнецова участвовать с зерном в сельскохозяйственной выставке?

– Да, Андрей Николаевич...

– Но, ведь он... он же... ну... неблагонадежен? – губернатор посмотрел вопросительно.

– Я смею вас уверить, что это честнейший человек, порядочнейшая личность. Его пашня стала как бы символом.

– Да, да... «Егоровы штаны»... – сказал губернатор.

– Да, он первый поселенец, один из образцовых... – Барсуков стал рассказывать все, что знал о Кузнецове.

Губернатор выслушал.

– Петр Кузьмич, мы не смеем выставлять как образец личность, некоторым образом связанную с преступным миром. Он был избранным президентом, то есть атаманом, по сути дела, его близкие побывали в тюрьме.

– Но это же ошибка. Здоровые силы народа. Дайте им право, они вам гору своротят. У них руки связаны!

Губернатору неприятна была подобная фраза: «Руки связаны».

– Пойдем на компромисс. Пусть его младший брат Федор Кондратьевич Кузнецов участвует в выставке со всеми показательными цифрами и произведениями от их хозяйства.

Петру Кузьмичу все это очень не нравилось. И он не хотел спорить с губернатором и дал согласие. «Вообще Корф мог моего

согласия и не спрашивать! – полагал он. – Как я буду смотреть в глаза Кузнецовым? Я же знаю его давно... Он лишь исполнил или пытался исполнить то, о чем мы все мечтаем. Но мы не смеем!.. А он посмел! Предать его – это предать себя! Барсуков кричал на переселенцев в дни их прибытия на плотях. Он делал это по убеждению, и другого выхода не было. Барсукову начинал не нравиться новый генерал-губернатор. Это честные, аккуратные, но сухие люди, на которых поначалу надеешься, потом оказываются формалистами, законниками. А подкупал своей внимательностью, серьезностью.

Барсуков решил, что на этот раз он не уступит. «Придется и мне, как Егору, к барону вернуться за рукавицами. Либо Кузнецов и вообще все уральские и тамбовские, независимо от того, слушали они проповеди на прииске или нет, а только по показателям их хозяйств, по коровам, по зерну, картошке, по шкурам зверей, а не по досье... Либо я уйду! Уезжаю! Довольно! Поеду доживать век свой на родине, на берегах Байкала!»

ГЛАВА 27

Однажды зимой в Уральском остановился обоз. Время шло к весне, погода была ветреная. Несло сухой, крупчатый снег. Люди намерзлись.

В почтовой избе, которая стояла поодаль от селения, набилось полно народа.

Единственную комнату для проезжающих уступили женщинам. В ямщицкой также многим не досталось места. В сумерках ямщики пошли в селение искать пристанище у знакомых, а за ними побрели двое пассажиров проезжающих, оба в меховых шинелях и тяжелых ямщицких дохах.

Остальные пассажиры тоже потянулись по селению.

– В этой деревне, говорят, злые все, не пускают к себе ночевать? – спросил проезжающий в бобровой шапке.

Ему не ответили. Двое молодых офицеров, оба в меховых шинелях и ямщицких дохах, постучались в какой-то дом, зашли в другой, в третий. В самом деле, никто не соглашался пустить их на ночлег.

– Вот идите еще вон в тот высокий дом, – сказал долговязый ямщик в ватной куртке. Он оставил доху на станке и ходил с кнутом, похлопывая себя кнутовищем по валенку.

Из ворот большого дома вышла Авдотья Бормотова. Рядом с ней шел высокий паренек. Молодые люди приостановились:

– Не вы ли хозяйка этого дома?

– Я хозяйка. Здравствуйте!

– Какой милый малыш!

– Хозяйка, можно ли у вас переночевать?

– Я не пускаю! – ответила Дуня. – У меня у самой полна изба.

– Такая большая изба, а нам негде переночевать. Хозяйка, мы заплатим хорошо... Нам некуда деваться.

– Сказано вам, что нет! – погрубей ответил Сенька, взял мать за рукав, и они пошли вместе к светящемуся за сугробами огоньку в чьем-то большом доме.

– Вот положение! Да что это за люди!

– Наверное, кержаки! Боятся, что опоганим их посуду.

– Верно советовали нам, в Уральское не заезжать.

Молодые люди пошли обратно. Толпа ямщиков стояла около старого бердышовского зимовья, разговаривая с Савоськой.

– Может быть, здесь можно? – с немецким акцентом спросил проезжающий в тулупе и валенках.

– Нельзя, – ответил Савоська. – Идите к старосте.

– А где он?

– Вот в соседнем доме.

Толпа подошла к дому старосты. Вышел Николай Пак с кокардой на шапке.

– Что вам?

– Ты староста? – подступил к нему человек в бобровой шапке.

– Да, мы староста. А ты кто?

– Мы – проезжающие.

– Ступайте в избу для проезжающих.

– Там полно без нас.

У Пака высокая грудь колесом. Он в незастегнутом полушубке и в рубахе. Его широкие челюсти стиснуты, словно он ухватил зубами кусок мяса и держит его. Он спросил сквозь зубы:

– А у Авдотьи Бормотовой были?

– Были. Она гонит.

– Да, верно! Она гонит, – процедил Пак и, кажется, усмехнулся.

Он надвинул на лоб шапку с кокардой и стал тереть ладонью стриженный затылок, словно старался его нагреть. – А у Кузнецовых были?

– Были. У них дедушка помирает...

– Да, верно. Дедушка заболел!

– А у тебя?

– У меня ребятишки.

– Сколько же? Не полна же изба?

– Полна.

– Ну, куда же нам? Устрой куда-нибудь. Мы согласны куда угодно.

– Ищите сами! – ответил Пак. – У меня нет.

Он куда-то пошел. Толпа, которой некуда было деваться, побрела за ним. Некоторые возмущались. Пак шел на ветер не застегнувшись, как пьяный рыбак в море.

Снег волнами бушевал вокруг него. Людям казалось, что метель разбивается о его высокую грудь и что идти за ним теплей.

Пак заглянул в зимовье Савоськи и спросил о чем-то на неизвестном языке.

– Мы его угостим! – сказал кто-то из толпы. – Как следует. Заплатим.

– Не надо ваше угощение! Я сам вас угощу! – сказал Савоська.

– Что же ты сразу не согласился, погнал нас по всей деревне, нам лучше и не надо, – сказал офицер.

– Я думал, может, где лучше найдется место, – ответил Савоська.

– Идите сюда! – крикнул военный в шинели своему отставшему товарищу. – Когда негде ночевать, то не до гигиены! И не до соблюдения правил вежливости! Пойдем, что же делать!

– Че тебе, спать негде? – спросил подошедшего Савоська.

– Да-а...

– Вот старое зимовье, никто не живет. Печку затопили, будет тепло.

– Отлично! Чего же лучше!

– Иди! – хлопнул Савоська по плечу барина в бобровой шапке. Савоська был нарочито груб и с удовольствием наблюдал, как эти сытые господа и барчата морщатся от неудовольствия, но все сносят.

Ямщики засмеялись и все вместе повалили в зимовье. Савоська зажег лампу.

Для проезжающих отвели места на нарах, а ямщики укладывали свою теплую одежду на полу. В зимовье было чисто, под потолком висели связки сушеных чебаков, несколько пластин юколы отличной, какие-то шкурки и пахло травой.

– Да тут отлично!

– Гут! – сказал немец.

На столе появилась водка, соленые огурцы и хлеб. Стали пить. С дороги всем было в охотку такое угощение. Савоська достал из-под потолка огромную пластину юколы и живо нарезал.

– Всегда тут у меня останавливаются! – сказал он, кивая на ямщиков.

– Неужели у вас нет приятелей в деревне? – обращаясь к ним же, спросил, снимая свою бобровую шапку, высокий петербуржец. – Ведь вы же все здешние?

– Как нет приятелей. Есть!

– Странная деревня. А что же вы сразу сюда не позвали?

На это никто из ямщиков не стал отвечать. Они рассуждали, как сам хозяин: приведи вас сюда сразу, вы бы нос отворотили. Мол, ни ужина горячего, ни горячей воды. А вот теперь походили по деревне и довольны. А то кричали бы: смеетесь над нами, подлецы!

– Ты что же, старик, здесь живешь? – спросил благовещенский торгаш.

– На этом зимовье? – нарочито ломая язык, переспросил Савоська.

– Да.

– Нет, у меня маленький дом есть. Я там живу.

Попивали водку. В зимовье стало жарко. Все разделись и стали укладываться. Кто-то из ямщиков уже сладко храпел. Савоська подвыпил и сказал благовещенцу, крепко взяв его за пуговицу:

– Знаешь, почему тут не пускают ночевать? Нет?

Все насторожились.

– Знаем! – сонно сказал кто-то из ямщиков. – Они не любят, когда им старое поминают.

– Ах, вот что? – воскликнул улегшийся было петербуржец. – Так это та самая деревня, где была республика?

– Конечно! Никто про это говорить не хочет. А кто придет, сразу спросит: «А правда, республика была?», «А где президент?», «А веди к нему ночевать!» И сразу идут к Егору Кузнецову. «Ты был президент». А че, ему приятно? Или сразу спросят: «А правда, из вашей деревни миллионер Иван Бердышов?» «Кто он? Немец? Татарин? Говорят, он гиляк, крестился, убил разбойника?» Разные такие глупости. Конечно, никто про эту республику рассказывать не хочет. Че про нее говорить. Егора чуть не убили, ему не потеха! Он и теперь нездоров... Была не здесь республика, а ниже есть речка Ух, теперь речка совсем обмелела и скоро ее не будет. И наш мужик ходил туда, нашел, понимаешь, самородки.

– Не-ет, не так, – перебил кто-то из угла. – Это я знаю, как было. Он не сам. Он играл в карты и проигрался... И тогда ему старик гиляк показал место, где когда-то мыли золото...

– Ну, тогда ты рассказывай! – обиженно сказал Савоська.

– Ты, дедка, не слушай его, говори...

Савоську еще долго просили. Он продолжал:

– Нашел, понимаешь, самородок, большой, в две детских головы! Я сам видел! И сразу туда пошел народ. Кузнецов был президент и Силин – атаман. Сразу написали прошение на высочайшее имя, государь дозволил мыть два года, за самородок писал благодарность и чтобы через три года прииск передать в кабинет, государственная земля. А потом передумали, и там теперь Бердышов. Он теперь богатый, у него свой банк, пароходы, торговля во всем мире!

– А где же дом Бердышова? Давно он от вас ушел?

Это как раз был тот вопрос, на который Савоська всегда отвечал с большим удовольствием. Поэтому он умолк и стал раскуривать погасшую трубку. Он долго сопел и тянул ее.

– Неужели Бердышов из этой деревни? – спросил петербуржец.

– Да. Вот это как раз его дом был! – сказал кто-то из темноты, видимо, пожилой человек.

– Вот это он правильно сказал, – кивнул трубкой в тот угол Савоська. – Это самый первый дом на Амуре. Самый первый русский, Ванька приехал. Женил на Анге, на гольдке, моей племяннице, от моего брата Григория. И вот на этом зимовье сами жили.

– А бывает он тут теперь?

– Как же! Обязательно бывает. Он не велит эту зимовьюшку ломать и велит печку топить и пускать ночевать, когда людям спать негде. Ево добрый...

Все отозвались неровным смешком.

– Тигр! – сказал старый ямщик.

– А тигр – ево добрый. Он сам первый не кидается. Ево сильный, ловкий. Когда тигр с медведем сражаются, кто победит?

– Тигр!

– Конечно, тигр.

– Нет. Конечно, сначала тигр. А медведь потерпит и ломает тигра. Тигр – ево добрый, сам человека не трогает. Красивый зверь. С бабой спал когда-нибудь на тигровой шкуре? Попробуй! Черта тебе!

– А у Бердышова тут любовница, говорят, была, и он уехал из-за нее.

– Это не знаю! – отвечал Савоська. – Я этим делом не заведу!

– А где теперь твоя племянница?

– В Петербурге, богатая барыня. Дочь Таня с золотой медалью гимназию кончила. Бердышов как раз тут жил. И потом приехали с Расеи переселенцы, церковь построили.

– А нашли того, кто хотел убить Кузнецова? – спросил голос из угла.

– Нашли.

– Кто же был?

– А Васька, сын Егора, его в ту же осень встретил в тайге. Хлысты в тайге жили. Отец и два сына. И Васька встретил парня в тайге, который стрелял Егора. Он и прежде тихо заходил на прииск, и терся, где китайцы и староверы, и слушал. Васька его спросил. Тот ответил: «Человек есть грязь, мерзость, чем больше людей убить, тем лучше. Надо чистых оставить, которые бога любят и правильно живут. А всех остальных убить не грех!» Так проповедуют. А он, Васька, не испугался и хорошо с ним поговорил. А Васька сам догадался, что это он. Спросил, ты стрелял. Тот ответил, я. Сказал – лгать не могу. Васька его отпустил. Но ружье отобрал... А тот отошел и из кустов стрелил Ваську из самоделки какой-то, видно, вроде пистолета. Васька его гнал долго по тайге. Но тогда прииск уже разогнали, у него жена молодая и красивая, молоденькая, и он вернулся. Егор самый хороший и пашню пахал, золото нашел сам, людям отдал, никто ему не показал. Он в карты не играет. Это дурак какой-то выдумал... Черта тебе!

– Ну, а вот эта красивая молодая женщина... Ты не стесняйся. Это ведь вот и есть вдова Ильи? Мы уже слышали. Что у нее за роман с Бердышовым?

– Какой роман! Нет ни черта. Мужа ее убили на прииске.

– Знали мы Илью! Гуляли вместе. Удалой был.

– Ево убили, а прииск взял Бердышов! Какой тут роман? Она ево близко не пускает...

Проезжающие теперь молчали. Разговор шел между местными людьми.

– Тебе, старик, сколько лет? Ты ведь уж давно живешь?

– Наверно, сто. Да, однако, сто.

– И сколько еще собираешься прожить?

– Лет пять еще надо. А че? Люди и до ста тридцать живут. Еще железную дорогу поеду посмотреть.

– И водку пьешь?

– Маленько пью. Я Невельского помню. Муравьева тоже. Ванька когда был бедный, его помню. Помню нойонов, мы как воевали с ним, я еще некрещеный был. Всю историю помню. Долго жить тоже худо, рассказываешь, а люди не верят, думают, им врешь. А че мне врать!

– А как Сашка Кузнецов у вас живет?

– Хорошо.

– И кореец Николай теперь староста?

– Да, он староста. Только они с Сашкой не ладят.

– А оба хорошие?

– Конечно, плохие, што ль? У нас ученых много. Катька все писала Наталье письма, просила третьего сына, Алешку, отпустить к ней во Владивосток, мол, отдам его в гимназию. И теперь он учится, будет образованный. Катька воспитывает. У Катьки свои дети тоже учатся. Не знаю где. Она приезжала, говорила старикам, сын будет капитаном.

– У них дом, што ль, во Владивостоке?

– Конечно. Когда Кузнецовы без дома жили? Хоть из чурбанов, да построят дом. Леса, што ли, у нас нет!

– Где он работает?

– Не знаю. На городе работает. Так один сын мужик, другой рабочий, а третий образованный.

– Все классы! – сказал петербуржец.

– Конечно. Казенная гимназия! А Катька открыла шляпную мастерскую. Нашла какую-то знакомую японку, и с ней работают. Она еще на прииске шляпки научилась делать.

– Тоже у них артель!

– Как же!

– А отец ее помер? Давно его не видно.

– Не-ет! Он не помер, он из школы ушел. Переехал на миссионерский стан к молодому попу. Тут жить ему нельзя, детей пугает, если пьет. Он сам не мог больше крепиться и ушел.

– А че попа, за что у вас побили?

– Не знаю че-то! А-а!.. Это Дунька-то, которая вас гнала? Это давно было, тот год еще, как убили Илью. Она к попу Алешке на исповедь пришла. Он ее исповедовал. В церкви был народ. Потом вдруг она его ка-ак хлестанет по роже, и все смотрят – он упал и головой ударился об икону и лежит не дышит на полу. Все замерли со

страху. А она, понимаешь, сразу вышла из церкви, отпрягла коня из саней у Васьки Кузнецова, села верхом и с тех пор никогда в церковь не ходит. А поп Алешка очнулся и спрашивает: «Че-нибудь случилось?» Ему говорят – не знаем; наверно, тебя прихожанка саданула по морде, че ты ей сказал? Он будто еще не помнит. Притворяется. Ему говорит Петрован: «Ты, наверное, у нее попросил, она тебя и саданула».

Вся изба покатила со смеху, и Савоська сам засмеялся.

– Нет, поп говорит, это она, наверно, ослышалась, ей показалось. Ну, мол, ни че... Ладно, мол. А что уж ладно! На глазу – фонарь!.. А у Ваньки Бердышова дочь образованная и красивая. Я ей послал копиури, чтобы помнила Амур! – сказал Савоська. – Она живет в Петербурге. Наверно, женилась уже...

– А эта Авдотья как живет? – спросил благовещенский коммерсант. – Такой товар, я думаю, долго не залежится.

– А че товар. Уже подъезжали.

– Ну и как?

Все пытливо стихли.

– Один ротмистр, как полетел с крыльца и прямо в сугроб. А другой был купец, тот ее все уговаривал, обещал большие деньги. Она его – в шею! Она работает как мужик. Охотиться умеет, может медведя убить! Лес рубит, дрова заготовливает! Рыбу ловит, парень у нее теперь уже большой, помогает ей. Она все сама умеет. Она как мужик... Баба – мужик!

– Но все же она не мужик, а баба. Что же она одна живет, когда столько мужиков вокруг, а женщин на Амуре не хватает...

– Иди попробуй! – сказал Савоська.

– И пойду! – без охоты отвечал голос.

– А Васькина баба ревнивая, жить здесь не захотела. Увезла отсюда мужа совсем.

– А что Сашка, сын Егоров?

– Он в тот же год заявился домой. Пришел пешком по льду. Холодно было, а он шел. Не виноват – освободили. Он – китаец, скрывает это. А че скрывать. Живет у себя за речкой. Он все бабу хотел свою зарезать, пугал ее, я, мол, тебе шею чики-чики. А в тюрьме насиделся и больше не пугает.

– Ты, поди, все врешь нам, а мы слушаем, – сказал кто-то.

– Что? Я вру? А хочешь, я тебя сейчас погоню на мороз? Иди! Пошел! – рассердился Савоська. Он живо перелез через печку и хватил кого-то за ворот шубы.

– Ты че, в уме? – испугался человек. – Я сплю, а ты меня хватаешь. Ночь еще.

Все захохотали, и сам Савоська затрясся от смеха.

– А то я ружье возьму и всех вас к чертям гоняю – посмейтесь еще, – сказал он, возвращаясь на место.

Чувствуя, что старик напился и на самом деле может наделать неприятностей, все утихло.

– Китаец пришел, замерз, жалко смотреть. Пешком шел! Ух, терпеливый. А другой китаец, как мороз – помрет...

Постепенно все уснули.

Теперь, казалось, Савоська говорил сам с собой. Он лежал и говорил то по-русски, то по-гольдски. Потом умолк. Он думал. Иван приезжал к Дуне, уговаривал ее не раз, но никогда не позволила она переступить ему порога своей избы. «Честная баба!» – думал Савоська. Ему хотелось еще сказать, что его внучка Татьяна закончила гимназию с золотой медалью. Григорий с медалью, и она тоже!

– А у меня ни черта никого не было и нет. Баба была молоденькая, ее убили! – Савоське хотелось еще говорить, но уже все спали, и печка гасла. Тихо стало в зимовье, и тихо было в морозную ночь на улице.

– Илья коней зверить любил, – слышался чей-то голос. Кто-то еще мучился, не спал. – Я один раз еду и что-то такое думаю, вдруг черный ком в снегу и вылетели два дракона. Я едва успел повернуть коня в снег. Илья, как бешеный, мчится на паре, тянет вожжи и сечет коней, и они идут стоймя на задних ногах, как драконы. Он их хлещет, а они вырваться не могут, хотят выпрыгнуть из упряжки, как взлететь. Я посмотрел – вожжи скреплены железом, на них все блестит. Я лег в сугроб, и конь мой чуть не сдох со страха. А он их режет бичом до крови. Сечь любил, любил коней и мучить их тоже любил! Видно, он уж тогда злился на кого-то, а сказать не мог.

– Он добрый был! – сказал Савоська. – Это он шутил или тебе показалось!

– Я потом сказал своему коню: вот, видишь, как у хороших-то хозяев!

– А правда, что у Авдотьи сын от Ивана растет? – спросил голос из угла.

– Однако, неправда.

– А походит.

– А че походит? Ванька сам мордой похож на покойного Илью. Они одинаковы.

– А говорят, она на прииск тот раз не доехала. От кого же тогда парень?

– Нет, она тот год доехала. Это она в первый год на прииске не была. Это Васька – беленький. Тоже у нее хороший парень – Павка. А эти все от Ильи. А люди чешут языки, не знают!

– Каждый что-нибудь придумывает, только бы болтать.

– А Иван, говорят, приезжал к ней и плакал.

– Плакал! – с возмущением сказал немец. Он проснулся и слушал разговор.

– Она его выгнала, говорят.

– Че, тигр не плачет, что ль? – сказал Савоська.

– Говорил, я сирота, – продолжал пожилой ямщик, – мол, у меня никого нет. Я всю жизнь люблю тебя. А почему он потом заболел?

– Это я не знаю! – ответил Савоська.

– Говорят, стреляли его у вас за Илью?

– Но знаю. Может, кто-то стрелил.

– Говорят, Петрован Кузнецов в него пулю всадил.

– Давай спать! – сказал Савоська.

Старый ямщик разговорился, сон его прошел, и он долго еще не мог успокоиться.

– А как Кузнецова вылечили? – спросил немец, решивший, что не надо продолжать неприятный для хозяина разговор.

– Пулю у него вырезали, – ответил Савоська. – Доктор военный приезжал из госпиталя по письму Максимова, вынул пулю. Человек поправился.

– Только правой рукой плохо владеет.

– У него было воспаление. Стало гнить плечо, оказалось, пуля не простая, с крестиком.

– Вот же твари!

– Они не хотят, чтобы в тайге заводили грех. Они работники. А доктор спросил бабку, как она лечила. Она стала объяснять, что

выгоняла пулю. Доктор долго с ней сидел и все писал, что она говорила. Потом сказал: «Бабка, ты – великий лекарь!» Так сказал! А еще знаешь, чехи сюда приезжали, выбирали места, хотели селиться. Но им тут не понравилось, места много. А немцам понравилось.

– Да, я слышал, под Благовещенском, – сказал немец, – есть села немецких колонистов.

– Немцы тут сразу места взяли, – сказал ямщик.

– Теперь далеко ходить не велено, – сказал Савоська. – Кто надолго отлучается, того на подозрение. Народ приучают сидеть при завалинке, во дворе, на рыбалке. На пашне можешь находиться. На печи!

– Почему? Ямщикить тоже можно! Скачи от орла до орла!

– Нынче на большое расстояние не велят ходить. И много не думать!

* * *

Утром Савоська нажарил на всех рыбы. Появилась водка.

– Васька теперь во Владивостоке... Катька – хозяйка! – удивлялись ямщики.

– Шляпная мастерская, такой красивый шляпка делает! – сказал Пак, который зашел спросить, как людям спалось.

– Ну, надо идти запрягать! – поднялся долговязый ямщик.

– Сколько тебе с нас за ночлег и водку? – спросил петербуржец, надевая бобровую шапку. – Я за всех плачу. Вот тебе двадцать пять рублей... за рассказы...

– Ты че, богатый?

– Я? Да, я со средствами, живу не на жалованье.

– Я тоже богатый. Зять миллионер. У нас свои прииски! На двадцать пять рублей обратно, а то возьму дробовик и солью, понимаешь, тебя по заднице! Я че, за деньги, что ли, в зимовье пускаю. Это Ваньки первый дом...

– Ну, ладно, ты не обижайся. Спасибо тебе.

– Ни че! Ни че не стоит! Будете еще, заезжайте! Другой дом пойдете спать, когда пустят, про республику не спрашивайте.

Из-за леса слышны были удары колокола.

– Сегодня воскресенье, – сказал немец.

Дуня и Татьяна в бархатных шубках шли навстречу толпе, растянувшейся черным гуськом по узко протоптанной тропинке. Все стали кланяться им, некоторые снимали шапки и все сходили в снег с тропинки, уступая дорогу.

– Хороша!

– А вторая чья?

– Невестка бывшего президента!

– Была Авдотья веселая. Как муж погиб, замкнулась, как каменная! – говорил долговязый ямщик, проспавший весь вечер и не слышавший рассказов Савоськи. – Свое отгуляла!

– Такая не устоит... Кого-нибудь да и пустит!

– Как знать! – сказал москвич в воротнике из выдр с черной щетиной на щеках. – Иван, наверно, надежды не теряет...

– Да уж куда им теперь, дурь-то разводить...

– Вот вы бы Катьку посмотрели. Вот стала барыня. Веселая такая. А свекровь и свекра уважает. Приедет и старается для них.

– Бог знает, чего только с людьми не случается, – сказал петербуржец, – а мы все думаем, какая скучная наша страна, какой однообразный в ней, неразвитый народ...

– Это вы, господа, в Петербурге только так думаете, – возразил молодой офицер.

* * *

Весной, когда не стало сугробов, казалось, что заборы в Уральском стали выше, черней и неприступней. Потемнели плахи за долгие годы. Построились шатровые ворота, а у домов появились резные наличники, раскрашенные белой краской. На подоконниках в горшках цвели круглый год цветы. У изб появились застекленные террасы, и новые дома строились в пять, семь и девять комнат.

Егор шел за своим плугом, запряженным парой лошадей.

Петрован смотрел, как пашет отец, и думал, что как он приноровился все делать больной рукой.

Отец еще пахал... Но уж дошла к Амуру железная дорога. Огромная дорога через всю Сибирь дошла к верховьям реки. Люди

теперь проедут сюда за две недели, а не за два года. Купцы с каждым годом покупают все больше рыбы.

– Молодые мужики повсюду бросают пашни, – сказал Петрован отцу, возвращаясь домой.

Егор похоронил зимой своего отца. Могила дедушки Кондрата на высоком холме, откуда виден Амур во всю ширь, его протоки, озера и острова.

Умер дед, и, кажется, уходила старая жизнь.

– Будем и мы покупать хлеб! – ответил Егор. – А жалко... Хлеб здесь родится хороший.

– Амур будет нашей пашней, – сказал сын.

– Амур наш батюшка, – ответил Егор, – он прокормит!

Сегодня у Егора целый род собрался под крышей. Пришел Петрован с женой и с детьми. Все уселись в большой старой избе за длинным столом. Наталья подала огромный чугунок со щами. Приехал Федосеич. Тут же Федор с Татьяной и детьми. Приемный сыночек, взятый на прииске, подрастал. Черные его глаза ласково смотрят на Егора.

От Сашки, приемного сына, внук – вылитый китаец, пришел за букварем. С осени пойдет в школу. Сашка учит его разбирать русские буквы.

Верхом на лошади прискакала Дуняша. Она спрыгнула и вошла в избу.

– Кушать с нами! – пригласила ее Наталья.

Егор думал, что бредет, наверно, Васька где-то по берегу океана, бьет шурфы, ищет золото, серебро, железо, уголь. Теперь он много зарабатывает. Приезжал домой. Он любит пройтись с плугом. Катька от ревности страдала, не могла жить тут. Федосеич ее уговаривал, но она бросила отца, Василий бросил старый дом, родителей, и уехали в город.

* * *

Пашни парили, свежие, влажные пласты их открылись солнцу.
Когда-то дедушка Кондрат шел по полю с лукошком и читал:

«Батюшка, Никола-угодник, помоги семена в землю бросать! Борис и Глеб, уроди хлеб!»

Егор крикнул на лошадей, и они потащили за собой американскую новенькую простую сеялку.

На реке загудел буксирный пароход, он тянул за собой баржу с переселенцами. Беднота все шла и шла из Расаи.

С любопытством смотрели сейчас оттуда на прибрежные пашни. Переселенцы пришли по железной дороге в верховья реки.

Егор знал, что городским пассажирам, ездившим мимо Уральского на больших пароходах, селение это всегда казалось глухим и скучным. Им казалось, что ничего значительного тут не могло никогда происходить.

Егор сам видел, что жизнь здесь словно притихла, ее приглушили. Но он знал, что это только на время утихли люди. Он ждал, что еще спохватятся они. Он верил в это и смолodu, и теперь. Сделать все можно, все в людских силах, он и сам многое сделал, и другие на его глазах люди стремятся к лучшему и ничего не боятся. Хотелось бы ему дожить до новой поры!

---

notes

Примечания

1

А.П.Чехов описывает, как Корф диктовал ему то, что следует написать в книге о Сахалине.

2

Красные – черные (игра в кости).

3

Опиум.

4

«Сан-Франциска мука» (название фирмы).

5

От слова «бой» – мальчик, слуга (*англ.*)

Содержание

Задорнов Николай Павлович Золотая лихорадка

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ВРЕМЯ ТЬМЫ

ГЛАВА 1

ГЛАВА 2

ГЛАВА 3

ГЛАВА 4

ГЛАВА 5

ГЛАВА 6

ГЛАВА 7

ГЛАВА 8

ГЛАВА 9

ГЛАВА 10

ГЛАВА 11

ГЛАВА 12

ГЛАВА 13

ГЛАВА 14

ГЛАВА 15

ГЛАВА 16

ГЛАВА 17

ГЛАВА 18

ГЛАВА 19

ГЛАВА 20

ЧАСТЬ ВТОРАЯ КУЗНЕЦОВСКАЯ СТОРОНА

ГЛАВА 1

ГЛАВА 2

ГЛАВА 3

ГЛАВА 4

ГЛАВА 5

ГЛАВА 6

ГЛАВА 7

ГЛАВА 8

ГЛАВА 9

ГЛАВА 10

[ГЛАВА 11](#)
[ГЛАВА 12](#)
[ГЛАВА 13](#)
[ГЛАВА 14](#)
[ГЛАВА 15](#)
[ГЛАВА 16](#)
[ГЛАВА 17](#)
[ГЛАВА 18](#)
[ГЛАВА 19](#)
[ГЛАВА 20](#)
[ГЛАВА 21](#)
[ГЛАВА 22](#)
[ГЛАВА 23](#)
[ГЛАВА 24](#)
[ГЛАВА 25](#)
[ГЛАВА 26](#)
[ГЛАВА 27](#)

[Примечания](#)

[1](#)
[2](#)
[3](#)
[4](#)
[5](#)